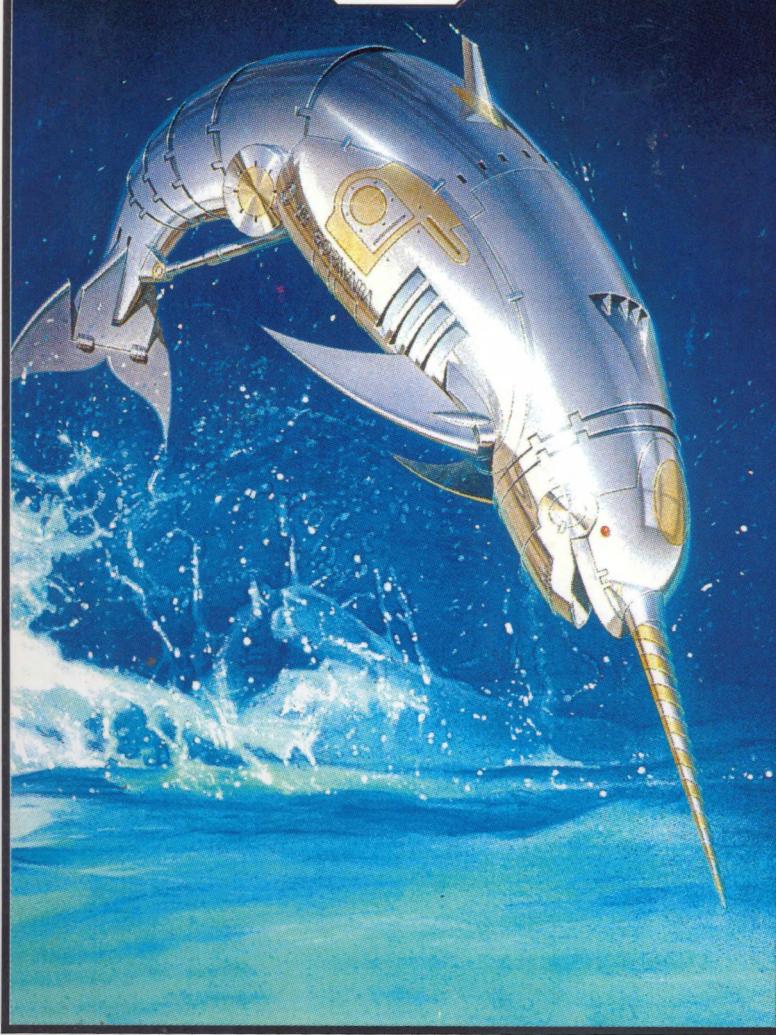

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

18

ФИЛИП ФАРМЕР

WORLDS OF PHILIP FARMER

18

THE GREEN ODYSSEY

THE LONG WARPATH

**THE WIND WHALES
OF ISHMAEL**

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

18

**ОДИССЕЯ ГРИНА
ДОЛГАЯ ТРОПА ВОЙНЫ
НЕБЕСНЫЕ КИТЫ
ИЗМАИЛА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Серия основана в 1996 году

**Миры Филипа Фармера. Т. 18 / Пер. с англ. —
Полярис, 1997. — 383 с.**

В очередной том собрания сочинений одного из своеобразнейших фантастов Америки включены три его коротких авантюристо-приключенческих романа: «Одиссея Грина», «Долгая тропа войны» и «Небесные киты Измаила».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Green Odyssey

Copyright © 1957 by Philip José Farmer

The Long Warpath

Copyright © 1965 by Philip José Farmer

The Wind Whales of Ishmael

Copyright © 1971 by Philip José Farmer

Cover Art

Copyright © 1997 by Sorayama Hajime/
Uptight Co., Ltd./Artspace Co.

© Издательство «Полярис»,
перевод, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1997

ISBN 5-88132-311-4

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Очередной, восемнадцатый том собрания сочинений Филипа Фармера составили три его фантастико-приключенческих романа: «Одиссея Грина» (1957), «Долгая тропа войны» (1964) и «Небесные киты Измаила» (1971).

«Одиссея Грина» стала первым произведением писателя, опубликованным в виде книги — все предшествующие романы публиковались только в журнальных вариантах. Эта книга обладает всеми признаками раннего стиля писателя — захватывающим сюжетом, простым языком и всепроникающим чувством юмора. Фабула романа относительно проста — единственный уцелевший после аварии звездолета землянин Аллан Грин коротает свои дни на затерянной планете среди невежественных туземцев. Но вот торговец Миран приносит известие, что на другой стороне травяного моря с неба спустились двое чужеземцев...

Чтобы вернуться домой, Аллану Грину предстоит не только пересечь Ксардимур и разгадать его тайну, но и совершить куда больший подвиг — сказать об отлете своей жене Арме, одному из самых колоритных персонажей книги.

Второй роман — «Долгая тропа войны» — мало чем примечателен. Это достаточно обычная история о мире, скатившемся в варварство после катастрофы. Но и в этот заезженный сюжет Фармер добавляет оригинальности, смело трансформируя привычные американцам реалии, прослеживая эволюцию языка, рисуя удручающую картину Америки, распавшейся на сотни враждующих государств.

Третий роман — «Небесные киты Измаила» — стоит несколько особняком. Любовь Филипа Фармера к смелым заимствованиям — не секрет. Весь цикл «Многоярусный мир» выстроен вокруг образов, взятых из поэзии Уильяма Блейка, а

«Мир Реки» и вовсе описывает вымышленные приключения вполне реальных исторических лиц. Но в «Небесных китах Измаила» автор идет несколько иной дорогой. Роман представляет собой как бы продолжение знаменитого «Моби Дика», главного героя которого — Измаила — фантазия автора заносит в далекое будущее, в мир вечных землетрясений и высохших морей. В небесах над равниной, бывшей дном Тихого океана, парят небесные киты, и китобои на летающих кораблях пускаются за ними вслед под багровым солнцем и раздувшейся луной...

ОДИССЕЯ ГРИНА

Посвящается Нэн Гердинг
Умейте быстро находить друзей.
(Из пособия для потерпевших кораблекрушение)

ГЛАВА 1

В течение последних двух лет Алан Грин жил, ни на что не надеясь. С того дня как его космический корабль потерпел крушение на неизвестной планете, он смирился с судьбой, на которую его обрекли случайность и математика. Вероятность того, что в ближайшую сотню лет эту планету посетит еще один корабль, была не больше единицы из миллиона. Следовательно, не было никакого смысла сидеть и ждать, что его спасут. Как бы ни была неприятна эта мысль, остаток жизни Аллану Грину предстояло провести здесь, а значит, следует выжать из этой репы размером с планету все, что только удастся. Впрочем, выжимать было особенно нечего. На самом деле Аллану казалось, что если из кого-то и выжмут все соки, так это из него. Вскоре после того как он потерпел крушение, его обрастили в рабство.

И теперь у него неожиданно появилась надежда.

Надежда пришла к нему месяц спустя после того, как его сделали старшим над кухонными рабами герцога Тропатского. Она появилась в тот момент, когда Аллан стоял за спиной у герцогини во время трапезы и руководил теми, кто герцогине прислуживал.

Судьба в облике герцогини Зуни перевела Алана из загона для рабов на это завидное, но опасное место. В чем заключалась опасность? Да в том, что герцогиня была очень властной и ревнивой женщиной, и малейший намек на недостаток внимания с его стороны мог привести к тому, что Аллан потерял бы какую-нибудь часть тела — вплоть до головы. Память о судьбе, постигшей двух его предшественников, заставляла Алана быть предельно внимательным к каждому жесту герцогини.

В то роковое утро Аллан стоял за спиной у герцогини, восседавшей во главе длинного обеденного стола. В руке он держал жезл мажордома, небольшую белую палочку с набалдашником в виде красного шара. Им Аллан подавал команды рабам, которые

прислуживали за столом, разливали вино и пиво, отгоняли мух, приносили домашнего божка и усаживали на специально для него предназначенное место, играли на музыкальных инструментах. Аллан наклонялся так, что длинные черные волосы герцогини оказывались совсем рядом с его лицом, и шептал строки из любовных стихотворений, восхваляющих красоту герцогини, ее мнимую неприступность и его пылкую, но кажущуюся безнадежной страсть к ней. Зуни улыбалась или коротко благодарила его, или же хихикала над его забавным акцентом.

Герцог сидел за противоположным концом стола. Он не обращал внимания на эти сценки и на так называемые тайные ходы в стенах замка, которыми Аллан пользовался, чтобы пробраться в апартаменты герцогини. Этого требовал обычай. Обычай также требовал от герцога изобразить из себя обманутого мужа, если Грин надоест герцогине, или разгневаться и открыто обвинить его в любовных похождениях. Уже этого было достаточно, чтобы заставить Грина нервничать, но было однозначно, с которым Аллан считался куда больше, чем с герцогом, — Альзо.

Так звали сторожевого пса герцогини. Это было напоминающее мастифа лохматое чудище с золотисто-рыжей шерстью. Пес ненавидел Грина с мстительностью, которая, по мнению Грина, объяснялась тем, что животное знало — возможно, по запаху, — что Аллан чужой на этой планете. Каждый раз когда Грин наклонялся к герцогине или делал резкое движение, Альзо издавал глухой предостерегающий рык. Время от времени Альзо вскакивал и принимался обнюхивать ноги Грина. В таких случаях Алана бросало в холодный пот. Собака уже дважды кусала его — играючи, так сказать — и неоднократно хватала его за икру. Это само по себе было весьма неприятно, и к тому же Грин беспокоился, как бы местные жители не заметили, что его раны заживают необычайно быстро, в течение ночи. Ему долго потом приходилось носить повязки на месте укуса, чтобы не видна была здоровая кожа.

Вот и теперь тошнотворная собачатина принюхивалась к дрожащей ноге Грина с намерением определить, достаточно ли напуган скрывающийся в нем демон. В это мгновение землянин решил, что что бы ему ни грозило — топор палача, дыба, колесование или еще какие-нибудь пытки, — он убьет эту мерзкую псину. Но едва он произнес мысленно эту клятву, как слова герцогини заставили его забыть о собаке.

— Дорогой, — сказала Зуни, перебив герцога на середине его беседы с капитаном торговцев, — а что это за слух о двух людях, которые свалились с неба в большой железной лодке?

Грин вздрогнул и затаил дыхание, ожидая, что же ответит герцог.

Герцог Тропатский, невысокий смуглый человек с двойным подбородком, седыми волосами и необычайно густыми, с просьдью, бровями, нахмурился:

— О людях? Скорее о демонах! Разве люди способны летать по воздуху в железных лодках? Эти двое заявили, что они явились со звезд, и ты знаешь, что это означает. Вспомни пророчество Оникротла: «Придет демон и назовется ангелом». Это они — сомнений быть не может! Только представь себе их коварство — они говорят, что они не демоны и не ангелы, а просто люди! Дьявольски умная мысль. Она может сбить с толку любого человека, кроме самых мудрых. Я рад, что король Эстории им не поверил.

Зуни нетерпеливо потянулась вперед. Ее большие карие глаза сияли, а алые губки приоткрылись от волнения.

— Так что же, король их уже сжег?! Какая жалость! Я думала, он по крайней мере прикажет допросить демонов под пыткой.

Вместо герцога ответил Миран, капитан торговцев:

— Прошу прощения, милостивая госпожа, но ничего такого король Эстории не сделал. Законы Эстории требуют, чтобы все подозреваемые демоны в течение двух лет содержались в тюрьме. Всем известно, что демон может носить личину человека не дольше двух лет. По прошествии этого времени он вернется в свой подлинный облик, отвратительный, богохульный и потрясающий душу.

Миран закатил свой единственный глаз и продолжил:

— Конечно же, я был не в силах разузнать много, потому что к нам, торговцам, там относятся с глубоким подозрением, и мы не смеем выходить за пределы порта и торговой площади. Эсториане поклоняются женскому божеству — не правда ли, нелепо? — и едят рыбу. Они ненавидят нас, тропатианцев, потому, что мы почитаем Заксропатра, Мужчину над Мужчина-ми, и потому, что они зависят от нас — ведь это мы поставляем им рыбу. Но они не умеют держать рот на замке. Они все время болтают обо всем на свете, особенно если их немного подпоить.

Грин с облегчением перевел дыхание. Как хорошо, что он никогда не говорил этим людям, откуда он на самом деле! Все, что им было о нем известно, — что он один из рабов, привезенных из отдаленной северной страны.

Миран откашлялся, поправил свой фиолетовый тюрбан и желтое одеяние, задумчиво потрогал золотое кольцо, висевшее у него в носу, и произнес:

— Обратный путь из Эстории занял у меня около месяца, и это можно считать неплохим результатом, хотя я всем известен своей удачливостью — хотя я предпочитаю называть это

мастерством, соединенным с удачей, которую боги посыпают своим ревностным почитателям. Я не хвастаюсь, о боги, я только воздаю вам должное, потому что вы улыбаетесь, глядя на мои рискованные предприятия, и вам нравится запах моих многочисленных жертвоприношений в вашу честь!

Грин опустил веки, чтобы скрыть отвращение, которым, как он чувствовал, сверкали его глаза. Тут же он увидел, как Зуни нетерпеливо постукивает туфелькой по полу. Алан мысленно застонал, поскольку знал, что герцогиня постараётся перевести разговор на какую-нибудь более интересующую ее тему — например на ее наряд, на ее прекрасный вкус и/или цвет лица. И с этим ничего невозможного поделать, поскольку обычай гласит, что во время завтрака тему беседы определяет хозяйка дома. Если бы это был обед! Тогда мужчины хотя бы теоретически имели неоспоримое право вести беседу по своему усмотрению.

— Эти два демона были очень высокими, вроде вот этого вашего раба, Грина, — сказал Миран, — и не знали ни слова по-эсториански. Или по крайней мере делали вид, что не знают. Когда солдаты короля Рауссмига попытались схватить их, демоны извлекли из складок своих странных одежд два пистоля, извергавших безмолвную, ужасную и неотвратимую смерть. Солдат охватила паника, но несколько храбрецов не забыли о своем долге, и вскоре волшебное оружие истощилось. Демоны были повергнуты и заточены в Крепость Степных Котов, откуда еще не удавалось сбежать ни человеку, ни демону. И там они и останутся до праздника Солнечного Ока. Тогда они будут сожжены...

Из-под стола донеслось бормотание жреца Джугкастра, благословлявшего всех, находящихся в этом доме, включая недавно родившихся щенков и живущих в их шерсти блох, и проклинившего всех, кто был одержим хотя бы самым крохотным демоном. Герцогу надоел этот шум, и он пнул жреца. Джугкастр вззвизгнул и сейчас же выполз из-под стола. Он сел и принял обгладывать кость с изрядным куском мяса, и на его упитанном лице появилось выражение, приличествующее хорошему преданному слуге. Грин тоже с удовольствием пнул бы его — как и любого другого жителя этой планеты. Ему с трудом удалось напомнить себе, что он должен испытывать по отношению к ним сострадание и понимание и что его собственные дальние предки зачастую были такими же отвратительно суеверными, жестокими и кровожадными.

Но читать о таких людях и жить среди них — это две большие разницы. История или художественный роман могут рассказать, какими немытыми, болезненными, ограниченными и

примитивными они были, но только настоящая вонь и грязь внушили вам истинное отвращение.

Грина обволакивал густой запах духов Зуни. Это были редкие и дорогие духи. Миран привез их из путешествия и преподнес их герцогине в знак уважения. В малом количестве они вполне могли бы выразить утонченность женщины и намекнуть на изящество чувств. Но Зуни вылила их на себя, словно воду, в надежде, что они заглушат запах немытого тела — здесь было не принято принимать ванну чаще одного раза в месяц.

Алан думал, что герцогиня выглядит прекрасно. А пахнет просто ужасно. По крайней мере поначалу. Теперь она уже не казалась такой красивой, потому что Алан знал, что Зуни не проходимо глупа, зато запах уже не казался ему таким мерзким — Грин успел притерпеться к нему. Пришлось притерпеться.

— Я намереваюсь к празднику вернуться в Эсторию, — сказал Миран. — Я никогда прежде не видел, как Око Солнца сжигает демонов. Знаете, это такая огромная линза. Времени, чтобы побывать там и вернуться до сезона дождей, вполне достаточно. Я надеюсь получить даже большую прибыль, чем в прошлый раз, потому что мне удалось завязать связи с некоторыми высокопоставленными особами. О боги, я не хвастаюсь, а лишь восхваляю вашу благосклонность к вашему смиренному почитателю — торговцу Мирану из клана Эффеникан!

— Пожалуйста, привезите мне побольше этих духов, — попросила герцогиня. — И еще я просто влюбилась в то бриллиантовое ожерелье, которое вы мне подарили.

— Бриллианты, изумруды, рубины! — воскликнул Миран, целуя кончики пальцев и в восторге закатывая свой единственный глаз. — Говорю вам, эсториане так богаты, что мы этого даже представить себе не можем! На их рынках столько драгоценностей, сколько капель воды в водопаде! Ах, если бы удалось убедить императора собрать большой флот и сокрушить их стены!

— Император слишком хорошо помнит, что произошло с флотом его отца, попытавшегося это сделать, — проворчал герцог. — Тридцать кораблей погибли во время шторма, вызванного несомненно жрецами богини Хоода. И тем не менее я по-прежнему считаю, что этот поход мог бы оказаться удачным, если бы император обратил должное внимание на видение, посетившее его в ночь перед отплытием. Это был огромный пес Аксопутки, и он сказал...

Но длинное и нудное повествование герцога не интересовало Грина. Он был всецело поглощен обдумыванием плана, который помог бы ему добраться до Эстории и до железной лодки

демонов, которая несомненно была космическим кораблем. Действовать нужно было немедленно. Скоро начнется сезон дождей, и по крайней мере три месяца здесь не появится ни одно судно.

Конечно, Грин мог просто сбежать и попытаться добраться до Эстории пешком. Тысячи миль, наполненных бесчисленными опасностями. А где находится этот город, Алан представлял довольно смутно. Нет, его единственной надеждой был Миран.

Но как это сделать? Вряд ли ему удастся проехать зайцем. Корабль всегда внимательно осматривали, именно затем, чтобы проверить, не пытается ли кто-нибудь из рабов бежать подобным образом. Алан посмотрел на Мирана — низкорослого, толстого, пузатого, одноглазого человечка, на его крючковатый нос, множество подбородков и болтающееся в носу большое золотое кольцо. Миран был хитер и проницателен, и он не захочет оскорбить герцогиню, помогая бежать ее официально му поклоннику. Нет, не захочет, — разве что Грин сумеет предложить ему нечто настолько ценное, что купец не побоится рискнуть. Миран хвалился, что он практичный и искушенный торговец, но, по наблюдениям Грина, в этом предположительно непроницаемом черепе было уязвимое место — Расщелина Жадности.

ГЛАВА 2

Герцог встал из-за стола, и все последовали его примеру. Джугкастр пропел молитву, знаменующую окончание трапезы, после чего уселся и продолжил обгладывать кость. Остальные покинули зал. Грин шел впереди Зуни, дабы предупреждать о препятствиях, могущих возникнуть у нее на пути, и в случае попытки нападения принять на себя первый удар. Точнее, ему полагалось идти впереди герцогини, но он был схвачен за лодыжку и едва не грохнулся. Грин не упал лишь благодаря быстроте реакции — а реакция у него была неплохая, несмотря на то что он весил сто девяносто фунтов при росте в шесть футов два дюйма. Но когда Алан выпрямился, лицо его покраснело от того, что он сделался всеобщим посмешищем, и от гнева на Альзо, который приходилось сдерживать. Чертова собака снова повторила свой излюбленный номер — схватила Грина за ногу и дернула. Алану чертовски хотелось выхватить копье у ближайшего стражника и заколоть пса, но это стало бы концом для него самого. А теперь, когда появился шанс уйти с этой планеты не по дороге смерти, Алан не мог позволить себе ни единого неверного движения. Ведь возможность побега была так близка!

Потому он глуповато улыбнулся и снова занял свое место во главе процессии. Когда они подошли к подножию широкой каменной лестницы, ведущей на верхние этажи замка, Зуни приказала Грину, чтобы он отправлялся на базар и закупил там продукты на завтра. А она тем временем вернется в свои покой и поспит до полудня.

Грин внутренне застонал. Сколько он сможет выдерживать такой темп? От него ожидалось, что он будет проводить ночи с герцогиней, а днем выполнять свои непосредственные обязанности. Герцогиня, конечно, успевала высаться и отдохнуть, но сам Алан давно забыл, что такое отдых. Даже в те немногие вечерние часы, когда он мог располагать своим временем и отправлялся домой, в помещения для рабов, ему приходилось не спать, а заниматься семейными делами. Арма, его жена-рабыня, и ее шестеро детей постоянно чего-то требовали. Они были даже более деспотичны, чем герцогиня, — если, конечно, такое возможно.

Сколько, о Господи, сколько еще? Положение Грина было невыносимым. Даже если бы он не услышал о космическом корабле, он все равно начал бы обдумывать возможности побега. Лучше уж быстрая смерть при попытке к бегству, чем та же смерть, но медленная и мучительная — от изнеможения.

Грин поклонился герцогу и герцогине и последовал за фиолетовым тюбаном Мирана через двор замка, через толстые каменные стены, по мосту, перекинутому через широкий ров и на узкие извилистые улочки города Квотца. Здесь торговец усился в свою легкую повозку, разукрашенную серебром и драгоценными камнями. Двое запряженных в повозку длинноногих парней, принадлежавших к клану Мирана и к экипажу его корабля, «Птицы удачи», начали пробиваться через толпу. Еще два матроса бежали впереди, выкрикивая имя Мирана и щелкая в воздухе кнутами. Люди поспешно расступались.

Грин осмотрелся, убедился, что поблизости нету никого из жителей замка, и помчался за повозкой. Миран остановился и спросил, что ему нужно.

— Прошу прощения, о богатейший, но может ли смиренный раб заговорить с вами, не опасаясь кары?

— Надеюсь, ты решился побеспокоить меня не ради пустой болтовни, — сказал Миран, прищурившись.

— Это дело касается денег.

— Ну что ж, произношение у тебя скверное, но голос приятный. Возможно, ты — труба Меннирокса, моего бога-покровителя. Говори!

— Пусть богатейший сперва поклянется Меннироксом, что он никому и никогда не поведает о моих словах.

— Речь идет о больших деньгах? Для меня?

— Да.

Миран бросил взгляд на своих соплеменников, которые терпеливо стояли рядом — похоже, происходившее было им глубоко безразлично. Миран властвовал над их жизнью и смертью, но доверять им он не мог.

— Пожалуй, мне стоит все как следует обдумать, прежде чем давать такую серьезную клятву, — сказал купец. — Ты можешь встретиться со мной сегодня ночью в Час Бокала в Доме Равенства? И, может, ты хоть слегка намекнешь, что у тебя на уме?

— На оба эти вопроса я отвечу «да». Мое предложение связано с сущеной рыбой, которую достопочтенный везет в качестве груза эсторианцам. Речь будет идти не совсем об этом, но точнее я не могу даже намекнуть, пока не услышу твою клятву.

— Ну ладно. В договоренный час. Рыба, говоришь? Мне пора. Сам знаешь, время — деньги. Эй, парни, полный вперед!

Грин окликнул пробегавшего мимо рикшу и с удобством расположился в повозке. Денег у него, как у помощника мажордома, вполне хватало. Более того, герцог и герцогиня были бы глубоко оскорблены, если бы он ронял их престиж, разгуливая по городским улицам пешком. Коляска, в которую уселся Грин, развила неплохую скорость, поскольку все узнавали его ливрею: бело-алая треуголка и белая безрукавка с вышитым на груди гербом герцога — красными и зелеными концентрическими кругами, перечеркнутыми черной стрелой.

Улица спускалась вниз, к городу, выстроенному у подножия гор. Она петляла по склону, давая Алану достаточно времени на размышления.

Проблема заключалась в том, что если двое пленников в Эстории погибнут, прежде чем он до них доберется, то и для него все будет потеряно. Грин не имел ни малейшего понятия о том, как управлять космическим кораблем. Он был пассажиром по фрахту, когда корабль по необъяснимой причине взорвался, и Алану пришлось покинуть гибнущее судно на одной из автоматических аварийных шлюпок. Кapsула доставила его на поверхность этой планеты и до сих пор, насколько было известно Грину, лежала среди холмов там, где он ее оставил. После недельных скитаний умирающего от голода Алан подобрали крестьяне. Они сдали Грина солдатам близлежащего гарнизона, решив, что это, должно быть, беглый раб, за которого можно получить вознаграждение. В столице Грина едва не освободили, поскольку не было выявлено никаких знаков принадлежности его кому бы то ни было. Но его высокий рост, светлые волосы и незнание здешнего языка навели его стражников на мысль, что он прибрел из какой-то отдаленной северной

страны. Следовательно, если он и не был рабом, то он должен был им стать.

Алле-оп! И Грин стал рабом. Полгода он провел в каменоломне и еще год был рабочим в доке. Потом он попался на глаза герцогине, когда она проезжала по улице, и был переведен в замок.

Улицы кишили местными жителями — невысокими, коренастыми, темноволосыми — и рослыми, хорошо сложенными рабами. Местные жители носили разноцветные тюрбаны, указывающие на их общественное положение и профессию, а рабы — треуголки. Время от времени мимо проезжал жрец в высокой конической шляпе, шестиугольных очках и с козлиной бородкой. Сновали повозки и экипажи рикш, запряженные людьми или большими, сильными собаками. Купцы стояли перед входами в лавки и громкими голосами расхваливали свои товары: одежду, орехи грикстр, пергамент, ножи, мечи, шлемы, лекарства, книги — религиозные, о магии, о путешествиях, — пряности, благовония, чернила, ковры, сладкие напитки, вино, пиво, укрепляющие средства, картины и все прочее, до чего успела дорасти здешняя цивилизация. Мясники раздевали туши оленей, собак и домашней птицы. Торговцы птицами восхваляли достоинства своих многокрасочных и сладкоголосых пленников.

Грин в тысячный раз поразился этой планете — единственными крупными животными здесь были люди, собаки, степные коты, маленькие олени и совсем небольшие лошадки. Животный мир был просто скучным — а вот птиц было великое множество. Алан полагал, что именно отсутствие лошадей и быков способствовало прочному становлению рабства. Весь труд лег на плечи людей — ну и еще собак.

Этому всему, несомненно, было какое-то объяснение, но оно было так надежно погребено в забытых глубинах здешней истории, что его никто теперь не знал. От природы любопытному Грину хотелось бы иметь время и силы на исследование этого вопроса. Но ни того, ни другого не было. Пока что следовало позаботиться о целости собственной шкуры и как можно скорее выбраться из этой передряги.

А пока что Алану надо было проложить путь через узкие, заполненные людьми улочки, и ему не раз пришлось пустить в ход свой жезл. Впрочем, когда он добрался до района порта, пробираться стало легче, потому что сами улицы стали шире.

Здесь двигались тяжелые повозки, запряженные рабами — на них огромное количество грузов перевозилось с кораблей или обратно на корабли. Потому улицы должны были быть широкими, иначе повозки просто размазывали бы людей по стена姆 домов. В этом же районе находились так называемые

Загоны, в которых жили портовые рабы. Когда-то это действительно было просто огороженное место, куда рабов запирали на ночь. Но при отце нынешнего герцога стены были разрушены и на их месте выстроены новые здания. Эти сооружения наводили Грина на воспоминания о земном жилищном строительстве, — маленькие, совершенно одинаковые домики, по-военному выстроенные в шеренги.

На мгновение Грину захотелось задержаться и повидаться с Армой, но он отказался от этой мысли. Она тут же втянет его в какой-нибудь спор, и ему придется ее успокаивать, вместо того чтобы находиться в этот момент на рынке, как то предписывали его обязанности. Аллан ненавидел сцены, а Арма, прирожденная драматическая актриса, просто наслаждалась ими, — можно сказать в них купалась.

Грин отвернулся от Загонов и перевел взгляд на другую сторону улицы, на высящиеся стены товарных складов. Вокруг складов роились рабочие. Приводимые в движение вручную краны, сделанные наподобие корабельных кабестанов, поднимали и опускали большие тюки. Грин подумал, что именно здесь находился его удобный случай.

Появление паровой машины. Это стало бы величайшим событием, перевернувшим бы всю планету. Рикши могли бы заменить автомобили, работающие на энергии сжигаемого дерева. Краны бы приводились в движение небольшими паровыми машинами. Даже на корабли можно было бы поставить колеса, приводимые в движение паром. А возможно, можно было бы даже проложить через Ксардимур железные дороги, и локомотивы вытеснили бы корабли.

Нет, это не пройдет. Железные дороги слишком дорого стоят. И к тому же дикари, населяющие степи, наверняка станут воровать рельсы и перековывать их на оружие.

Кроме того, каждый раз когда Аллан предлагал герцогу какой-нибудь новый и более эффективный способ сделать что-либо, он сталкивался с одним из отживших обычая — кирпичиком в стене традиций и предрассудков. Ничто новое не могло быть пущено в ход, пока оно не будет одобрено богами. Волю богов истолковывали жрецы. А жрецы станут цепляться за нынешний порядок вещей, как голодный ребенок цепляется за материнскую грудь или старик — за свое имущество.

Грин мог бы, конечно, начать борьбу с теократией, но он не чувствовал в себе призыва к роли мученика.

Тут он услышал знакомый голос, звавший его по имени:
— Аллан! Аллан!

Грин сжался, словно черепаха, втягивающая голову под панцирь, и тщетно попытался сделать вид, что ничего не слышит. Но голос, хоть и принадлежал женщине, был сильным и прон-

зительным, и все вокруг принялись оглядываться в поисках крикуньи. Притворяться дальше стало невозможным.

— Алан! Ты, орясина белобрысая, дурака кусок, а ну стой!

Грин неохотно приказал своему рикше повернуть обратно. Парень ехидно усмехнулся, но приказ выполнил. Как и все обитатели портового района, он знал Арму и знал о ее взаимоотношениях с Грином. Арма держала на руках их общую годовалую дочь, прижимая ее к своей великолепной груди. Рядом стояли еще пятеро малышей: два ее сына от герцога, дочь от заезжего принца, сын от капитана корабля северян и дочь от храмового скульптора. В детях отразилось возвышение Армы, ее падение и новое возвышение — правда медленное; эта живая картинка воплощала собою набросок структуры общества этой планеты.

ГЛАВА 3

Арма была дочерью рабыни-северянки и местного жителя, колесного мастера. Когда ей было пять лет, ее родители умерли от чумы. Девочку отправили в Загоны, и ее вырастила сестра матери. Когда Арме было пятнадцать, ее красота привлекла внимание герцога, и он пристроил ее во дворец. Там она родила герцогу двух сыновей, которым теперь было одиннадцать и десять лет. Детей у нее тогда забрали, и они росли при доме герцога, как свободные и балованные слуги.

Через несколько лет после возникновения этой любовной связи герцог женился на нынешней герцогине, и ревность супруги вынудила герцога избавиться от Армы. Она была отправлена обратно в Загоны. Возможно, герцог не слишком печалился, расставаясь с нею, потому что жить с Армой было все равно что жить рядом с ураганом, а герцог слишком ценил мир и покой.

Потом, согласно местным обычаям, герцог рекомендовал ее одному заезжему принцу. Принц не спешил возвращаться на родину, потому что там его ненавидело слишком много народу, и герцог хотел сделать ему подарок. Но тут он превысил свою власть. Рабы тоже имели определенные права. Женщину, которая родила ребенка свободному человеку, нельзя было продать без ее согласия — тем более в другой город. Арма уезжать не пожелала, и опечаленный принц отбыл домой, оставив после себя «подарочек на память».

Капитан корабля купил Арму, но закон опять пришел ей на помощь. Он не мог просто так увезти ее из этой страны, а она снова отказалась уезжать. К этому времени Арма уже завела собственное дело — рабам позволялось владеть имуществом, а у некоторых даже были собственные рабы, — и она знала,

что двое ее сыновей от герцога еще окажутся значительной ценностью, когда подрастут и снова отправятся к нему.

Храмовый скульптор использовал Арму в качестве модели для грандиозной скульптуры богини плодородия, и не без причины. Арма была великолепна — высокая женщина с длинными каштановыми волосами, безукоризненной кожей, большими карими глазами, с губами, алыми и сочными, словно вишня, с грудью, в которой не нашел бы изъяна ни ребенок, ни любовник, с пышными формами и поразительно тонкой талией, на которой не отразились роды. Ее длинные ноги произвели бы впечатление даже на Земле, а на фоне здешних приземистых, ширококостных женщин смотрелись просто потрясающе.

Арме было присуще нечто большее, чем обычная красота. От нее исходило некое излучение, действовавшее на мужчин, как хороший удар по голове. Грину она иногда казалась воплощением некой необузданной силы — возможно даже стихийного бедствия.

Бывали моменты, когда Грин гордился, что Арма избрала его своим мужчиной, в то время как он был всего лишь только что привезенным рабом, едва способным связать несколько слов на здешнем совершенно беспорядочном агглютинативном языке. Но бывали и такие моменты, когда Алан чувствовал, что этой женщины для него слишком много, и таких моментов становилось чем дальше, тем больше. Кроме того, при виде дочки Грина начинали терзать угрызения совести, потому что он любил своего ребенка и страшился того момента, когда будет вынужден покинуть его. Что же касается расставания с Армой — тут Грин в своих чувствах уверен не был. Бессспорно Арма заставляла его сердце биться сильнее, но точно такое же действие оказывало доброе вино или удар в челюсть.

Алан выбрался из экипажа, приказал рикше подождать и со словами — «Здравствуй, моя сладкая», поцеловал Арму. Он всегда был рад, что Арма — рабыня, потому что рабыням не полагалось носить кольцо в носу. Когда Грин целовался с герцогиней, кольцо здорово действовало ему на нервы. Зуни отказывалась снимать его, потому что оно было признаком ее высокого социального положения, а рабу следовало всегда помнить свое место. Для герцогини считалось вполне приличным взять в любовники раба, но не свободного человека — а Зуни никогда не делала ничего, что расходилось бы с приличиями.

Ответный поцелуй Армы был страстным, но к этой страсти примешивалось негодование.

— Ты меня не проведешь! — заявила она. — Ты собрался проехать мимо. Поцелуй детей! Это как понимать? Я что, тебе уже надоела? Ты мне наплел, что согласился на предложение герцогини, потому что от этого зависело твое продвижение по

службе и что ты боялся, будто если ты ей откажешь, она захочет тебя убить. Ну что ж, я тебе поверила — наполовину поверила. Но я перестану тебе верить, если ты будешь проскальзывать мимо, даже не заглянув ко мне. Что это значит? Ты мужчина или кто? Ты что, боишься встретиться лицом к лицу с женщиной? И не тряси головой. Лжец несчастный! Не забудь поцеловать Гризветра — ты же знаешь, что он впечатлительный мальчик и просто обожает тебя — и перестань нести эту чушь, что в твоей стране взрослые мужчины не целуют мальчиков его возраста. Ты не у себя в стране — что за странный, бесчувственный народ там живет! — и даже если у вас это не принято, ты что, не можешь преодолеть свои предрассудки и быть поласковее к ребенку? Пойдем же домой, и я принесу немного превосходного чалоузмского вина — его несколько дней назад доставили из погреба...

— А что у тебя в погребе делает корабль? — спросил Грин и засмеялся. — Ради всех богов, Арма, я знаю, что мы с тобой уже два дня не виделись, но не старайся речи, предназначенные на два дня, высказать за десять минут — особенно твои речи. И перестань меня ругать — здесь же дети. Ты же знаешь, что это плохо на них оказывается. Они могут перенять твоё презрительное отношение к главе семьи.

— Мое отношение презрительное? Да я целую землю, по которой ты ходишь! Я постоянно им твержу, какой ты замечательный человек, хотя это станет довольно трудно, если ты будешь так себя вести — они сами увидят правду. Однако...

Существовал лишь один способ управляться с Армой — кричать еще громче ее и действовать еще решительнее. Это было нелегко, особенно когда Грин был настолько уставшим, а Арма и не подумала бы поддаваться. Проблема заключалась в том, что она не чувствовала ни малейшего уважения к мужчине, которого могла заставить молчать, так что для того, чтобы господствовать над Армой, совершенно необходимо было ее перекричать.

Грин хорошенько сжал Арму в объятиях, так, что оказавшийся между ними младенец заверещал. Когда Арма принялась успокаивать ребенка, Алан начал рассказывать ей о событиях во дворце.

Она слушала молча — ну разве что время от времени вставляя вопросы и требовала подробностей. Алан рассказывал о таких вещах, о которых еще два года назад ни за что не стал бы упоминать при детях. Но общество рабов, откровенное до бесстыдства, избавило его от подобной сдержанности.

Они вошли в дом Армы, прошли через ее приемную, где работали шестеро писарей и секретарей, через собственно жилую часть и пришли на кухню.

Арма позвонила в колокольчик и приказала Инзах, хорошенькой миниатюрной блондинке, сходить в погреб и принести кварту чалоузмского вина. Один из писарей просунул голову в дверь и сообщил, что хозяйку хочет видеть господин Шешиарвренти, казначей с андунанааргского судна, по вопросу о редких птицах, которых она у него заказала несколько месяцев назад, и что он отказывается иметь дело с кем-либо, кроме самой хозяйки.

— Пускай малость поостынет, — сказала Арма. Писарь булькнул и исчез.

Грин взял на руки Пакси, их дочку, и принялся играть с ней, пока Арма наливала ему вина.

— Так долго продолжаться не может, — сказала Арма. — Я люблю тебя, а ты не оказываешь мне внимания, к какому я привыкла. Ты должен найти какой-нибудь предлог, чтобы покинуть с герцогиней. Я — женщина сильная, и мне нужно много любви. Я хочу, чтобы ты был здесь.

Грин понимал, что ничего не потеряет, согласившись с Армой, поскольку он все равно намеревается в самое ближайшее время отсюда исчезнуть.

— Ты права, — сказал он. — Я поговорю с ней сразу же, как только придумаю убедительный повод. — Алан потер шею, словно чувствуя прикосновение топора палача. — Но он должен быть действительно убедительным.

Арма просияла от счастья. Она подняла свой бокал и произнесла:

— За герцогиню — чтоб ее демоны побрали.

— Тебе стоит быть поосторожнее, говоря такое при детях. Ты же знаешь, что, если они случайно повторят это при ком-нибудь и это дойдет до герцогини, тебя сожгут при первой же охоте на ведьм.

— Мои дети никогда не проговорятся! — фыркнула Арма. — Они слишком умны для этого — все в мать. Они знают, когда надо держать язык за зубами.

Грин осушил свой бокал и встал:

— Мне пора идти.

— Ты придешь домой сегодня ночью? Неужели герцогиня не пропускает ни одной ночи за неделю?

— Ни единой. И вечером я тоже не смогу заглянуть домой, потому что я должен встретиться с купцом Мираном в Доме Равенства. Сама понимаешь — дела.

— Я-то понимаю! А ты будешь мяться, оттягивать дело по разным причинам, и пройдет не один год, прежде чем ты...

— Если это затянется, я умру через полгода, — сказал Грин. — Я устал!!! Мне надо спать.

Арма немедленно перешла от гнева к сочувствию:

— Бедненький ты мой! Почему бы тебе не плюнуть на эту встречу и не поспать здесь, пока не придет время возвращаться в замок? Я отправлю к Мирану гонца и передам, что ты заболел.

— Нет, там есть кое-что, чего мне нипочем нельзя упускать.

— А что это?

— Если я расскажу тебе или еще кому-нибудь, то могу слагаться.

— И что же это может быть? — возмущенно спросила Арма, снова возвращаясь к ярости. — Могу поспорить, речь идет о женщине!

— Знаешь, мне не до новых женщин. Мне бы с теми, что есть, разобраться! Нет, просто Миран поклялся мне всеми своими богами, что будет помалкивать, и я, конечно, тоже не собираюсь нарушать клятву.

— Знаю я, что ты думаешь о наших богах, — сказала Арма. — Ладно, иди себе! Но я тебя предупреждаю, я — женщина нетерпеливая. Даю тебе неделю на то, чтобы разобраться с герцогиней, а потом я сама возьмусь за дело.

— Этого не понадобится, — сказал Грин.

Он поцеловал Арму и детей и ушел, поздравив себя с тем, что ему удалось надолго нейтрализовать Арму. Если в течение недели он не осуществит свой план, он так или иначе погиб. Ему надо выбраться из города и пробраться через Ксардимур, несмотря на то что по заросшим густыми травами равнинам бродят стаи диких собак, человекоядных степных котов, людей-каннибалов и еще Бог весть кого.

ГЛАВА 4

В каждом городе и каждом селении Империи существовал свой Дом Равенства, в чьих стенах стирались все различия. Грин не знал о происхождении этого обычая, но признавал его ценность — здесь можно было спустить пар, избавившись от груза социальных обязанностей, давивших на каждый класс. Здесь рабы, во внешнем мире не смевшие открыть рот, могли в лицо обругать своего хозяина и уйти совершенно безнаказанно. Конечно, ничто не мешало хозяину отплатить рабу той же монетой — раб, входя сюда, тоже отказывался от всех своих законных прав. Насилие не то чтобы совсем здесь не встречалось, но до него дело доходило редко. Теоретически кровь, пролитая в этих стенах, не влекла за собой наказания. Но убийца должен был помнить, что, хотя полиция и не станет обращать на него внимания, ему придется иметь дело с кем-нибудь из родственников убитого. В Домах Равенства находил свое начало и конец не один случай кровной вражды.

После вечерней трапезы Грин извинился, сказав, что ему надо поговорить с Мираном о закупке некоторых эсторианских пряностей. Кроме того, купец упоминал, что во время своего последнего путешествия слыхал о группе эсторианских охотников, отправившихся за редкой и необычайно красивой птицей джетслен, и что когда купец вернется, он сможет изыскать способ приобрести ее. Зуни засияла — возможность приобрести птицу джетслен привлекала ее даже больше, чем возможность досадить мужу. Она благосклонно дала Грину позволение уйти.

Грин покинул обеденный зал, внутренне ликуя, но сохраняя кислую мину, существующую выражать печаль, которую причиняет ему разлука с герцогиней. Покинул он зал не очень грациозно, потому что Альзо выбрал этот момент, чтобы улечься именно у Алана на дороге. Грин отшатнулся, споткнулся и упал прямиком на огромного мастифа, который яростно зарычал, затрясся от негодования и обнажил клыки с явным намерением разорвать Грина в клочья. Землянин не пытался встать, потому что не желал давать Альзо законный повод броситься на него. Вместо этого он тоже оскалился и зарычал в ответ. Зал взорвался от хохота, и герцог, из выпущенных глаз которого текли слезы, встал и, пошатываясь, подошел к тому месту, где эти двое стояли друг против друга, каждый на четырех конечностях. Герцог ухватил Альзо за шипастый ошейник и оттащил пса прочь, приказав Грину убираться подобру-поздорову.

Грин подавил вспышку гнева, поблагодарил герцога и удалился. Еще раз поклявшись себе, что придет день — и он голыми руками разорвет эту тварь на куски, землянин отправился в Дом Равенства. Пока Грин ехал на рикше, он едва успел успокоиться.

Большая главная комната с ее трехъярусным потолком была в эту ночь забита. Мужчины в длинных вечерних килтах и женщины в масках толпились вокруг столов, за которыми велись азартные игры, вокруг стоек и подмостков. Немалая толпа собралась вокруг подмостков, на которых назревала драка между двумя торговцами пшеницей, не нашедшими общего языка в деловом споре. Но больше всего народу сгрудилось, чтобы посмотреть на состязание мужа и жены. У мужа левая рука была привязана к телу, а жена была вооружена дубинкой — таким образом, их шансы были примерно равны, и теперь они ожидали сигнала начинать. Мужчина не рисковал в этой потасовке ничем большим, чем несколькими ссадинами на голове или синяками на руках. Если ему удастся отобрать дубинку у жены, он имеет право поступить с ней (с женой, а не с дубинкой),

как ему заблагорассудится. Но если она сломает ему руку, он окажется целиком в зависимости от ее милосердия.

Грин обошел подмостки стороной — от подобного варварства ему становилось дурно. Он поиском взглядел Мирана и в конце концов обнаружил его играющим в кости с еще одним капитаном. На товарище Мирана был красный тюрбан и черная одежда, указывающая на его принадлежность к клану Аксуан. Он проиграл, и теперь передавал Мирану шесть иквогров — немалая сумма даже для преуспевающего торговца.

Миран взял Грина за руку, чего он никогда не сделал бы за пределами Дома, и повел его в занавешенную кабинку, где они могли доверительно побеседовать. Они посостязались с Грином в выпивке, Грин проиграл, и Миран приказал принести большой кувшин чалоузмского вина.

— Надо брать все самое лучшее, если за тебя платит кто-то другой, — весело сказал Миран. — Ну ладно, развлечения — это замечательно, но я здесь по делу. Итак, изложи, наконец, свое предложение.

— Сперва я хочу, чтобы ты торжественно поклялся никому не рассказывать того, что услышишь в этой кабинке. Во-вторых, поклявшись, что если ты отвергнешь мою идею, то не возмешься потом за нее сам, без меня. И, в-третьих, если ты примешь это предложение, то не будешь потом пытаться убить меня или избавиться от меня и прикарманить прибыль.

Миран явно озадачился, но при слове «прибыль» складки на лице разгладились, сменившись радостным выражением.

Купец потянулся за огромным кошельком, который он носил, перебросив через плечо, и извлек из него небольшую золотую статуэтку божка-покровителя клана Эффеникан. Миран возложил правую руку на уродливую голову божка, поднял левую и произнес:

— Я клянусь перед Засеффуанкварном, что я выполню все высказанные тобой сейчас пожелания. Да поразят меня вши, проказа, дурная болезнь и удар молнии, если я нарушу эту свою торжественную клятву.

Удовлетворившись этим, Грин сказал:

— Прежде всего я хочу, чтобы ты устроил так, чтобы я был на борту твоего парусника, когда ты отправишься в Эсторию.

Миран поперхнулся вином и закашлялся. Грин постучал его по спине:

— Я не прошу, чтобы ты отвез меня обратно. Моя идея состоит не в этом. Ты намеревался взять большой груз сущеной рыбы, поскольку религия эсторианцев требует, чтобы они ели эту рыбу за каждой трапезой, а во время их многочисленных праздников она вообще расходится в огромном количестве.

— Верно, верно. Знаешь, я никогда не мог понять, с чего это вдруг они поклоняются богине-рыбе. Они же живут в пяти тысячах миль от моря, и нет никаких доказательств, что хоть один из них когда-нибудь возле моря бывал. И тем не менее им обязательно требуется морская рыба — рыба из соседнего озера их не устраивает.

— В Ксардимуре много тайн. Впрочем, нас они не касаются. Но знаешь ли ты, что Эсторианская Книга Богов считает, что свежая, только что убитая и сразу же приготовленная рыба обладает гораздо большей ритуальной силой, чем сушеная? Тем не менее они все-таки покупают сушеную рыбу, которую привозят ваши корабли. Представляешь, какую цену они дадут за свежую морскую рыбу?

Миран потер руки:

— Да, действительно, это заставляет задуматься...

Грин в общих чертах изложил свою идею. Миран был ошеломлен. Не дерзостью или необычностью плана, а тем, как это такая очевидная идея до сих пор не пришла никому в голову. Он так об этом и сказал.

Грин допил вино и произнес:

— Я думаю, что люди говорили то же самое при виде первого колеса, первой лодки или первой стрелы. Да, это очевидно, но пока что никто до этого не додумался.

— Дай-ка я уточню, — сказал Миран. — Ты хочешь, чтобы я купил караван повозок, поставил на них баки с водой, и в этих баках привез океанскую рыбу прямо сюда? Потом баки вместе с содержимым поднимаются на борт моего корабля и при помощи специальных рам — или, возможно, углублений — устанавливаются на средней палубе, так? Кроме того, ты расскажешь мне, как узнать точный состав морской воды, чтобы продать этот состав эсторианцам, и тогда они сами смогут держать живую рыбу в своих баках.

— Именно так.

— Хм-ммм, — Миран потер толстым, унизанным кольцами пальцем свой крючковатый нос и квадратное украшение в нем. Пристальный взгляд его единственного бледно-голубого глаза был прикован к Грину. На месте второго глаза была белая повязка, скрывающая пустую глазницу — все, что осталось после попадания пули, выпущенной из вингского мушкета. — До того момента когда я могу отплыть отсюда, добраться до Эстории и вернуться обратно до наступления сезона дождей, остается всего четыре недели. Этого едва-едва хватит на то, чтобы сделать баки, переправить их на побережье, наполнить рыбой и доставить обратно. Тем временем я могу заняться переделкой палубы. Если мои люди будут работать днем и ночью, мы можем успеть.

— Конечно, это довольно рискованное предложение. Ты не сможешь удержать монополию на эту идею, разве что на время первого путешествия. Люди примутся болтать, и другие капитаны услышат об этом.

— Знаю. Не учи эффениканина, как выпивать яйца. Но что, если рыба передохнет?

Грин пожал плечами и развел руками:

— Это возможно. Ты берешься за очень рискованную игру. Но каждое путешествие в Ксардимур — рискованная игра, разве не так? Много ли кораблей возвращается обратно? Многие ли могут похвастаться, как ты, что на их счету сорок удачных плаваний?

— Немногие, — признал Миран.

Он откинулся на спинку кресла и задумался, сжимая в руках кубок с вином. Его единственный глаз, почти спрятанный за складками жира, буравил Грина. Землянин старался напустить на себя невозмутимый вид, хотя сердце его бешено колотилось, и ему лишь с трудом удавалось дышать ровно.

— Ты просишь очень многое, — в конце концов сказал Миран. — Если герцог узнает, что я согласился помочь бежать ценному рабу, меня казнят самым утонченным способом, а клан Эффеникан может потерять все права на плавание на кораблях и оказаться изгнанным в дикие холмы. Или им придется превратиться в пиратов. А это, несмотря на все досужие рассказы, которые ты мог слышать, не очень прибыльная профессия.

— Ты произведешь фурор в Эстории.

— Это так, но я думаю о том, что сделает герцогиня, когда узнает, что ты бежал из страны! Ох, ох, ох!

— Нет никаких причин, по которым мое исчезновение могли бы связать с тобой. Каждый день из порта отплывает не меньше дюжины кораблей. А из того, что обо мне известно, она скорее подумает, что я отправился через холмы к океану. Или просто ушел в холмы — так часто делают беглые рабы.

— Да, но мне-то придется вернуться в Тропат. А члены моего клана, хоть и держат язык за зубами, когда трезвые, тем не менее, я вынужден признать, не дураки выпить. И кто-нибудь наверняка проболтается в таверне.

— Я покрашу волосы в черный цвет, коротко постригусь, как человек из племени Тзатлам, и наймусь к вам.

— Ты забываешь, что для того, чтобы стать членом экипажа моего корабля, надо принадлежать к нашему клану.

— Гм. Ну ладно, а как насчет приема в клан?

— Что — насчет приема? Я не могу об этом и заикнуться, если ты не сделаешь что-нибудь эффектное и приносящее

выгоду всему клану. Постой! Ты играешь на каком-нибудь музыкальном инструменте?

— А как же, я — неплохой арфист, — быстро соврал Грин. — Когда я играю, то даже голодный степной кот подползет к моим ногам и станет нежно лизать мне пальцы.

— Превосходно! Только вот насчет нежности — всем известно, что степные коты считают человеческие пальцы лучшим лакомством и прежде всего отъедают именно их, даже раньше, чем глаза. Но звучит хорошо. Значит, эти четыре недели ты занимаешься своими делами, а потом, здоров ты будешь или болен, мы отплываем в неделю Дуба, в день Неба, в час Жаворонка, — в самое благоприятное время...

ГЛАВА 5

Следующие три недели тянулись для Грина невыносимо медленно. Хотя на самом деле они должны были бы пройти довольно быстро, настолько они были заполнены планами и замыслами. Он сообщил Мирану множество технических деталей, касающихся постройки баков для рыбы. Он заботился о том, чтобы герцогиня чувствовала себя довольной — теперь эта задача стала еще труднее, поскольку Грин не мог изображать, что всецело поглощен ее особой, когда его рассудок отчаянно выискивал уязвимые места в его плане, находил их в большом количестве, а потом так же беспокойно искал пути от них избавиться. При этом Алан знал, что для него жизненно важно не вызвать неудовольствия герцогини и не надоест ей за это время. Заключение разрушило бы все его планы.

Хуже всего было то, что у Армы появились подозрения.

— Ты что-то от меня скрываешь, — заявила она Грину. — Это неразумно с твоей стороны. Я всегда могу сказать, когда мужчина меня обманывает. У него тогда появляется нечто в голосе, в глазах, даже в том, как он занимается любовью, хотя этим ты занимаешься очень немного. Что ты задумал?

— Уверяю тебя, я просто очень устал, — резко ответил Грин. — Все, чего мне хочется, — покоя и тишины, немного отдыха и немного уединения.

— Не старайся убедить меня, что дело только в этом!

Арма наклонила голову набок и искоса посмотрела на Грина, как-то ухитрившись даже в этой нелепой позе выглядеть восхитительно красивой.

Внезапно она сказала:

— Ты думаешь о побеге, правильно?

На мгновение Грин побледнел. Черт бы побрал эту женщину!

— Не будь смешной, — сказал он, стараясь, чтобы его голос не дрожал. — Я слишком хорошо знаю, какое наказание

меня ждет, если я задумаю бежать и попадусь. И к тому же, а зачем мне вообще бежать? Ты — самая желанная женщина, которую я когда-либо знал. (Это-таки было правдой.) Хотя ужиться с тобой не очень-то просто. (Осторожное преуменьшение.) Без тебя я не получил бы хорошего места. (Это правда, но он не может провести всю свою оставшуюся жизнь в этом варварском мире.) Это просто немыслимо, чтобы я захотел тебя покинуть. (Невыразимо, да, но не немыслимо. Грин не мог взять Арму с собой, по той простой причине, что даже если бы она и захотела с ним пойти, она никогда не смогла бы приспособиться к тому образу жизни, который он вел на Земле. Она была бы там очень несчастлива. Более того, она никуда бы отсюда не пошла. Или она отказалась бы покинуть своих детей и попыталась забрать их с собой, тем самым разрушив бы все его планы бегства. А Грин мог просто переодеться степным наемником и в таком виде выйти из города и засветло добраться до корабля.)

Тем не менее Грин испытывал угрызения совести. Даже Арму ему было трудно бросить, а мысль о том, что ему придется бросить и Пакси, свою дочурку, причиняла Алану сильную боль. Несколько дней он обдумывал, нельзя ли будет забрать ее с собой, но в конце концов отказался от этой мысли. Попытка похитить ребенка из-под присмотра недремлющего ока Армы была почти заведомо невозможной. Более того, Пакси была необходима мать, и он не мог подвергнуть ребенка риску подобного путешествия. А Арме это причинило бы двойные страдания. Ей и так будет достаточно плохо, когда она потеряет Алан, а если при этом она лишится еще и Пакси!.. Нет, он не мог так с ней поступить.

В результате этих бесед подозрения Армы несколько ослабели. Наконец она перестала об этом говорить. Алан был этому рад, потому что полностью скрыть свою причастность к таинственным делам Мирана Торговца было невозможно. Весь город знал, что что-то происходит. Не вызывало сомнений, что покупка целого каравана повозок и его отправка на побережье связана с большими деньгами. Но что все это означало? Как Миран, так и Грин держали язык за зубами, и хотя герцог и герцогиня могли использовать свою власть, чтобы получить сведения от раба, герцог не стал этого делать. Миран пообещал герцогу долю в прибыли, если тот предоставит торговцу свободу действий и не станет задавать вопросов. Герцога это вполне устраивало. Он намеревался использовать эти деньги для пополнения своей коллекции стеклянных птиц. Десять комнат замка были заполнены этим блестящим птичьим двором — сверкающим, безмолвным и гротескно прекрасным. Все эти птицы были сделаны стеклодувами легендарного города Метсва Муш,

лежащего далеко за бескрайними степными просторами Ксардимура.

Грин присутствовал при разговоре Мирана с герцогом.

— Теперь, капитан, вы должны понять, чего именно я хочу, — произнес правитель, подняв палец в знак серьезности своих слов. Обычно его глаза прятались среди складок жира, но сейчас было видно, что они большие, карие и полны эмоций — так страстно герцог был увлечен своим хобби. Ничто — ни хорошее чалоузмское вино, ни его жена, ни пытки еретиков или беглых рабов — ничто не вызывало у него такого оживления, как мысль об изысканных птицах из Метсва Муш.

— Я хочу две или три птицы, но не больше — больше я не могу себе позволить. Все они должны быть работы Изана Айюшвы, величайшего из стеклодувов. Мне особенно нравятся те, которые были сделаны после птиц ужаса..

— Но я слыхал, когда последний раз был в Эстории, что Изан Айюшва при смерти, — заметил Миран.

— Вот и превосходно! — воскликнул герцог. — Тем более ценными станут все его творения! Если он уже умер, то вполне возможно, что эсторианцы, контролирующие всю торговлю с мушианцами, поднимут цену на все его изделия, проходящие через их руки. То есть во время праздника цены подскочат еще больше, поэтому ты должен будешь опередить возможных покупателей. Делай все что угодно. Плати любую цену, но я должен получить что-нибудь из последних работ Айюшвы!

Насколько понимал Грин, пыл герцога был вызван верой в то, что часть души умирающего художника переходит в его последние работы. Они так и назывались «работы души» и стоили вдвадцати больше любых других, даже если замысел и исполнение были более низкого уровня, чем в предыдущих произведениях.

— Но вы не даете мне денег на покупку этих птиц, — кисло сказал Миран.

— Конечно, не даю. Вы займете мне деньги, купите этих птиц для себя, а когда вернетесь, я соберу деньги, чтобы выкупить этих птиц у вас.

Миран отнюдь не сиял от счастья, но Грин знал, что толстяк торговец уже прикидывает, как сдерет с герцога двойную против первоначальной цену. Что же касалось Грина, ему приятно было видеть человека, который настолько сильно увлечен своим хобби, но в то же время он испытывал отвращение, поскольку теперь герцог, чтобы пополнить свою коллекцию, повысит налоги.

Герцогиня, которой, как водится, быстро надоели разговоры мужа, внезапно сказала:

— Дорогой, давай в конце недели поедем на охоту. Я так давно не отдыхала, что стала плохо спать по ночам. Мне кажется я слишком долго просидела взаперти в этом мрачном старом замке. Мой желудок не в порядке. Я думаю, мне необходима прогулка и свежий воздух, — и она принялась обсуждать глубоко наущенные детали некоторых аспектов ее пищеварительных проблем. Землянин, который с трудом переносил здешний обычай беседовать о подобных вещах, ощущало по зеленел.

Предложение отправиться на охоту не то чтобы исторгло у герцога стон, но он умоляюще воздел глаза к небу. До тех пор пока ему не сравнялось тридцать, герцогу нравилась добрая охота. Но подобно большинству мужчин, принадлежащих к правящему классу, после тридцати он резко располнел и стал предпочитать сидячий образ жизни. Здесь считалось, что полнота продлевает человеку жизнь. А большой живот и двойной подбородок считались признаками знатного происхождения и благосостояния. К сожалению, им сопутствовал неизбежный упадок жизненной энергии, что, в соединении с распространенной в этом социальном слое значительной разницей в возрасте между супругами, привело к появлению еще одного обычая: при молодой жене богатого человека обычно находился раб-компаньон.

Вот и теперь взгляд герцога остановился на Грине.

— А почему бы не поручить подготовку охоты ему? — с надеждой спросил герцог. — У меня столько дел...

— Ага, развалиться на подушках и созерцать своих стеклянных птичек, — ответила герцогиня. — Нет!

— Ну ладно, — сдавшись, произнес герцог. — У меня есть в загоне раб, которого должны казнить за то, что он ударил десятника. Мы используем его вместо дичи. Но я думаю, нужно дать ему две недели, чтобы он хорошенько запутал следы. Иначе просто будет неинтересно, сама знаешь.

Герцогиня нахмурилась:

— Нет. Мне скучно. Я больше не могу сидеть и бездельничать.

Она бросила взгляд на Грина. Землянин почувствовал, как у него душа ушла в пятки. Очевидно, Зуни заметила, что он не слишком-то ею интересуется. Эта охота должна была послужить ему предостережением: если он не перестанет задирать нос и не примется получше развлекать свою госпожу, то и его может ждать подобная судьба.

Но Алана напугала отнюдь не подобная перспектива. На следующей неделе корабль Мирана должен был поднять паруса, и Грин намеревался быть на его борту. Но теперь его отсылают с группой охотников в холмы.

Грин умоляюще посмотрел на Мирана, но тот лишь пожал плечами, словно говоря: «А что я могу сделать».

Торговец был по-своему прав. Миран не мог напроситься на охоту и тем самым дать Алану возможность проскользнуть на корабль попозже. День, на который было назначено отплытие «Птицы удачи», был последним из возможных. Миран не мог допустить, чтобы его корабль оказался захваченным сезоном дождей посреди степей.

ГЛАВА 6

Весь следующий день Грин был настолько занят подготовкой охоты, что у него не было времени предаваться унынию. Но когда настала ночь, оно выплеснулось наружу. Может, попытаться сказаться больным и остаться в замке, когда охотники уедут?

Нет, они могут решить, что он одержим демоном, и препроводить его в храм Апоквоза, бога исцеления. А там его будут держать под замком, пока не удостоверятся, что он здоров. Хуже всего было то, что попадание в храм Апоквоза делало смерть почти неизбежной. Если человек не умирал от собственной болезни, он заражался какой-нибудь еще.

Грин, собственно, не боялся подхватить какую-нибудь из болезней, кишевших в храме. Подобно всем людям, происходившим с Земли, он носил в себе хирургически имплантированную протоплазменную штучку, которая автоматически анализировала любые чужеродные микроорганизмы и вирусы и вырабатывала антитела для борьбы с ними. Это устройство располагалось на месте удаленного аппендициса; когда оно включалось в работу, то требовало пищи и излучало жар, по которому, собственно, хозяин мог убедиться в исцеляющем присутствии устройства. Возросший аппетит и небольшое повышение температуры свидетельствовали, что борьба с болезнью протекает успешно и что через несколько часов она будет побеждена. За два года, проведенные на этой планете, Грин успел чем-то заразиться по меньшей мере сорок раз. Алан знал, что в любой из этих сорока раз он вполне мог бы умереть, если бы не его симбионт.

Но в данном случае это ничем не могло помочь. Если он притворится больным, его запрут и он не сможет попасть на корабль. А если он отправится на охоту, то тоже пропустят его отход.

А может, смыться в ночь перед охотой и спрятаться на корабле, пока его будут напрасно искать в замке?

Нет, это не пройдет. Первое, что прикажет Зуни, — закрыть порт и обыскать все корабли — нет ли там незапланированных

пассажиров. И из-за этого обыска Миран задержится настолько, что отплытие станет невозможным. Даже если он, Грин, спрячется в каюте Мирана, где, возможно, он будет в безопасности, по-прежнему останется эта неизбежная губительная задержка.

Тогда почему бы не исчезнуть на несколько дней раньше, чтобы у Мирана осталось время заново загрузить корабль? Завтра Алан увидится с купцом. Если Миран одобрит этот план, Грин скроется через четыре ночи после сегодняшней, и тогда останется еще три дня, за которые судно можно разгрузить и загрузить заново. К счастью, баки не придется двигать с места, поскольку ни одному идиоту не придет в голову, что беглец прячется на дне корыта с рыбой.

Грин расслабился, успокоенный тем, что путь все же существует, хотя и очень опасный. Он сидел сейчас на галерее, расположенной на одной из стен замка. Прекрасное небо было усеяно звездами, куда более крупными, чем они выглядели на Земле. Взошла большая луна, а за ней — маленькая; первая осветила восточный горизонт, а вторая встала в зенит. Струящийся с небес звездный и лунный свет смягчал мрачность и уродство лежащего внизу города, придавая ему обаяние и романтичность. Большая часть Квотца не освещалась — на улицах не было светильников, и даже окна были плотно закрыты ставнями для защиты от воров, вампиров и демонов. Время от времени по темным улицам двигался огонек факела — слуги сопровождали подзагулявшего дворянина или богатого горожанина.

За городом находились холмы, расположенные амфитеатром, открывающимся на север, и длинная каменная стена, продолжающая эту природную стену, защищающую город от ветров. В стене был оставлен проем, достаточный для того, чтобы через него мог пройти корабль с убранными парусами. За стеною начиналась бескрайняя степь, — неожиданно, словно какой-то исполин примял холмы и объявил, что отсюда будет начинаться ровное пространство.

На западе лежали бескрайние просторы Ксардимура. Раскинувшаяся на десять тысяч миль степь, плоская, как стол, усеянная то там то тут островками деревьев, руинами городов, примитивными колодцами, шатрами кочевых племен, стадами диких животных, стаями степных котов и наводящих ужас собак, а также таинственными и, несомненно, вымышенными, «блуждающими островами», нагромождениями камней и земли, которым легенды приписывали способность по собственному желанию скользить по степи. Грин подумал, что этой планете повезло, что такая крупная угроза для навигации существует лишь в умах местных жителей.

Ксардимур был невероятным феноменом, не имеющим никаких параллелей. Ни на одной из множества открытых землянами планет не было ничего подобного. Грину было очень интересно, как степь могла оставаться такой ровной, когда на нее неизбежно должно было сносить почву с окружающих холмов и гор. Да и дожди неизбежно должны были размывать ее поверхность. Конечно, здесь росли высокие травы с очень прочными корнями. Если слышанные Грином рассказы были правдивы, то степная растительность так переплеталась корнями между собой, что образовывала единый слитный ковер.

Была еще одна вещь, с которой следовало считаться: дующие над Ксардимуром ветра — именно они позволяли двигаться здешним парусно-колесным судам. Ветер порождает обычно разница в давлении, а ее в свою очередь вызывает градиент температур. Хотя Ксардимур был окружен горами, но на нем самом, на всех десяти тысячах миль, не было сколько-нибудь заметных возвышенностей, и потому ничто не могло подпитать перемещения воздушных масс. Или, возможно, так просто казалось Грину с его неглубокими познаниями в метеорологии — ему всегда было любопытно, как это пассаты земных морей ухитряются проходить тысячи лиг, не теряя своего первоначального импульса. Может, они каким-то образом получают подпитку? Грин этого не знал.

Единственное, что он знал, — что Ксардимур представлял из себя явление, которого не должно было существовать. Однако и само присутствие людей здесь казалось поразительным, если не сказать нелепым. Гомо сапиенс были рассеяны по всей Галактике. Во время своих путешествий в космосе земляне обнаружили, что каждая четвертая из землеподобных планет населена людьми, принадлежащими к тому же биологическому виду, что и они сами. Это доказывалось не просто внешним физическим сходством землян и внеземлян, а их способностью к скрещиванию. Земляне, сириане, альбираецы*, вегане ничем друг от друга не отличались. Представители этих рас могли иметь совместное жизнеспособное потомство.

Естественно, существовало множество теорий, пытающихся объяснить этот факт. Общим для них было предположение, что вид гомо сапиенс зародился в очень отдаленном прошлом на какой-то одной планете и оттуда распространился по всей Галактике. Потом умение путешествовать в космосе было утрачено, каждая из рас скатилась к состоянию дикости и заново начала длинный тяжкий путь к вершинам цивилизации и по-

---

* Альбираео — бета Лебедя. (Примеч. ред.)

вторному прорыву в космос. Причин этому никто не знал, можно было лишь строить предположения.

Кроме того, существовала языковая проблема. Казалось бы, что если люди произошли из одного гнезда, то в их речи должны были бы сохраниться хоть какие-то следы этого, и что лингвисты смогут раскопать эти следы и таким образом выяснить взаимосвязь между планетами. Но ничего подобного. В каждом мире было свое вавилонское столпотворение и свои десять тысяч наречий. Ученые Земли могли проследить связь между русским, английским и шведским языками, возвести литовский, фарси и хинди к протоиндоевропейским корням, но они не находили ни одного инопланетного языка, о котором можно было бы сказать, что он ведет свое происхождение от арийской языковой группы.

Мысли Грина вернулись к двум землянам, оказавшимся в эсторианской тюрьме. Он надеялся, что с ними не слишком плохо обращаются. Возможно, в этот самый момент они корчатся от боли, если жрецам вздумалось подвергнуть их малому испытанию, предназначенному для выявления демонов.

При мысли о пытках Грин невольно подобрался. Через час ему полагалось встретиться с герцогиней. Для этого нужно было пройти через якобы потайную дверь, расположенную в стене северной башни, и подняться по лестнице до личных покоев герцогини. Там одна из фрейлин препроводит его к Зуни, а потом примется подслушивать, чтобы было о чем позже доложить герцогу. Как Зуни, так и Грину полагалось об этом не знать и делать вид, что герцогиня окружена исключительно своими доверенными лицами.

Когда ударил главный колокол храма Грооза, бога времени, Грин поднялся со скамьи и отправился исполнять свои утомительные обязанности. Если бы эта женщина могла говорить о чем-нибудь другом, кроме цвета своего лица, своего пищеварения и незатейливых дворцовых сплетен, все было бы не так уж скверно. Но нет, она болтала, не умолкая, а Грин, которого все сильнее клонило в сон, не смел задремать, поскольку тем самым нанес бы герцогине жестокое оскорбление. А потом еще и...

ГЛАВА 7

Меньшая луна коснулась западного края горизонта, а большая приближалась к зениту, когда Грин проснулся и в ужасе вскочил. Он заснул и заставил Зуни ждать.

— Гоподи, что же она скажет? — в отчаянии произнес он вслух. — И что я ей скажу?

— Тебе не придется ничего мне говорить! — тут же раздался в ответ гневный голос герцогини. Грин огляделся и увидел, что Зуни стоит рядом. Она была закутана в накидку, но из-под надвинутого капюшона виднелось ее бледное лицо и приоткрытый рот. Сверкнув зубками, Зуни принялась обвинять Грина в том, что он ее не любит, что она ему надоела, что он влюбился в какую-то другую женщину, возможно даже в рабыню, в какую-нибудь ни на что не годную, ленивую, безмозглую девчонку, у которой нет ничего, кроме смазливой мордашки. Если бы не серьезность момента, Грин улыбнулся бы этому с убийственной точностью нарисованному автопортрету.

Алан попытался унять поток красноречия герцогини, но безуспешно. Зуни кричала в полный голос, а когда Грин приложил палец к губам и сказал «тссс!», закричала еще громче.

— Ты же знаешь, что тебе не полагается покидать свои покой после наступления темноты, разве что вместе с герцогом, — сказал Грин, ухватил Зуни за локоть и потащил за собой к потайной двери. — Если стражники увидят тебя здесь, то тебя ждут большие неприятности. Пойдем отсюда.

К несчастью, стражники действительно их увидели. Пролетом ниже на лестнице появились факелы и заблестели шлемы и кирасы. Грин попытался заставить герцогиню поспешить — у них еще оставалась возможность добраться до потайной двери. Зуни вырвала руку и закричала:

— Убери от меня свои грязные лапы, раб! Герцогиня Тропатская не позволит, чтобы ею помыкала какая-то белокурая бестия!

— Черт подери! — зарычал Грин и хорошенько толкнул Зуни. — Ты, безмозглая *кизмаайэ*! Шевелись! Тебе-то пытки не грозят, даже если нас застукают вместе!

Зуни отскочила с перекошенным лицом и принялась хватать воздух ртом, словно рыба.

— *Кизмаайэ*?! — наконец выдохнула она. — Сам ты *кизмаайэ*!

Внезапно Зуни завизжала и, прежде чем Грин успел зажать ей рот, проскочила мимо него и понеслась к лестнице. Только тут Грин сумел справиться с охватившим его оцепенением и тоже пустился бежать, но не за герцогиней, поскольку понимал, что это бессмысленно, а к потайной двери. Поднялась тревога. Пытаться объяснять что-либо стражникам было бессмысленно. Теперь события будут развиваться по привычному сценарию. Сейчас герцогиня скажет стражникам, что этот раб пробрался к ней в комнату — конечно же, неизвестным ей путем, который «обнаружат» позднее, — и вытащил ее на стену, очевидно, намереваясь изнасиловать. Зачем он поволок ее в людное место, когда к его услугам были тишина и уединение покоев

герцогини, спрашивать никто не станет. И стражники, хотя они и будут прекрасно понимать, как все обстояло на самом деле, сделают вид, что верят герцогине, яростно примутся его искать, а найдя, потащат в тюрьму. Но самым нелепым было то, что через несколько дней весь город, включая саму Зуни, будет верить, что это правда. К тому времени как Грина казнят, все будут до мозга костей ненавидеть его, а большая часть рабов будет чувствовать себя несчастными, потому что тень его вины ляжет и на них.

Грину вовсе не хотелось, чтобы его схватили. Конечно, бегство было доказательством вины, но сейчас это не имело никакого значения.

Он проскочил через потайную дверь, захлопнул ее, задвинул засов и помчался к покоям герцогини. Стражникам, чтобы попасть сюда, придется проделать длинный обходной путь. У Грина было по меньшей мере две минуты, пока стражники отопрут две двери, ведущие в ее покой, объяснят внутренней страже, что произошло, и начнут поиски. Что же касалось самого Грина, он мчался, словно кролик, но думал, словно лисица. Заранее представляя себе возможность подобного оборота дел, Алан уже давно и подробно продумал свои действия. Теперь он выбрал самый подходящий вариант и принялся действовать — не совсем гладко, но все же эффективно.

В покой герцогини вела винтовая лестница, такая узкая, что двум людям там было бы не разминуться. Грин промчался по ней так быстро, что у него закружилась голова. Он пошатнулся и схватился рукой за перила, чтобы не упасть, но лестницу все-таки проскочил. Тем не менее Грин не стал останавливаться, чтобы перевести дыхание или восстановить равновесие, а дернул за рычаг, не позволяющий двери захлопнуться. Слава Богу, комната была пуста. Грин на мгновение притормозил, прислушался, нет ли кого в соседней комнате, и потянул за выпуклое бронзовое украшение, за которым скрывался управляющий дверью механизм. Часть стены бесшумно скользнула в сторону и встала на свое место. Теперь эта панель на вид ничем не отличалась от других. Алан нажал на бронзовую шишечку — теперь дверь нельзя было открыть со стороны лестницы. Грин вознес мысленную благодарность строителям, которые предусмотрели для жителей замка эту возможность скрыться в случае захвата крепости или мятежа. Если бы не потайной ход, Грину не удалось бы бежать.

Бежать? Пока что ему лишь удалось избежать того, чтобы его схватили на месте. Но все же землянин намеревался удрать так далеко, как только сможет, а потом драться, чтобы преследователям пришлось его убить.

Первым делом нужно было раздобыть оружие. По правде говоря, Грин так хорошо был знаком с покоями Зуни, что точно знал, где находится все, что ему требовалось. Он прошел через две большие комнаты, легко двигаясь даже в тусклом свете нескольких масляных ламп и свечей. Сабля, висевшая на стене третьей комнаты, была из лучшей стали, какую только возможно получить на этой планете, работы прославленных кузнецов и оружейников отдаленного, почти сказочного города Таламаско. Клинок был подарком отца Зуни по случаю ее свадьбы с герцогом. Предполагалось, что Зуни вручит саблю своему старшему сыну, когда он достигнет того возраста, в котором носят оружие. На рукояти сабли был вырезан девиз: «Лучше ад, чем бесчестье». Грин снял саблю со стены и повесил себе на пояс, потом подошел к роскошно сервированному столу, вытащил ящик и достал оттуда стилет. Его он засунул за пояс, так же как и большой кремневый пистолет, рукоятка которого была изукрашена золотом и слоновой костью. Грин отыскал также порох и пули, сложил их в сумку и ее тоже прикрепил к поясу. Вооружившись таким образом, он подошел к балкону, чтобы оценить расстановку сил.

Тремя пролетами ниже находилась галерея, которую Грин незадолго до этого покинул. Зуни и множество солдат стояли там и смотрели вверх. Когда они увидели его лицо, отчетливо видное в лунном свете и в отблесках их факелов, поднялся невообразимый шум. Несколько солдат, вооруженных мушкетами, вскинули свое громоздкое оружие, но Зуни крикнула, чтобы они не смели стрелять, он нужен ей живым. У Грина по коже побежали мурашки — от мстительности, прозвучавшей в голосе герцогини, и от мысли о том, что она собирается с ним сделать. Он слишком часто был вынужден присутствовать при пытках и при публичных казнях, чтобы не понимать, какую участь уготовит ему Зуни. Внезапно в Грине вспыхнул гнев на герцогиню — за ее предательство и жестокость, гнев, отчасти порожденный его отвращением к себе, — за то, что он занимался с ней любовью, — и он навел на нее пистолет. Последовал удар курка по кремню, вспышка, шипение сгорающего пороха, громкий хлопок и туча черного дыма. Когда дым рассеялся, Грин увидел, что все, включая герцогиню, удирают за угол. Конечно же, Алан промазал, поскольку в бытность его рабом ему не представлялся случай попрактиковаться в стрельбе из пистолета. И даже если он был хорошим стрелком, он все равно мог бы промахнуться — точность этого оружия была очень невелика.

Хотя Грин и был несколько оглушен, он услышал прозвучавший у него над головой крик. Подняв голову, Алан увидел белеющее в лунном свете круглое лицо герцога, перевесивше-

гося через перила балкона этажом выше. Грин поднял разряженный пистолет, и герцог с испуганным лицом ретировался в свои покои. Грин рассмеялся и подумал, что даже если его сейчас убьют, он по крайней мере умрет довольным, зная, что он опозорил герцога, который всегда любил похвастаться своей храбростью в сражении. Правда, теперь у герцога тоже появилась причина желать ему смерти: Грин мог всем рассказать, что обратил его, герцога, в бегство.

Алан криво усмехнулся. А что будет, если солдаты получат приказ герцога, открыто противоречащий тому приказу, который они получили от герцогини? Бедняги вряд ли сообразят, как им действовать в подобном случае. Приказ, исходящий от мужчины, наверняка перевесит приказ женщины. Но женщина будет в ярости и позже найдет способ наказать тех, кто прикончил Грина.

В этот момент улыбка на лице Грина сменилась бледностью испуга. Где-то рядом раздался громкий лай. Не за дверью, а в покоях!

Грин выругался и развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть большое тело, в прыжке устремленное к его горлу, сверкающие белые клыки и глаза, вспыхнувшие зеленым огнем в лунном свете.

Даже в этот момент когда его охватил ужас, Грин осознал, что он совсем забыл о небольшой дверце, сделанной специально для Альзо, чтобы тот в любое время мог войти. Но если через эту дверь может войти крупная собака, значит, через нее могут притиснуться и стражники!

Грин непроизвольно вскинул пистолет и нажал на спусковой крючок. Конечно же, выстрел не последовало, ведь пистолет не был заряжен. Но его ствол уткнулся прямо в разинутую пасть и отвлек Альзо от намеченной цели — горла Грина. Тем не менее сила столкновения отшвырнула Грина назад, и он ощущил, как острые зубы сомкнулись на его запястье. Эти челюсти были вполне способны отгрызть ему руку, и хотя боли Грин не почувствовал, ему стало дурно при мысли о кровоточащей культе, но тут Альзо отскочил. Оказалось, что, хотя из глубоких укусов по руке Грина струилась кровь, серьезных повреждений она не получила. Пес был так озадачен вогнанным ему в глотку стволом пистолета, что некоторое время не мог думать ни о чем другом, кроме необходимости его выплюнуть.

Пистолет звякнул о железный пол балкона. Альзо потряс головой, в ярости не соображая, что он уже избавился от оружия. Грин поспешил вскочить, чтобы следующий прыжок Альзо не швырнул его через перила. Со злобным рычанием, не уступающим собачьему, Грин уперся ногами в основание балконной решетки и бросился вперед. В то же мгновение прыгнул

и пес. Они столкнулись головами. На этот раз в открытую пасть врезался череп Грина, и пес отлетел назад, поскольку Грин был куда массивнее. Хотя огромные челюсти и лязгнули вплотную к волосам землянина, они ухватили лишь воздух, и животное с рычанием упало на бок. Грин ухватился за длинный хвост, увернулся от зубов, на этот раз норовящих сомкнуться на его лодыжке, и резко за этот хвост дернул, так что пес промахнулся. Грин приподнялся на одно колено, оттолкнул пса, не разжимая, впрочем, яростной хватки, и вскочил на ноги. Пес бешено извернулся и попытался укусить удерживающую его руку, но вместо этого вцепился в собственный бок. Взвыв от боли, Альзо попытался отскочить. Грин с неимоверным усилием вздернул хвост в воздух. Естественно, за ним последовало и все тело. Одновременно Грин чуть повернулся, наклонился и одним рывком перебросил Альзо через голову.

ГЛАВА 8

Когда Альзо вылетел за перила и оказался в воздухе, над галереей, жуткое рычание внезапно перешло в пронзительный, полный отчаяния вой. Грин проводил пса взглядом, нимало о нем не сожалея. Более того, он торжествовал. Он ненавидел этого пса и давно мечтал о подобном моменте.

Визг Альзо оборвался — пес ударился о парапет так, что его подбросило, и исчез за внешним краем стены. Силы Грина оказались большими, чем он предполагал — сам-то он всего лишь намеревался перебросить сто пятьдесят фунтов псины через перила балкона.

Но ликовать было некогда. Если через маленькую дверцу мог пробраться пес, это могли сделать и стражники. Грин воировался в комнату, полагая, что туда уже набилось не менее дюжины солдат. Но в комнате никого не было. В чем дело? Единственное объяснение, которое пришло Грину в голову, заключалось в том, что они боятся сюда идти, понимая, что если он успеет прикончить пса, то с легкостью сможет смахивать им головы с плеч, пока они будут на четвереньках пробираться через эту дырку.

Дверь содрогнулась от сильного удара. Стражники избрали более разумный, хотя и менее героический способ попасть в покой — они принялись выбивать дверь. Грин зарядил пистолет, для начала рассыпав порох, так у него дрожали руки. Потом он выстрелил, и в деревянной двери появилась большая дырка. Правда, сама пуля застряла — дверь была слишком толстой, чтобы ее можно было пробить выстрелом из этого пистолета.

Удары в дверь прекратились, и Грин услышал глухой стук брошенного тарана и звуки, свидетельствующие о поспешном

отступлении. Землянин усмехнулся. По-прежнему подчиняясь приказу герцогини брать Грина живым — не оспоренному пока что герцогом, — солдаты совсем не рвались выйти против пистолета с одним лишь холодным оружием в руках. И, судя по их реакции на выстрел, они совсем забыли, что пули не так легко проходят через дерево.

— Живем! — громко воскликнул Грин. Тут он понял, что его голос дрожит точно так же, как ноги, но все же из его горла вырвался победный вопль. Оба эти ощущения были вполне оправданы. Грин подумал, что, пожалуй, ему действительно нравится этот момент, несмотря на стоящую рядом смерть. Ему слишком долго пришлось терпеть унижения, а происходящее было прекрасным способом выразить свое негодование и долго подавляемый гнев. Но каковы бы ни были причины, Грин сознавал, что это один из лучших моментов во всей его жизни и что если он выживет, то всегда будет вспоминать об этом с гордостью и удовольствием. И это было самым странным из всего происходящего — ведь его культура внушала молодежи отвращение к насилию. К счастью, эти поучения не въелись настолько, чтобы одна мысль о насилии парализовала землян. Это отвращение существовало не на уровне рефлексов; они просто, выражаясь философским языком, питали отвращение к самому понятию. К счастью, существует еще философия тела, гораздо более древняя и глубинная. Хотя философия и необходима человеку, как хлеб насущный, в настоящий момент в жизни Грина не было для нее места. Ярость охватила его и заставляла особенно остро чувствовать, как это хорошо — быть живым, когда в дверь стучится смерть. Такого ощущения не добьешься ни отвлеченными рассуждениями, ни глубокой медитацией.

Грин скатал ковер, лежавший в проходе, ведущем из комнаты на балкон — чтобы ноги не скользили. Возможно, ему придется расчищать себе путь и прыгать с балкона вниз, в ров. Здесь необходимо точно рассчитать время и сделать все с первой попытки, как во время прыжка с парашютом, иначе он переломает себе все кости о каменные плиты двора.

Не то чтобы Грин так уж рвался совершить этот прыжок, но он хотел, чтобы этот путь остался в запасе, если остальные способы не сработают.

Грин снова подбежал к шкафчику и вытащил оттуда большую сумку с порохом, весившую не менее пяти фунтов. Он вставил в сумку фитиль, а потом завязал ее так, чтобы часть фитиля торчала наружу. Пока он этим занимался, за дверью послышались крики вернувшихся солдат. Они подобрали таран и теперь с размаху колотили в дверь. На этот раз Грин не стал стрелять, а поднес к фитилю горящую свечку. Потом он

подошел к двери, приоткрыл собачью дверцу и вышвырнул сумку наружу. После этого Грин отскочил и залег, хотя вероятность того, что взрыв вышибет дверь, была невелика.

За дверью воцарилась тишина — вероятно, солдаты в оцепенении смотрели на дымящийся фитиль. Потом как грохнуло! Комната содрогнулась, сорванная с петель дверь рухнула, и в проем устремились клубы черного дыма. Грин нырнул в эту тучу, на четвереньках прошмыгнул через дверной проем, отчаянно выругался, когда рукоять сабли зацепилась за косяк, выскоблился и нырнул в заполненную густым дымом прихожую. Его протянутая рука наткнулась на брошенный таран и лицо упавшего солдата, покрытое чем-то теплым и мокрым. Грин заикался от наполнившего легкие едкого дыма, но продолжал двигаться, пока не уткнулся головой в стенку. Потом он повернулся направо, туда, где, по его представлению, была дверь, добрался до нее и проскользнул в следующую комнату, тоже заполненную дымом. Поспешно, словно таракан, проскочив эту комнату, Грин осмелился открыть глаза и наскоро оглядеться. Здесь дым был пореже — сквозняк вытягивал его в коридор, в который Грин почти уткнулся. Поскольку Грин не увидел в пространстве между полом и клубами дыма ничьих ног, он поднялся и проскочил в дверь. Алан знал, что левый коридор ведет к лестнице, которая, возможно, была сейчас перекрыта солдатами. Справа должна была находиться другая лестница, ведущая в покой герцога. Это был единственный оставшийся Алану путь.

К счастью, в коридоре дым был все еще настолько плотным, что столпившиеся на левой лестнице солдаты не могли рассмотреть Грина. Они думали, что он до сих пор находится в покоях герцогини. Грин понадеялся, что они помчатся туда, а когда никого не найдут, то, может, скатанный ковер наведет их на мысль, что раб спрыгнул с балкона. В таком случае солдаты отправятся искать его во рву. И если они не найдут его плавающим там — а они не найдут, — они могут предположить, что он утонул или выбрался на берег и теперь прячется где-то в ночном городе.

Грин стал пробираться к лестнице, одной рукой нащупывая путь, а другой сжимая стилет. Через некоторое время пальцы Грина коснулись руки человека, который стоял, прислонившись к стене. Грин тут же отдернул руку, чуть присел и, пригнувшись, побежал в сторону лестницы. Здесь дым развеялся уже настолько, что Грин вовремя заметил ступеньки и не споткнулся о них. Но, к несчастью, на ступеньках стояли герцог и еще какой-то мужчина. Они оба заметили его фигуру, неожиданно возникшую из клубов дыма, но у Грина было некоторое преимущество — в отличие от них, он знал, кто перед ним нахо-

дится. Прежде чем солдат успел хоть что-то сделать, в его горло вошел узкий стилет. Герцог попытался проскочить у Грина за спиной, но землянин подставил ему ногу. Потом он поймал герцога за руку, вывернул ее так, что тот упал на колени, а потом, используя эту вывернутую руку вместо рычага, заставил правителя встать. Вырвавшийся у герцога стон порадовал Грина, хотя прежде чужая боль никогда не доставляла ему удовольствия. У него успела промелькнуть мысль, что это, возможно, из-за множества беспомощных жертв, которых по приказу герцога подвергали пыткам. Конечно же, он, Грин, цивилизованный человек, не должен был испытывать таких чувств. Но если кто-то охвачен чувствами, он уже не рассуждает, правильные они или неправильные.

— А ну давай наверх! — хрипло прикрикнул он на герцога и развернул его лицом к его же собственным покоям, используя заломленную руку вместо руля. Но к этому времени дым развеялся уже достаточно, чтобы солдаты, стоящие в другом конце коридора, поняли, что происходит что-то не то. Поднялся крик, за которым последовал топот ног по каменным плитам. Грин остановился и развернул герцога так, чтобы тот оказался лицом к солдатам:

— Скажи им, что я тебя убью, если они не уберутся прочь.

Чтобы сделать свои слова более весомыми, Грин приставил острие стилета к спине герцога и нажал так, что потекла кровь. Герцог сперва задрожал, потом словно окаменел. Тем не менее он ответил:

— Я не стану этого делать. Это позорно.

Несмотря на то что проявленное герцогом мужество ставило Грина в затруднительное положение, он не мог не восхититься им. Кроме того, убить герцога — означало выбросить свою единственную козырную карту. Потому Алан схватил стилет в зубы и, продолжая одной рукой удерживать герцога за вывернутую руку, другой вытащил из-за пояса у герцога пистолет и выстрелил, целясь у него над плечом.

Вспышка обожгла герцогу ухо, и он заорал так, что перекрыл грохот выстрела. Ближайший из солдат выронил копье и упал ничком. Остальные остановились. Несомненно, они все еще руководствовались приказом герцогини взять Грина живьем, а герцог спустился с лестницы как раз вовремя, чтобы оказаться свидетелем взрыва. И теперь он был не в состоянии отдать противоположный приказ, поскольку был оглушен и ошеломлен выстрелом, прогремевшим прямо у него над ухом.

— Убрайтесь, или я убью герцога! — крикнул Грин. — Он хочет, чтобы вы отошли от лестницы и не беспокоили нас, пока он не отдаст другой приказ!

В мерцающем свете факелов он мог видеть появившееся на лицах солдат недоумение. Только тут Грин сообразил, что от волнения он отдал этот приказ по-английски. Он поспешил перевел свое требование и с облегчением увидел, как солдаты хоть и неохотно, но все же отступили. Грин доволок герцога до его покоев, запер дверь на засов и заново зарядил пистолет.

— Чем дальше, тем веселее! — сказал он снова по-английски. — Ну и что делать будем, а, коротышка?

Покои герцога отличались еще большей роскошью, чем покой его жены, и были больше размером, потому что им полагалось вмещать в себя не только сотни охотничьих трофеев герцога, — в том числе и человеческие головы, — но и его коллекцию стеклянных птиц. Здесь легко было заметить, какой страсти отдано сердце герцога: охотничьи трофеи были покрыты слоем пыли, а каждое из сверкающих крылатых созданий было безупречно чистым. Да, слугам, которым полагалось поддерживать здесь чистоту, приходилось нелегко.

При виде этой картины Грин радостно улыбнулся.

Если вы сражаетесь за свою жизнь, бейте противника в самое уязвимое место...

ГЛАВА 9

На то, чтобы привязать герцога к креслу снятыми со стен охотничьими хлыстами, ушло не больше двух минут.

Герцог тем временем успел прийти в себя. Он принял выкрикивать все известные ему ругательства — а знал он их немало — и грозиться самыми утонченными пытками, какие он только мог придумать, — а познания герцога в этой области были чрезвычайно обширны. Грин подождал, пока герцог окончательно посадит голос, а потом твердо, но негромко сказал, что он, Грин, намеревается делать до тех пор, пока герцог не выпустит его из замка. В подтверждение своих намерений Аллан подхватил дубинку, усаженную железными шипами, и со свистом рассек ею воздух. Глаза герцога расширились, а лицо залila бледность. Из непокорного правителя, осыпающего оскорблениями своего похитителя и грозящего ему всеми мыслимыми карами, герцог внезапно превратился в съежившегося, дрожащего пожилого человека.

— И я перебью всех птиц в этой комнате, — сказал Грин. — И еще я открою сундук, который стоит под грудой шкур и в котором вы держите самые ценные сокровища — птиц, которых вы даже не показали императору из страха, что его охватит зависть и он потребует этих птиц в подарок, птиц, которых вы достаете лишь изредка по ночам, чтобы на них полюбоваться.

— Это жена тебе разболтала! — задохнулся герцог. — Какая же она иззот!

— Вполне согласен, — ответил Грин. — Она выболтала мне множество тайн, потому что она ветреная, ленивая, глупая женщина — вполне подходящая вам супруга. Итак, мне известно о спрятанной уникальной статуэтке птицы эксуротр, работы Изана Айюшвы из Метсва Муш, о стеклянной птице, которая стоила всему герцогству повышения налогов и послужила причиной множества горьких слез и лишений для ваших подданных. Я уничтожу ее без всяких угрызений совести, даже если она такая единственная и даже если Изан Айюшва уже умер и никогда уже не создаст ничего подобного.

Герцог в ужасе закатил глаза.

— Нет, нет! — дрожащим голосом пробормотал он. — Это не-мыслимо, это святотатство! Неужели у тебя нет никакого чувства прекрасного, ты, выродок, неужели ты сможешь разбить самую прекрасную из вещей, созданных человеческими руками?

— Смогу.

Уголки рта герцога поползли вниз, и вдруг он заплакал.

Грину стало неловко — он знал, какими сильными должны были быть переживания, чтобы заставить этого человека, прошедшего нелегкую жизненную школу, выказать свою слабость перед лицом врага. И он невольно задумался над тем, какое же это странное существо — человек. Герцог предпочел, чтобы ему перерезали горло, лишь бы не выглядеть трусом. Но стоило пригрозить его драгоценной коллекции стеклянных птиц!..

Грин пожал плечами. А какое ему, собственно, дело? Ему сейчас нужно использовать все, что попадется на пути.

— Отлично. Тогда слушайте, что вы должны сделать, чтобы уберечь ваших птиц, — и Грин подробно расписал действия герцога на ближайшие десять минут. Затем он заставил герцога самым торжественным образом поклясться фамильным именем и честью основателя их рода, что тот не предаст Грина.

— А чтобы быть уверенным, — добавил землянин, — я заберу птицу эксуротр с собой. Когда я получу подтверждение того, что на ваше слово можно положиться, я посмотрю, каким образом вернуть ее вам в целости и сохранности.

— Могу ли я положиться на это обещание? — хрипло выдохнул герцог. Его и без того большие выпученные глаза сейчас казались еще больше.

— Да. Я свяжусь с Зингаро, коммерческим агентом гильдии воров, и он вернет статуэтку вам — за соответствующее вознаграждение, конечно. Но прежде чем мы заключим эту сделку, вы должны также поклясться, что не причините вреда ни моей жене Арме, ни ее детям, не конфискуете ее торговое дело,

а будете вести себя по отношению к ней так, словно ничего не произошло.

Герцог сглотнул, но поклялся. Грин был счастлив — хотя он и покидает Арму, но, по крайней мере, обеспечил ее будущее.

Прошел долгий, бесконечно долгий час, пока Грин наконец смог выбраться из своего убежища в примыкающем к покоям герцога большом чулане. Хотя герцог поклялся самыми священными клятвами, он был так же склонен к предательству, как любой из жителей этой варварской планеты — то есть весьма склонен. Грин стоял за дверью, покрываясь испариной и прислушиваясь к громкому и временами бессвязному разговору между герцогом, солдатами и герцогиней. Герцог был хорошим актером — он сумел убедить всех, что вырвался у этого сумасшедшего раба Грина, схватил меч и вынудил его перескочить через перила балкона. Конечно же, несколько стражников видели, как с балкона вылетело нечто большое, очертаниями напоминающее человека и с громким плеском упало в ров. Не было никаких сомнений, что раб сломал себе хребет, ударившись о воду, или просто падение оглушило его, но, в общем, он утонул. Как бы там ни было, он не ушел.

При этих словах Грин, несмотря на всю напряженность момента, не удержался от улыбки. Они с герцогом объединенными усилиями подняли деревянную статую бога Зузупатра и утяжелили ее металлическими блюдами, чтобы она не всплыла. В лунном свете идол выглядел достаточно похожим на падающего человека, чтобы убедить кого угодно, особенно при том волнении, которым все были охвачены.

Единственной, кто остался недоволен, была Зуни. Она сипала проклятиями, забыв о всяких приличиях, и кричала мужу, что его кровожадность и несдержанность лишили ее возможности подвергнуть этого раба, сбиравшегося обесчестить ее, самым утонченным пыткам. Герцог понемногу багровел, потом внезапно взорвался, обозвал жену законченной *иззот* и велел ей убираться в свои покой. Чтобы подтвердить серьезность своих намерений, он приказал нескольким солдатам сопровождать герцогиню. Однако Зуни оказалась слишком глупа, чтобы понять, что ситуация становится опасной и что дело пахнет топором палача. Она бушевала до тех пор, пока герцог не приказал двум солдатам схватить ее за руки — по крайней мере так предположил Грин, исходя из волей герцогини, требующей, чтобы они убрали свои грязные лапы, — и тащить в ее покой. Но даже после этого потребовалось еще некоторое время, прежде чем дверь герцогских покоев захлопнулась за последним из посетителей.

Правитель открыл дверь чулана. В руках у него было зеленое одеяние жреца, священные шестиугольные очки и маска,

которая должна была прикрывать нижнюю часть лица. Маски обычно носили монахи, отправлявшиеся по поручению кого-нибудь из высокопоставленных лиц. Пока на монахе была эта маска, он не мог разговаривать ни с кем, кроме того, к кому был направлен — монахи давали соответствующую клятву. Таким образом, Грин мог не беспокоиться, что его начнут донимать вопросами.

Алан надел одежду жреца, очки и маску, натянул капюшон поглубже и спрятал за пазуху птицу эксуротр. Кроме того, Грин взял с собой заряженный пистолет, спрятав его в широком рукаве.

— Только помни, — обеспокоенно сказал герцог, когда Грин приоткрыл дверь и выглянул, чтобы убедиться, что на лестнице никого нет, — помни — ты должен быть очень осторожен, чтобы не повредить эксуротр. Скажи Зингаро, чтобы он завернул статуэтку в шелк и уложил в ящичек, заполненный опилками, чтобы она не разбилась. Пока она не вернется обратно в мою коллекцию, я переживу тысячу смертей.

Грин подумал, что он тоже переживет тысячу смертей, пока не выберется за пределы досягаемости герцога и не окажется на судне как можно дальше от города.

Землянин еще раз пообещал, что сдержит слово, если герцог сдержит свое, но что он примет все меры, чтобы обезопасить себя от предательства. Потом он выскользнул наружу и закрыл за собой дверь. До тех пор пока он не окажется на борту «Птицы удачи», он предоставлен самому себе.

ГЛАВА 10

Единственная проблема, с которой столкнулся Грин, заключалась в необходимости пробраться через плотную толпу. Взрыв и поднявшаяся в замке суматоха переполошили весь город, поэтому все, кто мог стоять на ногах или располагал теми, кто его понесет, уже были под стенами замка, задавая вопросы, взволнованно переговариваясь, общими усилиями доводя хаос до предела и радостно используя малейший предлог для участия во всеобщем волнении. Грин быстрым шагом прошел через толпу. Голова его была опущена, что не мешало ему внимательно осматривать все вокруг. Продвигался он довольно успешно, лишь несколько раз особенно плотные скопления народа заставили его притормозить.

В конце концов Грин выбрался на равнину и перед ним возник лес корабельных мачт. Он сумел добраться к «Птице удачи», не будучи замеченным ни одним из доброй дюжины стражников, которых миновал. Само судно стояло между двумя доками — его затащила туда на буксире большая группа рабов.

С судна в док были переброшены сходни, и на обоих их концах стояли вахтенные матросы, одетые в цвета клана — желтый, фиолетовый и темно-красный. Они жевали орех грикстр — местный эквивалент бетеля, только в отличие от бетеля грикстр окрашивал зубы и губы жующего в зеленый цвет.

Когда Грин решительно взошел на сходни, на лице ближайшего из вахтенных появилось сомнение, и он потянулся к рукояти ножа. Очевидно, Миран не отдавал никаких приказов относительно жрецов, но вахтенный знал, что означает эта маска, и она внушала ему достаточно уважения, чтобы он не стал пытаться задержать чужака. Второй вахтенный шевелил мозгами ничуть не быстрее. Грин проскользнул мимо него, прошел на середину палубы, а оттуда — в носовую часть, и поспешно постучал в дверь капитанской каюты. Несколько мгновений спустя дверь резко распахнулась; из каюты на палубу хлынул поток света, но его тут же перегородила объемистая туша Мирана.

Грин вошел в каюту, оттеснив капитана обратно. Миран потянулся было за кинжалом, но остановился, увидев, как неизвестный снимает маску, потом очки, и откладывает капюшон.

— Грин! Тебе все-таки удалось! Я думал, это невозможно!

— Для меня невозможного нет, — скромно сказал Грин. Он присел к столу — точнее, рухнул — и бесстрастным голосом, временами запинаясь от усталости, принялся излагать историю своего побега. Через несколько минут узкая каюта задрожала от раскатов капитанского смеха. Единственный глаз Мирана засиял. Торговец похлопал Грина по спине и призвал в свидетели всех богов, что для него это большая честь — принимать на борту своего корабля такого человека.

— Давай-ка по этому поводу выпьем леспаксианского вина — оно даже лучше, чем чалоузмское, и я держу его для самых почетных гостей, — посмеиваясь, сказал Миран.

Грин протянул руку, чтобы взять предложенный бокал, но, не успев дотянуться, осел, уронив голову на стол, и оглушительно захрапел.

Три дня спустя хорошо отдохнувший Грин, по уши налитый превосходным леспаксианским, сидел за столом и ожидал, когда ему наконец-то можно будет покинуть каюту. В первый день вынужденного бездействия он отсыпался, отъедался и расхаживал по каюте, беспокойно ожидая вестей из города. С наступлением ночи вернулся Миран с известием о том, что город и окрестные холмы сейчас яростно прочесываются. Конечно, герцог настаивал на том, что суда тоже необходимо обыскать, и Миран сыпал ругательствами — это означало задержку, которая могла стать роковой. Они не могли позволить себе ждать дольше трех дней. Баки с рыбой уже установлены, запасы

проводили почти полностью погружены в трюм, экипаж вытащен из таверн и успел пропретреться. Не позднее чем через два дня судну следовало выйти из порта и отправиться в свое дальнее и рискованное путешествие.

— Я не беспокоюсь, — сказал Грин. — Вот увидите — завтра поступит известие, что Грин убит дикарями из клана Аксак-вексан, которые заявят, что пришлют голову раба лишь после того, как получат деньги. Герцог отнесется к этому сообщению, как к правдивому, и об обыске кораблей все забудут.

Миран потер свои пухлые ладони, и его единственный глаз засиял. Купец любил хорошую интригу, и чем изощреннее она будет — тем лучше.

Но на второй день, несмотря на то что предсказание Грина сбылось, Миран начал нервничать и находить постоянное присутствие этого рослого белокурого мужчины в своей каюте утомительным. Он хотел отправить землянина в трюм, но Грин решительно отказался, напомнив капитану его обещание предоставить ему убежище в собственной каюте. После этого он спокойно присвоил еще одну бутылку леспаксианского, спрятанного в надежном месте, и выпил ее. Миран побагровел, и его лицо исказилось от сдерживаемого негодования, но все же он промолчал, поскольку обычай позволял гостям делать все, что они захотят — в разумных пределах, конечно.

На третий день Миран окончательно разнервничался и только и делал, что трясясь, потел и бегал взад-вперед. В конце концов он вышел из каюты, но лишь для того, чтобы приняться расхаживать по палубе. Грин часами слышал его шаги. На четвертый день капитан вскочил на рассвете и тут же принялся командовать. Вскоре Грин почувствовал, что судно движется. До него донеслись крики десятника, отдававшего приказы буксировочной команде, и пение рабов, которые, согнувшись в три погибели, тянули корабль за огромные канаты.

Судно медленно (Грину казалось, что слишком уж медленно), со скрипом двинулось вперед. Алан осмелился приоткрыть занавеску и выглянуть в квадратный иллюминатор. Взгляд Грина уткнулся в борт другого парусника, и землянину потребовалось некоторое время, чтобы удостовериться, что движется все-таки именно их корабль. Потом Грин увидел, что корабль движется со скоростью пятнадцать-шестнадцать футов в минуту. Такими темпами им должно было понадобиться не меньше часа, чтобы обогнать стену, защищавшую порт от ветра.

Этот час Грин просидел, покрываясь испариной и бессознательно, по полу забытой детской привычке, грызя ногти, ожидая, что в любое мгновение в доке могут появиться солдаты и поднять крик, чтобы «Птица удачи» немедленно остановилась, потому что на борту у нее беглый раб.

Но ничего такого не произошло. Наконец буксировщики остановились и принялись сматывать свои канаты — к этому моменту Грин как раз догрыз последний ноготь. Миран отдавал приказы, первый помощник их повторял, на палубе слышался топот множества ног и многоголосое пение. Звуки, напоминавшие шуршание вспарываемой ножом ткани, засвидетельствовали, что паруса развернуты. Внезапно судно качнулось, поймало ветер и по палубе прокатилась дрожь, означавшая, что главная ось шевельнулась, и огромные колеса с шинами из чакоротра, разновидности каучука, пришли в движение. «Птица» распахнула крылья!

Грин осторожно приоткрыл дверь и бросил последний взгляд на Квотц. Город быстро исчезал из виду — судно двигалось со скоростью пятнадцать миль в час — и с этого расстояния выглядел как игрушечный городок, уютно устроившийся у подножия небольшого холма. Теперь, когда опасность миновала, а ароматы городских улиц больше не достигали носа Грина, город показался ему романтичным и привлекательным.

— Итак, скажем последнее «прости» экзотическому Квотцу, — пробормотал Грин тоном экскурсовода. — Прощай, ты, сын иззот!

А после этого, хотя Грину полагалось оставаться в каюте, пока Миран не позволит ему выходить, землянин открыл дверь и ступил на палубу.

И едва не скончался на месте.

— Здравствуй, дорогой, — сказала Арма.

Приветствия столпившихся вокруг Армы детей Грин уже вряд ли расслышал. Он внезапно обнаружил, что у него отчаянно кружится голова и что раскинувшаяся вокруг тьма грозит поглотить его. Возможно, потрясение было усугублено выпитым перед этим вином. Возможно — об этом Грин подумал позже — причиной был испуг, такой сильный, какого он не испытывал даже во время побега из замка. К тому же Грин был пристыжен тем, что Арма догадалась о его намерении бросить ее, и еще больше пристыжен тем, что она все равно любила его и не захотела отпускать одного. Арма была так довольна собой, что ей стоило огромных усилий сдержаться.

Возможно, как позже говорил себе Грин, именно страх перед острым язычком Армы заставил его так стушеваться. Ничто не пугает мужчину сильнее, чем языкастая женщина, особенно если он действительно заслужил выволочку. Ой, заслужил!

Но это все еще было впереди. А в тот момент Арма была до странного тихой и кроткой. Она всего лишь сказала, что у нее много деловых связей и что она хорошо знает Зингаро, коммерческого агента гильдии воров. Они — друзья детства и не раз помогали друг другу в различных не совсем законных сдел-

ках. Потому вполне естественно, что она услышала о статуэтке птицы эксуротр, которую раб, скрывающийся на «Птице удачи», передал Зингаро, чтобы тот вернул птицу герцогу. Она прижала Зингаро к стенке и вытрясла из него достаточно сведений, чтобы убедиться, что этим скрывающимся рабом был Грин. В конце концов, Зингаро обещал держать в тайне лишь некоторые подробности этого дела. Тогда Арма оставила свое торговое предприятие Зингаро и сказала Мирану, что она сообщит герцогине о местонахождении Грина, если купец не позволит ей и ее детям отправиться в это путешествие.

— И вот я здесь, твоя верная и преданная жена, — закончила Арма, распахнув руки для объятий.

— Я просто потрясен, — ничуть не преувеличивая, ответил Грин.

— Ну так подойди же и обними меня, — крикнула Арма, — не стой так, словно увидел ожившего мертвеца!

— Что, при всех? — ошеломленно спросил Грин, глядя на капитана и первого помощника, любующихся на эту картину с капитанского мостика, и на заполнивших палубу матросов и членов их семей. Единственными, кто не глазел на это представление, были рулевые, поскольку их внимание было поглощено борьбой с огромным штурвалом.

— А почему бы и нет? — парировала Арма. — Ты будешь спать рядом с этими людьми, есть вместе с ними, дышать одним воздухом с ними, сталкиваться с ними при каждом повороте судна, ругаться, смеяться, сражаться, пить, заниматься любовью — и все это на открытой палубе. Так почему бы тебе не обнять меня? Или ты предпочел бы, чтобы меня здесь не было?

— Этого мне и в голову не приходило, — ответил Грин, шагнув навстречу и взяв Арму за руки. «А если и приходило, — мелькнула у него мысль, — то можешь спорить на что угодно, что я не посмею сказать об этом вслух».

В конце концов, это было приятно — снова прикоснуться к ее мягкому, теплому, соблазнительному телу и знать, что хоть один человек на этой Богом забытой планете беспокоится о нем. Как ему хоть на минуту могла прийти в голову мысль, что он сможет жить без Армы?

А придется. Если он когда-нибудь вернется на Землю, Арме решительно не будет места в его жизни.

ГЛАВА 11

— Вы двое, ваши дети и ваша служанка должны спуститься с палубы в трюм, — сказал Миран, откашлявшись. — Вы будете жить там. Вы не должны и ногой ступить на верхнюю

палубу, пока вам этого не позволяют. Я управляю кораблем, на котором всегда был порядок, и дисциплина здесь обязательна.

Грин отправился вниз следом за Армой и детьми. Он только сейчас заметил, что Инзах, хорошенъкая белокурая рабыня, тоже находится на борту. Нужно отдать должное Арме. Куда бы она ни отправлялась, она путешествовала с шиком.

Еще Грин подумал, что если этот корабль считался дисциплинированным, то на остальных, наверное, царил полный хаос. Коты и собаки шныряли то тут, то там, играли с многочисленными детьми или дрались между собой. Женщины сидели на палубе и занимались шитьем, или мыли посуду, или нянчили детей. В понатыканых повсюду клетках негодующе квохтали куры. У левого борта вообще был сооружен загончик, в котором толкались штук тридцать крохотных животных, напоминавших порослят, только с ушами, как у кроликов.

Грин с Армой подошли к натянутому тенту.

— Ну разве не чудесно? — сказала Арма. — Вот эти краешки мы можем отвязывать и опускать, если пойдет дождь или если мы захотим уединиться, — а я думаю, что мы захотим — ты иногда бываешь такой забавный.

— Это восхитительно! — поспешил заверил ее Грин. — Я смотрю, у тебя тут даже несколько перин. И небольшая плита, чтоб готовить.

Грин огляделся.

— А где же баки с рыбой? Я думал, Миран прикрепил их к палубе.

— Нет, он сказал, что баки слишком ценные, и их надо убрать с тех мест, которые простреливаются — на случай, если мы столкнемся с пиратами. Поэтому он приказал проделать в палубе такой широкий люк, чтобы баки можно было опустить в трюм. Потом люк снова заделали. Если бы не баки, большая часть этих людей устроилась бы в трюме. Но теперь там нет места.

Грин решил осмотреться. Он всегда предпочитал заранее ознакомиться с окружающей обстановкой, чтобы знать, как действовать в каком-нибудь непредвиденном случае.

Судно насчитывало в длину около двухсот футов, а в ширину — тридцать четыре фута. Корпус был сделан в форме лодки, и его узкий киль опирался на четырнадцать осей. На концах этих осей вращались двадцать восемь огромных колес, цельных, без спиц, с резиновыми ободами. Толстые веревки, свитые из прочного резиноподобного вещества, тянулись от концов осей к верхней части корпуса. Они должны были поддерживать устойчивость корпуса и предохранять его от опрокидывания, когда корабль качало при слишком сильном боковом ветре, а также обеспечить некоторую упругость, когда корабль выпол-

нял поворот. Находиться на нем в этот момент было почти тоже самое, что находиться на борту морского судна. Когда передняя пара колес — рулевая — поворачивала и продольная ось корабля медленно изменяла направление, судно, влекомое порывами ветра, кренилось. Не слишком сильно, правда — менее сильно, чем накренился бы в подобных обстоятельствах морской корабль, — но достаточно, чтобы кто-нибудь из экипажа полетел кубарем. Канаты, расположенные по наветренному борту, выравнивали наклон, останавливали движение киля вбок и плавно возвращали его в прежнее положение. Потом то же самое движение повторялось — только еще более замедленное и непродолжительное. Этого было вполне достаточно, чтобы заставить новичка позеленеть. В начале путешествия или во время сильной бури всегда находилось достаточно народу, страдающего от степной болезни. Так же, как и при водном аналоге этого недуга, жертве оставалось лишь перевеситься через перила и мечтать о кончине.

«Птица удачи» отличалась от других кораблей более изогнутым носом и высокой носовой частью судна. В носовой части был установлен уже упоминавшийся штурвал. При нем всегда находилось двое рулевых, носивших шестиугольные очки и закрытые кожаные шлемы с высокими гребнями из кручёной проволоки. За спинами у рулевых стояли капитан и первый помощник, распределявшие свое внимание между этими самыми рулевыми и матросами, находящимися на палубе и на мачтах. Посередине палуба понижалась, а корма хоть и повышалась, но все же была пониже носовой части.

Четыре мачты были высокими, хотя и не настолько, какими они могли бы быть на морском судне такого же размера. Высокие мачты создавали для корабля риск опрокинуться при резком порыве ветра, несмотря на весь вес осей и колес. Поэтому нок-реи, значительно выдававшиеся за борта, были соответственно длиннее, чем у морских судов. «Птица», идущая под всеми парусами, выглядела в глазах моряка приземистой и неуклюжей. Более того, перпендикулярно верхней части корпуса и килю тоже были закреплены реи и между ними были натянуты дополнительные паруса. Зрелище парусов, пристроенных между колесами, могло бы заставить любого старого моряка крепко напиться.

На трех мачтах стояли прямоугольные паруса. Кормовая мачта несла еще дополнительную оснастку, помогавшую управлять кораблем. Бушприта не было.

В целом это судно выглядело довольно странно. Но для привычного взгляда оно было таким же прекрасным, как и морской парусник.

Кроме того, оно было грозным. Пять больших пушек стояли на средней части палубы «Птицы», шесть — на второй палубе, легкая вращающаяся пушка — на носу и еще две вращающиеся пушки — на корме.

С шлюпбалок свисали два длинных спасательных плота и гичка, оснащенные колесами и складными мачтами. Если «Птица» потерпит крушение и ее придется покинуть, команда сможет спастись на этих маленьких судах.

Впрочем, у Грина было мало времени на осмотр судна. Он заметил, что за ним пристально следит какой-то высокий, тонкий матрос. Матрос был смуглым от загара, но голубые глаза выдавали в нем уроженца тропатских холмов. Он двигался грациозно, словно кот, и носил длинный тонкий кинжал, острый, словно коготь. «Странный тип», — подумал Грин.

Тем временем странный тип, видя, что Грин его не замечает, прошелся прямо перед землянином так, чтобы на него уже нельзя было не обратить внимания. Общее жужжание вокруг стихло, и все повернули головы, чтобы ничего не упустить.

— Дружище, — довольно приветливо сказал Грин, — не мог бы ты стоять где-нибудь на одном месте? Ты загораживаешь мне обзор.

Матрос сплюнул грикстр под ноги:

— Среди моих друзей не водится рабов. Да, я загораживаю тебе обзор, и я не намерен отсюда уходить.

— Очевидно, тебя не устраивает мое присутствие здесь, — произнес Грин. — А в чем, собственно, дело? Тебе не нравится мое лицо?

— Да, не нравится. И мне не нравится видеть среди экипажа вонючего раба.

— Если уж говорить о вони, — сказал Грин, — не мог бы ты встать с подветренной стороны? Я здорово устал, и у меня слабый желудок.

— Заткнись, ты, сын иззот! — взревел побагровевший матрос. — Научись уважать тех, кто лучше тебя, или я врежу тебе как следует и выброшу тебя за борт!

— Двое людей могут убить друг друга, а могут и договориться, — намеренно громко сказал Грин, надеясь, что Миран услышит его слова и вспомнит, что обещал ему защиту. Но капитан лишь пожал плечами. Он сделал все, что мог. А с этим Грину предстоит справляться самому.

— Да, я раб, это правда, — произнес Грин. — Но я не родился рабом. Прежде чем меня обратили в рабство, я был свободным человеком — более свободным, чем любой из вас. Я пришел сюда из страны, где нет господ, потому что каждый человек — сам себе господин. Впрочем, сейчас я уже не там, но и

не в Квотце. Дело в том, что я заслужил свободу, сражаясь, как воин, а не как раб, чтобы пробраться на борт «Птицы». Я хочу стать членом экипажа и членом клана Эффеникан.

— На самом деле? А что ты можешь предложить клану, чтобы мы сочли тебя достойным смешать с тобой нашу кровь?

А действительно — что? Грин задумался. Его бросило в жар, хотя утренний ветер был довольно холодным.

В это мгновение Грин увидел, как Миран что-то сказал матросу. Тот исчез в трюме и вынырнул, неся маленькую арфу. Вот теперь Грин вспомнил, как однажды капитан сказал, что хороший арфист и певец будет гораздо охотнее принят в клан, чем кто-либо другой — надо же людям как-то развлекаться во время долгого путешествия.

Но, к несчастью, Грин не знал ни единой ноты.

Тем не менее он взял у матроса арфу и с полной серьезностью подергал струны. Землянин прислушался, нахмурился, подтянул колки, снова провел рукой по струнам и вернул арфу обратно.

— Простите, но это скверный инструмент, — надменно произнес Грин. — У вас нет чего-нибудь лучше? Я не намерен унижать мое искусство игрой на такой дешевке.

— О боги! — возмущенно завопил стоящий рядом человек. — Это ты такое говоришь о моей арфе, о любимой арфе барда Гразута?! Раб! Глухой сын безголосой матери! Ты мне ответишь за это оскорбление!

— Нет, — сказал матрос, — это мое дело. Я, Эзкр, сам докажу, что этот увалень недостоин того, чтобы мы приняли его в свой клан и назвали братом.

— Только через мой труп, брат!

— Если тебе так угодно, брат!

Они успели осыпать друг друга еще множеством гневных слов, пока с капитанского мостика не спустился Миран.

— Клянусь Меннироксом, это позор! — воскликнул он. — Два эффениканы ссорятся в присутствии раба! А ну-ка, угомонитесь и решите этот вопрос спокойно, или я вас обоих отправлю за борт. Отсюда еще можно вернуться в Квотц.

— Мы бросим кости, чтобы увидеть, кому повезет, — сказал Эзкр. Обнажив в ухмылке щербатые зубы, матрос полез в висевший у него на поясе кошелек и извлек оттуда игральные кости. Он выиграл, выбросив четверку. Грин был расстроен сильнее, чем осмеливался показать. Он надеялся, если уж драка неизбежна, драться с низеньким, толстеньким, мягкотелым на вид арфистом, а не с рослым матросом.

Эзкр, похоже, разделял мнение Грина, что тому не повезло. Жуя грикстр с такой скоростью, что по подбородку у него потекла

струйка ярко-зеленой слюны, Эзкр объявил, не стесняясь в выражениях, каким именно образом он намерен доказать, что этот белобрысый раб ни на что не годится.

ГЛАВА 12

Несколько секунд Грин вполне серьезно обдумывал, а не покинуть ли ему корабль и не продолжить ли путь пешком.

Но тут раздались громкие возражения Мирана:

— Что за чушь! Почему ты не можешь драться на палубе, как это делают все нормальные люди, до первой крови? Этак я могу тебя потерять, Эзкр, а ты — один из самых опытных матросов. Если ты поскользнешься, кто займет твое место? Этот новичок, что ли?

Зная, что законы клана сейчас на его стороне, Эзкр не обратил на негодование капитана никакого внимания. Он лишь сплюнул и сказал:

— Махать кинжалом любой дурак может. Я хочу посмотреть, чего этот Грин стоит наверху. Пройтись по рее — лучший способ узнать, какого цвета у него кровь.

Грин подумал, что как там кровь, он не знает, а по коже мурashki точно уже побежали. Вы прекрасно сможете рассмотреть цвет моей крови, когда я упаду — она разбрызгается отсюда до горизонта!

Землянин спросил у Мирана, может ли он на несколько минут удалиться за занавеску, чтобы обратиться к своим богам с просьбой об удаче. Миран кивнул, тогда Грин опустился на колени и приказал Арме отвязать один край тента. Когда она таким образом обеспечила Грину некоторое уединение, он протянул Арме длинный кусок ткани, из которого сворачивали тюрбан, и сказал, чтобы она вышла. Арма посмотрела с недоумением, но, когда Грин объяснил, что ей надо будет делать, она улыбнулась и поцеловала его.

— Ты очень умный, Аллан. Я была права, когда предпочла тебя всем остальным мужчинам — я выбрала самого лучшего.

— Прибереги свои похвалы на потом, когда мы увидим, сработает ли это, — ответил Грин. — Иди к печке и делай, как я сказал. Если кто-нибудь примется спрашивать, зачем ты это делаешь, говори, что этого требует моя религия. Боги, — сказал он, когда Арма нырнула под край тента, — зачастую бывают очень кстати. Если бы они не существовали, их следовало бы выдумать.

Арма приостановилась и обернулась с выражением обожания на лице:

— Ах, Аллан, это одна из тех вещей, за которые я тебя особенно люблю! Ты так остроумно говоришь! Так умно и в то же время почти богохульно!

Грин пожал плечами, сделав вид, что комплименты Армы ничуть его не затрагивают.

Минуту спустя Арма вернулась с тюрбаном, в который было завернуто что-то мягкое, но тяжелое. Через две минуты Грин вышел из-за тента. На нем был тюрбан, набедренная повязка и кожаный ремень с прицепленным к нему кинжалом. Не произнеся ни слова, Алан принялся карабкаться по веревочной лестнице, свисавшей с ближайшей мачты. Следом за ним поднялся Эзкр.

Арма и дети попытались подбодрить его. Двое старших мальчишек, сыновья герцога, кричали, чтобы он перерезал горло этому Эзкру, а если его, Грина, все-таки убьют, они отомстят за него, когда вырастут, а может даже раньше. Даже белокурая служанка Инзах всплакнула. Грин приободрился — приятно знать, что кто-то о тебе беспокоится. А еще больше его поддерживала мысль о том, что он обязан выжить — чтобы эта женщина с детьми не попала в беду.

Тем не менее Грин чувствовал, что его наскоро мобилизованное мужество испаряется с каждым шагом, ведущим вверх. Здесь было слишком высоко, а до лежащей внизу палубы — слишком далеко. Корабль становился все меньше и меньше, а люди сделались куклами с обращенными вверх белыми лицами, которые вскоре превратились в размытые пятна. В счастях завывал ветер, и мачты, казавшиеся у основания такими прочными и устойчивыми, стали теперь хрупкими и принялись раскачиваться.

— Чтобы стать матросом и войти в клан Эффеникан, нужно крепкое нутро, — сказал Эзкр. — Оно у тебя есть, Грин?

— Есть, но если меня замутит, то я его потеряю, и ты об этом пожалеешь — ты-то идешь ниже меня, — пробормотал себе под нос Грин.

Наконец после бесконечного подъема к самым облакам Грин добрался до верхней реи. Если о мачте он думал, что та тонкая и гибкая, то рея показалась ему зубочисткой, подвешенной над пропастью. А ему полагалось пройти до самого конца этой зубочистки, а потом повернуть и вернуться обратно.

— Если ты не трус, то ты сейчас встанешь и пройдешь по ней, — подал голос Эзкр.

— И переломаю себе кости о перекладины и об камни внизу, — ответил Грин, не сообщая, впрочем, озадаченному матросу, что он намерен делать. Он сел на рею, обхватил ее ногами и таким образом принялся продвигаться вперед. На середине пути он решил притормозить и бросить взгляд вниз. Одного взгляда оказалось более чем достаточно. Все бы ничего, но эта твердая, поросшая травой земля примерно в миле прямо под ним, и несущаяся навстречу степь, и эти вращающиеся колеса...

— Шевелись! — заорал Эзкр.

Грин повернул голову и непочтительно сообщил матросу, куда он может засунуть себе рею и весь корабль — если, конечно, сумеет.

Смуглое лицо Эзкра залила краска гнева. Он встал на рею и двинулся вперед. Глаза Грина изумленно расширились. Этот человек действительно был способен пройти по рее!

Но, не дойдя до Грина несколько шагов, матрос остановился.

— Ну нет. Ты стараешься разозлить меня, чтобы я сцепился с тобой сейчас, когда ты крепко держишься и можешь столкнуть меня. Я не сделаю такой глупости. Это тебе придется попытаться пройти мимо меня.

Эзкр повернулся, почти беззаботно направился обратно к мачте, оперся спиной и принялся ждать.

— Ты должен дойти до самого конца, — повторил матрос. — Иначе будет считаться, что ты не выдержал испытания, даже если ты пройдешь мимо меня, — если, конечно, сумеешь.

Грин скрипнул зубами и дополз до конца реи — он остановился всего в каких-то двух футах от него. Если он продвинется дальше, то может ее сломать, она и так уже прогибается — по крайней мере так казалось Грину.

Землянин попятился, ухитрился кое-как развернуться и добраться обратно. Не дойдя несколько футов до Эзкра, Грин остановился, чтобы восстановить дыхание, силы и мужество.

Матрос ждал, держась одной рукой за веревку, а в другой сжимая кинжал, острье которого смотрело на Грина.

Землянин начал разматывать свой тюрбан.

— Что ты делаешь? — хмуро и беспокойно спросил Эзкр.

Здесь хозяином положения был матрос, поскольку он знал, чего можно ожидать. Но если произойдет что-нибудь непредвиденное...

Грин пожал плечами и продолжил медленно и вдумчиво разматывать свой головной убор:

— Я не хочу это рассыпать.

— Что — это?

— Вот это! — крикнул Грин и швырнул тюрбан в лицо Эзкру.

Сам тюрбан был слишком коротким, чтобы коснуться матроса. Но ветер подхватил замотанный в тюрбан песок и швырнул его Эзкру в глаза. Арма, выполняя указания мужа, зачерпнула несколько горстей песка из кучи, насыпанной вокруг плиты, а Грин замотал его в складки тюрбана. Хотя из-за этого голова Грина значительно потяжелела, дело того стоило.

Эзкр вскрикнул и, выронив кинжал, схватился за глаза. В то же мгновение Грин скользнул вперед, и его кулак врезался Эзкру в пах. Эзкр скорчился и пошатнулся, Грин поймал его и помог мягко опуститься, но тут же добавил еще — ребром

ладони по шее. Крик Эзкра оборвался — матрос потерял сознание. Грин перевернул Эзкра так, чтобы тот лежал на животе, перевесившись через рею и прислонившись боком к мачте. Ничего серьезнее Грин с ним делать не собирался, и уж тем более не собирался сбрасывать матроса вниз. Единственное, чего хотелось Аллану, — вернуться на твердую безопасную палубу. Если Эзкр все-таки свалится — тем хуже для него.

У основания мачты спускавшегося Алана уже ожидали Арма и Инзах. Лишь ступив на палубу, Грин понял, как сильно у него дрожат ноги. Арма, заметив эту дрожь, быстро обняла мужа, словно приветствуя победившего героя, но на самом деле — чтобы поддержать его.

— Спасибо, — с трудом выговорил Грин. — Мне нужна твоя сила, Арма.

— Неудивительно — любому, кто совершил бы то, что совершил ты, понадобилась бы помошь, — откликнулась Арма. — Мои силы и все, что у меня есть, — твое, Аллан.

Дети смотрели на Грина круглыми от обожания глазами и верещали:

— Это наш папа! Большой белобрысый Грин! Он быстрый, как степной кот, он кусается, как жуткий пес, и плюется ядом в глаза, как летучая змея!

В следующее мгновение на Грина нахлынула волна мужчин и женщин, спешащих поздравить его с подвигом и назвать его братом. Единственными, кто не присоединился к толпе желавших поцеловаться с Грином, были офицеры «Птицы» и семейство незадачливого матроса, Эзкра. Они тем временем вскарабкались по снастям наверх, обвязали своего мужа и отца веревкой и теперь осторожно спускали его на палубу.

Нет, еще один человек держался в стороне — арфист Гра-зут. Он так и остался с хмурым видом стоять у подножия мачты.

Грин решил, что впредь лучше будет присматривать за арфистом, особенно ночью, когда так легко всадить нож под ребра спящему человеку и вышвырнуть тело за борт. Сейчас Грин сожалел об оскорблении, которое он нанес арфе этого человека, но в тот момент у него не было другого выхода. А теперь он постарается найти какой-нибудь путь к примирению.

ГЛАВА 13

В течение двух недель, наполненных тяжелым трудом и недосыпом, Грин учился обязанностям марсового. Он ненавидел лазить наверх, но обнаружил, что в пребывании на такой высоте есть свои преимущества. Это давало возможность вздренуть. Наверху располагалось несколько марсовых площадок,

на которых во время боя должны были стоять мушкетеры. Грин забирался в одну из них и засыпал. Гризкветр, приемный сын Грина, должен был стоять рядом и будить его, когда к ним приближался боцман. Однажды после полудня свисток Гриза пробудил Грина от крепкого сна.

Однако боцман не дошел до них: он остановился, чтобы прочесть нотацию другому матросу. Не сумев заснуть снова, Грин принялся наблюдать за стадом хуберов, цокавших копытами неподалеку от «Птицы». Эти маленькие лошадки, очень красивые, рыжие, с белыми или черными гривами и щеточками над копытами, собирались в огромные стада, иногда насчитывающие сотни тысяч голов. Стадо сбивалось в такую плотную кучу, что со стороны выглядело колышущимся морем голов и поблескивающих копыт, протянувшимся до горизонта.

Да, на этой планете было чему протянуться до горизонта. Грину никогда не приходилось видеть такой ровной степи. Ему едва верилось, что она тянется непрерывно на тысячи миль. Но это действительно было так, и с верхушки мачты Грину открывался превосходный обзор. Это было чудесное зрелище. Высокая и густая трава достигала двух футов в высоту и около шестнадцати дюймов в обхвате стебля. Цвет этой травы был ярко-зеленым, куда ярче, чем у любого земного растения; трава чуть ли не сверкала. Грину рассказывали, что во время сезона дождей степь покрывается множеством белых и красных цветочков, издающих приятный запах.

И тут Грин увидел нечто, вызвавшее у него испуг.

Внезапно, словно накануне здесь прошла какая-то чудовищная машина, высокая трава сменилась низкой — не более дюйма высотой. И это пятно, покрытое низкой травой, простиравшееся перед «Птицей» не менее чем на милю, насколько это мог рассмотреть Грин.

— Как по-твоему, что это такое? — спросил он у сына Армы.

— Не знаю, — пожал плечами Гризкветр. — Матросы говорят, что это сделал *вур*, такой зверь с корабль величиной; он появляется только по ночам. Вур травоядный, но у него такой же скверный характер, как у диких собак, и он нападает на корабли и сплющивает их, будто они сделаны из картона.

— И ты в это веришь? — спросил Грин, внимательно глядя на мальчика.

Гризкветр был здравомыслящим парнишкой, и Грин надеялся заронить ему в душу семена здорового скептицизма. Возможно, однажды эти семена разовьются в начатки науки.

— Я не знаю, правда это или нет. Это возможно, но я не встречал никого, кто видел бы вур собственными глазами. А если вур появляется только по ночам, где он проводит день? Здесь

нет дырок в земле, достаточно больших, чтобы он мог там поместиться.

— Отлично, — улыбнулся Грин.

Гризкветр счастливо улыбнулся в ответ. Он обожал своего приемного отца и жадно впитывал малейший знак внимания или похвалу с его стороны.

— Всегда думай сам, — сказал Грин. — Никогда ничего не принимай на веру, но и не отвергай, пока не получишь твердых доказательств. И имей в виду, что новые доказательства могут опровергнуть то, что раньше считалось незыбледым.

Землянин криво усмехнулся:

— Это я знаю по собственному опыту. Я, например, некоторое время вообще отказывался верить во что-то, пока не увижу это своими глазами. Я причислил бы эту историю к обычным побасенкам тех, кто плавает по травянистому морю. Но сейчас мне стало любопытно, а может ли существовать такое животное, как этот вур?

Некоторое время мужчина и мальчик молча наблюдали за мчащимся мимо них рыжим потоком. В небе кружили птицы — бесчисленное множество. Они тоже были красивыми, как и хуберы, только гораздо более многоцветными. Время от времени какая-нибудь из них мелькала среди такелажа вспышкой ярких перьев и издавала мелодичную трель или хриплый вскрик.

— Смотри! — воскликнул Гризкветр, нетерпеливо указывая вниз. — Степной кот! Он охотился, подстерегал какого-нибудь хубера, а теперь испугался, что стадо его затопчет.

Грин взглянул туда, куда указывал мальчик. Полосатое, словно тигр, животное с длинными лапами отчаянно мчалось, стремясь избежать тысяч топочущих копыт. Со всех сторон его окружала стена рыжих тел. Едва Грин отыскал его взглядом, как стена сомкнулась, и большой кот исчез из виду. Если после этого кот уцелеет, то это будет настоящим чудом.

— О боги! — неожиданно воскликнул Гризкветр.

— Что случилось? — крикнул Грин.

— На горизонте! Парус! Он похож на парус вингов!

Другие тоже заметили парус. Корабль огласило множество воплей. Трубач протрубил боевую тревогу; голос Мирана перекрыл все остальные голоса, как будто капитан кричал в мегафон; хаотическое движение сразу стало упорядоченным и целеустремленным — каждый отправился на свое место. Животных, детей и беременных женщин отправили в трюм. Пушкари уже вытаскивали из люка бочонки с порохом. Мушкетеры карабкались по снастям. Все матросы, которым полагалось быть наверху, заняли свои места. Поскольку Грин уже находился там, где ему и полагалось находиться, у него было время наблюдать, как корабль готовится к бою. Он видел, как Арма

поспешно перецеловала детей, отправила их в трюм, потом при-
нялась рвать ткань на ленты для повязок, потом — заряжать
мушкеты. Однажды она взглянула наверх, помахала Грину ру-
кой, затем снова вернулась к работе. Он помахал в ответ и
получил от боцмана строгое замечание за нарушение дисцип-
лины.

— Грин! Наряд вне очереди!

Землянин тяжко вздохнул и мысленно пожелал этому слу-
жаке свалиться вниз и переломать себе все кости. Если ему
опять не дадут высаться!..

День тянулся медленно, а чужой корабль приближался. Ря-
дом с ним появился еще один парус, и напряжение среди эки-
пажа возросло. Судя по увиденному, их действительно пресле-
довали винги — они обычно ходили парами. Кроме того, об этом
говорила форма парусов, сужавшихся книзу. И об этом же сви-
детельствовали длинные, низкие, обтекаемые корпуса чужаков
и очень большие колеса.

Тем не менее на какое-то время дисциплина была несколько
ослаблена. Детям и животным позволили выйти на палубу, а
женщины занялись приготовлением пищи. Даже после того
как быстроходное судно приблизилось настолько, что алый цвет
его парусов подтвердил его происхождение, повторный сигнал
боевой тревоги не прозвучал. По расчетам Мирана выходило,
что к тому времени, когда винги приблизятся на расстояние
пушечного выстрела, уже наступит ночь.

— Они этого терпеть не могут, а мы любим, — произнес
капитан, расхаживая взад-вперед, теребя висящее в носу коль-
цо и взволнованно посверкивая единственным глазом. — Мы
встретимся в тот момент, когда взойдет большая луна. Но по
всем признакам ночь будет облачной. Смотри! — крикнул он
первому помощнику. — Клянусь Меннироксом, разве не об этом
говорит та дымка, которую я вижу на северо-востоке?

— Клянусь всеми богами, я уверен, что так оно и есть! —
ответил первый помощник. Он изо всех сил вглядывался впе-
ред, ничего не видел в чистом небе, но надеялся, что желанные
облака действительно появятся.

— Меннирокс добр к тем, кто ему поклоняется! — сказал
Миран. — «Любящий тебя процветает» — Книга Истинных Бо-
гов, глава десятая, строфа восьмая. Видит Меннирокс, моя лю-
бовь к нему окупается с процентами!

— Да, конечно, — сказал первый помощник. — Но каков
ваш план?

— Едва лишь солнце полностью скроется за горизонтом и
наш силуэт перестанет вырисовываться в его свете, мы чуть
отклонимся и пойдем наперерез их линии продвижения. Мы
знаем, что винги будут идти довольно близко друг к другу, на-

деяясь догнать нас и обрушить на нас перекрестный огонь. Ну что ж, мы предоставим им такую возможность, но уйдем прежде, чем они смогут ею воспользоваться. Мы пройдем в темноте прямо между ними и обстреляем оба корабля вингов сразу. Прежде чем они окажутся в состоянии нам ответить, мы уже ускользнем. А потом, — воскликнул Миран, хлопнув себя по бокам, — они, возможно, примутся обстреливать друг друга, так что только щепки полетят, потому что каждый будет думать про другого, что это наш корабль! Ха, ха, ха!

— Да будет с нами милость Меннирокса, — побледнев, прорычал первый помощник. — Здесь потребуется дьявольски точный расчет и большая удача. Это смертельно опасный расчет. Мы не увидим вингов, пока не сойдемся с ними почти вплотную, а если мы промахнемся и направимся на один из кораблей, то уже не сумеем избежать столкновения. Хряп! Трах! Бум! Мы погибли!

— Это правда, но если мы не прибегнем к какой-нибудь хитрости вроде этой, то точно погибнем. На рассвете винги настигнут нас — их корабли более маневренны, — а пушек у них больше. И они победят, даже если мы будем драться, как степные коты, а ты знаешь, что тогда произойдет. Винги не берут пленников, если только не собрались уже заканчивать рейс и возвращаться в порт.

— Нам следовало принять конвой, который предлагал нам герцог, — пробормотал первый помощник. — Даже одного военного корабля хватило бы, чтобы перевес сил сложился в нашу пользу.

— Что? И потерять половину прибыли от рейса потому, что придется заплатить этому грабителю герцогу за военный корабль? Ты что, совсем из ума выжил?

— Если и выжил, то не я один, — буркнул первый помощник, повернувшись к ветру, так что тот заглушил его слова. Но они долетели до рулевого, и тот позже пересказал этот разговор. За пять минут новость облетела весь корабль.

— Ну конечно, он-то из клана Гридигат, — решила команда. — Но теперь мы его родственники; а мы знаем цену деньгам. Кто еще мог на такое осмелиться, если не старый толстяк? Кто, как не капитан клана Эффеникан, мог придумать такую хитрую штуку и выполнить ее? А если он так цепко держится за деньги, почему он должен бояться рисковать кораблем и грузом, не говоря уже о собственной драгоценной крови и еще более драгоценной крови его родственников? Нет, Миран может быть одноглазым, толстопузым, с одышкой и скверным характером, но он твердо стоит на палубе. Братья, наполним же кубки и выпьем за спокойную храбрость и страстную скопость капитана Мирана, лучшего из торговцев!

Гразут, низенький толстенький арфист с женоподобными манерами, взял свою арфу и запел самую любимую песню клана, историю о том, как поколение назад они, племя с холмов, спустились на равнину. О том, как они пробрались за ветрозащитную стену города Чутлзая и похитили большой корабль. И как они с тех пор стали людьми травяных морей, обширных пространств Ксардимура, и плавали на похищенном корабле, пока он не был уничтожен в великом сражении с целым кринканс-прунгерским флотом. И как они захватили один из кораблей этого флота, перебили всех мужчин на нем, взяли женщин в плен и скрылись на глазах у пораженного флота. И как они обратили женщин в рабынь, и те родили им детей, и кровь клана Эффеникан смешалась с кринканс-прунгерской кровью, потому теперь у многих членов клана голубые глаза. И как клан приобрел три больших торговых судна — и как два из них два года назад в месяц Дуба вышли в степь и скрылись за зеленым горизонтом, и о них не было никаких вестей, но потом они вернулись, привезя с собой странные истории и полный трюм драгоценных камней. И как теперь клан путешествует под командованием могущественного, хваткого, хитрого, удачливого и богобоязенного капитана Мирана.

Что бы там ни говорилось о Гразуте, нельзя было отрицать, что у него хороший голос. Грин прислушивался к его баритону, доносившемуся с палубы, и словно видел взлет, падение и новое возвышение клана, и понимал, почему эти люди были такими высокомерными, крепко сбитыми, подозрительными по отношению к чужакам и такими храбрыми. Действительно, если бы Грин был рожден на этой планете, он не пожелал бы лучшей, более романтичной жизни, чем кочевая жизнь матроса на степном корабле. Но только при условии, что ему дадут нормально выспаться.

Его мечтания прервал пушечный выстрел. Грин поднял взгляд как раз вовремя, чтобы заметить ядро, разорвавшееся у конца той реи, на которой он сидел. Силы взрыва было недостаточно, чтобы испугать Грина, но зрелище ядра, вспахавшего землю по правому борту в каких-нибудь двадцати футах от ведущих колес заставило землянина осознать, какие повреждения может причинить один-единственный удачный выстрел.

Однако винг не стал продолжать стрельбу. Пират был слишком осмотрителен, чтобы понапрасну расходовать боеприпасы. Несомненно, он надеялся припугнуть торговцев, чтобы те открыли ответный огонь, яростно и бесполезно переводя порох. Бесполезно — потому что солнце уже садилось, через несколько минут солнечный диск должен был скрыться за горизонтом и на степь опустилась бы ночь. Мирану даже не пришлось говорить своим людям, чтобы они не стреляли в ответ — никому

из них и так даже в голову не пришло прикасаться к пушкам, пока капитан не отдаст приказ. Вместо этого он еще раз приказал все огни погасить, а детей — отправить в трюм, чтобы те сидели тихо. И вообще никакого шума!

Потом, бросив последний взгляд на расположение преследующих судов, чьи силуэты быстро тонули в темноте, Миран уточнил направление и силу ветра. Ветер был такой же, как в тот день, когда они подняли паруса, — добрый восточный ветер, толкавший «Птицу» вперед со скоростью восемнадцать миль в час.

Миран что-то тихо сказал первому помощнику и остальным офицерам, и они исчезли в темноте, окутавшей палубу. Они отдавали заранее обдуманные приказы, но не как обычно, через мегафон, а тихими голосами и прикосновениями. Пока офицеры командовали экипажем, Миран босиком стоял на капитанском мостике. Он стоял, наполовину согнувшись, и словно угадывал действия незримых матросов по дрожи, проходящей по доскам палубы, перекладинам и мачтам. Сейчас Миран был толстопузым нервным центром, собиравшим воедино все безмолвные сигналы, исходящие из всех уголков тела «Птицы». Казалось, капитан точно знает, что он делает, и если даже он испытывал сомнения или колебания, он ничем их не выдал. Когда Миран заговорил с рулевыми, голос его был тверд:

— Так держать.

— ...шесть, семь, восемь, девять, десять. Пора! Поворачивай! Так держать!

Грину, восседавшему на марсовой площадке фок-мачты, этот поворот показался деянием ужасающим и противоестественным. Он мог чувствовать, как корпус корабля — а за ним, естественно, и его мачта — наклоняется все сильнее и сильнее, пока чувства Алана не начали утверждать, что корабль неминуемо опрокинется и швырнет его на землю. Но чувства обманули Грина. Когда он уже окончательно уверился, что падает, мачта двинулась в обратном направлении и встала вертикально. Впрочем, теперь Грин был уверен, что рухнет в другую сторону.

Внезапно паруса обвисли. Судно попало в мертвую полосу, где паруса не могли поймать ветер. Потом, когда первоначальный импульс еще толкал «Птицу» вперед, паруса загудели так, что напряженно и внимательно прислушивавшемуся Грину это напомнило артиллерийский огонь. На этот раз ветер подул в совершенно неестественном направлении, прямо «Птице» в нос. В результате паруса наполнились ветром, прижавшись средней частью к мачтам.

Парусник почти остановился. Снасти застонали, а мачты громко заскрипели. Потом паруса выгнулись в обратную сторону, несмотря на отчаянные усилия вцепившихся в них матросов, ругавшихся сквозь зубы.

— О боги! — не выдержал Грин. — Что он делает?

— Тихо! — шикнул на него оказавшийся рядом боцман. — Миран ведет корабль обратным ходом.

У Грина отвисла челюсть. Но он воздержался от дальнейших комментариев, попытавшись вместо этого представить, какое странное зрелище должна сейчас являть из себя «Птица удачи», и сожалея, что не может увидеть этого при дневном свете. Грин сочувствовал рулевым, которым пришлось действовать вопреки всем их навыкам. Довольно тяжко было уже попытаться вслепую проскользнуть между двумя кораблями. Но идти обратным ходом! Им нужно было перекладывать штурвал налево, когда все их рефлексы требовали поворота вправо, и наоборот! Несомненно, Миран понимал это и каждые несколько секунд напоминал рулевым.

Грин начал понимать, что происходит. Теперь «Птица» двигалась в прежнем направлении, но с меньшей скоростью, потому что паруса были перетянуты посередине мачтами, не позволявшими ловить ветер всей поверхностью. Следовательно, теперь корабли вингов должны были почти поравняться с ними, ведь торговое судно потратило много времени на этот маневр. Через пару минут винги должны будут нагнать «Птицу», некоторое время идти борт о борт с ней, потом уйти вперед.

Конечно, при том условии, если Миран точно рассчитал скорость и угол поворота. В противном случае стоило ожидать треска ломаемой кормы, в которую врежется нос корабля вингов.

— О Буксстр, — молился боцман, — направь нас прямо, иначе ты потеряешь самого верного своего почитателя, Мирана.

Грин припомнил, что Буксстром звали бога безумия.

Внезапно кто-то схватил Грина за плечо. Это был боцман.

— Ты не увидишь их, — тихо произнес он. — Они чернее ночи.

Грин всмотрелся повнимательнее. Это игра его воображения, или он действительно видит некую темную массу, движущуюся справа? И другую, едва заметную, — не движение, а лишь намек на него, — слева?

Что бы это ни было, корабли или мираж, но Миран, должно быть, тоже это увидел. Его голос расколол ночь на тысячу осколков, и они уже не собирались вместе.

— Канониры, огонь!

Это выглядело так, словно по команде капитана на волю вырвались прятавшиеся до тех пор светляки. Вдоль бортов вспыхнули огоньки. Грин был поражен, хотя и знал, что трут прятали в корзинах, чтобы винги не могли его заметить.

Потом светляки превратились в длинных пылающих червей — огонь перекинулся на фитили.

Потом последовал мощный рев, и корабль покачнулся. Железные демоны изрыгнули пламя.

И тут же матросы, вооруженные мушкетами, осыпали врага градом пуль. В этом залпе участвовал и сам Грин. Он выпалил в сторону вражеского корабля, на миг озарившегося вспышкой пушечного выстрела.

Снова стало темно, но тишина была нарушена безвозвратно. Люди разразились радостными воплями. Палуба дрожала, словно большая деревянная спина, когда пушки заново подтаскивали к бортовым отверстиям, откуда их отбросило залпом. Что же касается пиратов, они не открыли ответный огонь. Ни единого выстрела. Должно быть, они были слишком ошеломлены.

Миран снова выкрикнул команду, и снова рявкнули большие пушки.

Грин, перезаряжая свой мушкет, обнаружил, что ему надо бы привязаться, а то его заносит вправо. Несколько секунд спустя Алан понял, что «Птица», все еще продолжающая идти обратным ходом, действительно разворачивается вправо.

— Зачем он это делает? — крикнул Грин:

— Дурак, мы не можем подобрать паруса, остановиться, потом снова их поставить. Нас просто отнесет назад, к тому месту, откуда мы начали двигаться задним ходом. Нам надо развернуться, не теряя скорости, а как это можно сделать лучше, если не продолжая маневр? Мы будем поворачивать, пока не вернемся к первоначальному направлению движения.

Теперь Грин понял. Винги проскочили мимо, следовательно, «Птице» больше не грозит столкновение. Но ей не следовало продолжать двигаться ночью задним ходом. Теперь кораблю нужно было срезать угол, чтобы к рассвету оказаться как можно дальше от пиратов.

В этот момент слева от «Птицы» раздался пушечный залп. Экипаж «Птицы» удержался от радостных воплей лишь потому, что Миран пригрозил выкинуть за борт любого, кто выдаст винги их местоположение. Так что теперь вся команда давилась беззвучным смехом. Хитрый старый Миран провернул свой лучший фокус. Как он и ожидал, пираты, убежденные, что перед ними находится противник, принялись обстреливать друг друга.

— Теперь пускай они лупят друг друга, пока не разнесут в клочья, — сдавленно рассмеялся боцман. — Эх, Миран, какую историю мы сможем рассказывать в тавернах, когда придем в порт!

ГЛАВА 14

В течение пяти минут вспышки, перемежающиеся с ревом, свидетельствовали о том, что винги продолжают обстреливать друг друга. Потом стало темно. Не то пираты все-таки узнали друг друга, не то решили, что ночной бой — занятие не для них, и легли на расходящиеся галсы. Если правильным было второе предположение, то «Птице» теперь особо нечего было опасаться, поскольку винги нипочем не стали бы нападать на торговый корабль в одиночку.

Облака разошлись, и по степи разлился свет большой и малой лун. Пиратов было не видать. Не появились они и на расвете. Правда, в полукилометре от «Птицы» возник какой-то парус, но он не обеспокоил никого, кроме неопытного Грина, поскольку остальная команда знала этот парус, как свой собственный. Это был торговец из Дэма, соседнего города, принадлежащего герцогству Потзихили.

Грин обрадовался. Они могли бы путешествовать вместе — все-таки вдвоем безопаснее.

Но не тут-то было. После того как корабли обменялись приветствиями и выяснилось, что дэмский торговец тоже идет в Эсторию, Миран приказал поднять все паруса и оторваться от него.

— Он что, сумасшедший? — простонал Грин.

— Такой же сумасшедший, как *зилмар*, — откликнулся один из матросов. Зилмарами называли похожих на лисиц животных, обитающих в холмах. — Мы должны прийти в Эсторию первыми, чтобы получить самую лучшую цену за свой груз.

— Но это полный идиотизм, — огрызнулся Грин. — Тот корабль никак не может везти живую рыбу. Он нам не конкурент.

— Нет, но мы везем и другие товары на продажу. К тому же это у Мирана в крови. Если капитан видит, что какой-то торговый корабль его обгоняет, ему просто становится дурно.

Все, что оставалось Грину, — всплеснуть руками и в отчаянии закатить глаза. Потом он вернулся к своим обязанностям. Ему еще многое предстояло сделать, прежде чем он получит возможность спспать.

Дни и ночи проходили в тяжелом однообразном труде и в тревогах или экскурсиях, время от времени нарушавших однообразный ход событий. И в том, и в другом случае корабль, не

снижая скорости, спускал гичку, и та неслась прочь под своими белыми парусами, носовым и кормовым. В нее набивались охотники и гонялись за хуберами, оленями или карликовыми свиньями, пока животные не изнемогали от усталости, после чего их подстреливали. Они всегда приносили много свежего мяса. Что же касается воды, стоявшие на палубе баки были полны, потому что каждый день днем и вечером не менее получаса шел дождь.

Грина поражала регулярность и точность этих ливней. Тучи собирались в полдень, от тридцати до шестидесяти минут шел дождь, после чего небо снова очищалось. Это было очень удобно, но совершенно необъяснимо.

Как-то раз Грину позволили попрактиковаться в стрельбе с марсовой площадки по движущимся мишеням — степным котам или огромным диким собакам. Собаки собирались в стаи по пять—двадцать животных и часто сопровождали «Птицу», рыча, завывая и иногда проносясь между колесами. Среди матросов ходили истории о том, что эти псы делали с людьми, упавшими за борт или потерпевшими крушение.

Грин поежился и принялся учиться стрелять. Хотя обычно он не одобрял, когда по животным стреляли ради развлечения, пальба по этим волкообразным хищникам не вызывала у него ни малейших угрызений совести. Еще с тех времен когда Грин был вынужден терпеть выходки Альзо, он возненавидел собак со страстью, неуместной для цивилизованного человека. Конечно же, тот факт, что каждая собака на планете терпеть не могла его инопланетный запах и норовила вцепиться в Алана, только усиливал его реакцию. Ноги землянина вечно были покусаны живущими на корабле псами.

Часто корабль шел через траву, которая была высотой человеку по колено. Потом это внезапно переходило в одну из огромных лужаек, на которых трава выглядела тщательно подстриженной. Они по-прежнему вызывали у Грина желание разгадать эту загадку, но все, чего ему удавалось добиться от своих спутников, было лишь разнообразными побасенками о вуру, травоядном животном размером с два корабля, составленных вместе.

Однажды им попался остав потерпевшего крушение судна. Обгорелый корпус валялся на земле, и то тут то там сверкали на солнце кости. Грин удивился, куда делись мачты, колеса и пушки. Ему объяснили, что их забрали кочующие по степи дики.

— Они используют это для собственных кораблей, но на самом деле это всего лишь большие платформы с парусами, плоты, — сказала Арма. — Они устанавливают там навесы, делают костровую площадку и отправляются на этих плотах на

охоту. Впрочем, некоторые из дикарей пренебрегают плотами и селятся на блуждающих островах.

Грин улыбнулся, но ничего не сказал, чтобы не обижать тех, кто в эти истории верил, в том числе и Арму.

— Тебе не часто придется видеть следы кораблекрушений, — продолжала она. — Не потому, что они слышатся редко, вовсе нет. Из десяти кораблей, уходящих в дальнее плавание, возвращаются лишь шесть.

— Так мало? Тогда я поражаюсь, как при таком количестве несчастных случаев находятся желающие испытывать судьбу и рисковать жизнью.

— Ты забываешь, что тот, кто возвращается, становится намного богаче, чем был до отплытия. Посмотри на Мирана. Он платит большие налоги в каждом порту, в который заходит. Он платит еще большие налоги в родном порту. Он должен делиться с членами своего клана, хотя ему причитается десять процентов прибыли с каждого груза. И несмотря на все это, он самый богатый человек в Квотце, даже богаче герцога.

— Да, но человек, который так рискует лишь из слабой надежды на удачу, — просто дурак, — возразил Грин, но тут же запнулся. А в конце концов, по какой причине викинги приплыли в Америку, а Колумб — в свою Вест-Индию? Что толкало сотни тысяч землян подвергать себя риску перелета через межзвездное пространство? Хотя бы его самого? Он оставил постоянное, хорошо оплачиваемое рабочее место на Земле, место специалиста по морским пищевым культурам, и отправился на Пашовер, планету в системе Альбирео. Он собирался пару лет поработать там, потом подать в отставку. Если бы не этот несчастный случай!..

Конечно, некоторых пионеров вела в путь не жажда наживы. Существует еще такая вещь, как любовь к приключениям — впрочем, тоже не совсем бескорыстная. Даже перед мысленным взором искателей приключений маячило затерявшееся в глущи Эльдорадо. Алчность завоевала куда большие территории, нежели любознательность.

— Можно подумать, что остатки кораблей все равно должны попадаться часто, хоть степь и широка, — продолжила Арма, прервав размышления Грина. — Но их очень быстро раскивают дикари и пираты.

— Ма, извини, что я перебиваю, — подал голос Гризкветр. — Я тут слышал, как один матрос, Зууб, говорил об этом. Он сказал, что однажды видел корабль, ограбленный, как он предполагал, пиратами. Это было в трех днях пути от Иешкайавача, кварцевого города на дальнем севере. Зууб сказал, что их корабль провел неделю в Иешкайаваче, потом вернулся тем же путем. Но разрушенного корабля на прежнем месте не было.

Даже кости матросов куда-то исчезли. И еще Зууб сказал, что это напоминает ему одну историю, которую он слышал от своего отца, еще когда был маленьким. Он говорил, его отец рассказывал, что однажды их корабль едва не въехал в огромную дыру, не отмеченную на карте. Она была большой, не меньше двухсот футов в поперечнике, а вокруг была нагромождена земля, как возле кратера вулкана. Сперва они подумали, что это он и есть, хотя никогда не слыхали, чтобы в Ксардимуре встречались вулканы. Потом они встретились с кораблем, экипаж которого видел, как эта дыра появилась. Они сказали, что это была огромная падающая звезда...

— Метеорит, — прокомментировал Грин.

— ...и именно она пробила эту дыру. Ну, это объяснение было не хуже любого другого. Но самое удивительное то, что, когда они проходили там месяц спустя, дыра исчезла. Она была забросана, заровнена, и сверху росла трава, будто здесь и не было никогда никакой дыры. Как ты можешь объяснить это, приемный отец?

— Есть многое в небе и на земле, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам, — безразлично ответил Грин, не слишком заботясь о точности цитаты.

Арма и мальчик недоуменно заморгали.

— Горацио?

— Неважно.

— Этот матрос сказал, что, может быть, это дело рук богов, которые работают втайне по ночам и следят, чтобы степь оставалась ровной и свободной от препятствий, чтобы истинные почитатели богов могли путешествовать по ней и получать прибыль.

— Неужели чудеса рационализации никогда не прекратятся? — вздохнул Грин.

Он встал с груды шкур:

— Мне пора на вахту.

Грин поцеловал Арму, служанку, детей и вышел из-под на-веса. Он пошел через палубу, обдумывая, какое впечатление произвел бы на Арму рассказ о его происхождении. В состоянии ли она усвоить мысль о множестве других миров, удаленных друг от друга на такое расстояние, что человек может идти миллион лет и не пройти даже половины пути от Земли до этой планеты? Или она автоматически отреагирует так же, как большинство ее земляков, и будет думать, что он — демон в человеческом обличье? Для нее более естественным будет второй вариант. Если смотреть объективно, это более правдоподобный исход такого разговора, с учетом полного отсутствия у Армы научных знаний. Намного более вероятный.

Что-то стукнуло погруженного в размышления Грина, и он машинально извинился по-английски.

— Нечего обзывать меня на этом твоем тарабарском языке! — огрызнулся Гразут, толстый маленький арфист.

Рядом с Гразутом стоял Эзкр.

— Он думает, что может топтаться по тебе, Гразут, потому что он оскорбил твою арфу, и это сошло ему с рук, — с кривой ухмылкой сказал матрос, подстрекая барда к действиям.

Гразут надул щеки, побагровел и засверкал глазами:

— Я не всадил свой кинжал в этого сына из зот только потому, что Миран запретил дуэли!

Грин посмотрел на одного, потом на другого. Очевидно, эта сцена была заранее отрепетирована и не сулила ему ничего хорошего.

— Уйди с дороги, — надменно сказал землянин. — Ты нарушаешь дисциплину на корабле. Мирану это не понравится.

— В самом деле? — сказал Гразут. — Ты думаешь, Мирана сильно беспокоит, что с тобой случится? Ты паршивый матрос, и мне противно называть тебя братом. Я плююсь каждый раз, когда мне приходится разговаривать с тобой, брат!

И Гразут действительно плюнул. Стоявший с наветренной стороны Грин почувствовал, как слюна течет по его ноге. Он начал закипать:

— Убирайся с дороги, или я доложу о тебе первому помощнику, — твердо сказал Грин и пошел прямо на них. Они посторонились, но Алан словно чувствовал, как нож входит ему в спину. Конечно, они были не настолько глупы, — за такое трусивое преступление их бы покалечили и вышвырнули с судна. Но эти люди были достаточно вспыльчивы, чтобы заколоть его в припадке ярости.

Только взобравшись по веревочной лестнице на марсовую площадку, Грин избавился от режущих ощущений в спине.

В этот момент Гразут крикнул:

— Эй, Грин! Прошлой ночью мне было видение, настоящее видение! Мне явился мой бог-покровитель! Он объявил, что будет рад вдохнуть запах твоей крови, которая прольется на палубу, когда ты свалишься с мачты!

Грин притормозил, поставив ногу на рею:

— Передай своему богу, чтобы он держался подальше от меня, или я набью ему морду! — крикнул он в ответ.

Публика, собравшаяся послушать перебранку, от изумления разинула рты.

— Святотатство! — завопил Гразут. — Богохульство! — Он обернулся к собравшимся: — Вы это слышали?

— Да, — ответил Эзкр, выйдя из толпы. — Я слышал его слова, и я потрясен. Людей сжигали и за меньшее.

— О Тонускала, мой бог-покровитель, покарай этого раздувшегося от гордыни человека! Пускай он упадет с мачты, и разобьется о палубу, и переломает себе все кости, чтобы все видели, что случается с теми, кто насмехается над истинными богами!

— Такхай, — пробормотали собравшиеся. — Аминь.

Грин мрачно усмехнулся. Он попал в расставленную ловушку, и теперь ему надо быть начеку. Очевидно кто-то из этих двоих или они оба поднимутся наверх после захода солнца и не успокоятся, пока не сбросят его на палубу. Все сочтут, что Грин принял смерть от рук оскорбленного бога. И даже если Арма обвинит в этом Эзкра и Гразута, вряд ли ее кто-то поддержит. Что же касается Мирана, у него это известие вполне может вызвать вздох облегчения, потому что он избавится от беспокойного человека, который способен проболтаться о некоем заговоре, и этот слух может дойти до герцога Тропатского и доставить Мирану немало хлопот.

Грин вскарабкался на марсовую площадку и уселся, мрачно глядя вдаль. Незадолго до захода солнца к нему поднялся Гризкветр с бутылкой вина и с корзинкой еды.

В перерыве между двумя кусками Грин поделился с мальчишкой своими подозрениями.

— Мама уже заподозрила что-то подобное, — сказал парнишка. — Она на самом деле очень умная, моя мама. Она наложит проклятие на этих двоих, если они причинят тебе какой-нибудь вред.

— Очень разумно. А главное, полезно. Надеюсь, ты поблагодаришь ее за эту великолепную мысль, когда вы будете отскребать меня от палубы?

— Обязательно, — ответил Гризкветр, пытаясь удержаться от улыбки. — И еще мама передает тебе вот это.

Он откинул укрывавший корзинку платок, и у Грина глаза полезли на лоб.

ГЛАВА 15

— Сигнальная ракета!

— Ага. Мама сказала, чтобы ты выпустил ее, когда услышишь на палубе боцманский свисток.

— А с какой стати я должен это делать? Мне это светит крупными неприятностями. Меня за это раз десять сквозь строй прогонят. Нет, сударь, это не для меня. Я вовсе не желаю, чтобы меня освежевали заживо.

— Мама велела передать тебе, что никто не сможет доказать, кто именно выпустил ракету.

— Возможно. Это звучит вполне разумно. Но зачем мне это вообще делать?

— Ракета на минуту осветит весь корабль, и все смогут увидеть, что Эзкр и Гразут забрались наверх. Все поднимут крик. Конечно, когда обнаружится, что кто-то украл две ракеты из кладовки, и начнутся поиски, и одну ракету найдут спрятанной в сундуке Эзкра, тогда... ну, видишь ли...

— Ах ты, хитрюга! — рассмеялся Грин. — Скажи своей матери, что она самая удивительная женщина на этой планете — хотя, если подумать, не такой уж это комплимент. Эй, погоди минуту! Насчет этого свистка боцмана. С чего это он станет подавать мне сигнал, что пора выпускать ракету?

— А он и не станет. Это мама будет в него свистеть. Она будет ждать сигнала от меня или от Азаксу, — сказал Гризкветр (Азаксу звали его младшего брата). — Мы будем следить за Эзкром и за Гразутом, и когда они полезут наверх, мы ее предупредим. Она подождет, пока они не пройдут полпути, а потом засвистит.

— Эта женщина спасала мне жизнь уже добрый десяток раз. Что бы я без нее делал?

— Мама говорит то же самое. Она сказала, что сама не знает, почему она последовала за тобой после того, как ты попытался сбежать от нее — от нас, — ведь у нее тоже есть гордость. И она не привыкла гоняться за мужчинами; принцы умоляли ее стать их спутницей жизни. Но она пошла за тобой, потому что она тебя любит, и сильно любит. А иначе твоя глупость уже десять раз успела бы тебя погубить.

— Э-э, она так сказала? Ну, гм, ладно... Да, ладно!..

Окончательно пристыженный и сердитый на Арму за такую безжалостную оценку, Грин с несчастным видом смотрел, как Гризкветр спускается по вантам.

В течение следующего получаса время загустело, свернулось вокруг Грина и затвердело, так что он чувствовал себя словно в футляре. Ежевечерние тучи уже собрались, и начал накрапывать мелкий дождичек. Грин знал, что это продлится около часа, а потом тучи исчезнут так быстро, словно какой-то волшебник сдернет их, как скатерть со стола. Но Грин за эти минуты нанервничался на всю жизнь вперед, беспокоясь, не произойдет ли в плане Армы какого-нибудь непредвиденного срыва.

Первые крупные капли упали ему на лицо, и Аллан подумал, что, возможно, именно этого и дожидались двое его недругов. Может быть, сейчас они уже лезут на ванты. Но ему не следуло ждать, что свисток раздастся немедленно. Если они достаточно умны, то не станут карабкаться прямо к нему, а пройдут на корму, взберутся на верхушку мачты и уже оттуда пере-

берутся на его площадку. Правда, тогда им придется пробираться мимо остальных вахтенных, которые, как и Грин, сидели наверху. Но Эзкр и Гразут знали их местоположение. Сейчас было так темно, что они могли пройти мимо вахтенных на расстоянии вытянутой руки и остаться незамеченными. Свистящий в снастях ветер, поскрипывание мачт, громыхание огромных колес — все это заглушало тот слабый шум, который могли произвести эти двое.

Корабль не прекратит движения только из-за того, что рулевому ничего не видно. «Птица» шла по хорошо обкатанному маршруту; и рулевые, и офицеры прекрасно помнили все препятствия, которые могли встретиться им на пути. Если по расчетам выходило, что в темное время на пути ожидался трудный участок, курс прокладывался так, чтобы этот участок обогнуть. Дежурный офицер сообщал рулевым обо всех возможных неровностях, следя за ними при помощи остроумно сконструированного угломерного круга. Его чувствительные пальцы следили за колебаниями прибора, сопоставляли с ранее сделанными отметками, и офицер делал вывод, правильным ли курсом они идут. Сам диск был закреплен под компасом.

Грин поплотнее завернулся в накидку и прошелся вдоль пирса площадки. Он пытался хоть что-нибудь рассмотреть в темноте, окутавшей его подобно савану. Ничего не было видно, вообще ничего... Нет, постой! А это что такое? Смутные очертания лица?

Грин взглядался до тех пор, пока размытое пятно не исчезло, потом перевел дыхание и понял, насколько закостенело сейчас его тело. И, конечно, все это время на него легко было напасть со спины.

Нет, не так уж легко. Если он ничего не видит на расстоянии вытянутой руки, значит, и его противники тоже не видят.

Но им и не надо видеть. Они так хорошо знают корабельные снасти, что могут на ощупь, вслепую добраться до площадки и сбросить его оттуда. Коснуться рукой — и ударить кинжалом, вот и все, что им нужно.

И тут Грин почувствовал чье-то прикосновение. Что-то толкнуло его в спину, и на мгновение он застыл, словно изваяние, дрожа и не в силах пошевелиться. Потом Алан хрюкнул вскрикнул и отпрыгнул в сторону. Он выхватил свой кинжал и пригнулся, напрягая слух и зрение и пытаясь обнаружить своих врагов. Если они дышат так же тяжело, как и он сам, он просто не сможет их не услышать.

Но с другой стороны, и они могут так же хорошо его слышать. Эта мысль вызвала у Грина внезапную слабость.

— Ну давайте! Давайте! — беззвучно прошептал он сквозь стиснутые зубы. — Делайте же что-нибудь! Шевельнитесь же, чтобы я мог вас заколоть, вы, сыновья иззот!

Возможно, они заняты тем же самым — выжидают, пока Грин выдаст себя каким-нибудь неосторожным движением. Лучшим выходом в такой момент было припасть к полу и надеяться, что на него не наступят.

Землянин вытянул руку перед собой, пытаясь нащупать теплую плоть. В другой руке Грин сжимал кинжал.

Во время одной из этих попыток что-нибудь нашарить пальцы Грина наткнулись на оставленную Гризкветром корзинку. Охваченный порывом, который сам Грин принял за вдохновение, он тут же вытащил из корзинки ракету. Зачем ждать, пока враги приблизятся и заколют его, как свинью? Он выпустит ракету сейчас же и нападет на них, пока они будут ошеломлены светом.

Единственная проблема заключалась в том, что нужно будет куда-то деть кинжал, пока Грин будет доставать кремень и кресало. Он был дико зол на себя за то, что не подготовил их заблаговременно.

Грин решил эту проблему, взяв кинжал в зубы. Потом он вытащил трутницу, остановился и быстро вернул ее на место. Как он мог поджечь трут под этим мелким нудным дождем? Об этом Арма, при всем ее уме, не подумала.

— Идиот! — прошептал Грин. — Какой же я идиот!

В следующее мгновение он скинул свою накидку и накрыл ею кремень, кресало и трутницу. Алан не мог видеть, что он делает, но он положил трут достаточно близко, чтобы искры могли попасть на него. Теперь ему надо было высечь искру и поджечь запал ракеты.

Тут Грин снова застыл. Его враги ждут, пока он выдаст себя каким-нибудь шорохом. Но что может быть слышнее, чем удары кремня о кресало и ерзанье ракеты по деревянному полу?

Грин едва сдержал стон. Что бы он ни делал, он остается полностью уязвимым.

И в этот момент до него донесся пронзительный звук боцманского свистка. Грин поднялся, охваченный яростью и недоверием — что же ему делать дальше? Алан был настолько уверен, что Эзкар и Гразут уже у самых перил марсовой площадки, что не мог понять, то ли Арма промахнулась и неверно рассчитала время, требующееся им для подъема, то ли ее что-то задержало, и теперь она отчаянно пыталась предупредить Грина.

Так или иначе, но землянин не мог больше просто стоять, как испуганная овца. Ошиблась ли Арма или рассчитала пра-

вильно, были ли его враги на расстоянии удара кинжалом или нет, но Грин должен был действовать.

— Провалитесь к дьяволу! — прорычал Грин в темноту и ударил кремнем о кресало. Накидка защищала эти предметы от посторонних взглядов, но Алан снова лег на пол, так что мог видеть их даже под накидкой. Наконец искра упала на трут и разгорелась в маленький, но уверенный огонек. Не тряся времени на то, чтобы озираться по сторонам, Грин воткнул ракету в щель между досками. Потом он быстро поднес трут к запалу, продолжая по-прежнему прикрывать его накидкой от дождя и от чужих глаз. Запальный шнур загорелся и зашипел, как червяк на сковородке. Грин нырнул за мачту и залег — он знал непредсказуемый характер этих примитивных ракет. Она вполне могла полететь прямо ему в лицо. Едва успев обогнуть мачту, Алан услышал тихий хлопок. Краем глаза он уловил, как ракета вспыхнула белым пламенем. В то мгновение когда вспышка рассеяла темноту, Грин взглянул направо, потом налево, стараясь рассмотреть, где именно находятся Гразут с Эзкром — ведь он знал, что они должны быть здесь.

Но их здесь не было. Они все еще были на расстоянии половины корпуса корабля от фок-мачты. Вспышка застала их врасплох, и они повисли на снастях, словно мухи в паутине. То, что Грин принял за уткнувшуюся ему в спину руку, было, видимо, подставкой мушкета, которой пользовались для ведения огня с марсовой площадки.

Грин с облегчением расхохотался, но в этот момент на палубе раздался встревоженный крик. Кричали помощник капитана и рулевые.

Алан посмотрел вниз, а потом перевел взгляд в том направлении, куда указывали рулевые.

В сотне ярдов перед ними, прямо по курсу возвышалась купа деревьев, и она стремительно неслась навстречу «Птице»!

ГЛАВА 16

Потом ракета погасла, оставив после себя лишь белые пятна перед глазами и панику в голове.

Грин не знал, что ему делать. В первое мгновение он подумал, что корабль приближается к не отмеченному на карте лесистому холму. Секунду спустя землянин увидел, что чувства обманули его и что эта темная масса тоже движется. Она выглядела как холм, или как несколько холмов, скользящих по степи навстречу кораблю. Но даже во вновь наступившей темноте Грин видел, что дальше виднелись и другие холмы и что все это вместе было своего рода каменным айсбергом, поросшим деревьями.

Больше Грин ничего не мог в этот момент понять. Но даже теперь он не мог в это поверить — горы не могут по собственному желанию кататься туда-сюда!

Можно было в это поверить или нельзя, но рулевым приходилось с этим считаться. Должно быть, они почти мгновенно развернули штурвал — Грин чувствовал, как мачта наклонилась влево, и бивший ему в лицо ветер сменил направление. «Птица» свернула на юго-запад, пытаясь избежать столкновения с «блуждающим островом». К несчастью, было слишком темно, чтобы экипаж мог быстро подтянуть паруса, даже общими усилиями. А сейчас, к тому же, наверху было слишком мало народу — им нечего было там делать во время ежевечернего дождя.

Грин мысленно вознес молитву — на этот раз без всякой чуши вроде обещания набить богу морду — и отскочил от края площадки. Раздался самый громкий шум, который Грин слышал за свою жизнь; наверно, он показался землянину таким громким потому, что сулил ему гибель. Порвавшийся канат хлестнул рядом, словно гигантский кнут. Перекладины, внезапно освободившиеся от такелажа, забренчали, словно чудовищные скрипки. С глухим грохотом попадали мачты. Все это смешалось с криками людей, находящихся на палубе и в трюме. Грин тоже закричал, почувствовав, как фок-мачта наклонилась, заскользил по площадке, пол которой теперь норовил превратиться в стену, и принял цепляться за стену, которая теперь превратилась в пол. Его пальцы так отчаянно вцепились в подставку для мушкета, словно это была единственная надежная вещь в мире.

Минуту спустя фок-мачта перестала клониться вперед; ее удерживала туго натянутая спутанная масса веревок. Грин понадеялся, что опасность миновала и он в безопасности.

Но стоило лишь ему осмелиться подумать, что он уцелел, как снова раздался сильнейший скрежет. Каменный остров, продолжая двигаться прежним курсом, подмял корпус корабля под себя, жадно поглотив колеса, оси, киль, балки, груз, пушки и людей.

Следующее, что осознал Грин, — что он оторвался от своей опоры и летит по воздуху, отброшенный прочь от корабля. Ему казалось, что он действительно парит, набирая высоту, хотя это, конечно, был просто обман чувств. Потом земля снова притянула Алана к себе. Что-то ударило его по лицу, по корпусу, по ногам. Грин вытянул руки, чтобы смягчить удар, который должен был превратить его тело в кровавое месиво. Вытянутые руки, жалкий жест существа, стремящегося избежать уничтожения. Множество жестких ударов, словно его били кулаками. Внезапно Грин понял, что он находится среди ветвей де-

ревьев и они задерживают его падение. Он попытался было схватиться за ветку, но рука соскользнула, и Грин продолжил свой стремительный и болезненный спуск.

Потом пришло забвение.

Грин не знал, сколько времени он был без сознания, но, когда он сумел сесть, он увидел за стволами деревьев разбитый вдребезги корпус «Птицы», футах примерно в ста. Корабль лежал на боку и был ниже Грина, из чего землянин предположил, что сидит на склоне холма. Видна была только половина судна. Наверное, корабль раскололся надвое, и его нос и средняя часть палубы были перемолоты в щепки надвинувшейся каменной махиной.

Грин запоздало осознал, что дождик закончился, тучи рассеялись, и взошли обе луны, и большая, и маленькая. Все было хорошо видно. Слишком хорошо.

Среди останков разбитого корабля находились люди — мужчины, женщины, дети, которые остались в живых и теперь пытались выбраться из мешаницы канатов, брусьев и изломанных досок. Визг, стоны, крики о помощи усугубляли этот хаос.

Грин застонал и кое-как ухитрился подняться на ноги. У него жутко болела голова. Одним глазом Алан вообще не мог видеть, так тот заплыл. Грин ощущил привкус крови во рту и почувствовал, что поранил язык об обломки зубов. Боль в боках мешала дышать. Кожа на ладонях, похоже, была содрана. Правое колено наверняка было вывихнуто, а левую пятку жгло огнем. Но, несмотря на все это, Грин встал. Арма, Пакси и остальные дети были среди этой мешаницы — если, конечно, не оказались застигнуты ударом на другой, исчезнувшей половине судна. Он должен отыскать их. И даже если он уже не сможет им ничем помочь, там есть и другие нуждающиеся в помощи.

Грин заковылял по лесу. Потом он увидел человека, вышедшего из кустов. Думая, что это кто-то из спасшихся членов экипажа «Птицы», который бредет, оглушенный случившимся, Грин открыл было рот, чтобы заговорить с ним. Но странный вид человека заставил Грина воздержаться от оклика. Он присмотрелся повнимательнее. На незнакомце был головной убор из перьев, а в руках он держал длинное копье. Лунный свет скользнул между деревьями, упал на обнаженное плечо незнакомца и заиграл красным, белым, иссиня-черным, желтым и зеленым. Незнакомец был разрисован разноцветными полосами!

Грин медленно опустился на четвереньки, спрятавшись в кусты. Он понял, что среди деревьев могут стоять и другие чужаки, наблюдающие за крушением. И они действительно

возникли из мрака, таящегося под ветвями деревьев. Вскоре на опушке собралось около пятидесяти вооруженных, раскрашенных мужчин в уборах из перьев. Они стояли в молчании и внимательно следили за местом крушения и за уцелевшими людьми.

Один из дикарей вскинул копье и издал громкий, протяжный воинственный клич. Остальные подхватили этот клич и помчались следом за предводителем вниз по склону.

Примерно с минуту Грин следил за ними, а потом, не выдержав, зажмурился.

— Нет, нет! — простонал он. — Это же дети!

Когда Грин заставил себя снова открыть глаза, он увидел, что ошибся, подумав, что сейчас всех, уцелевших во время кораблекрушения, поднимут на копья. После первого приступа ярости, во время которого дикари убивали всех без разбора, они стали оставлять в живых молодых женщин и девочек. Тех, кто был в состоянии ходить, собирали и отвели в сторону под охраной полудюжины копейщиков. А тех, кто получил тяжелые ранения, закалывали на месте.

Но, несмотря на весь ужас этой сцены, Грин почувствовал, что терзавшая его боль несколько ослабла. Арма была жива!

Одной рукой она прижимала к себе Пакси, а другой тянула за собой Суни, свою дочку от храмового скульптора. Хотя Арма наверняка была страшно испугана, она держалась все с тем же достоинством, которое было присуще ей в любом обществе, от крестьянина до принца. Служанка Инзах стояла рядом с ней.

Грин решил, что разумнее будет последовать за Армой и за ее похитителями, держась на некотором расстоянии. Но прежде чем он сумел отойти подальше, он увидел женщин и подростков-дикарей, несущих факелы. К счастью, никто из них не прошел поблизости от Грина. Некоторые из них принялись кромсать мертвые тела, плясать вокруг них и завывать, подражая мужчинам. Потом началась серьезная работа — заготовка мяса. Эти раскрашенные дикари были каннибалами, и потому принялись разделять тела погибших. Они сперва слегка перекусили при свете факелов, а потом принялись паковать мясо, чтобы отнести его домой, где бы этот дом ни находился.

ГЛАВА 17

Отойдя достаточно далеко от дикарей и их пленников, чтобы никто не мог заметить, случайно обернувшись, Грин остановился. Узкая тропинка вилась между стволами и ныряла под низко склоненные ветви. Земля под ногами была мягкой и упругой, удобренной множеством поколений опавших листьев.

По расчетам Грина, он прошел никак не менее полутора миль, правда, не по прямой, а как пьяница, пытающийся отыскать дорогу домой. Потом лес внезапно закончился, и перед Аланом открылась большая поляна. На ней находилось селение, состоящее из десяти длинных домов, крытых соломой. Шесть из них, поменьше, явно были хозяйственными постройками, а четыре, по предположению Грина, предназначались для совместного проживания племени. Они были стянуты к центру поляны, а посредине между ними виднелись несколько больших кострищ, железные котлы и вертелы. Повсюду были рассеяны глиняные сосуды, предназначенные для сбора дождевой воды. Перед каждым домом стоял ярко раскрашенный двадцатифутовый тотемный столб, а вокруг этого столба — множество шестов с развешанными на них черепами.

Пленников загнали в одну из хижин и заперли. Перед входом в хижину расположился охранник. Он присел у стены, сжимая в руках копье. Остальные приветствовали пожилых женщин и маленьких детей, остававшихся в селении. Хотя Грин не понимал языка дикарей, ясно было, что они описывают свою добычу, найденную на месте кораблекрушения. Потом несколько старух начали стаскивать хворост и ветки к большим железным чайникам; вскоре вспыхнуло яркое пламя. Другие принесли бокалы и кубки из драгоценных металлов — очевидно, тоже добытые ими после кораблекрушений. Эти кубки наполнили каким-то напитком — местным пивом, судя по переливающейся через край пене. Один из подростков принял лениво постукивать по барабану, и вскоре в этом постукивании проявился незамысловатый монотонный ритм. Похоже было, что дикари намерены провести так всю ночь.

Воины после нескольких глотков повставали, забрали с собой кувшины с напитком и ушли в лес, оставив лишь одного человека охранять лачугу с пленниками. Все дети старше четырех лет увязались за ними, хотя воины отнюдь не сдерживали шага, чтобы дать детям возможность успеть за ними.

Грин подождал, убедился, что воины удалились на достаточное расстояние, и встал. Его мышцы возражали против малейшего движения, а голову, колено и лодыжку пронизывала острые боль. Не обращая внимания на такие мелочи, Грин захромал вокруг поляны, пока не добрался до тыльной стороны длинных домов.

Землянин пробрался внутрь и встал сбоку от дверного проема. В доме было светлее, чем ему сперва показалось, потому что сквозь несколько больших окон внутрь проникал лунный свет. Курицы сонно закудахтали при его появлении, а крохотный поросенок вопросительно хрюкнул. Внезапно ног Грина коснулось что-то мягкое. Алан в испуге отскочил. Его сердце

и до того билось достаточно быстро, а теперь оно угрожало проделать дыру в ребрах. Алан нагнулся, чтобы рассмотреть, что все-таки это было. Тихое мяуканье послужило достаточным ответом. Грин слегка расслабился и протянул руку, приговаривая:

— Кис-кис-кис, иди сюда.

Кот прошел мимо, задрав хвост и всем своим видом выражая пренебрежение, исчез за дверью. Вид животного напомнил Грину об одной вещи, о которой стоило бы подумать — держат ли здешние жители собак? Грин не видел ни одной и, подумав, решил, что, если бы эти твари здесь водились, он бы услышал лай, а целая свора давно ухватила бы его за пятки.

Стараясь не шуметь, Грин прошел в длинную комнату с высоким потолком. С толстых стропил свисали подвернутые занавески — наверно, каждая семья ограждала таким образом свое место. Также к стропилам были подвешены связки овощей, фруктов и различное мясо: цыплят, кроликов, пороссят, белок, хуберов и оленей. Части человеческих тел отсутствовали, и Грин предположил, что дикари ели человечину не с голода, а из религиозных соображений.

Все, что Грин знал, — это прихватить немного мяса с собой. Он взял полосу сущеного мяса хубера, скатал его и спрятал в сумку. Потом Алан снял со стены копье с железным наконечником и острый стальной нож. С ножом в одной руке и копьем в другой он вышел через заднюю дверь.

На улице он остановился и прислушался к отдаленным ударам барабана и неясному пению. Видимо, дикари собирались у места кораблекрушения и там праздновали это событие.

— Отлично, — пробормотал Грин себе под нос. — Если они напьются и заснут, у меня будет время сделать то, что я собирался.

Держась в тени деревьев, Грин стал высматривать, как лучше зайти с тыла к той хижине, в которую заперли пленников. С того места, где он стоял, ему были видны лишь шесть старух — Грин подумал, что большего количества островитяне при их образе жизни просто не могут себе позволить, — и около десятка детей, едва научившихся ходить. Большая часть, после того как поднятая воинами суматоха утихла, улеглись поближе к костру и заснули. Единственным, кто действительно мог доставить Грину какие-то неприятности, подняв тревогу, был мальчишка лет десяти, тихо постукивавший по барабану. Сперва Грин не мог понять, почему он не отправился вместе с остальными своими ровесниками к месту кораблекрушения, но пустой, неморгающий взгляд обращенных на огонь глаз подсказал землянину ответ. Грин не сомневался, что если бы он подошел

к парнишке поближе, то увидел, что глаза того затянуты бельмом. На этой мерзкой планете слепота не была редкостью.

Еще раз огляделась, Грин прокрался к тыльной стороне хижины и ощупал стены. Они были сделаны из тонких шестов, врытых в землю и связанных между собой веревками, бывшими некогда частью корабельных снастей. В стене было достаточно щелей, но внутри было слишком темно и Грин мог различить лишь смутные очертания фигур.

Он прижался губами к щели и тихо позвал:

— Арма!

Кто-то изумленно вздохнул. Какая-то маленькая девочка заплакала, но ее быстро успокоили. Послышался дрожащий от радости голос Армы:

— Алан! Не может быть! Это ты!

— Это я, а не призрак моего отца! — ответил Грин и сам удивился, как это он ухитряется в такой отчаянной ситуации сохранить чувство юмора. Тем не менее как-то ухитрился! Возможно, это не было настоящим проявлением чувства юмора, а скорее походило на нервный смех, этакая легкая истерика, позволяющая избавиться от излишнего напряжения.

— Сейчас я объясню, что я собираюсь делать, — сказал Алан. — Слушай внимательно, а потом повтори, чтобы я знал, что ты все поняла.

Арма внимательно выслушала, потом повторила все слово в слово. Грин кивнул:

— Хорошая девочка. А теперь я пошел.

— Арма!

— Что? — нетерпеливо откликнулся Грин.

— Если это не сработает... если с тобой что-нибудь случится... или со мной... помни, что я тебя люблю.

Грин вздохнул. Ох уж эти женщины!

— Я тоже тебя люблю. Но сейчас это мало чем сможет нам помочь.

Арма едва успела ответить, как Грин ползком двинулся вокруг хижины. Перед тем как войти в зону видимости стражника и старух, Грин притормозил. Все это время он отсчитывал секунды. Отсчитав пять минут, показавшиеся ему вечностью, Алан встал и быстро шагнул за угол, держа копье перед собой.

Стражник как раз отхлебывал из своей кружки, — глаза у него были прикрыты, а горло — открыто. Копье Грина вошло в ямку между ключицами, и стражник упал. Пиво выплеснулось из падающей кружки и залило ему колени.

Грин выдернул копье и быстро обернулся, готовый броситься на любого, кто попытается убежать. Старухи сбились в кучу вокруг большого стола, за которым они месили тесто, кудахтали и переговаривались пронзительными голосами. Слепой

подросток продолжал постукивать по барабану, глядя на огонь невидящими глазами. Единственным, кто заметил Грина, был мальчишка лет трех. Он засунул палец в рот и во все глаза уставился на чужака. Он либо слишком испугался, чтобы поднимать шум, либо вообще не понял, что произошло, и ждал, что будут делать старшие, чтобы понять, как поступить самому.

Грин приложил палец к губам в универсальном жесте, призывающем к молчанию, потом повернулся и отодвинул засов, запирающий дверь хижины. Арма бросилась наружу и взяла у мужа из рук копье убитого стражника. Нож стражника достался Инзах, а еще один нож — Аге, высокой, сильной женщине, которая была предводительницей женской части команды и однажды убила матроса, защищая свое достоинство.

В этот момент болтовня старух прервалась. Грин обернулся, и тишина взорвалась воплями. Старые ведьмы попытались разогнуть свои скрюченные колени и пуститься наутек. Но Грин и вооруженные женщины настигли их, едва те успели сделать несколько шагов. Ни одна из старух до леса не добежала. Это было грязное, но неизбежное дело, и лишь эфениканка отнеслась к нему со свирепой радостью.

Не глядя на несчастных старых развалин, Грин загнал детей и слепого мальчишку в хижину, где перед этим находились пленники. Ему пришлось придержать Агу, а то она перебила бы их. Арма не шелохнулась, чтобы помочь ей в кровожадности, и Грин был этому рад.

Арма, заметив его быстрый взгляд, ответила:

— Я не могу убивать детей — отродье этих дьяволов. Это равносильно убийству Пакси.

Грин увидел, что одна из женщин держит его дочь. Он бросился к ней, взял Пакси на руки и расцеловал. Десятилетняя девочка, дочь Армы от скульптора, робко подошла и встала рядом, ожидая, пока ее заметят. Грин поцеловал и ее.

— Ты уже большая девочка, Суни, — сказал он. — Как ты думаешь, ты сможешь помочь маме донести Пакси? Мама понесет копье.

Девочка — большеглазая рыжеволосая красавица — кивнула и взяла малышку.

Грин осмотрел длинные дома и подумал, не поджечь ли их, но потом отказался от этой идеи — с ветром огонь перебросился бы и на ту хижину, где были заперты дети. Пожар испугает дикарей, пьянистующих у места кораблекрушения, и на некоторое время прикует к себе их внимание, но и с яростью подтолкнет пуститься в погоню за беглецами. Помимо этого, существовала вероятность, что пожар перекинется на лес, а Грину не хотелось уничтожать собственное укрытие.

Алан отправил нескольких женщин в длинный дом и приказал забрать оттуда столько еды и оружия, сколько они смогут унести. Через несколько минут его маленький отряд был готов отправиться в путь.

— Мы пойдем по тропе, идущей в противоположную сторону от места кораблекрушения, — сказал Грин. — Будем надеяться, что она ведет к другому концу острова, мы найдем какой-нибудь маленький корабль, на котором сможем бежать. Я думаю, у дикарей должны быть парусные лодки.

Эта тропинка была такой же узкой и извилистой, как и предыдущая. Она шла к западному берегу, а дикари находились на восточном.

Сперва тропа шла вверх по склону, иногда ныряя в узкий проход между скалами. Несколько раз беглецам приходилось огибать небольшие озера, вырытые для сбора дождевой воды. Однажды их напугала неожиданно выскочившая из воды рыба. На острове было все, необходимое для жизни: рыба, кролики, белки, птицы, свиньи, а также овощи и фрукты. Грин прикинул, что если селение находилось в центре острова, то тогда площадь острова примерно равна половине квадратной мили. Местность была пересеченной, и один беглец вполне мог здесь спрятаться.

Один, но не шесть женщин и восемь детей.

ГЛАВА 18

Тяжело дыша, подбадривая друг друга и время от времени переругиваясь, беглецы в конце концов взобрались на вершину самого высокого холма. Они обнаружили на вершине холма поляну. Прямо перед беглецами возник лес тотемных столбов, слабо поблескивающих в лунном свете. За тотемными столбами зиял темный провал — вход в пещеру.

Грин вышел из тени деревьев, чтобы осмотреться получше. Вернувшись, он сообщил:

— Рядом с пещерой стоит небольшая хижина. Я заглянул в окно. Там спит старуха. Но коты не спят, и, похоже, смогут разбудить хозяйку.

— У всех этих тотемных столбов кошачьи головы, — сказала Ага. — Наверное, это место — величайшая святыня. Возможно, оно запретно для всех, кроме старой жрицы.

— Может, и так, — ответил Грин. — Здесь должен существовать культ такого рода. С другой стороны входа в пещеру свалена большая куча человеческих черепов и вбиты столбы, покрытые потеками крови. Перед нами два пути. Мы можем спуститься с другой стороны холма, перебраться с острова в степь и испытать судьбу там. Или мы можем спрятаться в

пещере и надеяться, что табу достаточно сильно, и нас не осмелятся искать там.

— А я думаю, что это первое место, где нас станут искать, — сказала Ага.

— Если мы не разбудим старуху — нет. Если дикиари позже придут и спросят ее, проходил ли тут кто-нибудь, она не сможет ничего им ответить.

— А как насчет ее котов?

Грин пожал плечами:

— Нам придется рискнуть. Если мы бесшумно прoberемся мимо них в пещеру, они не станут мяукать.

Но тут коты в опровержение его слов подняли дикий мяв.

— Нет, — сказала Ага, — этот шум послужит островитянам сигналом. Они будут знать, что кто-то находится наверху.

— Ну что ж, — отозвался Грин. — Не знаю, что собираетесь делать вы, а я иду в пещеру и попытаюсь бежать с острова попозже.

— И мы тоже, — поддержали его остальные женщины. — Мы совсем выбились из сил.

Потом наступила тишина, и в этой тишине прозвучал голос. Мужской голос:

— Не пугайтесь, пожалуйста. И не шумите. Это я...

Позади них из тени вышел Миран, прижимая палец к губам. Его единственный глаз слабо поблескивал в лунном свете. Одежда Мирана была изорвана — это уже не был прежний элегантный капитан «Птицы удачи» и блещущий богатством глава клана Эффеникан. В руке капитан держал холщовую сумку. При ее виде Грин понял, что Миран не только ухитрился спасти свою шкуру, но и сумел унести с собой сокровища — драгоценные камни.

— Смотрите, — сказал Миран, взмахнув сумкой, — еще не все потеряно.

Грин подумал, что капитан обращается к своим драгоценностям. Миран обернулся и подал кому-то знак подойти.

Из темноты выскользнул Грикветр. Со слезами на глазах он подбежал к матери и обнял ее.

Арма тихо заплакала. До этого момента ей как-то удавалось заглушать тоску по детям, о которых думала, что потеряла навсегда. Сейчас нужно было думать о себе и двух оставшихся в живых дочерях. А теперь вид старшего сына, неожиданно появившегося из темноты, словно из могилы, разбудил спавшую до поры печаль.

— Благодарю богов за то, что они вернули мне сына, — всхлипнула Арма.

— Если эти боги такие прекрасные, то почему они убили двух других твоих детей? — раздраженно поинтересовался Ми-

ран. — Почему они поубивали членов моего клана и разбили мою «Птицу»? Почему?

— Заткнитесь! — шикнул на них Грин. — Сейчас не время плакать о чем бы то ни было. Нам нужно найти укрытие. Философию и слезы можно оставить на потом!

— Меннирокс — неблагодарный бог, — пробормотал Миран. — После всего, что я для него сделал...

Арма вытерла слезы и спросила:

— Как ты ухитрился бежать? Я думала, что всех мужчин, которые не разбились во время крушения, убили дикари.

— Они и убили — почти всех, — ответил Гризкветр. — Но я заполз в трюм и спрятался под перевернувшимся рыбным баком. Там было мокро, и вокруг валялась дохлая рыба. Дикари меня не нашли, да вряд ли и искали, они были слишком заняты грабежом. Я подумал и решил переползти на другой бок судна, где не было дикарей, так и сделал, и обнаружил, что могу уползти через заросли травы — они начинались сразу же у борта. Я едва не умер от испуга, когда столкнулся нос к носу с Мираном. Он тоже сумел спрятаться.

— Во время столкновения меня сбросило с капитанского мостика, — вмешался Миран. — Я наверняка переломал бы себе все кости, но я приземлился на парус — одна из мачт упала на правый борт, и ее паруса все еще были натянуты, — почти как в гамак. Несколько раз я чувствовал, что сейчас упаду, и так бы оно и случилось, если бы я был хоть на фунт тяжелее и хоть на дюйм толще. Оттуда я спустился в траву и пополз вдоль края острова. Как это...

— Послушайте! — перебил его Гризкветр. — Этот остров — это вуру!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Грин.

— Когда я полз вдоль края острова, то решил перевеситься через него и посмотреть, нельзя ли спрятаться снизу. Но спрятаться было негде, потому что вся нижняя часть острова оказалась одним ровным щитом. Я знаю, потому что хорошо все рассмотрел в лунном свете. Она была совершенно ровная, как железная плита. Но это еще не все! Вы же помните, что повсюду вокруг трава была высокой? Ну вот, у самого края острова трава была тоже высокой, но трава под островом была короткой. Даже больше того — она исчезала! Верхушка травы просто брала и исчезала в воздухе! Оставалась только нижняя часть, высотой не больше дюйма!

— Выходит, этот остров — здоровенная газонокосилка, — сказал Грин. — Очень интересно. Но мы разберемся с этим попозже. А сейчас...

И он пошел к маленькой хижине, стоявшей у входа в пещеру. Когда Грин добрался туда, из дверей в разные стороны прыснули

несколько крупных котов. Мгновение спустя Алан вышел обратно и широко ухмыльнулся:

— Жрица без сознания. Пахнет там, как в пивоварне. Из кошачьих мисок тоже. Коты лакают из чашек, стоящих на полу, кружат по хижине, воют и дерутся. Если только они ее не разбудят, то ничего не случится.

— Я слыхала, что старые жрицы часто спиваются, — сказала Арма. — Они вынуждены жить в одиночестве, потому что они табу, и к ним никто не приходит, только для проведения обрядов. Вот у них и остаются коты да бутылка.

— А, — сказал Миран, — ты думаешь об истории Самдру, портного, который стал матросом. Ее считают детской сказкой, но теперь я понимаю, что в ней что-то есть. Помнишь, в этой истории описывается такой холм и такая пещера. И там сказано, что на каждом блуждающем острове есть такое место. И...

— Ты слишком много болтаешь, — оборвала его Ага. — Пойшли в пещеру.

Грин понял, что означали эти слова Аги. Миран потерял лицо, поскольку допустил крушение своего судна и гибель стольких членов своего клана. Для Аги и остальных женщин он больше не был капитаном Мираном, богатым главой клана. Он был просто Мираном, потерпевшим кораблекрушение матросом. Старым толстым матросом. Вот и все. И ничего больше.

Миран мог избавиться от этого, покончив с собой. Но его отчаянное стремление выжить окончательно уронило его в глазах женщин.

Видимо, Миран это понимал, потому что не стал ничего отвечать, а просто отошел в сторону.

Грин вошел в пещеру, сделал шагов тридцать и оглянулся через плечо. Вход все еще был виден, и лунный свет четко обрисовывал проем.

Кто-то закашлялся. Грин собрался сделать замечание, что-бы все вели себя тихо, но тут у него защекотало в носу, и он сам громко чихнул.

— Пыль.

— Ладно, — сказал Грин. — Может, они никогда сюда не заходят.

Неожиданно туннель под прямым углом свернул влево. Проникавший со стороны входа слабый свет сменился полной темнотой. Отряд остановился.

— А что, если это — ловушка для непрошеных гостей? — запричитала Инзах.

— Сейчас проверим, — рявкнул Грин. — Мы пойдем в темноте, пока не доберемся до еще одного поворота, и там зажжем факел. Местные жители не увидят света.

Алан пошел вперед, держась левой рукой за стену. Внезапно он остановился, и в него врезалась Арма.

— Что это? — с беспокойством спросила она.

— Каменная стена сменилась металлической. Вот пощупай. Грин направил ее руку.

— Да, в самом деле, — прошептала Арма. — Здесь совершен-но четкая граница, и я чувствую разницу между этими двумя поверхностями.

— И пол тоже металлический, — добавила Суни. — У ме-ня ноги босые, я все хорошо чувствую. И пыль вся куда-то исчезла.

Грин пошел вперед и через тридцать шагов добрался еще до одного поворота под прямым углом, на этот раз ведущего вправо. Стены и пол были сделаны из гладкого холодного металла. Убедившись, что весь отряд завернул за угол, Грин приказал женщинам зажечь один из факелов, прихваченных из длинного дома. При его свете все принялись изумленно озираться.

Вокруг был сплошной серый металл. Стены и пол — все из металла.

Никакой мебели.

Ни пылинки.

— Вон проход в другую комнату, — сказал Грин. — Мы мо-жем пройти туда.

Он взял факел и, сжав в другой руке нож, двинулся вперед. Но, перешагнув через порог, землянин остановился.

Это помещение было больше, чем предыдущее. Здесь уже стояла кое-какая мебель. А дальняя стена была не металлической, а земляной.

В этот момент помещение залит свет, исходящий из неве-домого источника.

Суни вскрикнула, бросилась к матери, отчаянно в нее вце-пившись. Дети заревели, да и взрослых обуял страх.

Один Грин не шелохнулся. Он понял, что произошло, и не мог винить остальных за реакцию. Они никогда не слыхали об электронных реле, поэтому трудно было представить, что они будут сохранять спокойствие.

Единственное, чего испугался Грин, что крики привлекут внимание дикарей. Он поспешил убедить женщин, что не сто-ит бояться этого необычного явления. У него на родине это — простая белая магия, которой может научиться любой.

Женщины утихли, но видно было, что они встревожены. Их широко распахнутые глаза неотрывно следили за Грином.

— Местные жители этого не боятся, — сказал он. — Они должны время от времени приходить сюда. Видите? У земля-ной стены построен алтарь. И судя по куче костей — жертво-приношения происходят здесь.

Грин заглянул за другую дверь. На первый взгляд казалось, что там ничего нет. Но Алану не верилось, что там действительно пусто. У него появилось ощущение, что он стоит на пороге какого-то значительного открытия. Эти помещения и этот свет были свидетельствами развитой цивилизации — более древней, чем его собственная. Грин понимал, что сам остров должен приводиться в движение автоматически действующей антигравитационной установкой, использующей либо атомную энергию, либо магнитное поле планеты. Зачем эта установка была закрыта сверху землей, камнями и деревьями, Грин не знал. Но он был уверен, что где-то в недрах острова должны скрываться другие помещения, не меньшие, чем эти, а то и большие. Где находится энергетическая установка? Была ли она запечатана так, чтобы никто не мог к ней подобраться? Или, что казалось более вероятным, ведущую к установке дверь можно было открыть, но лишь при наличии какого-то особого ключа?

Сперва требовалось эту самую дверь найти.

Грин осмотрел сделанный из железа алтарь. Это была платформа трех футов в высоту и десяти футов в ширину. На ней стояло кресло, сделанное из кусков железа. Из его спинки торчал железный прут полудюймовой толщины и десяти футов в длину; нижний конец прута был закреплен между двумя стойками и удерживался на месте толстой железной вилкой. Если выдернуть вилку, прут, очевидно, мог упасть и уткнуться длинным концом в земляную стену позади кресла, но его нижний конец должен был остаться на стойках и прижать того, кто сидел в кресле.

— Странно, — пробормотал Грин. — Если бы не идолы с кошачьими головами по краям платформы и кости у ее подножия, мне и в голову не пришло бы, что это алтарь. Кости! Они черные, обгоревшие дочерна!

Землянин снова взглянул на металлический прут.

— Если я сейчас поверну вилку, — сказал он, обращаясь сам к себе, — и прут упадет, он ударит по стене. Это очевидно. Но что это значит?

Арма принесла Грину длинную веревку.

— Это было сложено у стены, — сказала она.

— Что? А! Если я привяжу один конец веревки к верхушке прута, а кто-то встанет на алтарь и вынет вилку, тогда я смогу контролировать падение прута — или потяну к себе, или позволю упасть в сторону. У того, кто будет выдергивать вилку, останется достаточно времени, чтобы соскочить с алтаря и вернуться в безопасное место, где стоит тот, кто держит веревку. Но бедный же тот, кто при этом будет сидеть в кресле! Вот теперь мне все понятно.

Грин посмотрел на веревку, которую держал в руках.

— Ага! — резко окликнул он. — Отойди от стены!

Высокая худощавая женщина прошла мимо алтаря, держа в руке обнаженную абордажную саблю. Услышав окрик Грина, она на мгновение остановилась, удивленно посмотрела на землянина, потом двинулась дальше.

— Ты не понимаешь, — бросила она через плечо. — Эта стена — не сплошная земля. Она пущистая, как цыпленок. Это пыль, просто пыль. Я думаю, нам надо стряхнуть ее и расчистить себе путь. За ней что-то должно скрываться...

— Ага! — отчаянно закричал Грин. — Не надо! Стой, где стоишь!

Но женщина вскинула саблю и с силой ударила по стене, чтоб показать Грину, как легко будет стряхнуть эту дрянь.

Грин схватил Арму и Пакси и упал на пол, увлекая их за собой.

Прогремел гром и ударила молния, ослепляя и оглушая Грина. Наполовину ослепнув, он продолжал видеть темную фигуру Аги, пригвожденную к месту и охваченную белым пламенем.

ГЛАВА 19

Потом Агу окутало плотное облако пыли, взметнувшееся над ней и заполнившее всю комнату. Вместе с этим пришел сильный жар. Грин открыл было рот, чтобы приказать Арме и Пакси закрыть лица и особенно носы. Но прежде чем он успел произнести хоть слово, его рот и нос оказались забиты пылью. Грин закашлялся и расчихался, а из глаз у него потекли слезы, вымывая обжигающую пыль. Клубы пыли, поднятые взрывом, обрушились на Грина. Особого вреда они не причиняли, пыль была мягкой. Она свалилась так быстро и ее было так много, что Грин оказался наполовину погребенным под ней. В этот момент он успел обрадоваться, что волна жара застала его на выдохе. В противном случае он вдохнул бы в себя воздух, который сжег бы его легкие, вдохнул бы смерть. Ведь уже сейчас его кожа в тех местах, где не была прикрыта одеждой, горела, как после сильного солнечного ожога.

Подгоняемый болью, Грин встал на четвереньки и пополз в другую комнату, где, как он думал, пыли было поменьше. При этом Алан дернул Арму за руку — по крайней мере, он полагал, что это рука Армы, потому что та стояла рядом с ним, когда произошел взрыв. Грин хотел дать ей понять, чтобы она следовала за ним. Арма двинулась следом, время от времени прикасаясь к нему. Один раз она остановилась, и Грин обернулся, чтобы узнать, что ее задержало, хотя и чувствовал, что

больше не может выносить этой пыли, скопившейся у него в легких, что пора выбираться на чистый воздух, дабы не задохнуться. Теперь он точно знал, что эта женщина — Арма, потому что она несла на руках ребенка. Голова ребенка была укутана шарфом, а Грин помнил, что из всех детей так была одета только Пакси.

Захлебываясь кашлем, Грин поднялся на ноги, потянул Арму за собой и бросился туда, где, как он надеялся, находился выход. Он помнил, что упал лицом в сторону дверного проема; если он будет двигаться по прямой, то сможет добраться до выхода, не сбившись с пути.

Довольно быстро Грин понял, что двигается в противоположном направлении, когда упал, споткнувшись о лежащее на полу тело. Поднявшись, протянул руку, чтобы ощупать труп. Он был покрыт спекшейся коркой. Это было то, что осталось от Аги. Лежащая рядом сабля окончательно убедила Грина, что это именно Ага.

Заново сориентировавшись, Грин повернулся обратно, продолжая тащить Арму за собой. На этот раз он ткнулся в стену, но не сильно, поскольку предусмотрительно вытянул свободную руку вперед. Взбешенный, он на ощупь двинулся влево, пока не добрался до угла комнаты. Потом, зная, что дверной проем находится по правую руку, Грин повернулся и так же на ощупь двинулся вдоль стены, пока не добрался до выхода. Алан нырнул в этот проем, едва не вкатившись кубарем в другую комнату, где было так же темно и пыльно, как и в той, которую он только что покинул. Грин помчался вперед, врезался в другую стену, повернулся вправо, обнаружил следующий выход и проскочил через него. Здесь уже было гораздо меньше пыли. В слабо проникающем сквозь туман свете Грин уже мог видеть силуэты своих спутников.

Грин и все остальные так отчаянно кашляли и чихали, словно пытались выхаркать свои легкие и выплакать глаза. Их сотрясали спазмы.

Землянин решил, что на самом деле это помещение едва ли лучше предыдущих, и потому повел Арму и Пакси за угол, в темный туннель. Здесь терзавшие его мучения начали понемногу ослабевать, и Грину удалось проморгаться, освободив глаза от набившейся в них пыли. Алан с тревогой всмотрелся в проход, в конце которого смутно зиял лунным светом выход из пещеры.

Опасения Грина подтвердились. У входа кто-то стоял — силуэт человека вырисовывался в лунном свете — и, пригнувшись, всматривался внутрь.

Грин подумал, что это старая жрица, — фигура была хрупкой, а волосы у нее были собраны в узел на макушке и украшены перьями; у ног ее сидели штук пять котов.

Видимо, Грин выдал себя кашлем, жрица внезапно повернулась и припустила прочь на негнущихся ногах. Он выпустил руку Армы и погнался за жрицей, на ходу выхватывая стилет — свою саблю он потерял во время взрыва. Ему нужно было остановить жрицу, хотя он и не был уверен, так ли уж это им поможет. Раньше или позже, но дикари придут в святилище, чтобы спросить у жрицы, не видала ли она беглецов. И если они ее не найдут, то заподозрят худшее. А значит, была вероятность, что они все равно обо всем узнают. Да и звук взрыва наверняка должен был донестись до них.

Или не должен был? Взрывная волна должна была миновать несколько поворотов под прямым углом, прежде чем достигнуть выхода из пещеры, и к тому же взрыв мог показаться Грину таким громким за счет того, что произошел совсем рядом. Возможно, у них еще оставалась надежда.

Алан выбежал на поляну перед пещерой. Уже занимался рассвет. Грину все было хорошо видно. Старухи нигде не было. Единственными живыми существами было несколько пьяных котов. Один из них принялся тереться об ноги Грина и громко мурлыкать. Землянин машинально остановился и почесал кота за ухом, не переставая осматриваться вокруг, выискивая жрицу. Дверь хижины была открыта, но хижина была слишком мала, и Грин был уверен — там спрятаться негде. Оставалось одно — старуха побежала вниз по склону.

Но если так, то она бежала тихо, не поднимая шума. Никаких всплесков, призывающих на помощь, слышно не было.

Грин обнаружил жрицу на тропе, на полпути к подножию холма. Сперва землянин думал, что она притворяется мертвой, перевернул жрицу лицом вверх, готовый тут же заколоть ее, если она попытается закричать. Отвисшая челюсть старухи и мертвенная бледность, покрывшая ее лицо, дали понять Грину, что притворяться ей уже ни к чему. Алан подумал, что жрица упала и сломала себе шею, но быстрая проверка показала, что старое сердце не выдержало испуга и внезапной погони.

Что-то коснулось ноги Грина. Он был так перепуган, что принял это нечто за не попавшее в цель копье, подскочил и оглянулся. Но это был всего лишь кот, который уже терся об его ноги, как только Грин вышел из пещеры. Точнее, это была большая кошка с красивой длинной черной шелковистой шерстью и золотыми глазами. Она в точности походила на земную кошку и, возможно, происходила от тех же предков, что и земные сородичи. Похоже, что когда гомо сапиенс в немыслимой

древности распространился по нынешним местам обитания, он прихватил с собой и кошеч с собаками.

— Я тебе нравлюсь, да? — спросил Грин. — Ну что ж, ты мне тоже нравишься, но я не смогу уйти, если ты будешь так меня пугать. Меня за эту ночь напугали на всю оставшуюся жизнь.

Кошка замурлыкала и грациозно двинулась вперед.

— Возможно, ты можешь мне пригодиться, — сказал Грин и посадил кошку на плечо, где она устроилась, урча от удовольствия.

— Не знаю, что ты во мне нашла, — тихо поведал Грин кошке. — Я ужасно выгляжу, покрыт пылью, с красными глазами, весь в ссадинах и совершенно загнан. Впрочем, ты тоже не так уж восхитительна — что ты дышишь прямо мне в лицо пивным перегаром? Но ты все равно мне очень нравишься, Как-там-тебя зовут. А действительно, как тебя зовут? Я буду звать тебя Госпожа Удача. В конце концов, я обнаружил, что жрица умерла, именно в тот момент, когда ты об меня потерлась. Если бы она не умерла, она бы переполошила каннибалов. Очевидно, ты, ее удача, перешла ко мне. Так что теперь твое имя — Госпожа Удача. Давай поднимемся обратно на холм и посмотрим, что случилось с остальными моими друзьями.

Он нашел Арму сидящей у входа в пещеру. Она прижимала Пакси к себе, пытаясь ее успокоить. Еще девять человек тоже были здесь: Грикветр, Суни, Миран, Инзах, три женщины и две маленькие девочки. Остальные, лежали сейчас в комнате с алтарем, либо потеряв сознание, либо умерев. Все беглецы были уставшими, грязными, с красными, воспаленными глазами. Некоторые чувствовали себя так плохо, что, выбравшись наружу, попадали без сознания.

— Видите? — сказал Грин. — Как бы там ни было, но сейчас мы должны выспаться. Мы пойдем обратно в первую комнату и побудем там...

Но все единодушно запротестовали, утверждая, что ничто не заставит их и близко подойти к этой ужасной комнате, логову дьяолов. Грин оказался в меньшинстве. Он подумал, что он-то точно знает, что произошло, но просто не сможет ничего объяснить этим людям. И к тому же теперь они наверняка испытывали к нему смутное недоверие.

Тогда Алан решил придумать соответствующее действительности объяснение.

— Ясно, что Ага вызвала гнев демонов, ударив по стене за алтарем, — сказал он. — Я пытался предостеречь ее, чтобы она этого не делала. Вы все это слышали. Эти демоны больше не станут беспокоить нас, потому что теперь мы находимся под защитой кошки, тотема каннибалов. Природа этих существ та-

кова, что, когда они выплеснут свою ярость и возьмут несколько жертв, они надолго делаются безвредными и малоподвижными. Им требуется время, чтобы восстановить силы, а до этого они не могут причинять вред людям.

Беглецы проглотили это объяснение так легко, словно всю жизнь именно так и думали.

— Если ты поведешь нас, — сказали они, — то мы вернемся. Мы доверяем свои жизни тебе.

Прежде чем войти в пещеру, Грин остановился и осмотрелся. С поляны, находившейся почти на самой вершине холма, он мог видеть почти весь остров, кроме нескольких участков, которые заслоняли холмы пониже. Остров перестал двигаться и обосновался посреди степи. Сейчас для неосведомленного глаза он выглядел просто нагромождением земли, камней и растительности, почему-то возвышающимся посреди моря трав. Таким он и останется до сумерек, а потом снова возобновит свое движение на восток со скоростью пять миль в час. Однажды остров достигнет какой-то определенной точки, развернется и начнет ночное странствие на запад, сновать туда и обратно тысячелетия напролет. Каким было предназначение этого сооружения, и кто его построил? В любом случае им и в страшном сне не привиделось бы, что их творение станет передвижной крепостью племени каннибалов.

Они не могли предвидеть, для чего будут использоваться их уборочные машины. Им и в голову не пришло бы, что тысячелетия спустя люди забудут о предназначении этих устройств, будут использовать их в своих религиозных ритуалах и приносить им жертвы.

Грин привел беглецов в комнату, предшествующую той, где произошел взрыв. Они легли на твердый пол и тут же заснули. Но сам он чувствовал, что необходимо что-то сделать и что сделать это способен лишь он.

ГЛАВА 20

Хотя Грину до тошноты не хотелось возвращаться в комнату с алтарем, он все-таки заставил себя это сделать. В воздухе висел запах смерти, но все же не настолько отталкивающий, как того боялся Грин. Пыль милосердно укрыла тела серым покрывалом, и они выглядели словно изваяния. Часть погибших не получили ожогов, но они умерли от того, что вдохнули первую, обжигающую легкие волну воздуха. Все же зрелище, наводящее на мысли о мире и древнем искусстве, нарушилось исходившим от Аги сильным запахом сгоревшей плоти. Госпожа Удача зашипела и выгнула спину дугой. На мгновение Грину показалось, что сейчас кошка соскочит с его плеча и убежит прочь.

— Ну-ну, успокойся, — сказал Грин, подумав, что она должна была довольно часто чуять этот запах. Вероятно, такой бурный отклик был вызван предшествовавшими событиями; должно быть, они чем-то сильно взволновали кошку. Раз кошки были священными животными, они наверняка должны были играть важную роль в обрядах жертвоприношения.

К стене за алтарем Грин приблизился осторожно, хотя и не думал, что сейчас она таит в себе опасность. Сам алтарь не был поврежден. Удивившись этому, Грин потрогал алтарь и обнаружил, что он был сделан из обожженной глины, твердой, как камень. Сиденье и металлический прут остались где и были, надежно закрепленными большими гвоздями, взятыми, как предположил Грин, с какого-нибудь разбившегося корабля.

Жертвы, которых дикии привязывали к креслу, должны были сидеть лицом к публике и, соответственно, спиной к стене. Соответственно, когда прут опускался, замыкая контакт между стеной и жертвой, разряд сжигал только голову несчастного. Свидетельством этому служил тот факт, что вокруг алтаря были свалены одни лишь черепа. Обуглившуюся голову отделяли, а тело утаскивали наружу, где употребляли тем или иным образом.

Чего Грин не мог сообразить, так это как зрители ухитрялись избежать ударной волны и пыли, даже если они стояли в дальнем конце комнаты. Решив выяснить, как же это происходило, Алан вернулся к дверному проему. Во второй комнате, сразу же за углом Грин обнаружил то, чего раньше не заметил, — возможно, потому, что эта вещь была прислонена к стене. И еще потому, что сторона, которой этот предмет был повернут наружу, тоже была сделана из серого металла. Когда Грин развернул свою находку, чтобы осмотреть ее с другой стороны, он увидел зеркало шести футов в высоту и четырех в ширину.

Теперь он мог себе представить, как проходил обряд. Жертву привязывали к сиденью, а к пруту прикрепляли веревку. Все, кроме жрицы, или того, кто проводил ритуал, уходили из алтарной комнаты. Сам ведущий (или ведущая) становился в дверном проеме и отпускал веревку. Прежде чем прут замыкал контакт, ведущий отскакивал за угол. А зеркало, размещенное у входа, позволяло зрителям увидеть бешенство неимоверного по силе электрического разряда. Несомненно, сразу после разряда они переставали что-либо видеть, потому что пыль заполнила обе комнаты.

Непонятная и могущественная магия дикарей. Какие мифы должны были зародиться в этой комнате, какие истории об ужасных и могущественных богах или демонах, заключенных в земляной стене! Наверняка старухи шепотом рассказывают внимательно слушающим детям истории о том, как некий великий

герой, аналог Геракла, Гильгамеша или Тора, поймал Великого Кота-Духа и как племя при помощи магии сделало Кота-Духа своим пленником и время от времени ублажает его жертвами — людьми других племен, а иначе он проголодается, выйдет из земляной стены и сожрет всех жителей блуждающего острова!

Грин понимал, что пытаться проникнуть через стену безнадежно, даже если в течение ближайших дней это будет безопасно. Она могла с равным успехом оказаться как двух-трех, так и двадцатифутовой, а то и больше.

Но какой бы толщины эта стена ни была, Грин мог поспортить, что тот, у кого найдутся орудия, время и силы, чтобы раскопать ее, обнаружит внутри несколько больших пылесборников. Аллан не знал, какую именно форму они будут иметь, потому что это зависело от культуры тех, кто это построил, и их вкусов в отделке, которые могли отличаться от вкусов, принятых в обществе Грина, в обществе, сложившемся на много тысячелетий позже того, как были созданы эти машины. Но если архитектурные идеи этих неведомых строителей хоть сколько-нибудь подобны современным земным идеям, то они должны были выполнить эти пылесборники в форме изображений животных или в форме книжного шкафа с заполняющими его имитациями книг, которые на самом деле являются фильтрами. Эти фигуры или книги должны быть пронизаны множеством мельчайших отверстий, и через эти отверстия и просачиваются частички уловленной пыли. А оказавшись в пылесборнике, они подлежат сжиганию.

Глядя на поверхность земляной стены, Грин мог представить себе, что происходило здесь в течение веков. Некоторая часть пылесжигающих механизмов вышла из строя — как это случается время от времени с любыми механизмами. Накопление пыли продолжалось. Хотя пыль и скапливалась в коллекторе, сверхмощные поля продолжали работать даже сквозь это толстое одеяло. Поначалу, конечно, это поле не могло причинить вреда ни одному человеческому существу. Но эти батареи были сконструированы так, чтобы подладиться к любому предъявляемому им требованию, хотя самим конструкторам, конечно, и в голову не могло прийти, сколь многое однажды потребуется от их творения. Тем не менее это произошло, и батареи со своей задачей справились. К тому времени как дикари обнаружили это помещение, батареи были скрыты за этой внушительной стеной.

Ценою смерти своих соплеменников дикари обнаружили, что прикосновение к стене вызывает мощнейший электростатический разряд. Последовавшее за этим приспособление аппарата для казней и различных обрядов было вполне логичным с их религией.

Грин с чувством выругался. У него нет надежды успеть прокопаться через этот слой пыли, прежде чем еще один разряд восстановит его! Но с другой стороны, должна же быть еще одна дверь, которая ведет к двигателям и к комнате, из которой можно контролировать движение этого острова. Если он сможет пробраться вовнутрь и разобраться в управлении, он перевернет остров вверх ногами и страхнет с него этих чудовищ, пожирающих людей. Уж тут его ничто не станет сдерживать!

Грин вспомнил историю Самдру, портного, который стал матросом. Легенда гласила, что Самдру, когда его корабль разбился о такой же блуждающий остров, забрел в подобную пещеру и прошел через подобные комнаты. Но он не встретил препятствия из бьющейся электричеством пыли и пришел в комнату, в которой находилось множество странных предметов. Одним из них был большой глаз, который позволял Самдру видеть все, что происходило вокруг пещеры. Другим была доска с множеством граней, по которым двигались изогнутые линии. Конечно, история объясняла это все по-своему, но Грин не сомневался, что это были следящие кинокамеры, осциллографы и другие устройства.

К несчастью, это знание ничем не могло помочь Грину. Он не мог пробраться через слой пыли. Алан не мог позволить себе терять время на раскопки и исследования. Каждая минута, проведенная на этом острове, означала, что он движется обратно к Квотцу и к горящей жаждой мести герцогине и удаляется от Эстории, где находятся двое космонавтов и их корабль. Грину необходимо было найти способ выбраться с острова и найти какое-нибудь средство передвижения.

Грин оставил комнату смерти и вернулся в предыдущую. Он свалился под стену между Армой, прижимавшей к себе Пакси, и Инзах, прижимавшей к себе Гризкветра, и пожевал немного сущеного мяса. Госпожа Удача замяукала, и Алан охотно с нею поделился. Проглотив все, что удалось в себя запихать, и запив это теплым сладким пивом, найденным в хижине жрицы, Грин закрыл глаза. Теперь его имплантату предстояло усвоить пищу, а потом восстановить поврежденные ткани, удалить продукты интоксикации, подбодрить уставшие мышцы, успокоить натянутые до предела нервы, заново отладить гормональный баланс...

ГЛАВА 21

Грину приснилось, что его нос и рот забиты землей, он задыхается. Проснувшись, он понял, что, хотя слоя земли над ним и нет, дышать ему действительно трудно. Изгнав кошку со своего лица, Грин встал.

— Чего ты хочешь? — спросил он у нее. Кошка проситель-но замяукала и мягко двинулась в сторону выхода. Грин решил, что Госпожа Удача зовет его за собой. Прихватив саблю, он последовал за ней по ведущему к выходу туннелю. Тут он услышал отдаленные звуки канонады.

Мяуканье кошки стало унылым. Очевидно, она уже слыхала прежде канонаду, и ей не нравилось то, что за этим следовало.

На выходе из пещеры Грин остановился и посмотрел на солнце. Оно уже клонилось к горизонту. Часа четыре пополудни. Он проспал десять часов.

Поскольку с того места, где он стоял, мало что было видно, Грин взобрался на скалу над пещерой, на самую вершину холма, где находилась небольшая площадка футов десяти диаметром. Оттуда открывался превосходный вид на остров.

Остров огибал три длинных, низких корабля с черными корпусами, очень большими колесами и алыми парусами. Время от времени из бортовых отверстий вырывалось пламя. Грин мог видеть, как ядро взлетало все выше и выше, а потом падало на селение, и лишь после этого до него доносился глухой гул. В воздух взлетали либо изломанные ветви деревьев, либо фонтаны пыли — последнее означало, что ядро все-таки долетело до поляны. В крышах двух длинных домов зияли большие дыры. Само селение было покинуто — любой, имеющий хоть каплю здравого смысла, там не остался. Никого из каннибалов не было видно, но это было неудивительно, если учсть, что вокруг раскинулся довольно густой лес.

Грин понадеялся, что винги вскоре высадятся на остров и очистят его от дикарей. Тем самым пираты расчистили бы путь Грину и его маленькому отряду — если, конечно, сами не добрались бы до пещеры. Если винги пещеру не найдут, то беглецы смогут покинуть остров только под покровом ночи и уйти в степь.

Грин с беспокойством посмотрел на тропу, ведущую от вершины холма, где он стоял, к селению. Тропка была узкой, и Алан часто терял ее из виду. Но между верхушками росших у тропы деревьев всегда оставался какой-то просвет, а в остальных местах они росли сплошняком. Со своим острым зрением Грин мог проследить, как тропа добиралась до селения и шла дальше, к западному краю острова.

Впервые с того момента как Грин услышал треск корпуса «Птицы удачи», к нему вернулась надежда. Она зародилась при виде узкого просвета в растительности, который, не прерываясь, тянулся до дальнего края острова, при виде полоски ровной земли, почти скрытой в складках местности. На самом деле Алан едва прослеживал эту тропу и мог вообще с нее сбиться,

но он увидел мачты трех небольших суденышек, выглядывающие из-за склона, а присмотревшись, рассмотрел и их корпуса. Все три кораблика были яхтами, построеными явно не острорвиями. За крадеными корабликами виднелись стойки шлюпбалок. Дальше была стена из ветвей, делавшая яхты невидимыми со стороны степи; но для того, кто смотрел с острова, они были заметны.

Грин едва удержался, чтобы не закричать от радости. Теперь ему и его отряду не нужно было пускаться в опаснейшее пешее путешествие по степи. Они могли относительно безопасно плыть. Теперь, пока каннибалы прячутся от обстрела, Грин может провести своих людей через лес к яхтам. Когда наступят сумерки и остров снова начнет двигаться, они при помощи шлюпбалок спустят яхту и уплывут.

Грин вернулся ко входу в пещеру и обнаружил, что все уже проснулись и ожидают его.

Алан рассказал им, что он увидел, и добавил:

— Если винги высадятся, мы воспользуемся суматохой и убежим.

Миран посмотрел на солнце и покачал головой:

— Винги не станут сейчас нападать. Уже вечернеет, а они предпочитают сражаться днем. Они просто последуют ночью за островом, а когда рассветет и остров остановится, тут они и нападут.

— Я преклоняюсь перед твоим большим опытом, — сказал Грин. — Но мне хотелось бы задать тебе один вопрос. Почему бы вингам не спустить ночью шлюпки и не высадить на остров абордажный отряд?

Миран был потрясен:

— Этого никто не делает! Это немыслимо! Разве ты не знаешь, что ночью степь кишит духами и демонами? Вингам и в голову не придет рисковать, чтобы столкнуться в темноте с магией дикарей.

— Я знаю, но это как-то выскочило у меня из головы, — признал Грин. — Но так почему вы все убежали ночью от места крушения «Птицы»?

— Тогда был такой момент, что лучше было рискнуть столкнуться с демонами, чем наверняка погибнуть от рук каннибалов, — сказал Миран.

— Честно говоря, — сказала Арма, — я была слишком испугана, чтобы думать о демонах. Если бы я могла остаться там, где была... Нет, все равно. Призраков я не видела никогда, а вот этих дикарей — очень даже близко.

— Ну что ж, — сказал Грин, — раз все вы способны так мыслить, тогда сегодня ночью мы пустимся в путь, невзирая на демонов, призраков и людей. Тех, кто трусит, мы оставим.

Алан начал отдавать приказы, и через некоторое время его заспанный, перепачканный и потрепанный отряд пришел в состояние готовности. После этого Грин повернулся, чтобы наблюдать за артобстрелом.

Он почти прекратился. Лишь изредка с одного из кораблей раздавался одиночный выстрел. Остальное время винги просто курсировали вплотную к острову.

— Я думаю, они испытывают терпение островитян, — сказал Грин. — Они же не знают, сколько дикарей скрывается в лесу — может, сотня, а может, тысяча — и чем они вооружены, то ли пушками и мушкетами, то ли одними копьями. А так, при помощи обстрела, пираты могут оценить, с чем они столкнулись.

Землянин повернулся к Мирану:

— Не мог бы ты напомнить мне, почему здешние жители не пользуются огнестрельным оружием? Во времена кораблекрушений им не раз должен был представиться случай обзавестись ружьями.

— Возможно, огнестрельное оружие для дикарей табу. Но какими бы ни были причины, из-за того, что дикари пренебрегают ружьями, они должны нести значительные потери. Посмотри, как их мало. Всего пятьдесят мужчин! Они наверняка должны терять кого-то при стычках с другими племенами — и с теми, кто живет в степи, и с теми, кто, подобно им, обосновался на других блуждающих островах. Они дошли до такого состояния, что через поколение вымрут, даже если им в этом не поспособствуют, — сказал Миран, кивнув в сторону пиратских кораблей.

— Вот именно. И еще я полагаю, что днем, когда остров останавливается, на него забираются степные коты и дикие собаки и выбирают себе добычу среди людей.

Грин снова взглянул на красные паруса и колеса кораблей вингов:

— Я думаю, эти пираты будут захватывать каждый остров, который только смогут, а потом использовать его как базу, с которой они будут действовать.

— Они так и делают, — сказала Арма. — Вот уже целое поколение пираты рыщут по степи, отыскивают острова и истребляют живущих там дикарей. Теперь они закрепились на островах, так что можно сказать, что сегодня они господствуют над Ксардимуром. Но у острова-порта есть свой недостаток. Крупные корабли могут стоять там лишь днем. Каждую ночь им приходится поднимать паруса и следовать за своей базой на безопасном расстоянии. Тем не менее, хотя винги надежно обосновались на многих блуждающих островах, военные корабли разных государств часто нападают на них, изгоняя пиратов с

острова. Остров переходит во владение этого государства, как хорошая небольшая база. Зачастую они начинают пускаться в пиратские авантюры против кораблей тех стран, которые с ними не воюют.

— О, Ксардимур — это место, где каждый сражается против каждого, и да поберет дьявол тех, у кого слабые паруса! В одном ночном рейде человек может найти свою судьбу или разбить свое сердце. И лишь потом ты узнаешь, что было к лучшему.

Грин прервал эту тираду:

— Когда взойдут луны, мы уберемся и от пиратов, и от дикарей. Я надеюсь, что поблизости не окажется других кораблей вингов.

— Все в воле богов, — ответил Миран; если уж его, любимца Меннирокса, постигло такое горе, то Грина может ожидать что-нибудь гораздо худшее.

С наступлением сумерек Грин покинул пещеру и вышел под сильный дождь. Следом за ним шла Арма, положив одну руку на плечо мужу, а в другой сжимая Пакси. Остальные вытянулись цепочкой за Армой. Рука каждого лежала на плече идущего впереди.

Черная кошка сидела в большом кармане рубашки Грина, укрытая сверху накидкой. Госпожа Удача недвусмысленно дала Алану понять, что последует за ним, куда бы он ни направился. Грину хотелось избежать суэты, он чувствовал, что привязался к кошке, поэтому прихватил и ее.

Спуск с холма был тревожным, они все время спотыкались. Через десять минут продвижения по тропе на ощупь Грин перестал ориентироваться. Тропинка сделала столько поворотов, что Алан не понимал, где находятся север, юг, восток, а главное, где нужное им направление, запад.

На самом деле это не имело большого значения. Главное было добраться до края острова, а там можно будет проползти вдоль него до того места, где находились яхты — возможность для побега.

Проблема заключалась в том, чтобы найти этот самый край. Грин боялся, что до тех пор, пока не прояснится, они будут кружить и выписывать восьмерки. А потом они быстро сориентируются, но и каннибалы смогут их заметить. А если они выйдут к восточному краю, путешествие вокруг острова станет опасным.

Вспыхнула молния, Грин осмотрелся по сторонам, но это мало помогло. Все, что Алан увидел, — сплошная стена из деревьев и кустарника.

— Как ты думаешь, далеко нам еще? — неожиданно спросила Арма.

Грин остановился так резко, что идущие следом налетели на него. Снова вспыхнула молния, на этот раз почти у них над головами. Кошка, свернувшаяся в своем гнездышке, зашипела и попыталась свернуться еще плотнее. Грин рассеянно погладил ее через накидку:

— Ты действительно Госпожа Удача. Я вижу селение. Теперь мы знаем, где находимся. Мне очень не хватало этой подсказки.

Жители селения его не беспокоили. Несомненно, все они сейчас прятались под крышами своих длинных домов и молились своим богам, чтобы те не поразили их молнией. Даже если беглецы пройдут прямо посреди селения, вряд ли это будет представлять какую-нибудь опасность. Тем не менее Грин не хотел лишний раз рисковать и приказал своему маленькому отряду двигаться за ним по краю поляны.

— Теперь уже недалеко! — сказал он Арме. — Передай это по цепочке, приободри остальных.

Полчаса спустя Грин пожалел о своих словах. Извилистая тропа действительно вывела их к бухточке, в которой стояли лодки, но тут же болезненное изумление сжало горло Грина.

Вспышка молнии выхватила из темноты серые каменные стены бухты, широкий каменный уступ и высокие железные шлюпбалки.

Яхты исчезли!

ГЛАВА 22

Позже Грин думал, что, если у него бывали моменты, когда он мог свихнуться, эта минута внезапной, как молния, потери была самой подходящей.

Остальные беглецы выражали свое горе и потрясение громкими криками, но Грин молчал, словно скала. Он не мог ни шевелиться, ни говорить: все казалось безнадежным, какой толк в криках?

Но Грин был человеком, а человек продолжает надеяться даже тогда, когда надеяться не на что. Он не мог ждать, пока при следующей вспышке молнии беглецы заметят, в каком состоянии находится их вожак. Он должен действовать. Ну и что с того, если его действия окажутся бессмысленными? Тело требовало движения, а разум пребывал в оцепенении.

Крикнув остальным, чтобы они рассредоточились и осмотрелись, и не разбредались кто куда, Грин принялся карабкаться вверх по склону холма. Добравшись до вершины, Алан сошел с тропы и нырнул в лес, чтобы проверить свое предположение, что яхты должны быть где-то здесь. Собственно, у него было две версии. Одна из них заключалась в том, что винги

заметили яхты и выслали шлюпку с отрядом, чтобы их угнать. Остров же, начав свое ночное движение, оставил суда стоящими посреди степи. А возможно, что яхты спрятали сами дикари, боясь их угона. Они вполне могли втащить суда по пологому склону бухты.

В том месте, где Грин в случае необходимости привязал бы веревку, чтобы при ее помощи втащить яхты наверх, он и обнаружил все три пропавших суденышка. Они стояли, плотно прижавшись друг к другу, на самом краю склона, и их корпуса были скрыты наваленным сверху кустарником. А отличить их высокие мачты от стволов деревьев мог только тот, кто окажется рядом.

Грин нескончанно обрадовался, развернулся и быстро побежал обратно рассказать о находке остальным, и... врезался в дерево. Алан поднялся, громко ругаясь, с разбитым носом, и тут же споткнувшись снова упал. С этого момента он стал жертвой ночных кошмаров или заговора, с целью поймать его и заставить двигаться как можно медленнее. При том, что подъем дался Алану очень легко, при спуске он рассадил себе голени, расквасил нос и весь исцарапался, выдираясь из колючего кустарника. Смятение Грина не уменьшилось, сверкание молний прекратилось — они освещали ему путь. Госпожа Удача, выведенная из себя постоянно получаемыми ударами, выбралась из кармана рубашки и удрала в лес. Грин попытался вернуть ее, но кошка явно была по горло сыта такими приключениями — по крайней мере сейчас.

Грина посетила дикая идея вцепиться в кошачий хвост и последовать за Госпожой Удачей через тьму. Кошка исчезла. Этой мысли не суждено было сбыться. Скорее всего Госпожа Удача развернулась бы и вцепилась в его руку, так что ее все равно пришлось бы отпустить.

Ничего не оставалось, кроме как продолжать путь.

После десяти минут неистовой борьбы, во время которых Грин понял, что сбился с дороги и теперь удаляется от края острова, тучи рассеялись. С восходом луны вернулась нормальная видимость и здравомыслие. Алан успешно вернулся в бухту.

— Что случилось? — спросила Арма. — Мы уж думали, что ты свалился с обрыва.

— Ничего особенного не случилось, — ответил Грин, раздраженный тем, что так легко заблудился. Он рассказал, где находятся яхты, и добавил: — Прежде чем дело дойдет до шлюпбалок, нам нужно при помощи веревок спустить одну из яхт с холма. Потребуется и толкать, и тянуть, и вообще пустить в ход все силы, какие только у нас есть. А потому все на холм, даже дети!

Уставшие беглецы взобрались вверх по склону и по пологой лощине столкнули одну из яхт к краю холма. Грин подобрал одну из лежавших на земле мокрых веревок и перекинул ее через ствол дерева. На коре дерева уже была выемка — от множества подобных операций. Один конец Алан вручил половине беглецов, поручив Мирану командовать ими. Другой конец он привязал к большой железной петле на корме яхты, приказав второй половине отряда помочь ему, а сам принял ся толкать яхту вниз по склону, в то время как первая половина медленно, осторожно ослабляла переброшенную через ствол веревку.

Когда суденышко остановилось у шлюпбалок, Грин отвязал веревку. Теперь надо было подать яхту назад и поставить ее между шлюпбалками так, чтобы можно было подхватить ее талями и поднять. К счастью, лебедка и канаты наличествовали. К несчастью, лебедка была ручной и заржавевшей из-за плохого ухода. Она работала с большими усилиями и громким скрипом. Последнее роли не играло: отряд производил достаточно шума. Только то, что ветер был с востока, не давало дикарям определить местонахождение выживших.

Но похоже, мысли Грина все-таки притянули дикарей сюда. Гризкветр, которого отправили на дерево наблюдать за окрестностями, крикнул:

— Я вижу факел! Что-то движется в лесу, за полмили отсюда. Ой! Там еще один! И еще!

— Как по-твоему, они движутся по тропе, ведущей сюда? — спросил Грин.

— Не знаю. Но они идут в эту сторону, хотя и петляют, как Самдру, когда он заблудился в Зеркальном лабиринте Черного Гил-Ка-Ку! Да, они наверняка идут по тропе!

Грин лихорадочно принялся привязывать тали к осям яхты. От волнения он покрылся испариной и яростно ругался, когда от спешки его пальцы начинали заплетаться. Но на самом деле завязывание четырех узлов заняло не больше минуты — Алану просто казалось, что время проносится мимо.

Покончив с этим, Грин приказал всем покинуть яхту. На борту должны были остаться только женщины и дети.

— Вы что, думаете, что лебедка всех вас выдержит? — нетерпеливо рявкнул Грин. — А ну слезайте!

— Вы что, сами останетесь на острове, а нас бросите посреди Ксардимура на этом кораблике? — запричитала одна из женщин, остающихся на яхте.

— Нет, — ответил Грин, стараясь говорить как можно спокойнее. — Мы спустим вас вниз. Потом мы поднимемся на холм и столкнем остальные яхты с обрыва, чтобы дикари не могли

за нами погнаться. А потом мы тоже спустимся и присоединимся к вам.

Видя, что женщины боятся, и смягчившись под их жалобными взглядами, Грин окликнул Гризкветра:

— Спускайся! И марш на яхту!

Когда мальчишка кубарем скатился с холма и остановился рядом с Грином, тяжело дыша и ожидая приказаний, Алан сказал:

— Я поручаю тебе охранять этих женщин и детей, пока мы к вам не присоединимся. Понял?

— Понял, — улыбнулся Гризкветр и выпятил грудь — от осознания важности порученной ему задачи. — До тех пор пока ты не поднимешься на борт судна, я буду его капитаном, да?

— Ты — капитан, и неплохой капитан, — сказал Грин, похлопав мальчишку по плечу. Он приказал вращать лебедку до тех пор, пока яхта не приподнялась на несколько дюймов. Как только ржавый механизм со скрипом выполнил свою задачу, Грин начал спускать судно через край острова, в степь. Перемещение происходило медленно; колеса яхты начали вращаться; нос слегка задрался, потому что канаты, идущие к носу, были натянуты сильнее; пришлось немного стравить канаты, удерживающие корму, чтобы выровнять судно; повинуясь приказу Грина, находившиеся на борту женщины подтянули узлы, которые одновременно ослабли. После этого Грин вздохнул с некоторым облегчением, поскольку, если бы хоть один из узлов отказался скользить наравне с другими, судно могло накрениться или даже перевернуться.

Несколько мгновений Грин смотрел, как яхта скользит прочь. По инерции она еще двигалась вдоль острова, но нос ее был устремлен перпендикулярно его курсу. Движение замедлилось, и по мере удаления острова яхта начала уменьшаться. Оттуда долетел плач Пакси и разбил овладевшее Грином оцепенение. С воплем «За мной!» он принялся подниматься по склону.

Поскольку Алан первым вскарабкался на гребень холма, у него было время бросить взгляд на лес. Пламя факелов колебалось и мерцало, время от времени скрываясь за стволами деревьев. Из глубины острова доносился барабанный бой.

Из леса вылетела Госпожа Удача, вскарабкалась по Грину, как по дереву, и устроилась у него на плече.

— А, это вы, сударыня? Нагулялись? — спросил Грин. — Я знаю, ты не могла устоять перед моим неотразимым обаянием, правда?

Госпожа Удача не ответила. Она с беспокойством смотрела в сторону леса.

— Не бойся ничего, моя очаровательная малышка, — произнес Алан. — Им не достанется ни волоска с моей прекрас-

ной белокурой головы. И ни одной черной шелковистой шерстинки с твоей.

Тут на вершину холма один за другим взобрались, тяжело дыша и пыхтя, остальные беглецы. Грин приказал им взяться за корму яхты, и минуту спустя они скинули судно с холма. Когда яхта перевалила через край и с треском рухнула вниз, они едва удержались от радостных воплей. Это была их маленькая месть за перенесенные страдания.

— Теперь беремся за следующую, — скомандовал Грин. — А потом пускаемся бежать так, словно за нами гонятся все демоны Гил-Ка-Ку!

Они с ворчанием дотолкали последнюю яхту до небольшого уклона, а потом набравшись сил для завершающего рывка, отправили кораблик в его последнее путешествие.

И в это мгновение из леса вынырнули несколько дикарей, опередившие тех, кто нес факелы.

Грину хватило одного взгляда, чтобы понять, что сейчас дикари отрежут отряд от края острова. Дикарей было около десятка. Мало того, что они численно превосходили беглецов, так к тому же это были здоровые мужчины, а не уставшие женщины. И еще у них были копья, а у людей Грина — только сабли.

Алан не стал терять на размышления ни секунды.

— Все, кроме Мирана и меня — на борт! — громко скомандовал он. — Не возражать! Быстро! Мы проедем сквозь них! Ложитесь ничком на палубу!

Женщины с визгом перебрались через низкие перила на палубу яхты. Как только последняя из них оказалась там, землянин и Миран подперли плечами корму и толкнули. Какое-то мгновение казалось, что их сил будет недостаточно — наверное, отряду стоило бы дотолкать судно подальше, прежде чем останавливаться.

— Сейчас некогда звать их на помощь! — с трудом выдохнул Грин. — Толкай, Миран, порастяси свой жир! Толкай, черт тебя побери, толкай!

Алану казалось, что он переломает себе ключицы, он в жизни не чувствовал такой тяжести. Казалось, яхта упорно отказывается двигаться, дожидаясь, пока дикари не доберутся сюда и не спасут ее. Ноги Грина дрожали, а внутренности, похоже, корчились, как змеи, и бились изнутри в стенки живота, выискивая слабое место, через которое можно было бы выбраться наружу и покинуть человека, который заставляет их так напрягаться.

Потом раздался вопль собравшихся внизу воинов и глухой топот — дикари бросились в атаку.

— Теперь или никогда! — крикнул Грин.

Кровь так прилила к лицу землянина, что тот был уверен, что сейчас она буквально хлынет через край. Но яхта двинулась вперед, медленно поползла, застонала — или это был его стон? — и, набирая скорость, заскользила вниз по склону. Даже слишком быстро, с точки зрения Грина, которому нужно было догнать корабль, уцепиться за ограждение и подтянуться. А еще надо было тянуть за собой Мирана, который нетвердо держался на ногах.

К счастью, Арме хватило ума поймать Мирана за шиворот и помочь его втащить. Он перевалил через перила с криком боли, поскольку его большой живот с разгона проехался по твердому дереву, но сумку с драгоценностями так и не выпустил.

Госпожа Удача покинула свое место на плечах Грина еще тогда, когда он принялся подталкивать яхту. Теперь она тихомяукнула и отскочила, напуганная сотрясением палубы и грохотом колес припустившей вниз по склону яхты.

Грин подтянул кошку к себе, под защиту скрещенных рук, и приподнялся на локтях, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Но все, что он увидел, было летящее в него копье. Оно вонзилось в палубу так близко, что ему почудилось, как острый наконечник рассекает его плоть. Но вот что Алану совершенно не почутилось, так это поднявшийся женский крик. Особенно отчетливо в этом хоре выделялся голос Армы; Грин подумал, что в нее попали. Но так или иначе, у него не было сейчас возможности обернуться и посмотреть, что произошло. Рядом с яхтой появился островитянин, и поскольку палуба была ему по грудь, он отлично видел всех, кто на ней находится. Его рука подалась назад, потом метнулась вперед, и в Грина опять полетело копье.

Нет, не в него, а в Госпожу Удачу. Еще один воин, стоявший чуть дальше по склону, что-то крикнул и также направил свой удар в кошку. Очевидно, кошки перестали быть табу на этом острове. Бывшие почитатели решили, что тотем покинул их и заслуживает смерти.

Однако Госпожа Удача, как и полагалось кошке, имела девять жизней. Ни одно из острых как бритва лезвий ее не коснулось. А через несколько секунд дикии уже вопили, оставшись выше на склоне, или неподвижно лежали там, где в них врезалась яхта. Судно промчалось по крутому склону, с грохотом подпрыгнуло на каменном уступе и взлетело в воздух. Грин распластался на палубе, надеясь этим смягчить резкость приземления на равнину с трехфутовой высоты.

Потом Алан каким-то образом отделился от палубы, взмыл в воздух и увидел падающие на него доски.

Затем последовал короткий перерыв, заполненный тьмой, прежде чем Грин очнулся и понял, что встреча его лица с палубой не пошла лицу на пользу, а могла бы причинить и еще большие повреждения. Грин окончательно убедился в этом, выплюнув два передних зуба. Но все же радость удавшегося побега заглушила боль. Остров удалялся по ровному, залитому лунным светом Ксардимуру; дикии и вопили и прыгали в беспильной ярости, не имея возможности погнаться за беглецами. Остров был их домом, и они вовсе не собирались покидать его ради мести.

— Надеюсь, винги вам завтра покажут, — пробормотал Грин. Измученный усталостью и болью, он поднялся на ноги и осмотрел то, что осталось от клана Эффеникан. Арма была невредима. Если она и кричала из-за копья, пролетевшего мимо Грина, то лишь от испуга. Само копье вонзилось в основание мачты, и его наконечник наполовину погрузился в дерево.

Грин перегнулся через борт и изучил повреждения, причиненные яхте этим спуском. Одно из колес соскочило, и ось согнулась. Покачав головой, он сказал остальным:

— С этим кораблем покончено. Надо идти пешком. Нам необходимо отыскать яхту.

ГЛАВА 23

Две недели спустя яхта неслась под попутным ветром, деляя двадцать миль в час. Был полдень, и все, кроме рулевого, Армы и Мирана, сели поесть. Они завтракали бифштексами из хубера. Грин подстрелил его прямо с палубы, а потом мясо пожарили на маленьком очаге, устроенным на корме. Недостатка в пище беглецы не испытывали, несмотря на то что на яхте не было никаких запасов. К счастью, последние владельцы судна, дикии, не позабыли убрать с него несколько пистолетов, бочонок пороха и сумку с пулями. С таким снаряжением Грин добывал достаточно оленей и хуберов, чтобы все могли наесться досыта. Арма дополняла эту протеиновую диету травой, которую ее кулинарное искусство превращало во вполне приличный салат. Временами, когда они приближались к какой-нибудь роще, Грин останавливал яхту. Беглецы спускались, чтобы набрать ягод и растений, которые можно было размять, смешать с водой, замесить и испечь из них некое подобие хлеба.

Однажды из-за деревьев прямо на Инзах выскочил степной кот. Грин и Миран выстрелили одновременно, и кот упал в десяти ярдах от маленькой блондинки.

Степные коты, напоминающие гепардов, длинноногие грациозные создания, прекрасно приспособленные для бега, были единственной опасностью, угрожавшей беглецам, когда они

находились на яхте. Впрочем, запрыгнуть на борт, когда судно шло полным ходом, они не могли. Иногда милю-другую бежали наперегонки с яхтой, потом постепенно удалялись.

Грин хотел сказать бы то же самое о диких собаках. Они были почти той же величины, что и степные коты, и бегали стаями по пять—девять голов. Серо-черная пятнистая шерсть, по-волчьи поставленные уши и массивные челюсти придавали им зловещий вид. Они мчались вплотную к колесам, завывая и лязгая своими чудовищными желтыми клыками. Потом одному из них приходила в голову мысль запрыгнуть на борт яхты и попробовать, каковы ее обитатели на вкус. Перемахнуть через ограждение этим псам было не так уж трудно. Обычно обитатели яхты остужали пыл незваного гостя прицельным ударом копья или взмахом сабли. Иногда они промахивались, и пес оказывался на палубе, давая матросам возможность повторить свою попытку, на этот раз с большим успехом. Потом его тело летело за борт, обратно к его же сородичам, большая часть которых тут же прекращала погоню и останавливалась, чтобы подзакусить своим мертвым собратом. После этого те, кто еще продолжал погоню, могли, в свою очередь, попытать удачу, прыгая на яхту, отвратительно рыча, пытаясь напугать добычу так, чтобы она оцепенела от страха, и иногда достигая своей цели.

От нападений диких собак никто не погиб, но шрамы появились почти у всех. Только Госпожа Удача ухитрялась оставаться невредимой. Каждый раз, услышав отдаленное завывание, она взбиралась на мачту и не спускалась, пока опасность не проходила.

Сегодня беглецов никто не беспокоил. Все расслабились, занявшиесь болтовней и радостным поглощением не слишком-то вкусного, но зато питательного мяса хубера. Мирон стоял на капитанском мостице, глядя на солнце через секстант. Прибор был найден в шкафчике, вместе с несколькими картами Ксардимура. Хотя карты были расположены в алфавитном порядке — по буквам неизвестного беглецам языка, — Мирон оказался вполне в состоянии мысленно сопоставить их с картами, оставшимися на «Птице удачи». Он перечеркнул незнакомые названия и надписал сверху другие, килкрзанским письмом. Сделал он это исключительно по настоянию Грина, который не слишком доверял переводу Мирона и хотел иметь возможность читать карты сам. Кроме того, Грин заставил толстого торговца научить его и Арму пользоваться неуклюжим и усложненным. но точным секстантом.

Через несколько дней после того как Грин и его жена начали учиться обращению с навигационными приборами, произошел случай, который заставил Грина принять дальнейшие ме-

ры по обеспечению собственной безопасности. Они с Мираном стояли на корме с пистолетами наготове, а Арма тем временем направила яхту к стаду хуберов. Они собирались прибегнуть к своему обычному приему — гоняться за стадом, пока животные совсем не устанут. Как только они приблизились к огненно-рыжему жеребцу, мчащемуся бешеным галопом, Грин поднял пистолет. В этот момент Аллан заметил, что Миран тоже прицелился, но при этом шагнул назад, оказавшись сбоку и позади Грина. Грин, который очень нервно относился к напрасной трате боеприпасов, повернулся предупредить Мирана, чтобы тот не стрелял, пока не увидит, что он, Грин, промахнулся. И тут он заметил, что дуло смотрит ему в затылок. Грин отчаянно дернулся в сторону, будучи убежденным, что сейчас ему вышибут мозги, прежде чем он успеет хоть рот открыть. Но Миран, увидев такую бурную реакцию, опустил пистолет и недоумевающе спросил у Алана, что это он делает.

Грин не ответил. Вместо этого он забрал у Мирана пистолет, который тот не слишком крепко держал, и спрятал его в шкафчик. Ни он, ни торговец больше не упоминали об этом случае, и Миран не спрашивал, почему ему с этого времени больше не разрешали стрелять. Это убедило Грина, что бывший капитан действительно хотел его застрелить, а потом сказать остальным, что это был несчастный случай.

Чтобы предупредить дальнейшие попытки «несчастных случаев», Грин сказал Арме, что если как-нибудь темной ночью он исчезнет, пусть она проследит, чтобы некую личность пристрелили и выбросили за борт. Он не стал называть имя «некоей личности», но намекнул на то, что это мужчина, а поскольку кроме самого Грина единственным мужчиной на яхте был Миран, не было никаких сомнений, кого именно Грин имел в виду. С этого времени Миран постоянно улыбался, шутил и всячески выказывал свою готовность к сотрудничеству. Тем не менее Аллан не раз ловил на его лице хмурое и задумчивое выражение. Торговец держался то за стилет, то за сумку с драгоценностями, которую носил за пазухой. Грин догадывался, что Миран обдумывает, что будет делать, когда они доберутся до Эстории.

Теперь, когда прошло две недели с того момента, когда они покинули остров, Миран следил за солнцем, а Грин ждал, пока он отойдет, чтобы самому проверить результат. Если его расчеты были верны, Эстория находилась от них за две сотни миль строго на восток. Если они смогут поддерживать среднюю скорость двадцать пять миль в час, то доберутся до ветрозащитной стены Эстории примерно за восемь часов.

Толстый торговец оторвался от секстанта и отошел к кокпиту, где лежали карты и разные записи. Грин тоже взялся за

секстант, провел самостоятельные наблюдения, потом последовал за Мираном на узкий кокпит.

— Мы согласны, — сказал Грин, указывая кончиком карандаша на красную точку на карте. — Мы должны будем увидеть этот остров через четыре часа.

— Да, — ответил Миран. — Это старый ориентир. Он стоит в ста милях к западу от Эстории еще со времен моего деда. Когда-то он был блуждающим островом, но давным-давно перестал двигаться и стоит на одном месте. В этом нет ничего необычного. Каждый капитан знает эти неподвижные острова, разбросанные по всему Ксардимуру, и каждый раз, когда еще один из скитальцев оседает на одном месте, на картах появляется новая отметка.

Миран помолчал, потом добавил несколько слов, от которых сердце Грина забилось быстрее:

— Необычное в этом острове только то, что он остановился не сам по себе, а его остановили эсторианцы своей магией. И с тех пор магия так и удерживает его на месте.

— Что ты имеешь в виду? — нетерпеливо спросил Грин.

Светло-голубой круглый глаз Мирана недоуменно глянул на Грина:

— А что ты имеешь в виду? Я имел в виду то, что сказал, и ничего больше.

— Я имею в виду, что за магию они пустили в ход, чтобы остановить остров?

— Они построили некие особые башни на пути у острова, и когда остров двинулся обратно, они окружили его, поймали в ловушку, и придинули другие башни, чтобы не дать ему отступить. Эти башни быстро передвигались на многочисленных, хорошо смазанных колесах. Когда круг замкнулся, остров больше не мог двигаться. С тех пор он больше не шелохнулся.

— Эти башни меня очень интересуют. Откуда эсторианцы узнали, как можно остановить остров? И если им удалось сделать это с одним островом, почему они не стали останавливать другие?

— Не знаю. Возможно, потому, что эти башни огромные, дорогие и недостаточно подвижные. А возможно, остальные острова их просто не интересовали. Я думаю, все свои знания эсторианцы получили от своих предков. Их пра-пра-пра и так далее дедушки построили Эсторию посреди степи и поставили вокруг города такие башни, чтобы острова не врезались в городские стены. Но на них нужно было много дерева, и строить их было долго, потому эсторианцы перестали ими интересоваться.

Миран указал на замок, нарисованный чернилами за красной пометкой:

— Этот замок означает, что на этом острове построены укрепления и находится база военных кораблей. Это самый восточный эсторианский гарнизон. Когда мы войдем в пределы их видимости, нам надо будет сообщить, кто мы такие. Конечно, если ты хочешь этого избежать, мы можем взять севернее или южнее и обойти этот остров. Но тогда нам придется докладывать о себе уже начальнику порта, а эсторианцы неприязненно относятся к капитанам, в бумагах которых нет отметки о проверке в форте Шимдуг, даже если судно такое маленькое и слабое, как наше.

«Да, — подумал Грин, — и могу поспорить, что ты намерен усилить их недоверие, шепнув пару слов обо мне».

Грин выбрался из кокпита и тут же услышал крик стоящей у руля Армы.

— На горизонте остров, — сказала она. — А рядом с ним много сверкающих белых непонятных штук.

Грин воздержался от комментариев. Ему стоило большого труда скрывать свое волнение, которое все возрастало с каждым оборотом колес. Он расхаживал взад-вперед, время от времени останавливаясь, прикрывая глаза от солнца и подолгу глядываясь в белые башни. Когда они наконец приблизились настолько, что уже нельзя было ошибиться ни относительно размеров этих башен, ни относительно некоторых особенностей их строения, Грин больше не смог сдерживаться.

Он закричал от радости, расцеловал Арму и пустился в пляс по палубе. Женщины смотрели на него с интересом и некоторым замешательством, а дети хихикали. Никто не понимал, с чего это вдруг их предводитель спятил.

— Космические корабли! Космические корабли! — радостно орал Грин по-английски. — Десятки кораблей! Наверняка это экспедиция! Я спасен, спасен! Корабли, корабли!

ГЛАВА 24

Они выглядели величественно, эти многочисленные конусы, чьи острые носы были устремлены в небо, а широко раскинутые подпорки погружены в мягкую почву! Их светлый металл сверкал на солнце, ослепляя наблюдателя, осмелившегося взглянуть на их сияние широко раскрытыми глазами. Они были великолепны, они воплощали в себе всю мудрость и мастерство величайшей цивилизации Галактики.

«Неудивительно, — подумал Грин, — что я кричу и пляшу от радости, а эти люди смотрят на меня, как на безумца. Даже Арма глядит на меня со слезами на глазах, качает головой и что-то шепчет. Что им может быть известно о значении всего этого великолепия?»

А в самом деле — что?

— Эй! — крикнул Грин. — Эй, я здесь! Я землянин! Может, со своими длинными волосами, небритой и немытой физиономией и я выгляжу, как один из этих варваров, но я не из них. Я — Алан Грин, землянин!

Конечно, они не могли услышать его с такого расстояния, даже если рядом с кораблями сейчас и стоял кто-нибудь, способный его понять. Но Грин продолжал кричать, надсаживая глотку, пока не охрип.

В конце концов Арма перебила его вопли:

— Что все это значит, Алан? Тебя что, клюнула в затылок Зеленая Птица Несчастья, которая иногда летает над этой степью? Или Белая Птица Ужаса щипнула тебя прошлой ночью, когда ты спал на палубе?

Грин замолчал и, успокоившись, посмотрел на Арму. Может ли он сказать ей правду теперь, когда спасение так близко? Он не боялся, что Арма или остальные их спутники помешают ему связаться с экспедицией. Грин был уверен, что теперь его ничто не остановит.

Алан просто заколебался, говорить ли Арме, что он должен ее покинуть. Мысль о том, что он причинит Арме боль, была для него мучительной.

Он начал было говорить, поймал себя на том, что говорит по-английски, и перешел на местный язык:

— Эти корабли — они перенесли мой народ через пространство между звездами. Я попал в этот мир на таком же корабле, — можешь считать его космическим парусником. Мой корабль потерпел крушение, и мне пришлось высадиться в этом мире — твоем мире. Потом я услышал, что рядом с Эсторией приземлился еще один корабль и что король Рауссмиг взял его экипаж в плен и собирается принести их в жертву во время праздника Солнечного Ока. У меня было мало времени, чтобы успеть добраться в Эсторию, пока этого не случилось, и я уговорил Мирана взять меня с собой. Я потому и оставил тебя, что...

Грин потерял ход собственной мысли — точнее, его сбило появившееся на лице Армы непонятное выражение. Это была не боль, которую он боялся увидеть, и не дикая ярость, которая могла возникнуть в результате его объяснений. Арма смотрела на него с жалостью:

— Алан, о чём ты говоришь?

Грин указал на выстроившиеся в линию корабли:

— Они с Терры, с моей родной планеты.

— Я не понимаю, что ты называешь своей родной планетой, — по-прежнему жалостливо ответила Арма, — но это не

какие-то там космические корабли. Это башни, построенные эсторианцами тысячу лет назад.

— Что-что ты говоришь?

Грин ошеломленно посмотрел на сверкающие громады. Если это не космические корабли, он готов съесть парус. И штурвал в придачу.

Яхта, подгоняемая сильным ветром, подходила все ближе к острову. Грин стоял рядом с Армой и чувствовал, что сейчас лопнет, если его напряжение не найдет выхода.

В конце концов выход нашелся. Из глаз Алана хлынули слезы, и он почувствовал, что задыхается. Его грудь готова была разорваться.

Как разумно древние строители отделали эти башни! Наземные подпорки, большие кили, длинные изогнутые линии, сходящиеся к носу — моделью этим башням послужил космический корабль. Этот вывод не был попыткой самообмана; такое сходство просто не могло быть случайным.

— Не плачь, Алан, — сказала Арма. — Твои люди могут подумать, что ты стал слабым. Капитаны не плачут.

— Этот капитан плачет, — ответил Грин, отвернулся и пошел через всю яхту на корму, где никто не мог увидеть, как его сотрясают рыдания.

Вскоре он почувствовал, как кто-то прикоснулся к его руке.

— Алан, — тихо сказала Арма. — Скажи мне правду. Если бы это действительно оказались корабли, которые могут путешествовать между звезд, ты взял бы меня с собой? Или ты все еще думаешь, что я... недостаточно хороша для тебя?

— Давай не будем говорить об этом сейчас, — отозвался Грин. — Я просто не могу. И, кроме того, нас слишком многие могут услышать. Давай попозже, когда все заснут.

— Хорошо, Алан.

Арма убрала руку и оставила Грина одного, понимая, что именно этого ему сейчас хочется. Алан мысленно поблагодарил ее за это, потому что знал, чего ей стоила эта сдержанность. В любом другом случае в подобной ситуации она бы уже чем-нибудь в него швырнула.

Немного успокоившись, Грин вернулся к штурвалу и сменил Мирана. После этого он некоторое время был слишком занят, чтобы предаваться мыслям о постигшем его разочаровании. Ему нужно было доложиться дежурному офицеру и рассказать ему историю их странствий. Это заняло несколько часов, потому что офицер позвал всех остальных, чтобы они тоже послушали эту поразительную историю. Потом они расспросили Мирана и Арму. Грин с беспокойством прислушивался к словам торговца, опасаясь, как бы тот не обнародовал свои подозрения, что он, Грин, не тот, за кого себя выдает. Однако,

если у Мирана и были подобные намерения, он оставил их при себе — видимо, до прибытия в Эсторию.

Все офицеры дружно согласились, что, хотя они слыхали много историй, рассказанных путешественниками, им никогда еще не доводилось слышать ничего подобного. Они настояли на том, чтобы устроить пир в честь Мирана и Грина. В результате Грину удалось выполнить то, к чему он давно стремился, — помыться, постричься и побритьсь. Но в придачу к этому ему пришлось выдержать длинный пир, на котором Грин жутко обялся, чтобы не обижать хозяев, и к тому же младшие офицеры втянули его в состязание, кто кого перепьет. Его имплантат мог управиться с потрясающим количеством пищи и алкоголя, так что Грин заработал среди офицеров репутацию сверхчеловека. К полночи последний мертвеецки пьяный офицер уронил голову на стол, и Грин получил наконец возможность вернуться на яхту.

К сожалению, толстого торговца ему пришлось тащить на себе. Выйдя из пиршественной залы, Грин обнаружил столпившихся у костра рикш, ожидающих клиентов, которые выпили столько, что им не страшны уже ни воры, ни призраки. Алан дал одному из них монету и приказал доставить Мирана на яхту.

— А вы, почтенный господин? Разве вы не собираетесь ехать домой?

— Попозже, — сказал Грин, взглянув на форт и на лежащие за ним холмы. — Я собираюсь немного пройтись, проветриться.

И прежде чем рикша успел его еще о чем-нибудь спросить, Грин нырнул в темноту и быстро зашагал к самому высокому холму острова.

Два часа спустя он неожиданно появился перед залитой лунным светом ветрозащитной стеной, прошел мимо множества пришвартованных на ночь парусников и поднялся на борт своей яхты. Быстро осмотрев палубу, землянин убедился, что все уже спят. Он осторожно прошел между распростертыми телами и улегся рядом с Армой. Грин лежал, закинув руки за голову и устремив взгляд на луну, и лицо его было задумчивым.

— Алан, я думала, что мы ночью поговорим, — прошептала Арма.

Грин напрягся, но не повернул головы и не посмотрел на Арму.

— Я тоже так думал, но офицеры задержали нас допоздна. Миран здесь?

— Да. Он появился за пять минут перед твоим приходом.

— Что?!

Грин приподнялся на локте и испытующе взглянул на Арму.

— А что тебя так удивило?

— Только то, что он был настолько пьян, что свалился и захрапел, как свинья. Толстый сын иззот! Он меня дурачил! И он наверняка...

— Что он наверняка?

Грин пожал плечами:

— Не знаю.

Он не мог сказать Арме, что Миран наверняка пошел за ним в хэлмы. И что, если толстяк действительно это сделал, он должен был увидеть кое-что, что наверняка сильно его обеспокоило.

Грин поднялся и внимательно посмотрел на валяющиеся тела. Миран спал позади штурвала, укутавшись в одеяло. Или делал вид, что спит.

Может, стоит его убить? Если Миран выдаст его эсторианским властям...

Грин сел обратно и прикоснулся к рукояти кинжала.

Должно быть, Арма догадалась о его раздумьях, потому что поинтересовалась:

— Почему ты хочешь его убить?

— Ты знаешь почему. Потому, что он может привести меня на костер.

— Алан, это неправда! — задохнулась Арма. — Ты не можешь быть демоном!

Это обвинение представлялось Грину таким смехотворным, что он даже не потрудился придумать какое-нибудь объяснение. А придумать стоило бы, он ведь знал, как серьезно эти люди относятся к подобным вещам. Но Грин так напряженно думал, как ему поступить с Мираном, что совершенно забыл об Арме. Лишь услышав ее сдавленные рыдания, Алан отвлекся от своих размышлений. Несколько удивленный этим проявлением чувств, Грин сказал:

— Не беспокойся. Они меня не сожгут.

— Не сожгут, — согласилась Арма, всхлипывая после каждого слова. — И меня не волнует, демон ты или нет. Я люблю тебя и пойду за тобой даже в ад!

Грину понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что Арма считает его демоном, но ей это безразлично. Или, точнее, она решила не обращать на это внимания. Какое же самопожертвование ей для этого потребовалось! Арма, как и любой житель этого мира, с детства была приучена испытывать яростное отвращение к демонам и страх перед ними, и особенно настороженно относиться к ним, когда они являются в человеческом облике. Каких же усилий ей должно было стоить преодоление своих глубочайших предрассудков! Это было куда

труднее, чем преодолеть межзвездное пространство. Грин был глубоко тронут.

— Арма! — позвал он и склонился поцеловать ее.

Но, к его удивлению, Арма отвернулась.

— Ты же знаешь, что я не извергаю огонь изо рта, как те демоны, про которых рассказывают, — сказал Алан, наполовину шутливо, наполовину с болью. — И я не буду выпивать твою душу поцелуями.

— Ты это уже сделал, — ответила она, отвернувшись.

— Арма!!!

— Да, ты это сделал! Иначе почему я последовала за тобой, когда ты бросил меня и попытался сбежать на «Птице»? И почему я все еще хочу следовать за тобой и быть с тобой, даже если эти башни превратятся в твои как-там-ты-их-называешь и ты уплывешь на них в небо? Почему — ведь ни одной нормальной человеческой женщине этого не захочется? Ответь!

Она тоже приподнялась на локте и повернулась к Грину. Алан едва узнал ее: так исказились ее черты, и таким мертвенно-бледным стало ее лицо.

— Сто раз за время этого путешествия я хотела, чтобы ты умер. Почему? Да потому, что тогда мне не нужно было бы больше думать о том времени, когда ты навсегда покинешь этот мир — и меня! Но когда тебе грозила опасность, я сама чуть не умирала от страха, и тогда я понимала, что на самом деле я не хочу твоей смерти. Это просто говорила моя уязвленная гордость. И я не могу думать о твоем уходе! На самом деле ты должен происходить из какой-то высшей расы, из народа, который ближе к богам, чем к демонам! Я уже не знаю, что и думать! Демон ты, или бог, или просто человек, ставший чем-то большим, чем любой из людей, которых мне доводилось знать? Я могу не обращать внимания на твои раны, которые заживают куда быстрее, чем им положено, и не оставляют после себя шрамов. Но я не могу не обращать внимания на то, что ты знал, что Ага будет убита, если прикоснется к той стене в пещере на острове каннибалов. И не могу не обращать внимания, что твои зубы, выбитые во время побега с острова, выросли снова. И на твой горячий интерес к двум демонам, которых держат пленниками в Эстории. И на...

— Арма, потише, — перебил ее Грин. — Ты же всех перед будишь.

— Ну да, конечно. Лучше помалкивать и притворяться дурочкой. Но я больше не могу, и больше не намерена так себя вести. Так... что же ты собираешься делать дальше, Алан?

— Что я собираюсь делать? — с несчастным видом спросил ее Грин. — Ну, я собираюсь как-нибудь освободить этих двух несчастных чертей и бежать на их космическом корабле.

— Чертей? Так они на самом деле демоны?!

— Да нет, это просто такое выражение. Я назвал их бедными чертями, когда подумал, что они должны были испытать в плену у этих варваров. Оказаться отданным на милость жрецов этой несчастной планеты ничуть не лучше, чем попасть к каннибалам.

— Так вот, значит, что ты о нас думаешь? Что мы все — убийцы, грязные, зловонные дикари.

— Ну, не все, — возразил Грин. — Ты не такая, Арма. Ты по любым меркам замечательная женщина.

— Но тогда почему?..

Арма прикусила губу и отвернулась. Она не хотела унижаться и упрашивать Грина взять ее с собой. Это он должен был сделать ей предложение.

Грин не знал, что и сказать, хотя понимал, что что-то сказать нужно.

У него просто в голове не укладывалось, как Арма сможет приспособиться к земной цивилизации.

Как приучить ее к тому, что если кто-то тебе не нравится, то это еще не повод пытаться разорвать его на части? Или что если ненавистный тебе человек слишком силен, чтобы спрятаться с ним самому, ты все же не должен обращаться к наемному убийце?

Как научить ее любить то же, что любит он сам — музыку и литературу, созданную его культурой. Слишком разными были те культуры, в которые они уходили корнями. Возможно, Арма не сможет понять то, что кажется очевидным ему, или ее не будет волновать то, что волнует его, или она не сможет уловить тонкости, которые улавливает он, но которые не принято различать здесь. Она будет чужой в мире, который не сумеет сделать своим.

Конечно, и на Земле, и в основанных землянами колониях было множество женщин, которые не разделяли его взглядов. Но тут дело было просто в разнице вкусов. В чем-то эти женщины все же могли понять Грина, уже просто потому, что они дышали тем же воздухом и говорили на том же языке, что и он. Не то чтобы ему хотелось связать свою жизнь с кем-то из этих женщин — нет. Но Арма, такая желанная, просто не могла понять, что происходит вокруг нее или в сознании тех, рядом с кем она должна была жить.

Грин посмотрел на Арму. Она лежала ничком, и ее дыхание было ровным, словно женщина погрузилась в глубокий сон. Аллан очень сомневался, что она действительно спит, он решил принимать вещи такими, какими они выглядели. Он не мог сейчас ответить на ее вопрос, хотя знал, что утром снова увидит его в глазах Армы, даже если она ничего не произнесет вслух.

Грин подумал, что зато Арма отвлеклась и перестала интересоваться тем, что он делал этой ночью. Уже хорошо. Он не хотел, чтобы кто-нибудь об этом знал. По крайней мере, до тех пор, пока не придет время действовать.

Если, конечно, ему удастся что-то сделать тогда... Этой ночью Алан обнаружил некоторые вещи, которые могли стать залогом его спасения, если он сумеет ими воспользоваться.

В этом-то все и дело, как сказал какой-то поэт.

Пытаясь вспомнить, кто же именно это сказал, Грин почувствовал, что засыпает. Витание в облаках всегда было любимым занятием Грина, при условии, что окружающие оставляли его в покое и не препятствовали. Вот в этом-то все и дело. Его никогда не оставляли в покое.

ГЛАВА 25

Вскоре после того как рассвело, яхта подняла паруса и двинулась в сторону Эстории, лежащей в сотне миль к западу. Дул сильный бриз, примерно тридцать пять миль в час, — предвестник бурь, бушующих над Ксардимуром во время сезона дождей. Грин приказал поднять все паруса, какие только можно, и сам встал к штурвалу. Теперь править судном было куда сложнее, чем раньше, потому что движение в этих местах было довольно оживленным. За час Грин увидел не меньше сорока парусников, от маленьких торговых суденышек размером не больше их яхты, до огромных трехпалубных военных кораблей из далекого Батрима, сопровождавших еще более огромные, богато разукрашенные торговые суда с высокой кормой. А после того как до места назначения осталось не более пятидесяти миль, количество маленьких прогулочных яхт стало просто неисчислимым. К тому времени как они увидели белые ракетообразные башни, протянувшиеся от одного края горизонта до другого, Грина уже бросало в пот от бесчисленных судов, снувших взад-вперед под самым носом у его яхты.

— Целый народ окружен этими белыми башнями, — сказал Миран, — а между ними рассыпано множество укреплений. Внутри огромного круга башен располагается множество богатых ферм. Но, однако, благосостояние города зиждется на трех блуждающих островах, которые были захвачены при помощи магии много веков назад.

Услышав это, Грин приподнял бровь:

— В самом деле? А где то судно, на котором спустились с неба два демона?

Миран, хотя и знал о горячем интересе Грина к так называемым демонам, посмотрел на землянина озадаченно:

— Ну, оно находится неподалеку от королевского дворца, но не холмах. Оно опустилось на равнину.

— Гм. И этих чужаков должны будут сжечь во время праздника Солнечного Ока?

— Если они будут к тому времени живы, то да.

Грину не нравилась мысль об их возможной смерти. Если они на самом деле умерли, то все решится само собой. Он останется на этой планете и постарается устроиться здесь как можно лучше.

Ну что ж, это было вполне допустимо. К тому же тот факт, что его женой была Арма, делал положение вещей совсем не таким бедственным, каким оно могло показаться. С ней было так интересно, что время должно было идти быстро, даже в таком варварском месте.

Но в таком случае, почему же он колеблется, брать ли ее с собой на Землю, если представится такая возможность? Вне зависимости от того, где находился Грин, Арма понимала, что жизнь была водоворотом событий. Арма только начала постигать ее глубины. Подумать только, какой она может стать, если дать ей образование!

«Что это с тобой, Грин? — спросил он себя. — Ты в своем уме? Что ж выходит — ты способен справиться с событиями, но чуть доходит до психологии, так ты тут же все перепоганишь? Но почему?...»

— Берегись! — закричал Миран, и Грин резко развернулся, чтобы избежать столкновения с небольшим грузовым судном. Капитан судна, стоявший на носу, рядом с рулевым, перегнулся через перила, показал Грину кулак и осыпал их ругательствами. Грин выругался в ответ, но запретил себе думать об Арме, пока он не заведет яхту в порт.

Остаток дня Аллан провел, утрясая формальности с портовыми властями. К счастью, при нем было письмо от командира островного форта. Там объяснялось, почему он оказался владельцем иностранного судна, и давалась рекомендация на тот случай, если Грин захочет наняться на службу в историанский флот. Но даже при этом ему пришлось столько раз пересказать свою историю восхищенным и поразительно легковерным слушателям, что освободился он лишь в сумерках. Выйдя из таможни, Аллан обнаружил, что его поджидают Гризкветр.

— А где твоя мать? — спросил Грин.

— О, она знала, что ты задержишься здесь надолго, так что она отправилась вперед и сняла комнату на постоялом дворе. Здесь очень трудно найти место накануне праздника, почти невозможно. Но ты же знаешь мою мать, — подмигнул Гризкветр. — Если она что-то хочет, она это получит.

— Да, боюсь, что так оно и есть. Ну хорошо, и где же этот постоянный двор?

— Он довольно далеко отсюда, но зато совсем рядом со стенами, которые построили вокруг корабля демонов.

— Замечательно! Должно быть, получить комнату именно там было вдвое труднее, чем где-нибудь на окраине. Как Арме это удалось?

— Она заплатила хозяину гостиницы втрое больше того, что он запрашивал, — а он и так просил немало. Тогда хозяин нашел предлог для ссоры с каким-то человеком, который заказал комнату заранее, выгнал его оттуда и отдал комнату нам!

— Вот как? А откуда она взяла деньги?

— Она продала рубин ювелиру, который держит лавочку неподалеку от порта. Я думаю, что этот ювелир — подозрительный тип и что он заплатил матери не столько, сколько этот рубин стоит на самом деле.

— Ну а откуда она взяла рубин или вообще какие бы то ни было драгоценности?

Гризкветр ухмыльнулся. Вид у него был хитрый, но донельзя довольный:

— Ну, я полагаю, что некий толстый одноглазый торговец, имени которого мы называть не будем, должен иметь один-два рубина в сумке, которую он таскает за пазухой.

— Да, я тоже так считаю. Меня беспокоит другое: как Арма ухитрилась заполучить эти камни у Мирана? Он скорее согласится расстаться с квартой крови, чем с одной из своих возлюбленных драгоценностей. И эту потерю он заметит гораздо быстрее, чем потерю крови.

На лице Гризкветра появилось озадаченное выражение:

— Я действительно не знаю. Мать не сказала.

Потом он засиял и радостно воскликнул:

— Но мне очень хотелось бы узнать, как она это сделала! Может, она когда-нибудь и меня этому научит.

— Кажется, она нас обоих много чему научит, — сказал Грин и вздохнул. — Что ж, я все время оказываюсь в долгу перед ней. С этим ничего не поделаешь. Ладно, зови рикшу и покажывай, что там за место она выбрала.

Они уселись в экипаж с высокими сиденьями, и двое мужчин неспешно повлекли его через запруженные народом улицы.

— Ты случайно не знаешь, где сейчас Миран? — поинтересовался Грин.

— Догадываюсь. Сначала его задержали портовые чиновники, чтобы он объяснил, что случилось с его кораблем. Потом он нанял рикшу и поспешил уехал. С ним был один офицер. Не флотский — из дворцовой гвардии.

У Грина упало сердце:

— Уже? Слушай, а он знает, где мы остановились?

— Нет, конечно! Когда я увидел, что он выходит из здания таможни, я спрятался за тюком хлопка. Мать приказала мне не попадаться Мирану на глаза. Она объяснила, что Миран хочет нас выдать и что он ненавидит тебя, потому что думает, что это ты принес ему несчастье.

— Это правда лишь наполовину, — ответил Грин. Некоторое время он молчал, рассеянно скользя взглядом по толпе. Там было множество иностранцев, матросов из всех государств, граничащих с Ксардимуром, паломников, исповедующих широко распространенный куль Богини-Рыбы и явившихся на праздник. Но все же большую часть составляли эсторианцы — высокие красивые люди с темными или рыжими волосами, зелеными или голубыми глазами, большими носами и полными губами. Они говорили на гортанном полисиллабическом, полуаналитическом языке и носили широкополые шляпы, напоминающие открытый зонтик, рубашки с тую завязывающимся воротом и брюки, от пояса до колен обтягивающие, а ниже раздувающиеся множеством оборок. На лодыжках позывали крохотные колокольчики, а женщины носили еще и тросточки. У всех на щеках была татуировка — рыба, звезда и ракетоподобная башня.

Вдоль узкой извилистой улицы располагалось множество лавок, торгующих самыми разнообразными товарами. Грина очень заинтересовали продававшиеся повсюду волшебные амулеты. Среди них часто попадались маленькие башенки, уменьшенные копии тех башен, которые окружали всю Эсторию. На Земле они легко сошли бы за игрушечный космический корабль. Аллан купил один такой амулет. Он был сделан из дерева, выкрашенного в белый цвет, и имел около семи дюймов в длину. Большой киль и наземные опоры были воспроизведены отлично, но, кроме этого, не было никаких деталей, которые непременно нашлись бы на игрушке подобного рода, изготовленной на Земле. Не было ни отверстий дюз на корме или на носу, не было ни малейших намеков на люки или на следящую аппаратуру.

Грин отдал башенку Гризкветру и откинулся на спинку сиденья, погрузившись в раздумья. Амулет его не разочаровал, поскольку Аллан не ожидал увидеть что-нибудь сверх того, что увидел. Если поначалу эти модели и делались очень точно, с мельчайшими деталями, то прошедшие тысячелетия огрубили их и довели до нынешнего состояния — неопределенного символического образа. Время сжирает вещи, оставляя от них лишь остов.

Грину было любопытно, как эти амулеты сохранились до настоящего времени — ведь ясно было, что их прототип, настоящий космический корабль, исчез примерно около двадцати тысяч лет назад, и люди вновь вернулись к дикости. Почему

здесь они сохранились, а на других планетах, включая Землю, исчезли?

Внезапно Грин заметил, что экипаж остановился.

— Процессия жрецов идет во дворец к королю. Они там всю ночь будут читать проповеди демону, — сказал один из рикш, зевнул и потянулся. — Я думаю, это будет хорошее сожжение — жрецы предсказывают, что солнце будет стоять в самом зените. Ну, еще бы: оно уже тысячу лет стоит в зените во время праздника.

Грин наклонился вперед, вцепившись в поручни, и спросил:

— Демон? Вы говорите о демонах, правда ведь? Разве их не двое?

— Да, было двое, но один умер пару дней назад. Я слыхал, что он повесился, хотя точно сказать не могу, потому что жрецы ничего толком не рассказывают. Они наверняка плохо обходятся с демонами.

— Демоны? — недоверчиво и негодующе фыркнул Гризкветр. — А разве то, что один из них покончил с собой, не доказывает, что они не демоны? Все знают, что демоны не могут убить себя.

— Ты совершенно прав, мой маленький друг, — ответил рикша. — Жрецы признали, что совершили ошибку. Они искренне о ней сожалеют — так они говорят.

— Но тогда почему бы им не выпустить второго человека?

— О нет! Ведь он может как раз оказаться демоном. Завтра в полдень пленник выйдет под Солнечное Око и там примет единственную смерть, которой могут умереть демоны. «В огне он был рожден, в огне он и умрет». Глава двадцатая, строфа шестьдесят вторая. Кажется, именно так сказал вчера во время церемонии верховный Граунинг. Что касается меня, я не очень-то умею читать. Мне приходится работать, чтобы выжить, бегать целыми днями, изматывать себя до полусмерти, чтобы моим детям было что есть и во что одеться.

Грин едва слышал гортанный голос рикши, настолько потрясли его услышанные новости. Неужели он опоздал? Что, если умерший был пилотом, а второй человек не умеет управлять кораблем?

Остаток дороги Грин был погружен в такое глубокое уныние, что не замечал многочисленные достопримечательности, на которые указывал ему Гризкветр. Но потом слова мальчика привлекли его внимание:

— Отец, смотри, вон там, на вершине холма, королевский дворец! А за ним — корабль демонов. Отсюда его не видно, но ты сможешь посмотреть на него завтра, когда пойдешь смотреть на сожжение.

— Не будь таким бессердечным, — сказал Грин, внимательно глядя на огромное мраморное здание, хаотично раскинувшееся на холме. Где-то под ним находился такой же вход, какой Грин обнаружил на острове каннибалов — возможно, засыпанный землей, и уж наверняка забытый. Такой же вход он нашел и над укреплениями Шимгуда, в ту ночь, когда он отправился на разведку, а Миран последовал за ним.

Еще Грин подумал, что дворец выглядит красиво и вполне романтично, особенно сейчас, когда солнце, опускающееся прямо за дворец, окутalo его зыбкой красноватой дымкой. Возможно, в резком дневном свете, когда вся грязь и отбросы резко бросались в глаза, он смотрелся иначе.

Район, в котором Арма сняла комнату, был одним из тех, в которых некогда селились богачи и знать, но потом аристократы перебрались в другое место, и теперь район переживал не лучшие времена. Постоялый двор, перед которым остановились рикши, представлял из себя трехэтажное нагромождение гранитных глыб. У него был огромный портик и шесть не менее огромных колонн, изображающих Богиню-Рыбу. Грин не мог не восхититься этим зданием, пусть даже и пришедшим в упадок, потому что знал, сколько нужно было везения, чтобы его построить. Гранит надо было перевезти на корабле через Ксардимур, потому что нигде поблизости месторождений камня не было. Алан представил, как хозяин гостиницы повышал плату за комнату, и подумал, что Арма должна была заплатить действительно немалые деньги, если она дала втрое больше обычной цены. Ну что ж, все, что он мог сказать — когда Арма путешествует, она делает это со вкусом.

Кариатиды в виде Богини-Рыбы тоже заинтересовали Грина, и он попытался рассмотреть их поближе в свете факелов, которые держали слуги. Культ Богини свидетельствовал о том, что предки эсторианцев пришли в самое сердце степи с океанского побережья. И здесь они построили свой достойный почтения город, ставший крупнейшим торговым центром. Выгодное расположение сделало его перевалочным пунктом для товаров всех стран, граничащих с Ксардимуром.

Грину стало интересно, было ли случайностью то, что предки эсторианцев принесли с собой амулеты в форме космического корабля. И случайно ли они обнаружили, что башни, сделанные в форме амулетов, могут останавливать блуждающие острова?

Каким бы ни был ответ на этот вопрос, он был погребен глубоко в толще времен.

— Поторопись, — сказал Гризкветр, вцепившись в руку Грина. — У матери есть для тебя сюрприз, только не говори ей, что я тебе об этом сказал.

— Хорошо, — с отсутствующим видом ответил Грин. Его ум все еще был занят известием о смерти землянина. Да пропади оно все пропадом, почему он должен все время находиться в состоянии беспокойства, всегда импровизировать, всегда двигаться на ощупь, не зная, что сейчас произойдет и что ему придется делать? Хоть бы один день покоя и уверенности!

— Отец!

— Что такое? — спросил Грин, внезапно оторванный от своих размышлений, и резко остановился на середине портика. Внезапно что-то маленькое и черное бросилось ему навстречу и взобралось на плечо.

— Госпожа Удача! Почему ты так дрожишь?

— Отец, беги! — крикнул Гризкветр. — Там Миран, и с ним солдаты!

Тут же у него вырвался отчаянный вопль:

— Ма-а-ма-а!

Одного взгляда на Арму, Инзах и детей, которых вели под конвоем, оказалось для Грина вполне достаточно. Он повернулся и негромко, но жестко произнес:

— Повернись к ним спиной! Не оглядывайся! Мы стоим достаточно далеко и в темноте, чтобы нас здесь не заметили. Особенно в этой толпе!

Минуту спустя мужчина, мальчик и кошка выглянули из-за угла большого здания. Они увидели, что солдаты окликнули рикшу и посадили пленников в экипаж. Потом четверо впряженлись в повозку и потащили ее прочь.

— Они... они идут в Крепость Степных Котов, — сказал мальчик, вздрагивая от гнева. — Проклятый Миран! Толстый старый дьявол! Он обвинил маму в том, что она ведьма! Я знаю! Я знаю!

— Он обвинил не ее, а меня, — сказал Грин. — Она виновна в связи со мной. Но хорошо уже то, что мы, по крайней мере, знаем, где они сейчас находятся.

— Миран с солдатами возвращаются на постоянный двор.

— Собираются поджидать нас, — сказал Грин. — Долго же им придется ждать. Ладно, пошли. Займемся вопросами первоочередной важности. Сейчас купим билет и посмотрим на корабль. Мне надо знать, где он находится, какого он типа, ну и так далее. К счастью, на это у меня денег хватит. Но на самом деле с деньгами у нас очень неважно. У тебя что-нибудь есть?

— Десять аксаров.

— Немного, но этого хватит, чтобы заплатить рикше за поездку до ветрозащитной стены.

Грин купил в кассе два билета и вместе с Гризкветром поднялся по лестнице. Наверху оказалась платформа под деревянным навесом, на которой толпилось довольно много народа. Она была построена специально для тех любопытствующих,

которые хотели заранее рассмотреть корабль демонов. Завтра ворота откроются, чтобы пропустить большую толпу, которая рассеяется на жестких деревянных скамейках амфитеатра, построенного вокруг корабля.

Сам корабль был двухместным разведчиком, принадлежащим к военному флоту Земли. Он стоял носом кверху, опираясь на восемь реактивных двигателей, блестящих в лунном свете. Знак принадлежности к военному флоту — зеленый шар, перечеркнутый ракетой и оливковой ветвью, — был затерявшийся в полумраке пятном, но тем не менее Грин его увидел. У Алана сжалось сердце, и он чуть не задохнулся — такой острой была ностальгия.

— Эх, как ты близко, и все еще так далеко, — пробормотал он. — Даже если я проберусь на тебя, что с того? Что, если окажется, что тот бедолага, который выжил, — навигатор? Ну, так или иначе, он должен знать достаточно для того, чтобы оторвать корабль от земли и выйти в космос. А там мы уже должны будем на межзвездном ходу как-нибудь дотянуть до дома.

Это звучало неубедительно даже для самого Грина, потому что он знал, как велик космос и какая сложная штука — астроматематика. И, конечно же, не было никакой гарантии, что выживший землянин окажется хотя бы навигатором. Он может быть просто офицером или вообще штатским, которого куда-то перевозили на этом маленьком быстроходном корабле.

И, кроме того, существовала еще ужасная возможность, что корабль был вынужден приземлиться из-за неполадок, и теперь уже не сможет взлететь даже с полным экипажем. Это объяснение было наименее логичным.

Грин вздохнул и повернулся к мальчику:

— Возможно, это ничего не даст, но мы не можем сидеть и ждать. Пошли к ветрозащитной стене.

— А что мы будем там делать? — спросил Гризкветр, когда они спустились.

— Ну, на яхту мы возвращаться не будем. Солдаты наверняка дожидаются нас там, чтобы арестовать. Нет, мы пойдем на другую сторону стены. Угоним другой корабль — хуже, чем есть, нам все равно уже не будет.

Глаза Гризкветра удивленно расширились:

— А что мы будем с ним делать?

— Нам надо вернуться в крепость на острове, в Шимдуг.

— Что? Но до него же сто миль!

— Я знаю. И мы не сможем идти с той же скоростью, с какой шли сюда. Нам придется идти против ветра, и это займет очень много времени. Но нам ничего другого не остается.

— Если ты так говоришь, отец, то я тебе верю. Но что там, на Шимдуге?

— Не на нем, а в нем.

Гризкветр был смысленый парнишкой. На минуту он умолк, и Грину показалось, что он слышит, как в голове мальчишки проворачиваются невидимые колесики. Потом он заговорил:

— На Шимдуг должна быть такая же пещера, как на острове каннибалов. И ты ходил туда той ночью, которую мы прошли у острова. Я помню, что проснулся и услышал, как вы с мамой говорите о том, что ты куда-то ходил и что Мирон тебя выследил.

Гризкветр ненадолго умолк, потом продолжил:

— Если там есть вход в пещеру, почему туда никто не ходит?

— Потому, что эсторианские жрецы объявили ее табу для всех без исключения. Мне кажется, это было так давно, что жрецы уже и сами забыли, почему они запретили людям туда входить. Но исторические предпосылки восстановить нетрудно. Я полагаю, когда-то остров был населен каннибалами. Потом эсторианцы захватили остров и истребили аборигенов. Они нашли вход в пещеру, которая была для дикарей священным местом. Потом, решив, что в пещере живут демоны, — в некотором смысле так оно и есть, — они построили стену вокруг входа в пещеру и установили там статую Богини-Рыбы, — она смотрит внутрь и держит в руке символ, который должен воспрепятствовать заключенным в пещере демонам вырваться наружу. Этот символ, конечно, — тот же самый амулет, который продается на улицах Эстории, который окружает всю страну и остров Шимдуг. И это тот же самый корабль, который приземлился рядом с королевским дворцом.

Грин окликнул рикшу и, пока они ехали по забитым толпой улицам, продолжал рассказывать. Вокруг было так шумно, что Грин решил, что, если говорить негромко, никакой опасности не будет.

К тому времени когда они добрались до северного конца ветрозащитной стены, Грин рассказал Гризкветру все, что тому, по мнению Алана, стоило знать. Позже, если путешествие в Шимдуг пройдет успешно, он расскажет побольше.

На настоящий момент перед ними стояла проблема, как раздобыть транспорт. К счастью, они почти сразу отыскали симпатичную маленькую яхту со стремительными обводами корпуса и высокой мачтой. Должно быть, судно принадлежало какому-то богачу, судя по сторожу, который сидел у разведенного ряда с эллингом небольшого костерка. Грин подошел к вахтенному и, когда парень поднялся, потянувшись за копьем, ударил его в челюсть, а потом добавил правой в солнечное сплетение. Гризкветр завершил работу, навернув сторожа по голове куском подобранный с земли трубы.

Грин опустошил кошелек сторожа и с радостью обнаружил там несколько крупных монет.

— Возможно, это все его сбережения, — сказал Грин. — Жутко не хочется его грабить, но нам позарез нужны деньги. Гризкветр, помнишь тех рабов, которые сидели у гостиницы «Полосатая обезьяна», выпивали и играли в кости? Сбегай туда и предложи им шесть данкенов, если они помогут отбуксировать яхту за стену. Скажи, что плата такая высокая за работу поздно ночью и за то, чтобы они держали язык за зубами.

Гризкветр улыбнулся и умчался. Грин оттащил обмякшее тело сторожа за хижину, связал его, заткнул рот кляпом и прикрыл тело куском брезента.

Гризкветр вернулся, ведя с собой шестерых шумных и пошатывающихся крепко сбитых мужчин, по которым было видно, что буксировка парусников для них дело привычное.

Сперва Грин думал, что надо бы как-то убедить их держаться потише, потом решил, что более естественным будет позволить им вести себя так, как они привыкли. Этой ночью в городе царило праздничное настроение, и не одна яхта отправилась на прогулку под лунным светом.

Выбравшись в степь, Грин бросил обещанные деньги рабам и крикнул:

— Желаю хорошо повеселиться!

Себе же под нос он пробормотал:

— Потому что завтрашний день может оказаться для вас последним.

У него уже были некоторые предчувствия по поводу того, что может произойти, если он успешно справится со своей ночной работой. Неизвестно, какие силы он выпустит на свободу. Как он уже сказал Гризкветру, это были демоны, заключенные в глубинах острова Шимдуг.

ГЛАВА 26

Перед самым рассветом яхта остановилась у высокой каменной стены, окружавшей северный край острова Шимдуг. Грин спустил парус и, точно рассчитав скорость, так развернул судно, что оно едва не проехалось бортом по стене. Как только парусник остановился, Грин положил Госпожу Удачу в притороченную к поясу сумку и предупредил ее, что надо сидеть тихо. Потом он начал взбираться на мачту, Гризкветр — за ним следом. Они проползли по перекладине, и Грин привязал к концу перекладины длинную веревку. Потом Алан спустился на землю с другой стороны стены.

После того как Гризкветр тоже спустился, они несколько мгновений помедлили, пригнувшись и готовые пуститься наутек при первом признаке того, что их заметили. Но никаких окриков не послышалось.

Большая луна хотя и спустилась к самому горизонту, все же давала достаточно света, чтобы беглецы могли быстро передвигаться. Грин пустился в путь по холмам, окольной тропой подбираясь к самому высокому из них. Дважды он останавливался и предупреждал Гризкветра, что впереди находятся башни, на которых стоят часовые. Госпожа Удача, похоже, понимала, что должна вести себя тихо. Кошка сверкала глазами, скалилась и еле слышно шипела.

Беглецы видели разведенные часовыми костры и слышали голоса солдат, но те их не заметили. Сомнительно, чтобы солдаты вообще кого-нибудь высматривали — им и в голову не могло прийти, что нормальный человек будет бродить во тьме, где, как всем известно, глупых смертных подстерегают призраки и демоны.

Перед тем как начать взбираться по склону нужного им холма, Грин прошептал:

— Этот остров устроен так же, как и тот, о который мы разбились. Я думаю, все острова более-менее похожи, все лежат на металлической платформе по полторы мили в диаметре. Она покрыта землей, камнями и деревьями и населена птицами и животными. Я полагаю, их создатели придали им такой вид из эстетических соображений. В конце концов, металлический щит с несколькими сооруженными на нем постройками будет не очень-то хорошо смотреться и к тому же ослепительно сверкать на солнце.

— Угу, — гукнул ничего не понявший Гризкветр.

— Знаешь, кажется, в первый раз, когда я в насмешку предположил, что блуждающие острова и есть те самые прославленные газонокосилки, я, как ни странно, был прав.

— Что?

— Да, вначале их должно было быть намного больше, чем сейчас, достаточно, чтобы степь выглядела чистой и хорошо ухоженной, трава была подстриженной, леса не выходили за отведенные пределы, и так далее. Но когда больше не осталось подготовленного персонала, способного поддерживать острова на ходу, они принялись один за другим останавливаться, и теперь их осталось, наверное, всего несколько сотен. Хотя, может быть, и больше, не знаю. В любом случае всякий раз, когда один из островов по той или иной причине останавливался и выходил из строя, его вскоре уничтожал один из оставшихся островов.

— Уничтожал?

— Да. Совершенно очевидно, что острова не только подстригают траву, они еще устраниют с равнины ненужные препятствия. А мертвый остров является как раз таким препятствием.

— Не знаю, отец, может быть, я еще пойму тебя, — тихо сказал Гризкветр. — Наверное, я глупый.

— Вовсе нет. Всему свое время, ты научишься. Так или иначе, я должен был понять, что они действительно существуют, когда услышал от матросов все эти истории. Помнишь, один из них рассказывал о большой дыре, проделанной метеоритом? И как эта дыра загадочно исчезла, когда они возвращались обратно? И еще была история про разбившиеся парусники, которые исчезают бесследно, до последнего гвоздя и до последней косточки погибших. И история про Самдру, портного, который стал матросом — как он побывал в металлических залах внутри острова. Большой белый глаз, через который он смотрел, что происходит на поверхности острова. И другие чудеса. В них нет ничего волшебного, хотя легенды и называют это чудесами. Любой землянин сразу узнает телевизор, радар, циферблат, аппаратуру наблюдения.

— Расскажи мне об этом побольше.

— Расскажу, когда мы переберемся через эту стену.

Грин остановился перед каменной стеной, достигающей в высоту сорока футов. Эта мрачная корона окружала всю вершину холма.

— Сюда будет нелегко залезть, вон там известковый раствор, скрепляющий камни, раскрошился, и вьющиеся растения взобрались до самого верха стены. Держись следом за мной. Я точно помню путь, по которому взбирался в прошлый раз.

Грин подпрыгнул, ухватился за толстую лозу и подтянулся до выступа в стене. Гризкветр, ни минуты не колеблясь, полез следом.

Тяжело дыша, они взобрались на вершину стены, где немногого отдохнули и стерли кровь с израненных пальцев. Единственным путешественником, который казался совершенно безмятежным, была кошка. Грин молча указал на двадцатифутовую статую Богини-Рыбы, которая стояла спиной к ним и протягивала ко входу в пещеру амулет в виде ракеты.

В первый раз на лице Гризкветра появилось выражение испуга. Подобно всем своим сверстникам, он испытывал жуткий страх перед сверхъестественным. Это место, так надежно огражденное, выглядящее таким древним, обладающее всеми признаками табу, напоминающее ужасные истории о демонах и разгневанных богах, действовало на мальчика угнетающее. Только совершенно очевидное презрение отца к любым демонам, могущим вырваться наружу, удерживало Гризкветра от того, чтобы развернуться и спуститься обратно.

— Могу поспорить, что Миран не последовал за мной сюда, а остался внизу. С его пузом ему ни за что не удалось бы взобраться на стену; он свалился бы вниз, как большой толстый клоп, и от него осталось бы мокрое место. Представляешь, какой ужас! Так или иначе, но он следил за мной не до конца. Одного того факта, что я вошел в место, которое объявлено табу, вполне достаточно, чтобы вынести мне приговор. Надо было перерезать торговцу горло, когда Арма сказала, что он за мной следил. Но я не смог этого сделать без доказательств, и даже бы если они были, я, пожалуй, слишком цивилизован для хладнокровного убийства.

— Ты должен был сказать о своих чувствах мне, — сказал Гризквтр. — Я бы вогнал кинжал под его жирные ребра.

— Несомненно. И твоя мать сделала бы то же самое. Ладно, давай спускаться.

Грин подал пример, перекинув ногу через край стены и начав спускаться, соблюдая особую осторожность. Спуск был еще хуже подъема, но он не стал зря беспокоить мальчика. К тому времени он обнаружил, что уже находится внизу.

Но даже при этом, добраившись до низа, Грин подумал, что парнишку трясет не хуже, чем его самого. Сорок футов — это долгий, очень долгий путь, особенно если вы смотрите вниз с верхушки стены, и особенно — в лунном свете.

— Я проделываю этот путь во второй раз, но не думаю, что меня хватит на третий, — сказал Грин.

— Но нам же надо будет выбраться отсюда, разве не так?

— Ну конечно, мы отсюда выйдем, но я надеюсь, нам больше не придется для этого взбираться на такую высоту, — с загадочным видом ответил Грин.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, я надеюсь, что эти камни рухнут на землю. На самом деле это неизбежно произойдет, если мы сделаем то, что собирались.

Алан взял сбитого с толку мальчика за руку и повел мимо холодной безмолвной статуи ко входу в пещеру.

— Мы могли бы воспользоваться светом, — сказал Грин, — но факел слишком трудно перенести через стену, а до комнаты, в которой загорается свет, мы доберемся и на ощупь.

«Интересно, а почему в коридорах свет не зажигается?» — подумал Алан. То ли эта пещера была достроена жившими на острове дикарями, то ли к святым святым надо приближаться в темноте? Возможно, так оно и было, и дикари достроили пещеру именно с тем расчетом, чтобы посвященный мог пройти через тьму — в прямом и переносном смысле слова — и прийти к свету — тоже в обоих смыслах? Грин не знал этого и знать не мог, все это были лишь его предположения.

«Но я могу воспользоваться тем, что уже у меня на руках», — сказал себе Грин и решительно усмехнулся.

Пыль под ногами сменилась серым металлом. Они завернули за угол и оказались в помещении, в точности похожем на то, которое они видели на первом острове, за исключением ее содержимого. Посередине комнаты на полу лежал скелет, лицом вниз. В затылке у него зияла огромная дыра.

— Он мог пролежать здесь тысячу лет, а то и больше, — сказал Грин. — Хотелось бы мне знать его историю. Но я никогда ее не узнаю.

— Ты думаешь, его убила Богиня?

— Нет, не она, и не демоны. Этот удар, мальчик мой, нанесла рука человека. Если ты хочешь найти объяснение насильственной смерти, не ищи его в сверхъестественном. Убийц более чем достаточно среди людей.

Когда они добрались до третьей комнаты, Грин сказал:

— Здесь нет стены пыли, которая могла бы нас остановить. Ионизаторы не перестали работать. Заметь, как здесь чисто. Ну что ж, вот мы и здесь! У самой двери!

— Дверь? — удивленно огляделся Гризкветр. — Я вижу только стены.

— Я тоже вижу только их, — сказал Грин, — и не увидел бы ничего другого, если бы не история про Самдру.

— Давай я скажу, как ты вошел! — возбужденно воскликнул мальчишка. — Я знаю, что ты подумал и что ты сделал. Ты встал перед стеной и сделал такой вот знак, — Гризкветр нарисовал на стене очертания ракеты, — и неожиданно стена отъехала в сторону, и ты очутился перед входом. Смотри!

Одна из секций бесшумно скользнула в стену, открыв круглый дверной проем.

— Да, я вспомнил историю про Самдру, и хотя сама мысль, что это может сработать, казалась нелепой, я сделал то же самое, что и он. Я вспомнил, что каннибалы гнались за ним, а он вбежал в пещеру и уткнулся в такую же стену. И Самдру, желая защитить себя от злых духов, которые, как он был уверен, живут в пещере, нарисовал знак, который, как считалось, не позволяет им прикоснуться к человеку. Дверь открылась, и Самдру вошел в палаты злого волшебника, а дикари остались позади и завыли от ярости.

И я сделал то же самое, что и он, — продолжил Грин, — сказал: «Сезам, открайся».

— Что?

— Неважно. Дело в том, что техники древности, видимо, использовали этот жест для того, чтобы открыть дверь — сам по себе или в соединении с другими способами. И они же, возможно, были ремонтниками для приземляющихся здесь кораблей.

Возможно, ракета была тайным символом их гильдии. Точно я не знаю, но звучит это вполне разумно.

Не обращая внимания на вопросы, которыми засыпал его Гризкветр, Грин вошел в большую комнату. В ней было куда меньше аппаратуры, чем первоначально ожидал увидеть Аллан. Здесь стояли четыре двигателя или их топливные приводы, заключенные в большие металлические контейнеры. В центре комнаты находились кресло и приборная доска. Она содержала шесть телеэкранов, несколько осциллографов и шкалы приборов, назначения которых Грин не знал. Встроенные в кресло рычаги управления выглядели довольно простыми.

— Проблема в том, — пробормотал Грин, — что я не знаю, где находится включатель. В прошлый раз я попытался его найти, но не смог. Но это должно быть что-то настолько очевидное, что я буду чувствовать себя дураком, когда все-таки его обнаружу.

Грин подергал за маленькие рычаги в подлокотниках. Безуспешно.

— Именно потому, что я так и не смог включить эту штуку, я вернулся на яхту и поехал в Эсторию. Конечно, мне надо было отправиться посмотреть, как обстоят дела, и обдумать план кампании. Быть может, если бы я остался здесь и рискнул пробраться в город вслепую, было бы лучше. По крайней мере, твоя мать не попала бы в тюрьму, и нам не пришлось думать о том, как ее теперь оттуда вызволить.

Грин встал и принял расхаживать по комнате:

— Какая ирония — яшел так далеко и теперь не могу продвинуться дальше! Но впрочем, что я мог ожидать? Мне нужно отгадать эту загадку, а я тоже не все знаю и могу ошибаться. Остров должен быть в порядке и сейчас. Его парализовало кольцо из башен, сделанных в форме ракеты. Тем не менее, если он не взорвался, не разладился вконец или просто не износился, здесь должно быть какое-нибудь указание на то, что он все еще пригоден для дела.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гризкветр. — Как можно парализовать остров?

Грин остановился и указал на экран радара:

— Видишь вот это? Здесь должны быть или извивающиеся по экрану линии, или движущиеся точки. Они должны указывать очертания вещей, которые находятся поблизости от острова и лежат на земле. Я так полагаю, что в древности, когда эти точки складывались в очертания ракеты — тогда это были настоящие космические корабли, а не модели в натуральную величину, — остров должен был эту ракету объехать. Помимо всего прочего, острова работали уборщиками, мусорщиками. Они убирали с равнины все, чему там быть не полагалось. Вот

поэтому они теперь нападают на парусники, давят их и убирают обломки. И это же объясняет, почему остров оказался пойманным в ловушку — кольцо из ракетоподобных башен. Радар обнаружил, что круг замкнут, а поскольку острову не позволено причинять вред какому-либо объекту, имеющему вид космического корабля, то он и застрял на одном месте, где и будет стоять, пока совсем не выйдет из строя или пока эти ракетообразные башни не уберут.

Конечно, острова работали на автоматике. Но там были пульты управления, чтобы человек мог управлять островом, если нужно выполнить какую-нибудь особенную работу или перенести остров на другое место. Эти пульты обязательно должны быть.

Вопрос, собственно, в чем — может, остров через определенные промежутки времени сам по себе включается, осматривает окрестности, чтобы проверить, не убраны ли еще предметы, не позволяющие ему двигаться, а потом выключается обратно? И если это действительно так, то как долго нам придется ждать, пока он в очередной раз включится? Мы просто не можем позволить себе ждать!

Грин был близок к истерике. До тех пор пока он заставлял свое тело и ум действовать, он чувствовал, что продвигается вперед. Но как только Алан попадал в зависимость от какого-нибудь неодушевленного предмета, который нельзя было атаковать, или сталкивался с проблемой, которая казалась неразрешимой, он чувствовал, что пропал. Ему никогда не хватало терпения.

Госпожа Удача негромко мяукнула. Она устала сидеть в сумке и решила, что уже достаточно долго ведет себя как пай-девочка.

Грин рассеянно вытащил кошку из сумки и посадил ее на стол. Госпожа Удача потянулась, зевнула, облизнулась и, мягко ступая, двинулась через стол. Ее хвост подергивался из стороны в сторону, и вот его кончик проехался по поверхности центрального телевизора.

Тут же на панели загорелся красный глазок и раздался резкий свистящий звук. Две секунды спустя засветилась вся панель управления.

ГЛАВА 27

— Ах ты, моя красавица, моя куколка, моя дорогая Госпожа Удача! Что бы я без тебя делал! — воскликнул Грин. Он потянулся погладить кошку, но она испугалась, спрыгнула со стола и отбежала подальше.

— Вернись же! — позвал Грин. — Я не трону ни единого волоска из твоей чудесной черной шерстки! Я буду давать тебе пиво и рыбу всю твою жизнь и тебе не придется работать ни одного дня!

— Что случилось? — спросил Гризкветр.

Грин порывисто обнял его, потом уселся в кресло:

— Ничего особенного, за исключением того, что эта замечательная кошка показала мне, как активировать оборудование. Надо просто провести рукой по экрану. Могу поклясться, что и отключается оно точно так же!

Алан прикоснулся к экрану. Снова раздался свист, мерцание красного глазка и экранов погасло. Грин еще раз прикоснулся к экрану, и пульт снова ожила:

— Вот и все. Но я мог так этого и не обнаружить, каким бы простым это ни было.

Постепенно Грин начал успокаиваться:

— Приступим к работе. Что тут у нас...

Шесть телевизоров показывали, что происходит на севере, востоке, юге, западе, сверху и снизу. Поскольку остров успел покрыться изрядным слоем земли, то снизу ничего не было видно.

— Это мы исправим. Но сперва, пожалуй, посмотрим, могут ли эти экраны изменять сектор осмотра.

Грин потянулся к рычагам. Когда он повернул первый из них, комната подпрыгнула. Поспешно вернув рычаг в прежнее положение, Грин сказал:

— Итак, теперь мы знаем, для чего предназначен этот рычаг. Могу поспорить, что люди, которые сейчас находятся на верху, думают, что произошло небольшое землетрясение. Они такого никогда не видали. Гм-м-м. Думаю, нам нужно вот это.

Он нажал на кнопку, расположенную на правом подлокотнике. Все экраны начали сужать сектора обзора. Еще одно нажатие заставило их расширить сектора, — конечно, при этом все предметы начинали выглядеть меньше.

За пять минут проб и ошибок Грин освоился с обязанностями оператора. Потом он поднял остров на двадцать футов от поверхности степи и покачал его из стороны в сторону. Госпожа Удача припала к полу и сжалась в комок. Гризкветр вцепился в край стола и побледнел.

— Успокойся, малыш, — сказал Грин. — Раз уж ты участвуешь в гонке, постарайся получить удовольствие.

Мальчик слабо улыбнулся, но, когда отец приказал ему стать рядом и тоже учиться управлять островом, к Гризкветру вернулась уверенность.

— Когда мы доберемся до Эстории, мне придется отсюда выйти, и мне нужен кто-нибудь, кто мог бы наблюдать за мной

через экраны и отвечать на мои сигналы. Ты единственный, кто может это сделать. Ты всего лишь ребенок, но если ты так твердо говорил о том, что всадишь кинжал под ребра мужчине, то и с этим ты справишься.

— Спасибо, — искренне выдохнул Гризкветр.

— Смотри, что я делаю, — продолжал Грин. — Я собираюсь раскачивать остров из стороны в сторону, пока солдат в крепости не охватит паника и их не начнет тошнить от качки. И пока стены вокруг пещеры не рухнут. Потом мы снова опустим остров на землю и дадим крысам возможность покинуть корабль. Но мы тонуть не собираемся. После того как все спустятся в степь, мы на самой большой скорости отправимся в Эсторию.

Гризкветр зачарованно смотрел на экраны — там в утреннем свете видны были солдаты, которые с воплями разбегались в разные стороны, их лица были искажены страхом. Некоторые передвигались ползком — были ранены.

— Мне очень жаль, — сказал Грин, — но кому-то придется пострадать, прежде чем все это закончится, я не хочу, чтобы ими оказались мы.

Он указал на экраны радаров, на которых вырисовывалось несколько башен:

— До тех пор пока остров находился в автоматическом режиме, он не мог преодолеть эти препятствия. Я обойду его при помощи вот этого выключателя. А сейчас мы двинемся вперед, и не над башнями, как мы легко могли бы сделать, а через них. Я думаю веса острова хватит, чтобы их сокрушить.

Последовал легкий удар. Комната вздрогнула. Башни остались позади. Остров помчался по степи. Грин наращивал скорость, пока не решил, что они и так уже делают не меньше ста двадцати пяти миль в час.

— На самом деле эти циферблаты сообщают мне, с какой скоростью мы идем, — сказал он Гризкветру. — Только я не знаю ни их алфавита, ни системы счисления. Но это и неважно.

Грин засмеялся, глядя, как парусники резко заворачивают вправо или влево, отчаянно пытаясь убраться у них с дороги. Поручни были окаймлены белыми лицами, словно флагшками ужаса, которые развевал поднятый движущимся островом ветер.

— Если бы у гарнизона было время отправить послание, мы бы сейчас напоролись на весь эсторианский флот, — сказал Грин. — Какая бы это была битва! Точнее, что за избиение — это судно способно проглотить не один военный флот.

— Отец, — сказал Гризкветр, — мы можем стать королями всего мира, мы можем править Ксардимуром и брать дань со всех парусников!

— Да, мой маленький варвар, я думаю, мы это можем, — откликнулся Грин. — Но мы не станем этого делать. Мы используем этот остров только для одной цели — спасем землянина, твою мать и твоих сестер. После этого...

— И что после?

— Не знаю.

В мечтах он видел, как уносится назад бескрайняя степь, как белые паруса кораблей превращаются из маленьких лоскутков в огромные полотнища, а потом так же быстро уменьшаются.

В конце концов Грин вернулся от мечтаний к действительности и решил, что надо кое-что объяснить Гризкветру:

— Видишь ли, много тысяч лет назад здесь существовала великая цивилизация, владевшая множеством машин, которые показались тебе куда более волшебными, чем эта. Они путешествовали между звездами и находили там миры, похожие на этот, заселяли их. У них были быстрые корабли, которые могли перепрыгивать через бездонную пропасть, разделяющую эти миры, сохраняя связь между ними. Но потом что-то случилось, какая-то катастрофа. Я не представляю себе, что бы это могло быть, но что-то случилось. Многим хотелось узнать причину, а результат известен всем. Путешествия прекратились, и постепенно колонии, которых стало меньше, чем вначале, стали терять свой уровень цивилизации. Они наверняка во многом зависели от поставок, которые доставлялись на кораблях, и среди колонистов было не так уж много подготовленных специалистов и ученых. Так или иначе, каковой бы ни была причина, колонисты вернулись к дикости. И так длилось до тех пор, пока века спустя некоторые из колоний, не сохранившие никаких воспоминаний о своем славном прошлом, кроме мифов и легенд, заново достигли высокого уровня техники. Другие так и остались в состоянии дикости. Некоторые миры, например, как этот, находятся в переходном периоде. Ваша культура примерно соответствует той, которая существовала на Земле в промежутке между сотым и тысячным годами нашей эры. Я знаю, что эти даты ничего тебе не говорят, но позволь тебе заверить, что мы, современные жители Земли, считаем эти времена самыми рискованными и... безрассудными.

— Я понял лишь половину из сказанного, — ответил Гризкветр. — Но разве ты не говорил, что мудрость древних на вашей планете не сохранилась? Так почему же она сохранилась у нас? Ведь эти острова были созданы древними?

— Правильно! Но не только они — еще и сам Ксардимур.

— Что?

— Да, мне представляется совершенно очевидным, что когда-то эта планета была огромным посадочным полем для космических кораблей. Эта степь не может быть естественного происхождения. Она была разровнена при помощи машин, засажена выращенной в лабораториях травой, которая имела все необходимые свойства, чтобы не допускать эрозии почвы. Плюс еще за степью присматривали острова, поддерживали порядок. О боги! Могу себе представить, какой флот был у этой планеты, если им понадобилось создать такое посадочное поле! Десять тысяч миль в поперечнике! Просто уму непостижимо. Да, они занимались делами большого масштаба. Тем труднее понять, как же они пришли в упадок. Узнаем ли мы когда-нибудь, что за сила сокрушила эту цивилизацию?

Конечно же, на этот вопрос Гризкветр ответить не мог. Некоторое время они молчали, а потом одновременно вскрикнули, увидев, как на горизонте сверкают верхушки окружающих Эсторию башен. На одном из экранов вспыхнул ряд конусов, указывающий на приближение к башням.

— Если бы остров все еще работал в автоматическом режиме, ему бы сейчас пришлось обойти вокруг всей страны, — сказал Грин. — Но теперь им управляю я, и мы не станем обращать внимания на эти башни.

— Обрушим их!

— Это я и собираюсь сделать, но не сейчас. Посмотрим. Интересно, на какую высоту мы можем подняться? Есть только один способ это проверить. Алле-оп!

Грин потянул рычаг, и остров начал подниматься, оставаясь при этом в горизонтальной плоскости.

— Древние знали толк в антигравитационных двигателях. Они продолжали придавать космическим кораблям форму ракет и после того, как это перестало быть необходимым. Хотя, возможно, они делали так из-за островов, чтобы у радаров был четкий ориентир. Может быть. Точно неизвестно.

Грин разговаривал сам с собой, не забывая поглядывать на экран, показывающий степь и лежащий внизу город, быстро уменьшающийся в размерах.

— Гризкветр, будь так добр, сбегай к выходу, посмотри, упала ли стена вокруг пещеры. А когда будешь возвращаться обратно, закрой за собой дверь. Здесь очень быстро становится холоднее, воздух уже разреженный. Но мне кажется, что в этой комнате тепло и содержание кислорода должно поддерживаться автоматически. Если это не так, то я предпочел бы обнаружить это сейчас.

Гризкветр выполнил просьбу.

— Все в порядке, стены попадали! — неровно дыша, сообщил он. — Рыба-Богиня упала тоже, и ее голова почти перекрыла выход из пещеры. Но я выбрался легко, думаю, ты тоже сможешь протиснуться.

Грину стало слегка дурно. Такую возможность он не предусмотрел. Ничего себе была бы шуточка, если бы статуя нагло закупорила выход, и он сидел бы в пещере, пока не умер от голода. Эсторианцы, конечно, сочли бы его смерть проявлением божественного правосудия... Ну уж нет, он бы так легко не умер! Он вернулся бы к панели управления и раскачивал остров из стороны в сторону до тех пор, пока голова статуи не передвинулась бы. Но что, если бы каменные глыбы разрушенной стены засыпали статую и так плотно прижали ее к земле, что она не могла бы сдвинуться? От этой мысли Грина бросило в пот, и он с нежностью взглянул на Госпожу Удачу. Алан не был суеверным, но ему казалось, что, с тех пор как черная кошка стала сопровождать его, ему стало везти гораздо чаще. Конечно, это был ненаучный подход к делу, но тем не менее Грин чувствовал себя гораздо увереннее, если знал, что Госпожа Удача поблизости.

Теперь ему была видна вся Эстория. Небо заметно потемнело.

— Теперь мы достаточно высоко, — Грин остановил остров. — Если снаружи кто-нибудь и оставался, теперь он мертв — здесь слишком разреженный воздух, чтобы им можно было дышать. Я оказался прав. Здесь автоматический подогрев и воздухоснабжение. Очень даже удобно. Единственное, чего бы мне хотелось, чтобы здесь было что-нибудь съестное.

— А почему бы нам не спуститься на такую высоту, чтобы я мог выйти наружу и поискать еду на гарнизонной кухне? — предложил Гризкветр. — Все равно там не осталось никого, кто мог бы мне помешать.

Грин решил, что это превосходное предложение. Он был очень голоден, ведь ему приходилось есть за двоих — за себя и за свой имплантант. Помещенный в его тело симбионт давал Грину большую силу и выносливость, чем та, которой обладал средний человек, но он требовал, чтобы его снабжали топливом. И, оставшись без пищи, он мог начать поглощать ткани тела Грина. Имплантант нес с собой не только преимущества, но и опасность.

Грин опустил остров на высоту двух тысяч футов, перевел рычаг высоты в промежуточное положение и решил, что теперь Гризкветру не будет грозить опасность, если он выйдет наружу. Тем не менее, когда Гризкветр подошел к двери, Грин снова занервничал и подумал, что он будет делать, если дверь закроется и он не сумеет ее открыть. Ничего себе номер —

оказаться подвешенным на высоте двух тысяч футов, и даже не иметь при себе парашюта!

Это были всего лишь нелепые страхи, но Алан не должен был сбрасывать со счетов ни одной возможности. Глуповато улыбнувшись, Грин сказал Гризкветру, чтобы тот шел сам. Он решил тем временем получше изучить пульт управления и обдумать свой план во всех деталях.

Когда Гризкветр вернулся с корзиной, набитой едой и бутылками с вином, Грин выругал себя за минутную слабость и тут же об этом забыл. В конце концов, осторожность — качество ценное, а он пытался действовать осторожно.

Грин с жадностью проглотил еду и выпил полбутылки вина, зная, что имплантант примется сперва за алкоголь, а только потом за пищу, и потому ему не грозит опасность опьянеть. Между двумя кусками Алан объяснил Гризкветру свой план:

— Как только мы поедим, мы спустимся вниз. Я напишу записку, а ты сбросишь ее на ступеньки дворца. Эта записка сообщит королю, что в его же интересах отпустить пленников целыми и невредимыми и позволить им выйти за ветрозащитную стену. Там мы спокойно их подберем и улетим, как птицы. Если же король откажется их отпустить, мы опустим остров на храм Богини-Рыбы и расплюшим и его, и ее золотую статую, увенчанную драгоценными камнями. Если и это его не убедит, мы раздавим дворец и, само собой, повалим башни, окружающие страну. Конечно, прежде чем отправлять наше послание, надо что-нибудь раздавить, чтобы показать на что мы способны.

Глаза Гризкветра засияли:

— А остров может раздавить большое здание?

— Да, думаю, он легко его расщепит на составные части. Мне стало интересно, как остров подстригает траву, и я пришел к выводу, что он использует приспособление, которое существует и у нас, на Земле. Оно срезает предметы, разрушая при помощи излучения их атомную структуру. Когда остров работает в режиме стрижки травы, он испускает это излучение, но только снизу, из основания. Конечно, должны существовать и другие машины, которые убирают обломки кораблей и прочие предметы, которые, по сведениям его банка памяти, не должны находиться в степи. Но я не знаю, как этими машинами управлять.

Во взгляде Гризкветра появилась укоризна:

— Ну да, я знаю не все. В конце концов, я всего лишь человек.

Мальчишка не ответил, но на его лице отразилось явное сомнение в том, что его приемный отец всего лишь человек. Грин пожал плечами и отправил Гризкветра принести из крепости

бумагу, перо и чернила. К тому времени как мальчик вернулся, Грин опустил остров на высоту пятидесяти футов и поставил его над дворцом. Он торопливо написал послание, положил его в корзину с плотно закрывающейся крышкой и велел Гризкветру сбросить ее вниз и постараться, чтобы она упала перед входом во дворец.

— Я знаю, что ты уже устал от всей этой беготни, — сказал Алан, — но ты можешь это сделать. Ты большой и сильный.

— Конечно, я могу это сделать, — ответил мальчишка. Он выпятил грудь, промчался через комнату, едва не споткнувшись, и исчез. Грин усмехнулся и принялся наблюдать за собравшимися внизу толпами. Наконец он увидел, как корзина грохнулась прямо под ноги жрецов, стоявших на парадной лестнице. Усмешка Грина стала еще шире, когда жрецы в панике разбежались, теряя сандалии и кубарем скатываясь по ступенькам.

Алан подождал, когда один из них набрался храбрости, вернулся обратно и открыл корзину. Потом землянин опустил остров еще на двадцать футов. В тот же момент он увидел, что на дворцовую площадь вытаскивают пушку и что ее ствол уже смотрит вверх, чтобы вести огонь по острову.

— Блаженны нищие, верующие в пушки, — пробормотал Грин. — Или круглые дураки — уж не знаю, как вас назвать. Ладно, друзья, давайте стреляйте.

Но выстрела не последовало — прибежал жрец и остановил энтузиастов. Очевидно, записка Грина, написанная на языке хуингру, была достаточно быстро переведена, и эсторианцы решили не предпринимать необдуманных действий.

— Пока мы ждем, что же они решат делать, покажем им, какой праздник их ждет, если они не согласятся на мое предложение, — сказал Грин.

Он тут же претворил свою мысль в действие, сшибив десятка два башен, стоящих рядом с ветрозащитной стеной. Это оказалось очень забавным, и Грин с удовольствием сшиб бы еще сотню-другую, но ему не терпелось узнать, что там с Армой и с землянином, так что вернул остров на прежнюю позицию над ступенями дворца.

Грин подождал десять минут, но ему, охваченному нетерпением, они показались десятью часами. В конце концов, не в силах больше сдерживаться, он взревел:

— Я сейчас присяду на крышу храма и заставлю их поторопиться! Они что думают, что это дипломатическая конференция, на которой можно тянуть время?

— Не надо, отец, — сказал Гризкветр. — Они идут! Мама и Пакси, и Суни, и Инзах! И чужак с ними! Он, наверное, демон!

— Какой демон, дурья твоя башка! — огрызнулся Грин. — Он такой же человек, как и я! И этот бедолага прошел через ад. Мне даже отсюда заметно, как плохо он выглядит. Смотри, эти двое солдат его почти что ташат.

К радости своей, Грин заметил, что Арма и остальные члены семейства выглядят невредимыми.

Но тем не менее Алан очень беспокоился, пока они шли через город и выходили за ветрозащитную стену. Эсторианцы могли попытаться внезапно напасть на него, хотя Грин и не знал, как они могли попытаться застать его врасплох при его-то наблюдательной позиции, с которой он мог мгновенно заметить любые передвижения войск. Или какой-нибудь жрец-фанатик мог вбить себе в голову, что он должен убить этих демонов.

Но ничего такого не произошло. Пленники вышли за поваленные башни, а солдаты остались в городе. Гризкветр выскочил из рубки, чтобы провести родственников по острову. Пятнадцать минут спустя он прибежал обратно:

— Отец, они здесь! С ними все в порядке! А теперь давай взлетать, пока эсторианцы не передумали.

— Мы возвращаемся, — ответил Грин. Он поиском взглядел остальных, не нашел, и решил, что мальчишка их опередил, желая первым сообщить эту новость. Алан перевел рычаг в положение «вперед», и корабль — Грин уже начал думать об острове как о корабле, — взмыл и двинулся к ракете — ее сверкающий конус виднелся из-за стены рядом с дворцом. Когда Арма и девчонки вбежали в комнату и пожелали обнять Алан, он сказал, что с радостью их всех расцелует, но попозже. Сейчас он очень занят.

Улыбка исчезла с лица Армы. Женщина нахмурилась.

— Ты хочешь сказать, что все еще собираешься улететь отсюда на корабле демонов? — резко спросила она.

— Это зависит от некоторых факторов, о которых мне пока что недостаточно известно, — натянуто ответил Грин.

В комнату, прихрамывая, вошел землянин. Это был высокий, широкоплечий, очень истощенный человек. Клочковатая бородка придавала его худощавому лицу с оттопыренными ушами и ястребиным носом сходство с Линкольном.

— Капитан Вальзер, Межзвездный флот Земли, разведывательная служба, — слабым голосом представился он.

— Алан Грин, специалист по морским пищевым культурам. Откуда я здесь взялся — это длинная история, и сейчас не до нее. Мне хотелось бы знать, можете ли вы управлять космическим кораблем, и в состоянии ли он взлететь. Если нет, то нам нужно забыть о своих планах и придумать что-нибудь другое.

— Да, я — пилот. Хасан был навигатором и офицером связи. Бедняга, как же страшно он умер! Эти твари!..

— Я понимаю ваши чувства, но у нас нет времени предаваться им. Готов ли корабль ко взлету?

Вальзер сел и устало склонил голову. Гризкветр предложил ему вина, пилот сделал два длинных глотка и облизал губы, прежде чем ответить:

— Мне не приходилось пить вина вот уже два года! Да, корабль готов взлететь в любой момент. Мы выполняли задание, о котором я не могу вам говорить. Вы же понимаете, секретность. Мы уже возвращались, когда наткнулись на эту систему. Поскольку в наши обязанности входило сообщать о любой встреченной планете земного типа, мы решили приземлиться здесь и немного размяться. Мы пробыли в космосе так долго, что уже начали страдать клаустрофобией и были готовы вцепиться друг другу в глотки. Вы сами знаете, как это бывает, раз проделали такое длинное путешествие. А эти корабли-разведчики к тому же жутко тесные. Они не приспособлены для длительных путешествий, но характер нашего задания требовал использовать... ладно, не будем об этом. Так или иначе, нам страшно хотелось подышать свежим воздухом, увидеть небо, пройтись босиком по траве, поплавать, поесть свежего мяса и фруктов. Мы оправдывали себя тем, что приземление входит в наши обязанности. Мы выбрали этот город, потому что он просто бросался в глаза посреди необъятной степи. И, конечно, когда мы приблизились настолько, чтобы заметить, что он окружен кольцом башен, сделанных в форме космического корабля, мы решили сесть прямо в городе и изучить этот феномен. Нас встретили довольно дружелюбно, подождали, пока мы ослабили бдительность, потом напали. Остальное вы знаете.

Грин кивнул и сказал:

— Мы уже над кораблем.

Он встал с кресла и повернулся к присутствующим:

— Но прежде чем мы предпримем следующие шаги, мы должны прямо сейчас решить кое-какие вопросы, касающиеся Армы и меня. Скажите, Вальзер, хватит ли на корабле места для Армы, Пакси, Суни, Гризкветра и меня? И, возможно, для Инзах, если она захочет к нам присоединиться?

Вальзер удивленно расширил глаза:

— Нет, никоим образом! Там есть место только для тебя самого и ни для кого больше!

Грин протянул руки к Арме:

— Вот видишь? Я все время этого боялся. Мне придется уходить без тебя.

Он запнулся на мгновение, сглотнул и продолжил:

— Но я вернусь! Клянусь тебе! Я заставлю Межзвездное Археологическое Бюро заинтересоваться этой планетой. Когда я расскажу им о Ксардимуре, о ракетообразных башнях, об островах с антигравитационными двигателями, они не колеблясь пошлют сюда экспедицию. Им слишком сильно хочется разгадать тайну расселения людей по Галактике в доисторические времена. И я вернусь вместе с ними. Я превращу эту планету в дело моей жизни. Я доктор ихтиологических наук, и я добьюсь, чтобы меня включили в состав научной группы. В этом не может быть никаких сомнений!

Арма бросилась в его объятия, плача и причитая, что она всегда знала, что он не сможет ее оставить. Но в следующее мгновение она уже заявила, что Грин обещает вернуться лишь для того, чтобы она сейчас не устраивала сцен:

— Я хорошо знаю мужчин, Алан Грин, и я хорошо знаю тебя. Ты не вернешься!

— Клянусь тебе, я вернусь! Если уж ты так хорошо знаешь мужчин, ты должна знать, что ни одному мужчине, достойному этого имени, и в голову не придет отказаться от такой женщины, как ты!

Арма улыбнулась сквозь слезы и сказала:

— Это я и хотела от тебя услышать. Но, Алан, это же будет так долго. Не меньше двух лет, правда?

— Да, самое меньшее — два года. Но с этим ничего не поделаешь. Я буду беспокоиться о тебе. Или, точнее, должен был беспокоиться, если бы не знал, на что ты способна.

— Я могу научиться управлять островом, — полуусыхая, полуулыбаясь сказала Арма. — К тому времени как ты вернешься, я уже, наверное, буду королевой Ксардимура. Я наложу связи с вингами, и когда мы объединим наши силы, перед нами склонится вся степь и все прилегающие к ней города. И...

— Именно этого я и боялся, — засмеялся Грин.

Повернувшись к Вальзеру, он сказал:

— Видите ли, вы слишком слабы, чтобы немедленно отправиться в долгое путешествие. Почему бы вам не отвести свой корабль вслед за этим островом на безопасное расстояние от города — ну, скажем, на тысячу миль севернее? Мы поживем на острове, пока вы не восстановите силы и не избавитесь от клаустрофобии — я так понимаю, пребывание в тюрьме вряд ли ее излечило. Когда вы поправитесь, мы улетим. За это время я успею научить Арму и Гризкветра управляться с островом. Она сможет жить здесь, пока меня не будет. Мы наловим животных, чтобы поселить их на острове вместо тех, которых я ненароком прикончил, когда поднял остров на слишком большую высоту. Арма сможет путешествовать по всему Ксардимуру,

или даже по всей планете, если ей так захочется. И, я надеюсь, она не станет озорничать в мое отсутствие.

— Отлично, — откликнулся Вальзер. — Я поднимаю корабль и следую за вами.

Три недели спустя двое землян взошли на корабль и закрыли за собой люк, который теперь невозможно было открыть до тех пор, пока они не прибудут на Землю — по их времени это должно было занять несколько месяцев. Они заняли свои места в рубке, и Вальзер принялся нажимать на кнопки и поворачивать выключатели.

Грин вытер пот со лба, слезы с глаз и сказал:

— Уф!

— Прекрасная женщина, — сочувственно сказал Вальзер. — Редкостная красавица. Она производит потрясающее впечатление.

— Ага, — сказал Грин. — Прямо как кирпич на голову. Арма обладает способностью вкладывать в переживаемые чувства всю свою энергию до последней капельки. Величайшие актрисы — это те, кто верит в свои роли.

— И дети у нее замечательные, — осторожно добавил Вальзер, словно опасаясь ненароком задеть чувства Грина. — Вы, конечно, будете рады увидеться с ними снова.

— Конечно. В конце концов, Пакси ведь и моя дочь тоже, да и остальных я люблю, как родных.

— А, — выдохнул Вальзер. — Так, значит, вы действительно собираетесь вернуться к ней?

Грин не выказал ни удивления, ни возмущения, потому что догадывался о мыслях Вальзера.

— Вы не можете себе представить, как я могу хотеть вернуться на эту варварскую планету, к этой женщине, так ведь? — спокойно спросил он. — В конце концов, это свидетельствует о пробелах в нашем образе мыслей, нашем поведении и нашем образовании. Вы это хотели сказать?

Вальзер искоса взглянул на Грина, потом осторожно ответил:

— Ну да. Но вам лучше знать, чего вы хотите. — Он помолчал, потом добавил: — Должен сказать, что я восхищаюсь вашим мужеством.

Грин пожал плечами:

— После всего, что я испытал, я не боюсь рисковать.

ДОЛГАЯ ТРОПА ВОЙНЫ

В нескольких милях от города Джоел Вандерт бросил вызов Бенони Райдеру.

Эти парни постоянно ссорились и задирали друг друга еще до того, как несколько запряженных мулами повозок выехали из Финикса к Железным Горам. Но до сих пор перепалки ограничивались не слишком добрыми шуточками по поводу того, кого из них двоих убьют или покалечат и кто женится на Дебре Аврез.

Старшие участники экспедиции не хотели лишаться одного из потенциальных воинов и не раз вмешивались, предотвращая драку. Слишком много молодых парней погибло в предыдущем году от укусов ядовитых змей, долинной лихорадки и набегов навахо.

Когда обоз прибыл к Железным Горам, руководители отряда сделали все возможное, чтобы восемнадцатилетние задиры сталкивались друг с другом как можно реже. Это было нетрудно устроить, поскольку работы хватало всем на целый день. К вечеру люди настолько уставали, что практически без сил валились вокруг костров и, немного поговорив, отправлялись спать. Мудрый вождь Вако назначил Бенони и Джоела в разные рабочие группы.

Получалось, что виделись они редко. Парни были слишком заняты — копали, плавили, очищали, закаляли руду и ковали из металла разнообразные оружие и инструменты. Под руководством специалистов они научились делать мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел, железные стремена и удила, молоты, гвозди, плуги. Целых три месяца Бенони и Джоел вместе с остальными, обливаясь потом под горячим солнцем Айзонах, бились с кирками и лопатами, топкой, огнем и кузнецким горном, молотом и наковальней. А когда вождю Вако казалось, что и после трудового дня у парней остается слишком много энергии, он назначал одного из них в ночной караул.

Приближался конец лета. Было изготовлено столько оружия и инструментов, сколько смогли нести мулы. Животных нагружали стальными изделиями, ключевой водой и копченым

мясом, которое добывали и готовили сами охотники. И затем обоз медленно трогался в опасный путь через горы, пустыню, — в Финикс, располагающийся в Долине Солнца. До сих пор участникам экспедиции везло: ни разу на них не напали дикари-келафинянзы или индейцы, и путешествие проходило без потерь.

На обратном пути не находилось столько работы, чтобы держать Бенони и Джоела порознь. Вождь Вако постоянно наблюдал за ними и вмешивался, когда один из задир заходил слишком далеко.

За несколько миль до Финикса, устав от дороги, Джоел Вандерт стал громко рассказывать всем, чем он займется с Деброй в первую брачную ночь. Идущим рядом людям это не слишком понравилось. О подобных вещах вслух не говорят. По крайней мере, о собственной жене и других вольных женщинах Долины. Такое возможно, если рядом нет священников, рассказывать о подвигах с рабынями навахо. К женщинам Финикса надо относиться уважительно.

Джоел знал о правилах приличия, но настолько жаждал сразиться с Бенони, что, даже не боясь всеобщего порицания и наказания старших, игнорируя свирепые взгляды и молчаливое неодобрение окружающих, продолжал расписывать подробности. Лицо Бенони залил румянец, сменившийся бледностью через несколько минут.

Джоел, не обращая ни на что внимание, шел за вверенным ему мулом в этом длинном переходе. Джоел был крупным мускулистым мужчиной, ростом шесть футов четыре дюйма. Длинные густые черные волосы обхватывала повязанная через лоб красная лента. Широкое лицо, длинный орлиный нос, тонкие губы, крупный и тяжелый подбородок. В Долине не осталось ровесника Джоела, которого он бы не поборол и не уложил на лопатки. И никто в округе двадцати миль от горы Кемлбек не мог кинуть копье так далеко, как Джоел. Его мощную фигуру обтягивала красная льняная рубашка с поясом, расшитым бирюзовым бисером; костюм дополняли шорты и гетры из шкуры пумы.

Бенони Райдер был парнем другого типа, сам по себе впечатляющий, но хилый в сравнении с Джоелом. Ростом около шести футов, широкие плечи выгодно подчеркивали тонкую талию (практически отсутствующую у Джоела) и длинные ноги. Русые волосы, доходившие до талии, перевязывала черная лента. Голубые глаза Бенони сузились от гнева, ноздри прямого носа раздувались, а губы сжались в тонкую линию. Он был сильным и знал это. Но в отличие от похожего на медведя Джоела, Бенони можно было сравнить с горным львом, строеным и быстрым, или оленем. Он был стремительнее любого

парня, рожденного в тени горы Кемлбек. Но сейчас возникла ситуация, в которой бегать не требовалось. Тем более что Бенони хотел с достоинством выйти на свою первую тропу войны.

Несколько минут он слушал Джоела, оглядываясь вокруг, в ожидании, что кто-нибудь из старших заговорит с задирой. Но, увидев невмешательство, Бенони не стал медлить. Юноша прекрасно понимал, что Джоел Вандерт специально дразнит его, и не хотел показывать своему сопернику, что тот способен привести его в ярость. Также он надеялся, что один из помощников вождя сделает Джоелу выговор и тем самым унизит этого забияку.

Но все помощники шли во главе обоза, обсуждая с Вако форму парадной одежды, поскольку обоз подъехал к окрестностям города Финикс. Не стоило ждать помощи от них.

Бенони подошел к Джоелу. Тот замолчал и уставился на Бенони, поняв по бешенству в его глазах, что юноша собирается бросить вызов.

— В чем дело, ты, храбрый заяц? — спросил Джоел. — Чего это ты такой бледный? Слишком долго жарился под солнцем? Может, тебе стоит полежать в тени саваро, чтобы восстановить силы. Мы, мужчины, пойдем вперед и прикажем рабам доставить носилки и нести тебя. Я скажу Дебре, что...

Бенони не стал церемониться. Он пнул этого задира в самое болезненное для мужчины место ногой, никогда не носившей ботинка или мокасина. Кожа на подошве у него была толщиной в полдюйма и твердая, как камень.

Джоел вскрикнул, схватился за причинное место и упал. Он корчился от боли, катался по земле и вопил от злости.

Вако шел далеко впереди, но, услышав крики, бросился бежать. Когда он приблизился, Джоел все еще продолжал вопить. Тогда вождь прикрикнул, чтобы юноша замолчал и держал себя как воин, которым он однажды станет, если доживет до такого момента.

Один из находившихся неподалеку людей объяснил, что случилось.

— Так ему и надо, распущенному молодому дураку, — сказал Вако.

Затем он повернулся к Бенони и заговорил суровым тоном:

— Почему ты ударил его без предупреждения? Или хотя бы убедился сначала, что один из нас может официально засвидетельствовать вызов.

— Когда мужчина говорит непристойности о женщине, надо заткнуть его грязный рот, — ответил Бенони. — Кроме того, почему я должен соблюдать приличие, бросая вызов? Я не слишком гордый и готов признать, что Джоел гораздо крупнее и

сильнее меня. С какой стати я должен давать ему преимущество? Я борюсь, чтобы выиграть, а если попаду в его медвежьи объятия, то мои шансы на победу сильно упадут.

— Я бы не позволил вам убивать друг друга, если бы ты бросил ему вызов, — засмеялся Вако. — Что с вами происходит, молодые глупцы? Вы что, не знаете, что меньше чем через неделю вступите на первую тропу войны? И тогда сможете убивать столько, сколько захотите, даже больше.

Согнувшись, все еще держась за причинное место, Джоел с трудом встал на колени.

— Ты дерешься как грязный навахо! Подожди, вот я приду в себя, ты... — прорычал он, свирепо глядя на обидчика.

— Вам обоим придется подождать, — строго сказал Вако. — Я не допущу никаких серьезных потасовок между непосвященными до возвращения с тропы войны. А к тому времени вы уже будете по горло сыты всякими сражениями и драками. Послушайте, я сообщил, что запрещается делать, и если хоть один из вас не подчинится — предстанет перед Советом Кемлбека. А это может означать одно — придется ждать еще целый год, прежде чем выйти на тропу войны. Неужели вы хотите этого?

Парни молчали. Как и любой из ровесников, они абсолютно не хотели подобной кары. Ведь тогда их продолжат считать мальчишками, в то время как все друзья станут мужчинами!

— В таком случае вопрос закрыт, — сказал Вако. — Пожмите друг другу руки и поклянитесь, что не будете ссориться, пока не вступите на тропу. Иначе...

Наконец поднявшись с земли, Джоел Вандерт встал вполоборота к Бенони, не думая пожимать ему руку. Бенони же наблюдал за соперником, не сделав и шага навстречу.

— Придется смириться, Вандерт! — громко сказал Вако. — А ты, Райдер, убери улыбку со своего детского личика. Пожмите руки! Или у вас возникнут большие проблемы с посвящением в этом году!

Вандерт развернулся, протянул руку.

— Я пожму руку, если Райдер осмелится на это, — угрюмо буркнул он.

— Я могу сделать все, что можешь ты, — сказал Бенони и протянул руку, которую Джоел сжал изо всех сил.

Мускулы Бенони напряглись, но он даже не поморщился и не отдернул руки.

— Вот и прекрасно, и не стоило так давить, надеясь, что твой товарищ закричит от боли. Вернитесь к своим мулам. Если мы поднажмем, то к полудню прибудем в Финикс.

Обоз снова тронулся. Бенони все еще был зол, чтобы радоваться долгожданному возвращению домой. Он посмотрел на

юг, окинул взглядом каменистую равнину и увидел в небе отражение собственной медленно тающей ярости. В вышине плыли черные облака дыма, который поднимался из вулкана, находящегося в десяти милях от Финикса. В прошлом году, когда Бенони уехал из родного города в горы, вулкан только зарождался. Сейчас же конус, образованный лавой и пеплом, возвышался как минимум на две сти футов и был виден издалека. Демоны земли не сидели сложа руки, пока Бенони отсутствовал.

Затем злость улетучилась и сменилась — не то чтобы радостью возвращения домой, но — страхом за семью. Бенони вспомнил, что когда-то в детстве слышал, как отец рассказывал друзьям, что вулканы взломали земную кору всего за два года до рождения Бенони. Все это неистовство зародилось в сорока милях к югу от Финикса, появление вулканов завершилось землетрясением, пошатнувшим стены и дома города и убившим массу народа. Сейчас в Долине Солнца пыхтели и дымили десять вулканов. И, при определенном направлении ветра, дым почти полностью покрывал небо над долиной, и солнце лишь призрачно светило сквозь серую пелену.

Бенони посмотрел на восток, куда падала странная тень горы Кемлбек. Издалека гора напоминала спящего зверя с горбатой спиной, очень длинной шеей и вытянутой мордой. Проповедники рассказывали, что гора получила свое название от кемла. Бенони никогда не видел этого зверя, не видели его и проповедники. Люди лишь слышали о существовании чудовища, называемого кемл (слово это произошло от устаревшего «camel» — верблюд), упоминавшегося в Найденных Книгах. Бенони всегда интересовало, были ли эти чудовища столь огромны, как гора, названная в их честь. Если да, то хорошо, что все они вымерли — вместе с левиафанами и единорогами, про которых также говорилось в Найденных Книгах.

В полдень показались кирпичные стены, опоясывающие подножие Кемлбека. Час спустя люди из обоза увидели толпу, ждущую около центральных ворот Финикса (названного в честь огромной птицы, жившей много-много лет назад. Но придет день, когда она возродится из пепла и будет кружиться над пустыней, неся на спине Иегову).

Бенони дождался, пока его официально отпустил Вако, а затем пошел домой, сопровождаемый двумя младшими братьями, двумя замужними сестрами, их мужьями и маленькими племянниками и племянницами. Все говорили одновременно. Бенони еле успевал отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. И хотя он не прекращал думать о Дебре Аврез, горел от нетерпения увидеть свою возлюбленную, но окружающие

люди так любили его, что сердце молодого человека наполнялось ответной любовью. А в глазах младших членов семьи Бенони выглядел теперь героем, ведь он уезжал так далеко и привез назад столь необходимые инструменты и оружие.

Пройдя около полмили по широкой улице Финикса, все семейство приблизилось к дому отца Бенони — двухэтажному кирпичному зданию, выкрашенному в белый цвет. На каждом углу дома красовалась башня, а на крыше виднелись амбразуры, сквозь которые финикияне могли стрелять по захватчикам. Дом окружала и охраняла от любопытных взглядов стена высотой десять футов. Эта же стена служила и укрытием, за которым можно было спрятаться в случае атаки на город.

Навстречу пришедшим выскочили огромные собаки-волкодавы и стали радостно прыгать вокруг Бенони. На стенах сидели и наблюдали за происходящим домашние коты — полосатые, надменные и полные собственного достоинства. Позже, когда станет поменьше народа и уляжется всеобщее волнение, любимцы Бенони спустятся вниз и потрутся о ноги хозяина, громким мурлыканьем призывая взять их на руки.

Прибывшему из длительной экспедиции юноше предстоял грандиозный ужин, или, по крайней мере, сидеть за столом, ломящимся от изобилия фруктов, тортий, жареных бобов, говядины и пива Мек. Бенони слишком много говорил и не успевал поглощать всевозможные яства. Но он и не чувствовал голода. А лишь трепетал при мысли, что увидит Дебру этой ночью, и ломал голову над тем, как бы сбежать, не обидев домочадцев.

После ужина Бенони переоделся и вместе со всей семьей отправился в церковь. Там они пробыли около часа, слушая неисчислимые благодарения священника Господу за благополучное возвращение мальчиков и мужчин, уходивших в Железные Горы. Бенони тщетно пытался сосредоточиться на словах молитв, но не смог устоять против искушения посмотреть вокруг. Ее не было. Или же просто Дебра затерялась где-то в толпе.

Бенони вернулся домой. Отец и зятья задавали множество вопросов, и юноша старался отвечать наилучшим образом, продолжая думать о Дебре. В конце концов, когда Бенони почти потерял надежду найти какой-нибудь вежливый предлог, чтобы покинуть дом, на помощь ему пришла мачеха.

— Эй, ребята, придется вам отпустить Бенони, — сказала она, смеясь, чтобы не разозлить мужчин. — Я уверена, что ему до смерти хочется пойти к Аврезам. А они сочтут нашего мальчика крайне невежливым, если он не отправится к ним в гости в течение нескольких минут.

Бенони с благодарностью посмотрел на мачеху. Всего лишь шесть лет назад она заменила ему мать, а Бенони любил эту женщину как родную.

Отец выглядел разочарованным и хотел уже возразить, но мать опередила его:

— Я не прошу многоного, Хози, ты же знаешь. Ведь Бенони уже давным-давно хотел удрать. Неужели ты не помнишь себя в восемнадцать лет?

— Ладно, иди, жеребчик, — усмехнулся отец и похлопал сына по плечу. — Но не слишком задерживайся. Помни, что посвящение может начаться в любую минуту! А до этого момента ты еще должен переделать кучу дел.

Мать нахмурилась, и Бенони почувствовал угрызения совести. Он помнил, как она рыдала два года назад, когда старший брат ушел на свою первую и последнюю тропу войны.

Бенони извинился, поцеловал мать и пошел в конюшню. Там он надел гравированное золотом кожаное седло на Красного Сокола — великолепного чалого жеребца. Затем вывел коня во двор, крикнул племянникам, чтобы те открыли парадные ворота, и вскочил в седло.

Не успел юноша опустить ноги в стремена, как услышал крик глашатая.

— Подожди минутку, Бенони Райдер! У меня есть для тебя сообщение от Совета Кемлбека!

— Глашатай Чонз! Какое сообщение? Надеюсь, ты принес хорошие вести, — сказал Бенони, еле сдерживая Красного Сокола, нетерпеливо переступающего на месте.

— Хорошие или плохие — советую принять их к сведению, — ответил Чонз. — Только что я передал такое же сообщение Джоелу Вандерту. И он, не раздумывая, поклялся на Затерянных и Найденных Книгах, что подчинится указаниям Совета.

— Да? — удивился Бенони. — Я слушаю.

— Вожди прослышали о ссоре между тобой и Джоелом Вандертом и о последствиях вашей перепалки. Вожди посоветались и решили, что вы оба несомненно встретитесь в доме Дебры Аврез. Где, возможно, попытаетесь пустить друг другу кровь. А потому, чтобы сохранить вас в здравии для борьбы с навахо — разрази их гром, — Совет запрещает Джоелу и тебе, Райдер, видеться с девушкой до возвращения с тропы войны с добытыми скальпами врагов. И тогда, когда вы станете настоящими мужчинами, несущими ответственность за свои действия, можете делать что пожелаете. Но до тех пор... ты слышишь?

— Да, — угрюмо кивнул Бенони.

Чонз въехал на лошади через ворота и поравнялся с юношой. Затем глашатай вытащил книгу в кожаном переплете.

— Положи правую руку на Книгу и поклянись, что подчишишься Совету.

Какое-то мгновение Бенони медлил. Полная луна, показавшаяся из-за далекой горы Суеверий, осветила юношу, и стало видно, как он скрежещет зубами.

— Давай, сынок, — подбодрил Чонз. — Я не могу ждать всю ночь. Кроме того, ты же знаешь, что Совет желает тебе только добра.

— Но могу ли я увидеть ее хоть раз, до того как уеду? — спросил Бенони.

— Нет, если только не поедешь к Дебре домой, — ответил Чонз. — Отец запер ее в доме. Старик Аврез слегка свихнулся. Говорит, что ты и Джоел опозорили его дочь, обсуждая ее на публике. Если бы до посвящения было еще много времени, он бы выпорол вас обоих.

— Ложь! — воскликнул Бенони. — Я даже ни разу не упомянул ее имя! Это все Джоел! Так не честно!

Затем Бенони положил руку на книгу:

— Клянусь Найденным и Затерянным Заветом, что подчиняюсь предназначенным мне указаниям Совета.

— Вот и молодец, — сказал Чонз. — Удачи тебе на первой тропе. Храни тебя Господь.

— И тебя, — сказал Бенони. Он проводил взглядом удаляющегося высокого и худого глашатая, а затем завел Красного Сокола обратно в конюшню. Юноша расседлал жеребца, но не пошел в дом сразу. Он хотел сначала заглушить в себе ярость, которая только разгоралась, подогреваемая образами Дебры и Джоела. Тогда Бенони стал придумывать всякие изощренные наказания, которым подвергнет ненавистного соперника, если тот когда-нибудь попадет ему в руки, — и почувствовал себя немного лучше. Юноша вернулся в дом и объяснил, что случилось. К счастью, никто не стал шутить над происшедшим. Отец и зятья принялись рассуждать о вражде между Райдерами и Вандертами, особо смакуя кровавые подробности некоторых сражений во имя чести, которые происходили в далеком и недавнем прошлом между семействами Финикса.

До сих пор старшее поколение семей Бенони и Джоела поддерживало хорошие отношения. Они ходили в одну и ту же церковь и жили всего в нескольких кварталах друг от друга. Главы семейств вели совместный и взаимовыгодный бизнес.

— Если бы Питер Вандерт входил в наш клан, — сказал старший Райдер, — мы могли бы передать спор на рассмотрение Внутренней Ложи. Но, увы, такой вариант отпадает. И вообще, ничто не заставит нас взяться за оружие, пока мальчики

не вернутся. А тогда все будет в руках Господа. Этот Джоел такой задира — с самого детства от него одни неприятности. Хотя надо отдать должное этому сорванцу — никто не кидает копье лучше его.

Мужчины принялись осыпать Джоела бранью. Бенони не поддержал их. Было бы некорректно обливать соперника грязью вместе с остальными присутствующими. Кроме того, он даже вспоминать не хотел об этом недоумке, а хотел думать о Дебре. Немного подождав, Бенони извинился и пошел наверх в свою комнату. Там он намочил полотно и завесил окно, в надежде, что ночной ветер станет прохладнее и ему удастся забыться сном. Целый час Бенони беспокойно метался и ворочался, тщетно пытаясь не думать о Дебре, и в конце концов заснул.

Бенони снилось, что его захватили навахо. Враги как раз собирались вылить на него огромный котел с кипятком, а затем приступить к другим страшным пыткам; чтобы Бенони прочувствовал, что означает целый котел с бурлящей водой, навахо для начала пролили на него несколько обжигающих капель. Этим мучители также пытались лишить юношу присутствия духа и заставить его молить о пощаде.

Но Бенони мысленно поклялся, что будет вести себя как мужчина, истинный финикянин, и заставит врагов уважать себя. Когда все уже будет кончено, навахо пошлют в Финикс сообщение, что белый юноша, Бенони Райдер, геройски погиб.

И соотечественники сочинят в его честь песню. Об этом узнает Дебра. Она будет рыдать, но и гордиться им. И Дебра станет презирать Джоела Вандерта, когда тот придет добиваться ее благосклонности. Она позовет отца и братьев, которые с позором выпроводят Джоела из дома и спустят на негодяя собак.

Бенони проснулся и увидел профиль матери на фоне залившего лунным светом окна, завешенного марлей. Она сидела на кровати, склонившись над сыном; слезы капали Бенони на грудь.

— Что случилось? — спросил он.

— Нет-нет, ничего, — ответила она, выпрямляясь и всхлипывая. — Пришла просто посидеть рядом, посмотреть на тебя немного. Хотела еще раз увидеть своего сына.

— Ты еще увидишь меня утром, — сказал Бенони, смущенный и растроганный одновременно. Он знал, что мать беспокоится о нем и все еще оплакивает погибшего брата.

— Да, я знаю, — вздохнула она, — но я не могла заснуть. Так жарко, и я...

— Слезы матери охлаждают горячую кровь молодого воина, выходящего на поля своих первых сражений, — сказал

Бенони. — А улыбающаяся мать стоит десятков ножей, поражающих врага.

— К чему эти пословицы, — сказала мать, поднялась с кровати и посмотрела на Бенони. — Просто я люблю тебя, — произнесла она. — Я знаю, что мне не следует плакать над тобой, потому что если я начну раскисать — и ты почувствуешь себя плохо. Но ничего не могу с собой поделать. Просто хотела еще раз увидеть тебя до того как...

— Ты говоришь так, словно уже никогда меня не увидишь, — сказал он. — Думай о смерти, и твой последний день наступит очень скоро.

— Вечно ты впутываешь эти старые поговорки, — сказала мать. — Ну конечно же, я увижу тебя завтра. Просто тебя так долго не было дома, я боялась, что ты не вернешься. И уже никогда... ладно, не думай об этих глупостях. Я делаю то, что обещала не делать. Ну, я пошла.

Мать наклонилась, нежно поцеловала Бенони и выпрямилась.

— Завтра я останусь дома и поговорю с тобой, — сказал он.

— Спасибо, сынок, — ответила женщина. — Я знаю, как тебе хочется пойти на рыночную площадь и рассказать друзьям о Железных Горах. И ты *пойдешь* туда завтра, как пошел бы в любой другой день. Кроме того, у меня слишком много дел, чтобы тратить время на разговоры. Спасибо тебе, сынок. Я очень рада твоему предложению и ценю такое внимание, — ее голос дрожал так сильно, что Бенони опасался, как бы она снова не заплакала.

— Спокойной ночи, мама, — ответил Бенони.

Мать вышла из комнаты. После всего случившегося юноша снова не мог заснуть и лишь после долгих мучений наконец-то провалился в сон. Но в следующее мгновение Бенони показалось, что бессонница снова взяла над ним верх.

На этот раз луна осветила четыре призрачные фигуры, стоящие вокруг кровати. Лица мужчин скрывали вырезанные из дерева маски с вороньими клювами, костюмы украшали черные перья. И все-таки даже в темноте Бенони узнал в этих людях отца, двух зятьев и брата матери.

— Поднимайся, сын ворона, — проговорил приглушенным голосом отец. — Пора тебе испытать силу твоих крыльев.

Сердце Бенони бешено забилось, в животе словно завибрировали десятки струн. Время посвящения пришло быстрее, чем он ожидал. Юноша думал, что ему дадут неделю на отдых после столь долгого пути из Железных Гор. Но он также помнил, что посвящение должно начаться неожиданно, словно лев, прыгающий из темноты ночи.

Бенони поднялся с постели. Отец завязал ему глаза. Кто-то обернул талию юноши какой-то тканью, чтобы прикрыть наготу. Затем его за руку отвели из комнаты в холл. Юноша услышал тихий плач и понял, что это плачет мать за закрытой дверью своей спальни. Конечно же, ее не допустили посмотреть на мужчин в масках и на сына с завязанными глазами. И, разумеется, никто не предупредил бедную женщину, что сегодня ночью наступает время посвящения ее сына. Но каким-то образом мать почувствовала это. Женщины обладают необъяснимыми чувствами.

Бенони вывели вниз по ступенькам на открытый воздух. Здесь его посадили на лошадь, и та побежала рысью. Юноша предположил, что узду его лошади держит и тянет другой всадник.

Вцепившись в седло, Бенони чувствовал себя крайне беспомощным, сидя на лошади с завязанными глазами. Что, если его лошадь споткнется и упадет и он сам вывалится из седла? Что тогда? Бенони оставалось только надеяться, что этого не произойдет.

Чувствовал он себя очень беспокойно и тревожно. После приблизительно получасовой езды лошадь остановилась и кто-то приказал Бенони спешиться. Спустившись на твердую землю, юноша почувствовал себя несколько лучше. Ему помогли забраться в повозку и посадили на длинную скамью. Слева и справа от себя он ощущал чьи-то голые плечи, руки и бедра и предположил, что это тела других посвящаемых.

Повозка дернулась и тронулась, раскачиваясь и кренясь на поворотах ухабистой дороги. Бенони не разговаривал с компаниями, поскольку его предупредили о необходимости хранить молчание. Поездка длилась около часа. Наконец возница крикнул «Тпру!» и повозка остановилась. Минут пять все молчали. Только Бенони подумал, что сидение на твердой деревянной скамейке является частью церемонии, как кто-то рявкнул:

— Выходите! И молча!

Бенони помогли спуститься с повозки, довели до какого-то места и приказали стоять и не двигаться.

Барабан начал отбивать монотонный ритм, нагнетающий тревогу бой продолжался около десяти минут.

Внезапно заиграл рожок. От неожиданности Бенони вздрогнул, но понадеялся, что никто не заметил столь нервной реакции.

Кто-то сдернул повязку с его талии. Юноша хотел было возмутиться, но сдержался. Он точно не знал, но слышал, что непосвященных отпускают в пустыню обнаженными.

Затем Бенони развязали глаза. Он заморгал от яркого света полной луны и, поскольку никто не запрещал, стал оглядываться вокруг. Он стоял в центре шеренги из двенадцати обнаженных юношей. Перед юношами стояли множество взрослых, одетых в меха и перья, лица их скрывали маски животных-охранителей различных семейств. Один из мужчин шел вдоль шеренги, давая каждому посвящаемому отпить воды из тыквенной бутылки. Когда бутылку дали Бенони, он сделал большой глоток, подозревая, что это его последний глоток перед долгим и трудным путем.

Последовавшая церемония оказалась настолько простой и короткой, что Бенони не смог подавить разочарование. Он точно не знал, чего ожидать, но думал, что будет больше барабанного боя, длинных речей, призывающих посвящаемых пойти в страну Навахо, добыть как можно больше скальпов и вернуться, чтобы получить заслуженные почести и восславить Финикс. Также Бенони думал, что головы посвящаемых обреют, оставив лишь гребешок волос, а тела размалют боевой раскраской. Или что состоится хотя бы церемония кровопускания, во время которой смешают кровь присутствующих юношей с кровью старших представителей семейств.

Но вождь Вако несколькими словами разрушил все эти мечты:

— Ребята, вы вступите на путь такими, какими явились в этот мир — обнаженными. Вы пойдете на восток, на север или на юг, пока не дойдете до вражеских территорий. Там добудете хотя бы один человеческий скальп. И ваши проблемы — как найти еду, воду, оружие и noctleg. После того как вы вернетесь, если, конечно, вернетесь, — вас посвятят в мужское братство. Но до тех пор вы — лишь неоперившиеся птенцы.

Если вам кажется сложным, что надо идти в пустыню голыми и босыми, вспомните, что эта традиция была установлена очень-очень давно. Первая тропа войны покажет, кто есть кто. Мы не хотим, чтобы среди нас размножались хиляки, трусы, тушицы и им подобные.

Позднее, осенью, восемнадцатилетние женщины пройдут похожее испытание в пустыне, разница лишь в том, что им не надо идти в земли врага.

Итак, когда начнут бить барабаны, старейшины кланов хлыстами погонят вас в пустыню, причем в разных направлениях, чтобы вы не собирались вместе. Но мы не запрещаем вам собираться вместе позже. Можете делать что угодно за пределами Финикса, где-то через милю отсюда. Даже убивать друг друга, если захотите.

— Прекрасно, — фыркнул кто-то рядом с Бенони, который сразу понял, что это Джоел Вандерт, даже не взглянув в сторону говорящего.

У Бенони не было времени, чтобы думать о смысле услышанного замечания, поскольку вождь Вако поднял руку, подождал какое-то мгновение и опустил ее.

Бешено забили барабаны. Мужчины в масках, гикая и крича, погнались за юношами. Щелкнул кожаный кнут. Бенони взвился в воздух от обжегшего ягодицы удара и бросился бежать. Ни один удар больше не достиг его, поскольку никто в Финиксе не бегал быстрее Бенони. Но за спиной продолжали щелкать хлысты, раздавались крики, и юноша пробежал еще по крайней мере милю, пока преследователи не остались далеко позади. Бенони продолжал бежать рысью, направляясь на северо-восток.

Он сбирался преодолеть еще около пяти миль, а затем поохотиться на сумчатых крыс и кроликов и обеспечить себя питанием: кровью и мясом. Также Бенони решил поискать место, чтобы спать днем. Продвижение ночью являлось единственным разумным путем. Солнце может иссушить остатки влаги в обнаженном теле, и тогда кишащим в округе навахо будет проще заметить одинокого путника. Кроме того, ночью, когда выходят из нор почти все звери, легче охотиться.

Чтобы сориентироваться, Бенони остановился на вершине холмика, поросшего малапи, и услышал, или ему показалось, что услышал, чьи-то шаги среди лежащих неподалеку камней. В то же мгновение юноша скользнул за большой черный валун, крепко зажав в руке камень, намереваясь использовать его в качестве оружия. Человек, или кто бы это ни был, торопился, что весьма озадачило Бенони. Вряд ли навахо могли подобраться так близко к Финиксу, хотя это и возможно. Но навахо не производил бы столько шума. Скорее всего среди камней пробирался кто-то из посвящаемых. Или кто-то, кто случайно выбрал такой же путь, как Бенони, или — кто-то, специально выслеживающий его.

Джоел Вандерт?

Если даже это Джоел, он безоружен, так же как Бенони. И лучше встретиться и покончить с ним сейчас, чем заснуть и позволить Джоелу внезапно напасть.

Бенони припал к земле за валуном. Он обладал очень чутким слухом и мог определить ящерицу, бегущую по песку, а обоняние позволяло ему почуять кролика, находящегося в четверти мили против ветра. Бенони тут же определил, что преследователь — пахнущий потом мужчина. Доносился также запах табака, что успокоило юношу. Это был явно не Джоел, поскольку молодежи запрещалось курить до возвращения с троны войны с первым добытым скальпом.

Однако преследователь мог оказаться и навахо. И весьма неосторожный, если думал, что Бенони уже ушел далеко вперед.

Человек проходил мимо валуна, Бенони резко выпрыгнул из-за валуна, в готовности метнуть камень в голову незнакомца, но тут же остановился и опустил руку.

— Отец, — удивленно сказал он.

Хози Райдер отпрыгнул, обернулся на звук, махнув зажатым в руке ножом. Затем расслабился, положил нож в ножны и улыбнулся.

— Молодчина, сынок, — сказал он, — я знал, что ты где-то рядом. Приятно, что я не застал тебя врасплох. Я бы тогда весьма сомневался в твоих шансах победить навахо.

— Ты слишком шумел, — ответил Бенони.

— Я должен был поймать тебя, — сказал Хози.

— Зачем?

Бенони посмотрел на нож и на мгновение подумал, что отец собирался облегчить сыну столь трудное задание, отдав ему лезвие. Но тут же юноша прогнал эту мысль как бесчестную.

— То, что я делаю, не соответствует ритуалу, — сказал отец. — В общем-то, я выполняю решение вождей, принятое ими в последнюю минуту. Буду краток, поскольку не слишком хорошо мешать молодому непосвященному юноше идти по тропе войны.

Ты знаешь, сынок, что твой старший брат ушел с разведывательным отрядом около двух лет назад, и мы больше никогда не слышали о нем. Возможно, он погиб. А может быть, просто не вернулся домой оттуда, куда ушел. Понимаешь, миссия, с которой он ушел, была секретной, потому что мы не хотели волновать наш народ раньше времени. И не хотели, чтобы на-вахо узнали о том, что мы собираемся делать в будущем.

— Я никогда не знал, что именно искал отряд Рейфа, — сказал Бенони.

— Они искали подходящее место, куда бы мы могли переселиться, — сказал отец. — Такое место, где нет долинной лихорадки, нет землетрясений, вулканов, полно воды, травы и деревьев.

— Это... где-то за границей Долины?

— Никому не говори о том, что услышишь сейчас, — кивнул Хози Райдер. — Два года назад Совет послал разведывательный отряд, не разглашая целей этой экспедиции. Мы думали, что подобная информация может вызвать волнения и беспокойства. В конце концов, Финикс — наш дом. Мы живем в пределах тени горы Кемлбек сотни лет. Некоторые люди не захотят уезжать, даже несмотря на то что двадцать лет назад

Финикс почти полностью разрушили землетрясения и несмотря на двадцать вулканов, сформировавшихся с тех пор в тридцати милях от города. Такие упрямцы могли бы причинить множество неприятностей. Все же мы решили, что, во имя благополучия народа Финикса, должны найти другой дом.

Есть еще кое-что кроме лихорадки, которая поражает все большее количество людей по сравнению с временами моего детства, кое-что кроме землетрясений и вулканов. Я говорю о том, что долина может прокормить лишь определенное количество людей из-за нашей ограниченности в воде. Несмотря на высокую смертность, численность населения продолжает увеличиваться. И все больше и больше нам не хватает еды. Конечно, ты никогда не ощущал это на себе, поскольку ты — сын богатого фермера и рабовладельца. Но множество людей ложатся спать голодными каждый вечер. И если недостаток пищи увеличится, а количество голодящих возрастет... тридцать лет назад я видел Великую Революцию рабов.

— Отец, но ведь тогда взбунтовались рабы!

— Так тебе говорили, сынок, — криво усмехнулся Хози Райдер. — Эту ложь распространяли так успешно, что даже те, кто знали правду, теперь верят в сочиненную ими же ложь. А правда состоит в том, что низшие классы предприняли попытку штурмовать зернохранилище. И революцию удалось погасить только после больших потерь и кровопролития с обеих сторон. Зернохранилища открыли, преобразовали суды и законодательство, а низшим классам предоставили больше привилегий.

— Низшим классам? — переспросил Бенони.

— Тебе не нравится это слово? Что ж, так мы и живем — отрицая наличие классов общества и подобных вещей. Но плену с глаз снять очень легко, надо всего лишь пару раз моргнуть. Вот ты — хоть раз в жизни думал о женитьбе на дочери косаря? Нет. Но неравенство между вольными людьми и рабами существует во всем. А некоторым людям вообще не нравится сама идея рабства.

— Но раб, отслуживший пятнадцать лет, получает свободу и становится гражданином, — сказал Бенони. — И это весьма справедливо, навахо никогда не освобождают своих рабов.

— Однако после освобождения бывшие рабы присоединяются к бедным прослойкам общества, их никто не кормит, и, таким образом, они вообще теряют всю былую обеспеченность. Но вообще-то я не для того бежал и задыхался, пытаясь догнать тебя, чтобы обсуждать нашу социальную систему.

Незадолго до того как началась подготовка к сегодняшнему обряду посвящения, мы, члены Совета, решили попросить

некоторых из вас расширить и разнообразить ваш первый путь войны.

— Расширить?

— Да. Но помни, что это не приказ. А предложение. Мы бы хотели, чтобы некоторые из вас, молодых самцов, добыв скалы или два, не возвращались в Финикс сразу. Отложи ненадолго купание в лучах своей славы. Кроме того, иди на запад. Ищи место, где есть вода, возможно Великую Реку, о которой так много рассказывают, но никогда не видели наши соотечественники.

И когда ты сообщишь нам, что нашел такое место, мы сможем начать думать о переселении людей, о том, чтобы начать жить заново на новом месте.

— Вы хотите переселить всех?

— Всех.

— Но, отец, если я сделаю это, я могу не вернуться долго, очень долго. И... и... а как же Дебра Аврез?

— Ты думаешь, что Джоел Вандерт может жениться на Дебре, пока ты будешь отствовать? — улыбнулся отец. — Ну и что? Она не единственная симпатичная девушка в Долине.

— Неужели ты никогда не влюблялся? — изумленно воскликнул Бенони.

— Шесть или семь раз, — ответил Хози Райдер. — И я любил обеих своих жен. Но если бы я не женился на них, то встретил каких-нибудь других женщин, женился бы и любил их так же сильно. Думаешь, я циничен, сынок? Ты просто молод. Но даже если твое молодое пламенное сердце принадлежит именно этой блондинке, подумай о почестях, которые тебе окажут, когда найдешь новую страну для своего народа. Разве может скалы навахо сравниться с таким подвигом? Дебра станет твоей — только попроси, впрочем, это касается любой девушки в Долине.

— Но Джоел может вернуться раньше и завладеть ею! Ты забываешь об этом.

— Если отец Джоела поймает сына, а, по-моему, ему не составит труда пойти по следам этого неуклюжего медведя, он скажет ему то же, что я говорю тебе. Насколько я знаю Джоела, он вряд ли сможет отказаться от такой великой славы. Он тоже пойдет на запад.

— Возможно. Но почему Совет не думал об этом раньше?

— Тогда бы нам не пришлось выслеживать своих сыновей? Как я уже сказал, все было решено в одно мгновение. *Конечно*, смешно и нелепо, что мы действуем так внезапно и поздно. Но Совет решил как можно быстрее воплотить в жизнь эту неожиданно появившуюся идею, и Вако сказал нам выследить сыновей и попросить пойти на запад.

Бенони представил, как старики неистово гоняются за юношами, чтобы передать тем последнее сообщение. И не знал, плакать ему или смеяться. Испарились величие и значимость церемонии, и юноша начал сомневаться в мудрости Совета, который уважал всю свою жизнь.

— Да, я понимаю, — сказал отец, словно прочитав мысли сына. — Это нелепо. Но когда ты займешь место в Совете, сынок, то обнаружишь, что совершаешь такие же дурацкие и поспешные поступки.

— Не знаю, как насчет подобной разведки, — сказал Бенони. — Я подумаю об этом позже. А сейчас я должен сосредоточить все силы и мысли на том, чтобы остаться в живых.

Внезапно луна осветила лицо Хози Райдера, на щеках которого блестели слезы.

— Храни тебя Бог, сынок. И пусть Господь приведет тебя домой как можно быстрее, — сказал отец, обнимая сына.

Бенони совершенно растерялся. Хватило уже, что плакала мама. Ее можно еще простить — как женщину. Но отец...

Тем не менее, вежливо попрощавшись с отцом и проследив, как тот исчез среди усыпанных валунами холмов, Бенони почувствовал себя лучше. Он и не подозревал, что отец так переживает за него. Мужчины обычно прилагают так много усилий, чтобы скрыть эмоции, чтобы не показать, что у них вообще есть какие-то чувства. Хорошо, что никто не видел слез отца. Было бы гораздо хуже, если бы отец потерял самообладание при людях.

Бенони направился на северо-запад, держа курс на гору Суеверий, возвышающуюся справа в двадцати милях. Юноша намеревался выйти на начало тропы Печи, ведущей к нагорью и в страну Навахо. Существовало два способа добраться туда. Один из них — более легкий, но долгий, по извилистой дороге, ведущей на юго-запад, а затем обратно на север как раз к подножию горы Суеверий. Также можно пойти напрямик через усыпанную камнями, изрезанную оврагами, гористую местность. Короткий путь означал, что Бенони придется пройти мимо ферм и города-крепости Мейсах. Даже если он будет идти ночью, очень вероятно, что его подстрелят или же спустят собак собственные соотечественники. Существует табу на помочь обнаженным юношам на их первой тропе войны. Человек может лишь замахнуться, чтобы посвящаемый быстрее вернулся на тропу. Бывали случаи, когда ребят, выбиравших легкий путь, находили и убивали или калечили. И никто не сожалел о случившемся. Взятый в плен юноша считался неподходящим, чтобы стать воином Финикса.

Преодолев крутые склоны нескольких оврагов, Бенони пошел напрямик через пустыню. Согласно легенде, один из таких

оврагов служил ирригационным каналом, который вырыли много веков назад, когда белые люди только пришли в эти земли. Хохокам — так называли древних индейцев. Их потомками являются Папаго и Пима, которые уже давно ассимилировались среди белого большинства Долины Солнца.

Там где мог, Бенони обогнул несколько небольших гор и вскарабкался на те горы, которые невозможно было обойти. К рассвету юноша прошел около десяти миль.

И наконец тогда, томимый жаждой и голодом, он подумал об охоте. Для начала Бенони был необходим нож. Это означало, что надо найти кремень или какой-нибудь другой твердый камень. Найти кремень было бы крупной удачей. В этих местах не существовало более твердых пород камней. Целый час Бенони напрягал глаза, чтобы разглядеть камни в лунном свете, подбирал множество камней, отбрасывал и наконец нашел кремень. Юноша обколол найденный камень, хотя очень не хотел шуметь, и придал ему форму грубого режущего устройства, которое собирался усовершенствовать, когда будет побольше времени.

Выбрав два небольших камня для метания, Бенони стал искать зайцев, кроликов, сумчатых крыс, пустынных мышей или любую другую дичь, которую смог бы увидеть раньше, чем та обнаружит присутствие человека.

После часа медленных и молчаливых поисков он обнаружил стаю сумчатых крыс. Длинноногие маленькие создания с сильными хвостами играли в лунном свете в колизее, образованном лежащими кольцом валунами малапи. Животные подпрыгивали высоко в воздух, гонялись друг за другом, катались и кувыркались в пыли, образовывавшей пол колизея. Выждав, пока одного зверька загнали близко к валуну, за которым он прятался, юноша поднял руку и метнул камень в беспечное животное.

Шестнадцать лет практики не пропали даром. Метательный снаряд попал крысе в бок, и та свалилась на землю. Бенони переложил камень из левой руки в правую и бросил его. От второго удара зверек перевернулся несколько раз и расстался со своей маленькой жизнью.

В ту же секунду в колизее не осталось никого, кроме жертвы.

Бенони побежал, подобрал с земли тушку и разрезал ей горло кремнем, который заострил час назад. Затем он перевернулся зверька и поднял так, чтобы кровь стекала в рот. Кровь текла по губам, подбородку, капала на грудь, но юноша все еще был слишком голоден, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Позднее он почистит себя песком.

Выпив всю кровь грызуна, Бенони принял снимать с него шкурку. Грубое устройство, изготовленное из кремня, превратило освежевание в трудную задачу. Но юноша не беспокоился, что повредит шкурку — мех крысы не представлял совершенно никакой ценности. Затем Бенони отрезал мускулистые ноги, вырезал сердце, почки и печень. И принял снимать теплое жесткое мясо. Юноша жевал с некоторым отвращением, так как вообще не любил сырое мясо. Но человеку необходима пища, и Бенони не раз ел только что убитую дичь во время нескольких лет подготовки к этому и грядущим дням. А зажечь костер — значило пригласить навахо перерезать себе глотку и пустить стрелу в спину — слишком высокая цена за кусок жареного мяса.

Бенони осторожно надрезал толстый кактус, и, хотя делал это очень осторожно, несколько раз длинные колючки втыкались ему в руку. Он выдолбил несколько кусков мякоти и стал их сосать. Конечно, совсем другое дело — пить из кружки или ручья. Фактически в мякоти влаги содержалось не больше, чем в куске сырой картошки. Но все же влага была, хотя в очень ограниченном количестве и горьковатая.

В конце концов Бенони раскопал лисью нору под деревом пало верде у края оврага. Свернувшись калачиком в глубине норы, Бенони настроился на сон и заснул очень быстро.

Но столь же быстро рассвет разбудил юношу светом и жарой. Мучимый жаждой, он вылез из укрытия, срезал еще несколько кусков кактуса и взял их с собой в нору. Некоторые из кусков юноша глубоко закопал, чтобы использовать позднее в течение дня, другие принял сасать. Он засыпался песком, чтобы сократить потерю влаги, и уснул. В течение дня Бенони несколько раз просыпался и выкалывал мякоть кактуса. И все же воды, добытой из кактуса, совершенно не хватало, чтобы возместить влагу, иссушаемую из его тела сухим и обжигающим воздухом.

Наудачу мимо норы Бенони проложила свой извилистый путь гремучая змея. И все, что ему пришлось предпринять, — схватить змею за хвост и согнуть ее как кнут. Змея извивалась и корчилась в тщетных попытках вонзить ядовитые зубы в руку обидчика. Но юноша быстрым ударом отсек гаду голову, выпил кровь и съел немного мяса со спины. Все остальное он опять закопал в песок, поскольку не хотел привлекать внимание канюков и ястребов, кружение которых могло бы заинтересовать любопытных навахо.

Птицы не прилетели. Но наползли муравьи. Целый час Бенони вычесывал их и пытался разжевать или глотал целиком. В конце концов насекомые перестали прибавляться, и он снова устроился спать.

Наступили сумерки. Весь зудящий от укусов насекомых, Бенони выполз из норы. Приняв песчаную ванну, он отрезал несколько кусков кактусов и тронулся в путь, держа направление на северо-запад. Над горой Суеверий восходил огромный и кровавый, узкий серп луны. Поднимаясь выше в пасмурное небо, луна становилась меньше и серебристей и достаточно освещала все вокруг. На ветви кошачьего дерева Бенони нашел гнездо с двумя спящими крапивницами. Не обращая внимания на вонзающиеся в руки колючки, юноша подпрыгнул и ухватился за ветку одной рукой. Другой рукой он замахнулся над гнездом, схватил птиц и сдавил маленькие тельца, оборвав крики неожиданности и жизни одновременно. Кровью крапивниц Бенони утолил жажду, а мясо немного утихомирило урчание в животе. Выплюнув пух и перья, которые не успел оципать, юноша двинулся дальше.

Всю оставшуюся часть ночи Бенони быстро двигался к цели. Ближе к рассвету он нашел погибающее дерево пало верде и немного задержался, чтобы оторвать качающуюся ветку. С трудом открутив ее от ствола, юноша зачистил ветку и заострил конец.

Затем Бенони нашел около двадцати кроличьих нор и принялся тыкать вовнутрь острым концом палки. После нескольких попыток палка вонзилась в тело животного. Юноша быстро провернул орудие, шерсть кролика сразу же налипла и плотно намоталась на зачищенную палку. Бенони вытянул брыкающееся животное из норы и резко ударил ребром ладони по затылку. Затем разрезал горло жертвы и выпил кровь. На сей раз он потратил больше времени, чтобы снять шкуру. Разрезав добычу, часть он закопал глубоко в песок, а остальное съел.

Несколько дней Бенони провел рядом с местом, где поймал кролика. При помощи жира животного и собственной мочи он задубил шкурку, которая хотя и получилась жестче, чем хотелось бы, но сгодилась для изготовления панамы. Тем же самым приемом, известным под навахским названием *хааздис*, при помощи заостренной палки Бенони поймал еще двух кроликов. Из шкурок он сделал набедренную повязку и пояс. Найдя еще один кусок кремня, юноша хотел сделать из него острие копья, но ошибочным ударом придал камню неправильную форму.

Ночью он снова двинулся в путь. По дороге Бенони ел ящериц чуквалла и геко, пустынных мышей, муравьев, броненосца, изумрудноспинную гремучую змею и кольцевостого кота. Один раз ему удалось поймать пустынную черепаху и выпить воду из двух маленьких резервуаров, которые находились у нее под панцирем.

Юноша шел в горы, медленно карабкался вверх, преодолевая высокие холмы и небольшие горы, снова спускался и опять энергично брался за новые вершины. Он уже находился выше уровня Долины, даже когда спускался вниз, и, проснувшись к вечеру пятого дня, увидел последний на своем пути саваро. Кактус высотой пять футов стоял на склоне горы, ярко очерченный на фоне заходящего солнца.

У прямого, как огромная колонна, кактуса одна ветвь была вытянута в сторону, а другая вниз. Растение выглядело словно человек, машущий рукой на прощанье.

Повинуясь душевному порыву, Бенони помахал кактусу в ответ. И никак не мог отделаться от мысли, что, возможно, прощается навсегда и никогда больше не увидит эти величественные и немного таинственные растения, которые росли только в Долине Солнца.

Продолжая подниматься вверх, Бенони вышел к древнему пути, ведущему вокруг гор, и решил немного пройти по нему. Бряд ли навахо могли поджидать в таком месте ночью. Даже если и так, им будет трудно что-либо рассмотреть. Бенони хвастался сам себе, что, продвигаясь в ночи бесшумно, словно койот, тихо, словно лев, — подобен привидению. Кроме того, он слышал, что навахо редко по ночам удаляются от своих стойбищ, так как боятся демонов и сил зла. С другой стороны, отец говорил, что все это ерунда, и навахо боятся темноты не больше финикиян. Зато по ночам они часто атакуют отдаленные фермы и одиноких путников.

Этой ночью Бенони шел по дороге. Время от времени под ногами скрипел странный, похожий на камни материал, непрочный и крошащийся при прикосновении. Таким материалом, предположил юноша, древние мостили тропу Печи. Отец и другие люди описывали этот заменитель камня и строили всякие предположения по поводу его происхождения. Конечно, не обязательно все предположения являются правдой. Но так или иначе, сейчас тропа стала не той широкой дорогой, какой ее обычно представляли. Кое-где было так узко, что Бенони приходилось прижиматься спиной к отвесной скале и осторожно продвигаться лицом к обрыву. Но в некоторых местах тропа осталась широкой, хотя и здесь была усыпана валунами, падающими со скал над дорогой и частично перегораживающими ее.

Весенние ливни прорезали в тропе овраги и канавки.

С приближением рассвета Бенони сошел с дороги, вскарабкался на вершину крутого утеса и нашел место, где бы он мог спрятаться в норе под тенью железного дерева. Проспав весь день, с наступлением сумерек, после тщательной разведки, юноша спустился на тропу. Бенони сомневался, правильный ли путь

избрал. Возможно, гораздо безопаснее было бы проигнорировать более легкий путь и пойти напрямик через горы и долины. Он продвигался бы медленнее. Но зато не встретил бы ни одного *дайна*.

Он никого не встретил, не слышал ничего, кроме криков ночного ястреба, завываний рыси, рявканий койота. Несколько раз юноша пересекал львиные тропы, но это нисколько не обеспокоило его. С самого детства он видел сотни львиных следов в оврагах и других местах, но ни разу не встретил живого льва.

На рассвете Бенони взошел на вершину большого холма, заметив далеко внизу блеск голубой воды.

Он знал, что там должно находиться озеро, лежащее в нескольких милях от действительно опасных территорий. Легенды утверждали, что здесь древние когда-то построили плотину — такую большую, что голова Бенони кружилась от одной только попытки представить такую машину. Когда-то это озеро было гораздо больше, чем то, что он видел сейчас. Древние белые люди ловили в голубых водах рыбу, плавали (юноша не умел плавать), ходили на кораблях (что Бенони вообще с трудом мог представить) и наслаждались всеми прелестями жизни правящей и могущественной расы. Теперь же навахо или же сама угроза их нашествия опустошили это место.

Все же юноша решил прокрасться ночью вниз, искупаться, смыть с себя глубоко въевшуюся грязь и вонь пустыни, напиться вдоволь холодной воды. Около озера можно найти и наполнить водой тыквенную бутылку и взять ее в дальнейший путь. Его уже тошнило от крови животных и влаги кактусовой мякоти; горло пересохло и болело.

Сразу после заката Бенони спустился к берегу озера, но не бросился сразу в воду, хотя каждая клеточка его тела жаждала влаги. Юноша чувствовал нечто неожиданное, то, что никогда не мог представить из-за отсутствия опыта. Боязнь воды.

Впадина между горами была глубокая, а он не умел плавать. Если нечаянно зайти слишком глубоко, то можно оступиться и навсегда погрузиться в черные глубины. Эти мысли повергли Бенони в панику.

Он лег на землю и долго наблюдал, как воды озера плещутся о камни на берегу. Затем, обозвав себя трусом, тряпкой, а не мужчиной, Бенони зашел в озеро. Очень осторожно одной ногой он попробовал ступить на покрытое галькой дно, чтобы убедиться, что там нет ям и обрывов. Зайдя по колено, он решил, что этого достаточно. Забыв весь испытанный ужас и вздыхая от удовольствия, Бенони сел и принял скрести себя руками и песком, который пригоршнями поднимал со дна. Убедившись, что смыл всю грязь и пот с тела и волос, он в конце

концов неохотно вылез на берег. Юноша наполнил водой тыквенную бутыль, которую затем повесил на ремень, сделанный из шкуры кролика, и вернулся на тропу. За час до рассвета он поймал ящерицу геко и съел ее сырой, перемалывая зубами нежные косточки.

Бенони искал место, достаточно отдаленное от тропы, где было можно было спокойно переночевать, и вдруг услышал лошадиное фырканье.

Юноша бросился на землю, полежал неподвижно какое-то мгновение, а затем скользнул в скучную растительность. Поскольку фырканье донеслось издалека и так как он не слышал никакого другого шума, то был совершенно уверен, что остался никем не замеченным. Тем не менее Бенони продвигался очень медленно и осторожно, взираясь на небольшую столовую гору над тропой. Обойдя склон горы, он пересек овраг и принял карабкаться вверх. С этой стороны склон был еще круче, чем вдоль тропы, поэтому Бенони знал, что лошади и всаднику придется взбираться по более отлогому подъему со стороны, противоположной той, по которой он взбирался.

Подобравшись к двум большим камням на краю горы, юноша всмотрелся между ними. И увидел больше, чем ожидал. Стреможенные четыре лошади и груженный поклажей мул паслись, поедая редкую траву. Под зелеными ветвями дерева пало верде спали четверо мужчин. Навахо. Нет. Три навахо. Один из мужчин казался более светлым. Обнаженный. Большой.

Белый мужчина повернулся, и Бенони увидел, что это Джоел Вандерт, руки которого связаны за спиной, а лодыжки стянуты веревками.

Четвертый навахо, приземистый мужичок, сидел на камне в сорока ярдах от остальных. Он располагался спиной к Бенони — очевидно для того, чтобы наблюдать за тропой с такой удобной позиции. Совершенно непонятно, почему он не заметил юношу, возможно — заснул на несколько минут. Бенони ни в коем случае нельзя было обнаружить себя, поскольку схватка — трое навахо против одного финикиянина — наверняка закончилась бы не в пользу последнего.

Взяв в зубы кремневый нож, а в каждую руку — по два камня, юноша начал подползать к часовому. Навахо ни разу не посмотрел в сторону Бенони. И лишь когда тот подобрался на расстояние двадцати футов, индеец встал и потянулся. Вскочив на ноги, Бенони метнул первый камень, который с громким стуком попал навахо в затылок.

Индеец покачнулся и с ужасным шумом рухнул на землю. Бенони быстро обернулся к остальным навахо, ожидая, что те

проснутся. Но они даже не пошевелились, лишь лошади и мул продолжали мирно жевать траву.

Какое-то мгновение юноша колебался между двумя вариантами дальнейших действий. Снять скальп с только что убитого человека и с честью вернуться в Финикс. Или развязать Вандерта и вместе с ним атаковать остальных навахо.

Первый путь, конечно, более легкий — снять скальп и сбежать, и это никак не принизит Бенони в глазах соотечественников, даже если они узнают правду. Джоел Вандерт — враг. Он хотел жениться на Дебре Аврез и показал себя как недостойный воин, которого взяли в плен. Даже если перед уходом Бенони перережет Джоелу глотку, то и тогда не выйдет за рамки своих прав. Непосвященному, находящемуся на тропе войны, разрешено все, абсолютно все. И не надо считаться ни с кем, кроме себя.

Бенони никак не мог принять решение. Благоразумие и логика подсказывали ему, что лучшее, что можно сделать, — снять скальп с навахо и бежать в горы. А там врагам будет очень сложно выследить столь ловкого налетчика.

Но юноша даже представить не мог, как сделает это. Он не мог бросить соотечественника финикиянина на растерзание врагам. Кроме того, чем больше скальпов он принесет домой, тем больше получит славы и почестей. А когда станет известна история спасения Джоела, тот будет опозорен.

Взвешивание всех факторов заняло лишь несколько секунд. Мысли, неопределенные и нечетко сформулированные, возникали из подсознания как вспышки, едва заметные толчки откуда-то из глубины. Юноша поднял нож, упавший из руки навахо — длиной около девяти дюймов, изготовленный из хорошей и острой стали, — и пошел к Джоелу. Медленно и спокойно, чтобы не вспугнуть животных.

Когда Бенони приблизился к Джоелу, тот открыл глаза. Бледный, с открытым ртом, он как будто не верил тому, что видел. Бенони и не подумал подать какой-нибудь знак, призывающий к молчанию. Джоел не настолько туп, чтобы шуметь. В противном случае он действительно заслуживает смерти.

Острое лезвие мгновенно распороло веревки, стягивавшие руки Джоела за спиной. Джоел принял разминать пальцы, морщась по мере того, как застоявшаяся кровь стремительно начала циркулировать по венам. Еще два удара ножа разрезали веревки, связывавшие щиколотки гиганта-финикиянина.

Очень тихо Бенони спросил, может ли Джоел двигаться.

— Пока я не могу даже ходить, но, надеюсь, это продлится не более минуты, — ответил тот.

Он поднялся и сделал неловкий шаг, словно человек, у которого отморожены ноги.

— Подожди шестьдесят секунд и...

Но тут где-то сзади раздался крик, это проснулся и вскочил один из навахо. Он находился ближе остальных и был вооружен большим стальным клинком. В следующую секунду солнце сверкнуло на лезвии, брошенном навахо.

Автоматически Бенони метнул во врага свой нож.

В следующий момент из дыры в животе навахо уже торчала рукоятка ножа. Схватившись за кровоточащую рану, индеец упал на спину. В то же мгновение Бенони почувствовал толчок в бок и пошатнулся от силы нанесенного удара. Он не чувствовал боли, а лишь онемение, но знал, что ранен. Справа между ребрами Бенони торчал нож индейца. Острье вошло в плоть не более чем на дюйм, но кровь ручьем текла из раны, открывшейся вокруг стали.

Двое оставшихся пока в живых навахо, крича, тоже вскочили на ноги. Один из них поднял с земли короткое копье. Другой пытался схватить одной рукой лук, а второй — стрелу. Издав дикий вопль, Бенони схватил камень и метнул в лучника. Индеец приладил стрелу к выемке лука и поднял свое смертоносное оружие, одновременно натягивая тетиву. Брошенный камень очертил дугу и попал мужчине в горло. Но тот все же успел пустить стрелу.

Бенони почувствовал еще один удар, на этот раз в грудь под ключицей. Он опрокинулся спиной на землю, затем сел. Вряд ли индеец успел достаточно оттянуть тетиву, если вонзился только наконечник стрелы. Тем не менее Бенони выбыл из битвы.

Последний навахо поднял копье для броска. Затем, передумав, опустил руку, схватил копье наперевес и пошел на Джоела.

Джоел в отчаянии оглядывался в поисках оружия. Но в пределах досягаемости увидел лишь нож и стрелу, торчащие из тела Бенони. И тогда Джоел вытянул нож из ребер Бенони. Тот вскрикнул, но все было проделано так быстро, что он не успел даже оказать сопротивление. Если бы Бенони располагал временем, чтобы подумать, он и сам бы сказал Джоелу вытащить нож. Иначе смерть грозила бы обоим.

Джоел наклонился, поднял камень и на бегу, с расстояния нескольких футов, бросил его во врага. Тот увернулся, камень пролетел мимо головы индейца. Перекинув нож в правую руку, Джоел нанес удар левой. Увертываясь, навахо потерял равновесие. Схватившись сначала за острье и порезав руку, Джоел поймал древко копья и резко дернул. Цепляясь за свое оружие, навахо упал головой вперед. Джоел, падая, потянул копье на себя, повернулся и зажал древко между рукой и телом. В следующую секунду солнце сверкнуло, отразившись в занесенном

ноже, и лезвие мягко вошло в живот индейца. Тот вскрикнул, упал на землю. Джоел вытянул нож из плоти и вонзил в глотку навахо.

Воцарилась тишина. Замолчали даже лошади, которые бешено ржали мгновение назад. Бенони взглянул на свой развороченный бок, откуда так беспощадно был вытащен нож. Кровь из раны быстро стекала на землю, накатилась волна боли. Чувствовалась теперь и стрела, торчащая из плеча.

У юноши не осталось другого выхода, кроме как попытаться вытащить застрявшую стрелу, даже если при этом потеряется еще больше крови. Он отогнал от раны мух, схватился за древко и начал медленно поворачивать.

— Ты не сможешь сделать это сам, — подходя и тяжело дыша, сказал Джоел.

Одним легким движением он выдернул обломок стрелы. Бенони стиснул зубы, чтобы сдержать крик, и почувствовал, что теряет сознание. На мгновение все поплыло у него перед глазами, затем мир принял привычные очертания. Бенони увидел, что Джоел стоит над ним, держа окровавленный нож и стрелу, и улыбается. Улыбается.

— Похоже, ты не справишься с такими ранениями, — сказал Джоел. — Плохо, очень плохо выглядишь.

— Ничего, — сказал Бенони. — Я выживу, чтобы принести эти скальпы в Финикс.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — ухмыльнулся Джоел. — Потому что эти скальпы возьму я.

— Ты! — возмутился Бенони. — Ты убил только одного навахо. Остальные — мои.

— Интересно, как ты собираешься снять скальпы, когда у тебя нет сил даже ходить? — продолжая улыбаться, сказал Джоел. — Да ты умрешь через час. По-моему, очень глупо оставлять эти скальпы здесь на гниение.

— Может, ты и мой скальп прихватишь? — поинтересовался Бенони, пытаясь остаться в сознании.

— Эх, если бы у тебя волосы были потемнее, — сказал Джоел. — Конечно, я могу сказать дома, что принес скальп навахо-блондина. Говорят, и такие встречаются. Но вдруг мне не поверят? Да и вообще, так поступать нехорошо, не правда ли?

Смеясь, Джоел повернулся и пошел срезать скальпы с мертвых мужчин. Когда с пояса, снятого с навахо, свисали четыре скальпа, Джоел надел на себя одежду одного из мертвых индейцев, сшитую из шкуры льва. Затем он выбрал лошадь, лучший лук и стрелы, копье, лучший нож.

— Не могу оставить таких прекрасных животных умирать от голода или на съедение львам, — сказал он, разрезая путь на ногах лошадей.

Бенони наблюдал, как Джоел собирается в путь. Единственное, что он твердо решил, — не умолять о помощи. Совершенно очевидно, что Вандерт ничего ему не оставит. Но даже если и так, ничто не заставит Бенони Райдера умолять этого подлеца. Лучше умереть. Вероятно, так оно и будет.

Собрав лучшую еду в мешки, прикрепленные к седлу выбранной лошади, Джоел вернулся к Бенони.

— Было бы справедливо воткнуть в тебя копье, — сказал он. — Но ты не такой плохой, как я думал, ладно уж, живи. Хотя я сильно сомневаюсь в твоих силах. Но я умею прощать и позволю тебе умереть самому.

Но сначала я отплачу за то, что ты сделал со мной по дороге с Железных Гор, — кровожадно улыбнувшись, с ненавистью сказал Джоел.

Он замахнулся и пнул Бенони между ног. Бенони скорчился от страшной боли и потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что сидит, согнувшись, на коленях и зажимает причинное место. Кровь ручьями лилась из обеих ран, а мухи облепили тело так, что образовали почти твердый, черный и жужжащий клубок. Бенони соскреб противных насекомых и попытался ползти к куче вещей, валяющихся у ног убитых навахо. Он преодолевал эту короткую дистанцию, превозмогая боль, четыре раза останавливалась, чтобы не потерять сознание. Добравшись до вещей, он выбрал две керамические фляги. Фляги были пусты, вода, которую вылил из них Джоел, быстро испарялась с камней. Хорошо хоть, что Джоел не тронул еду. Бенони выбрал куски сущеного мяса, бобы и немного твердого сухого хлеба. Затем надел штаны одного из навахо. Штаны оказались тесными, но все же прикрывали тело.

Юноша затянул раны несколькими платками — очень неуклюже, но зато почти сразу остановив кровь. Вооружившись ножом, луком, колчаном стрел и неся мешок с едой, он с трудом взобрался на лошадь. Бенони почти падал от слабости и головокружения, но держался. Он погнал коня с горы, через овраг и вернулся на тропу. Достигнув озера, сполз с лошади и наполнил фляги водой.

Теперь оставалось только одно — найти в горах прохладную пещеру, откуда бы он смог наблюдать за тропой и где бы заживил раны. Юноше очень не хотелось терять лошадь, которая бы пригодилась после возвращения на тропу войны. Но если какая-нибудь банда навахо обнаружит стреноженную лошадь — индейцы обыщут территорию и найдут Бенони. Нельзя давать им такую возможность.

Сняв седло и уздечку, Бенони отпустил лошадь на свободу. А сам медленно, задыхаясь, терзаемый болью, принялся

карабкаться в гору. Через три часа юноша нашел одну из пещер, которые во множестве прорезали гору. Игнорируя боль от втыкающихся в тело маленьких колючих иголок, он заполз в отверстие через груду сухих веток чойа, оставленных здесь крысами. Забравшись вовнутрь, Бенони свалился без сил. И не просыпался до следующего утра.

Придя в себя, он попил воды и съел немного копченого мяса и сладких бобов. Бенони ждал, что начнется лихорадка, понимая, что если инфекция попала в раны, то он скорее всего умрет. Но лихорадка не начиналась.

Вечером третьего дня он покинул пещеру. Все еще очень слабый и весь занемевший от ран, Бенони к тому же испытывал страшную жажду, поскольку выпил все запасы воды на второй день. Превозмогая боль, он начал спускаться с горы и, добравшись до подножия, наконец-то напился и наполнил бутылки. А затем пошел на северо-запад. Неделю спустя юноша уже мог бегать и действовать рукой, в которую попала стрела. Когда удавалось подстрелить дичь, он разжигал в самых укромных местах небольшие костры и жарил мясо.

Повсюду Бенони искал Джоела Вандерта. Если бы он нашел мерзавца спящим, то перерезал бы ему глотку не задумываясь. Но Вандерта не было видно нигде.

Однажды ночью Бенони чуть не споткнулся о часового навахо. Человек стоял на утесе высоко над тропой. Тщательно осмотрев индейца, Бенони решил, что перед ним — один из часовых, расставленных около города-крепости, охраняющего конец тропы. За тропой лежало большое озеро, первое в группе водоемов, оканчивающееся тем озером, около которого Бенони был ранен. Юноша пошел через горы. К концу второй ночи он увидел озеро и огороженную частоколом деревню за ним. На западе начинались хвойные леса. На севере и западе от этого места находилось множество поселений навахо, которые пришли в этот район около ста лет назад, убивая или прогоняя прежде живших здесь апачей.

Бенони долго в унынии стоял на вершине конусообразного пика. Что делать? Прокрасться к городу, убить навахо и отправиться в Финикс со скальпом на поясе? Или идти куда-то далеко на запад, возможно на край земли, ища местность, где много воды, нет землетрясений, куда могут мигрировать финикиане?

В конце концов юноша решил, что еще рано возвращаться. Надо пойти дальше на запад. Вряд ли стоит снимать скальп где-то рядом с городом. Несомненно, Вандерт или другие юноши уже побывали здесь, взбудоражили навахо, повысив их бдительность. Лучше всего миновать это место ночью и напасть

на какие-нибудь города или фермы, обитатели которых не столь осторожны.

В ту ночь Бенони покинул горы и направился через леса. Он шел две недели, охотясь по дороге, миновал несколько огороженных ферм Навахо. За каменными стенами виднелись прямые или круговые грядки маиса, бобов, тыквы, лимонных кустов, мускатных дынь, паслись небольшие стада овец, коз и несколько коров. Несколько раз у Бенони был шанс снять скальп с какого-нибудь фермера, работающего на поле, но он воздержался от подобного действия. Прошло еще две недели, и все это время юноша шел по направлению к восходящему солнцу. Теперь вокруг росло множество деревьев и кустов, и Бенони шел днем, поскольку мог спрятаться в густой растительности.

Однажды утром к месту ночлега Бенони очень близко подъехал молодой навахо на лошади. На прекрасном чалом жеребце красовалось седло, гравированное серебром. Парень пел песню о девушке, чьей руки он хочет попросить.

Бенони восхитился песней и прекрасным голосом навахо. Но еще больше ему понравились седло и лошадь. Стрела пропала парня насквозь, оборвав на полуслове чудесную песню. Бенони снял с мертвого индейца скальп, забрал лошадь и снова тронулся на запад. Опасаясь преследования, юноша несколько дней гнал лошадь. Он перешел все ручьи, которые только встречались по дороге, и несколько раз аккуратно провел лошадь по россыпям камней. Он так ни разу и не увидел преследователей, но не успокоился, пока не достиг кромки леса.

На закате на границе страны Навахо, там, где снова начиналась пустыня, Бенони услышал какой-то звук. Звук был непонятный — какое-то странное бурчание, доносившееся откуда-то сверху. Заподозрив неладное, юноша привязал жеребца к ветке дерева за оврагом и по-пластунски пополз на север.

Через пятнадцать минут соблюдения всяческих предосторожностей Бенони оказался на вершине невысокого хребта. Он взглянул через редкую траву вниз, в маленький амфитеатр — в центре сидел Джоел Вандерт. Джоел жарил кролика над крошечным костерком. В нескольких футах, пощипывая жесткую коричневую травку, паслась лошадь.

Сердце Бенони забилось в сумасшедшем темпе, с глухим стуком, как молот, ударяясь о грудную клетку. Медленно, чтобы не произвести никакого шума, юноша двинулся под прикрытием хребта вперед, и его рука не дрогнула, приложивая стрелу к тетиве лука.

Он собирался встать, позвать Джоела и тем самым представить негодяю шанс защититься. Никто, даже сам Бенони, единственный свидетель коварного предательства, не мог бы

обвинить его в трусости. В великодушии — да, ведь он не обязан предупреждать вероломного Джоела. Нет, это даже не великодушие, так как юноша хотел, чтобы этот мерзавец знал, что он, Бенони, выжил и собирается отомстить.

Но он не поднялся сразу, смакуя выражение лица Джоела, когда тот увидит своего недруга целым и невредимым. К счастью, Бенони пролежал на земле еще несколько секунд, а когда уже начал было подниматься, чтобы внезапно появиться на вершине хребта — замер.

Со стороны противоположного края амфитеатра раздался вопль, издаваемый полудюжиной глоток. Вслед за этим показались шестеро навахо.

Джоел моментально бросил мясо в огонь, вскочил, схватил свою лошадь за уздечку как раз в тот миг, когда испуганное животное начало убегать, и одним взмахом вскочил в седло. К счастью для Джоела, лошадь побежала в сторону, противоположную приближающимся индейцам, и удачно миновала четыре низкорослые сосны. Стрелы преследователей запутались в ветвях и отклонились от прямого направления, а сами навахо потеряли время, обходя деревья. Тем временем Джоела и след простыл, хотя было еще неизвестно, сможет ли он и дальше сохранить дистанцию и оторваться от преследователей. Тяжелый Джоел являлся существенной нагрузкой для любой лошади. А сейчас он скакал на жеребце, по размерам и выносливости ничем не отличающимся от коней навахо.

Не в силах сдержаться, Бенони выстрелил в последнего в толпе преследователей навахо. Стрела вонзилась индейцу в позвоночник, и тот свалился с лошади. Остальные не видели, как упал их товарищ, поскольку все их внимание было сосредоточено на намеченной жертве.

Бенони выбежал, снял с трупа скальп и вернулся к лошади. А затем, вместо того чтобы бежать в противоположную сторону, решил последовать за навахо. Дурацкий поступок, но, если индейцы потеряют следы Джоела, Бенони намеревался сам найти своего заклятого врага. И заодно, возможно, удастся пристрелить еще парочку навахо. Бенони понравилась идея охотиться за навахо, в то время как они преследуют Джоела.

Когда рассвело, Бенони обнаружил, что находится далеко в пустыне и вокруг, на каменистой почве, не видно следов ни Джоела, ни охотящихся на него навахо. День сменился безлунной ночью.

Бенони продолжал продвигаться на запад, думая, что Джоел бежал в этом направлении, и надеясь, что их пути снова непременно пересекутся. Он верил в поговорку «Бог троице любит» и был уверен, что снова встретит подлеца. И в следующий раз не упустит свой шанс.

Пустыня в этих местах немного отличалась от привычной пустынной местности в окрестностях Финикса. Бенони ехал на лошади до тех пор, пока стало очевидно, что лошади уже нечего пить. И тогда юноша с неохотой убил животное, закоптил столько мяса, сколько рассчитывал унести, и тронулся в путь пешком. По дороге он столкнулся с теми же трудностями, что и в финикианской пустыне, и решил их уже известным методом, питаясь растениями и охотясь на животных. Человек, рожденный и воспитанный вдалеке от раскаленных песков и обжигающего солнца, умер бы в подобных условиях за пару дней. А Бенони, в одиночку и пешком, преодолевал пятьдесят миль в день. И хотя он не поправлялся, но поддерживал вес и здоровье, закалял дух и тело, которое стало жестким, словно раковина пустынной черепахи.

Теперь Бенони ночью шел на северо-запад и спал днем во время жары. Оставив за спиной равнины, он снова попал в гористую местность, обходил холмы и возвышенности там, где это было возможно, и пробирался по горам там, где не оставалось другого выхода. В основном юноша придерживался старой тропы — одной из каменных дорог, давным-давно построенных древними. Когда он достиг места, загроможденного на протяжении нескольких миляй маленькими холмиками из грязи и песка, то понял, что дошел до развалин древнего города. Бенони не стал останавливаться среди руин на ночлег, а шел всю ночь. Он очень нервничал, так как слышал, что духи древних и демоны земли витают где-то в пространстве между развалинами города и могут захватить случайно заснувшего человека.

Бенони не знал, правдивы ли истории о древних людях. Говорили, что когда-то они были столь многочисленны, что заселяли земли на много миль вокруг, пили воду, приводимую по трубам из моря (которое Бенони никогда не видел), летали по воздуху в волшебных повозках, жили до двухсот лет, разговаривали между собой на огромных расстояниях при помощи магических устройств. Также утверждали, что затем древние поссорились и уничтожили друг друга при помощи такого ужасного оружия, от одних рассказов о котором у Бенони бегали мурашки. Или, возможно, более правдива другая история, в соответствии с которой цивилизацию разрушили злые духи земли?

Священники говорили, что утеряны практически все знания древних и что даже книги их уничтожены. Были найдены некоторые части древнего священного писания, повествующие о создании мира, об Адаме и Еве, о скитаниях по пустыне заблудившихся евреев и о Господе Спасителе. Но нашлись лишь отрывки, основная часть писания затерялась. И священникам

Финикса потребовалось полвека, чтобы расшифровать древние тексты. Но даже после расшифровки значение многих слов осталось неясным. Фактически именно споры об интерпретации древних текстов привели к религиозной войне, произшедшей за десять лет до рождения Бенони. Проигравшие войну бежали на запад через пустыню к океану, который, как говорили, существовал где-то за горами.

Бенони не умел читать Найденные Писания. Он родился в семье, принадлежащей к правящему классу общества, получил хорошее школьное образование и умел читать финикийские тексты, которые отличались от письменности древних. Священники утверждали, что хотя алфавит древних во многом похож на древнеегипетский, но значения слов часто совершенно различны. Чтобы освоить древнюю письменность, человек должен был потратить практически целую жизнь, что имело смысл только в случае, если человек этот собирался стать священником. Бенони завидовал власти, которой обладали священники, но собирался стать видным финикийином каким-нибудь другим путем.

С наступлением следующих сумерек Бенони продолжил свой путь. Неделю спустя он наткнулся на отряд всадников, которые появились из-за горы и чуть не застали его врасплох на открытом пространстве. Юноша услышал стук копыт буквально за полминуты до того, как увидел незнакомцев, и успел спрятаться за валуном над дорогой.

На конях ехали странно одетые мужчины — их головы были повязаны тканью, ниспадающей до пояса, всадники кутались в просторные многоцветные рясы. Знаменосец нес белый флаг с изображением золотого улья и вылетающих оттуда больших золотых пчел. Бенони предположил, что всадники — военный отряд из Десерета. Он слышал об этом месте от навахо, с которыми разговаривал на ярмарке во время декабрьско-январского торгового перемирия. Навахо рассказывали, что когда-то белые люди из Десерета жили своим немногочисленным племенем на берегах Великого Соленого Озера, что они исповедуют странную религию, чем-то похожую на религию финикиян. За последние сто лет численность десеретийцев заметно возросла, и они завоевали большие территории на западе.

Бенони с сожалением проследил, как всадники проскаакали мимо. Если бы он принес домой скальп человека из Десерета, то получил бы еще больше славы и почестей.

Продолжив путь, спустя два дня юноша миновал развалины индейской деревни. Все индейцы были мертвы, возможно, они стали жертвами проходившего мимо отряда из Десерета. Увидев, что со всех трупов сняты скальпы, Бенони почувствовал отвращение к десеретийцам. Можно убивать жен и детей вра-

га, поскольку мертвая женщина уже не сможет родить детей: мальчиков, которые могли бы вырасти и пойти воевать, и девочек, которые, став взрослыми, могли бы родить мужчин. Но никакой уважающий себя воин не стал бы снимать скальпы женщин и детей.

Через четыре недели, преодолев огромную горную гряду, Бенони вышел из пустыни и словно попал из одной комнаты в другую. С одной стороны — песок, камни и кактусы. С другой — трава и деревья.

Юноша оказался в стране великих равнин, по которым бежали ручьи, а в некоторых местах протекали небольшие реки. Вдоль воды росло множество деревьев, гораздо больше, чем на равнине. Но и равнинны, по меркам Бенони, представляли собой весьма лесистую местность. Среди деревьев водились стада антилоп, оленей, диких лошадей, крупного рогатого скота и больших кабанов. В небе летали стаи птиц — такие многочисленные, что, пролетая над головой, затмевали небо. Как и следовало ожидать, по лесам бегали стада диких собак, скорее похожих на огромных волков. И, что весьма удивило Бенони, здесь водились львы, которые, как считали финикияне, живут только в горах. Но местные львы были совершенно не похожи на привычных худых облезлых зверей. На равнине водились огромные кошки, весом по крайней мере четыреста фунтов, с толстыми лапами, достигающие от семи до восьми футов от кончика носа до кончика хвоста. Несмотря на гигантские размеры и массивные конечности, львы выглядели как домашние кошки и, возможно, даже являлись их потомками. Здесь, на равнинах, львы превратились в мощных зверей, способных подкрасться и напасть на крупный рогатый скот.

Бенони решил не связываться с такими громадинами. И ночью, хотя и не хотел привлекать внимание людей, развел вокруг себя несколько костров, чтобы львы держались от него подальше.

Зато на него чуть не напали дикие собаки. Как-то на рассвете эти коварные бестии молча вынырнули из-за горизонта — как раз в то время, когда Бенони проснулся. Юноша бежал словно олень, и ему удалось взобраться на дерево, которое, к счастью, росло неподалеку. Он просидел на дереве день и ночь, а собаки все это время выли и прыгали в тщетных попытках урвать человечинки. К утру они наконец-то убежали и Бенони спустился на землю.

На следующий вечер юноша построил себе кровать в ветвях дерева. Прежде чем заснуть, он задумался над тем, что делает. В общем-то, сам того не осознавая, он углубился так далеко на запад, что, вероятно, давно миновал точку, откуда уже пора было возвращаться домой. Ничто не мешало ему вернуться

домой. Но неведомые, поросшие травой горизонты словно манили все сильнее с каждой пройденной миляй. Бенони уже давным-давно собирался остановиться и принять решение — стоит ли идти дальше в поисках новых земель или же возвращаться в Финикс с добытыми скальпами. День сменял день, а он все откладывал окончательное решение. Теперь его интересовало — далеко ли Великая Река, о которой рассказывали отец и священники. Бенони знал, что никто из Долины Солнца не заходил так далеко. После подобного путешествия в одиночку финикияне начнут складывать о нем легенды. Да и сам он сможет рассказывать всякие истории всю оставшуюся жизнь. И, возможно, дети Бенони и Дебры однажды пройдут такой же путь и доберутся даже до Великой Реки.

Дебра! Связала ли она себя обещанием выйти замуж за Вандерта, поскольку Бенони не вернулся, и все думают, что он мертв?

С этими мыслями Бенони заснул. А утром, спустившись с дерева, он решил вверить свою судьбу в руки Господа Иеговы. Тщательно помывшись в протекавшем неподалеку ручье, юноша опустился на колени и стал молиться. Затем он поднялся, вынул нож из ножен и подбросил его высоко в воздух. Отступив на шаг, Бенони наблюдал, как стальной клинок крутится в воздухе, сверкая в лучах утреннего солнца. Если нож упадет лезвием вниз и воткнется в землю, это послужит знаком продвигаться дальше на запад. Если же ударится рукояткой — значит, пора возвращаться в Финикс.

Нож вращался и в конце концов упал рукояткой в траву, отскочил от земли и шмякнулся плашмя.

Бенони положил нож в ножны.

— Иегова, ты показал мне, что я должен делать! — громко сказал юноша. — Но я надеюсь, что не ошибусь, если передумаю. Я собираюсь двигаться дальше вперед. Не стоило мне спрашивать тебя, поскольку в глубине души я уже знал, в какую сторону хочу идти.

Тревожась от того, что проигнорировал предзнаменование, Бенони снова тронулся в путь. Несколько дней он ожидал, что случится что-нибудь ужасное: нападет один из гигантских львов, укусит ядовитая змея, вылетит из-за куста стрела. Но не произошло ничего необычного. И когда минула неделя, Бенони перестал волноваться.

В течение последующих двух месяцев он пережил множество приключений. И всегда ему удавалось избежать ранений или даже смерти. Много раз Бенони прятался, чтобы не столкнуться с людьми. Чаще всего встречались индейцы. Однако четыре раза мимо проходили белые люди. Однажды за юношей снова погналась стая диких собак, и он снова отсиделся на

дереве. А как-то раз из густой растительности, окружающей водоем, вышел лев, и Бенони приготовился драться — не на жизнь, а на смерть, скорее всего собственную смерть. Но лев, не двигаясь с места, лишь спокойно и сыто рыгнул, а юноша продолжил путь.

Несколько дней спустя Бенони обнаружил и долго разглядывал из-за кустов самое странное строение, которое когда-либо видел. Огромная постройка достигала сотни футов в длину и сорока в высоту, широкая середина конусом сужалась кверху. Нижнюю часть конструкции покрывали грязь и песок холма, на котором она стояла. Закругленные стены постройки поднимались из земли таким образом, что становилось ясно, что над поверхностью видна лишь половина конструкции, а другая — находится под землей. Стены сияли в лучах утреннего солнца, словно серебро навахо. Не было видно ни окон, ни дверей, и, чтобы получше осмотреть строение, Бенони обошел его вокруг. Вход, вероятно, скрывали высокие бревенчатые стены и ворота укреплений, открывающие закругленные стены постройки с южной стороны. Другое бревенчатое укрепление, служившее, по-видимому, наблюдательным пунктом, было установлено в центральной части конструкции.

Бенони не осмелился подойти ближе, так как из открытых бревенчатых ворот начали выходить люди. Среди толпы виднелись высокие крепкие мужчины, вооруженные луками и стрелами, копьями и короткими мечами с широкими лезвиями.

Жители странной конструкции были похожи на навахо, только с более широкими, почти без переносицы, носами и складками кожи над внутренними уголками глаз. Из-за таких складок казалось, что все они косят. А когда несколько человек приблизились к Бенони, тот услышал, что эти люди говорят на пронзительном певучем языке, совсем не похожем на язык навахо, так же как навахо не похож на язык мек или инглич.

Бенони понимал, что в закопанном металлическом конусе может находиться множество народа. Узкая бревенчатая пристройка вряд ли вместит всех этих людей, и так они уже стояли вплотную друг к другу. Вскоре мужчины, женщины и дети начали выходить и обрабатывать скошенные посевы. Их было так много, что Бенони пришлось покинуть окрестности этого странного строения.

Он вновь двинулся на запад, по дороге недоумевая по поводу таинственного металлического здания и его обитателей.

Еще через два месяца равнина осталась позади, и Бенони очутился в поросшей густыми лесами холмистой местности, среди затопленных водой оврагов, шумных рек и ярких невиданных птиц. Он миновал развалины недавно сожженной фермы, зола еще сохранила тепло недавнего пожарища. Неподалеку

валялись трупы мужчины, женщины и троих детей. Бенони понял, что попал в страну, где царят другие традиции, поскольку каждый труп был обезглавлен.

Час спустя он наткнулся на следы лошади, ведущие от фермы, но вскоре потерял их. Бенони сказал себе, что не должен следовать за военным отрядом, но любопытство пересилило, и он не смог противиться желанию увидеть тех, кто вырезал семью фермера.

Прямо перед сумерками Бенони увидел впереди свет костра. Медленно и осторожно он пробирался через высокую траву и кусты и к наступлению ночи оказался за деревом всего лишь в двенадцати ярдах от отряда. Увиденное потрясло юношу. Никогда раньше он не видел людей с такой черной кожей, такими толстыми губами и курчавыми волосами. Бенони никогда даже не подозревал, что такие люди существуют. В детстве он слышал и верил в сказки о черных гигантах, живущих далеко на западе на берегах Великой Реки. Эти люди питались человеческим мясом, и родители пугали Бенони, что чернокожие съедят и его, если он будет себя плохо вести.

Конечно, мама явно преувеличивала, рассказывая о двенадцати футовых гигантах, хотя люди у костра выглядели довольно высокими. Тела их украшала красная и белая боевая раскраска, а головы — уборы из длинных белых перьев. На черных шеях висели ожерелья из человеческих рук. Один из мужчин держал шест с человеческим черепом на конце, на земле вокруг лежали мешки, по размеру подходящие для переноски голов.

Бенони долго наблюдал за чернокожими мужчинами, а затем, не в силах сдержать любопытство, подполз поближе, чтобы услышать их речь. Чужой язык звучал почти как язык финикиян, хотя и не совсем. Иногда казалось, что слышится знакомое слово, но Бенони так и не понял, о чем говорят чернокожие. Мужчины смеялись и пили из небольших кувшинчиков, которые, наверное, взяли из сожженного дома. По-видимому, они совершенно не беспокоились о преследовании.

В небе поднялась сентябрьская луна, а черные люди все продолжали смеяться и шутить, пока не опустошили кувшинчики. Побросав пустую посуду в сорняки, они улеглись спать. Одного молодого парня назначили караульным. Вооружившись копьем и коротким мечом, тот устроился в нескольких ярдах от потухшего костра.

Бенони подождал час и стал подбираться к часовому. Он осторожно подполз к клюющему носом парню и вырубил его, ударив ребром ладони по шее. Поймав парня, как только тот начал падать, Бенони осторожно опустил его на землю и заткнул рот чернокожего его же штанами. Ремнем связав руки

за спиной неудачливого часового, Бенони тихо оседлал двух лошадей. Перебросив пленника через спину одного коня, он разрезал путы у второго. Конь тихо заржал, метнулся в сторону, и Бенони замер, ожидая, что проснутся спящие. Но те спали крепким пьяным сном.

Вскочив в седло, Бенони закричал и промчался меж остальными лошадьми, чтобы испугать и разогнать их. Затем он погнал своего коня в лес, не выпуская поводья другой лошади, с которой свисал потерявший сознание чернокожий пленник.

Бенони мчался сквозь ночь так быстро, как только мог, а за спиной еще долго раздавались крики. Через час он перешел на легкий галоп, а еще через час — на шаг. К утру юноша уже находился далеко от места похищения.

К этому времени чернокожий пленник очнулся. Бенони снял его с лошади, стреножил ее и вытащил у пленника изо рта кляп. Потребовалось довольно много времени, чтобы убедить похищенного, что Бенони не собирается убивать его. Как только пленник успокоился, Бенони принялся при помощи знаков изучать незнакомый язык. Дважды он прерывал уроки, чтобы покормить чернокожего. После еды парень немного расслабился.

Бенони начал быстрее усваивать язык, когда понял, что речь чернокожего парня кажется странной из-за замены гласных звуков. Также в языке Жема заглушались все звонкие звуки в конце слов. Там, где Бенони говорил *собака*, Жем произносил *сабакх*. Камень Жем называл *камнх*, а сеть произносил как *сит*. Коня он называл *ко*. Земля в переводе с языка Бенони звучала как *шемл*. Встречались и другие различия. Некоторые слова Бенони вообще никогда не слышал и даже не мог найти какие-нибудь значения для них.

Следующим утром Бенони связал Жему руки спереди и позволил вести лошадь за поводья, но предупредил чернокожего, что если тот попытается бежать, то тут же получит стрелу в спину. Они медленно ехали, пока Бенони практиковался в разговоре на языке Жема. А ночью Бенони рассказал пленнику, почему похитил его, вместо того чтобы убить.

— Мне нужен человек, который расскажет мне об этой стране, — сказал он, — и особенно о Великой Реке.

— О Великой Реке? — переспросил Жем. — Ты имеешь в виду Мсиби? Или, как говорят кайво — Сий?

— Я не знаю названия. Но это величайшая река в мире. Некоторые утверждают, что она омывает край земли. И если переплыть на другую сторону, можно свалиться в бездну.

— Э велика рика мирх, — засмеялся Жем. — Это величайшая в мире река, да. Но на другом берегу тоже земля. Скажи

мне, белый человек, если я отвечу на твои вопросы, что ты сделаешь со мной?

— Я отпущу тебя. Без лошади, конечно. Я не хочу, чтобы ты выследил и убил меня.

— И ты не собираешься отрезать мне голову, чтобы взять ее домой и показать своему народу, своей женщине?

— Нет, — улыбнулся Бенони. — Я думал, не снять ли с тебя скальп. Я бы прославился, показав его в Финиксе, мои соотечественники никогда не видели подобных скальпов. Но ты не навахо, и у меня нет причин убивать тебя. Если только ты сам не дашь мне повод.

— Нет, — нахмурился Жем, — даже если я принесу твою голову домой, ничего хорошего из этого не выйдет. Я опозорен, так как ты похитил меня. Ни один мнгумва не может вернуться домой, если оказался таким трусом, что попал в плен. Если мнгумва сражается в битве, он или умирает, или бьется до победы.

— Ты имеешь в виду, что твой народ не примет тебя? Почему? Ведь все произошло не по твоей вине!

— Это не играет никакой роли, — глухо проговорил Жем, покачав головой. — Если я попытаюсь вернуться домой или в отряд, меня забьют камнями до смерти. Никто даже не станет марать моей кровью меч.

— Может, лучше бы тебе умереть, — сказал Бенони. — Человек, не имеющий дома, — не человек. А твой скальп... такой шерстистый.

— Я не хочу умирать! — воскликнул Жем. — По крайней мере не как пленник, со связанными за спиной руками. Другое дело — принять смерть в бою. И мне так грустно, ведь я никогда уже не увижу свою жену. Но я хочу жить.

— Ты можешь пригодиться мне, — сказал Бенони. — Я не знаю эту землю. Но с какой стати я должен доверять тебе?

— А ты и не должен, — ответил Жем. — Да и я не собираюсь тебе доверять. Но если мы станем кровными братьями...

Бенони спросил, что такое — кровные братья, и Жем объяснил. Неотрывно смотря пленнику в глаза, Бенони думал. Чернокожий парень заерзal, нахмурился, затем улыбнулся.

— Хорошо, — в конце концов сказал Бенони. — Мне не нравится, что я должен сражаться за тебя, что бы ты ни делал. Я не знаю тебя. Может, ты предпримешь что-то, за что я не захочу защищать тебя...

— Ты будешь моим старшим кровным братом, — сказал Жем. — Я буду подчиняться тебе во всем, если только ты не сделаешь что-то бесчестное.

— Ну ладно, — решился Бенони и потянулся, чтобы сделать разрез на руке Жема и наложить свою рану на рану кров-

ногого брата... их кровь была красной. Бенони думал, что кровь чернокожего окажется черной, и эта мысль удерживала его от принятия предложения Жема. Ему совсем не хотелось стать наполовину черным.

Теперь он вспомнил, что даже в жилах некоторых очень темных навахо текла красная кровь — такая же, как у финикиян.

Жем нараспев произнес какие-то слова, но так быстро, что Бенони только частично уловил смысл сказанного. Новоиспеченные братья замазали раны глиной, и Бенони развязал Жема. До сего момента Бенони не доверял Жему. Он со страхом наблюдал за чернокожим, когда тот резал ему руку, опасаясь, что Жем попытается заколоть своего похитителя. Одно неверное движение — и нож бы вонзился в черную спину. Жем, вероятно, понимал это, так как двигался очень медленно.

Они вновь вскочили на коней и тронулись в путь. Жем рассказал, что до Мсиби два дня пути на лошадях. Страна Мсиби принадлежит белому народу экунсах. На северо-западе живет великий народ кайво. Столица Кайво расположена в месте слияния рек Мсиби и Йо. На языке кайво эти реки называются *Сий* и *Хайо*. Кайво — могущественный народ, живущий в огромных домах и замках, строящий дороги из гладких камней, располагающий велиkim флотом и армией. Совсем недавно они одержали победу над Сенглви, вырезав всех жителей этого города. И теперь кайво намереваются начать войну против великого города Скего. Когда-то небольшой город Скего, расположавшийся на берегах моря Мийс, разросся и начал расширять свои владения в сторону юга, по направлению к Кайво.

— Я хочу увидеть этот великий город, — сказал Бенони, задумавшись над тем, составляет ли территория Кайво хоть половину Финикса. — Сможем ли мы добраться туда целыми и невредимыми, так, чтобы нас по дороге не убили и не забрали в рабство?

— Я думаю, что мы можем отправиться туда и завербоваться в иностранный легион, — ответил Жем. — Если мы станем сражаться за Кайво, то сможем награбить множество всякого добра. И женщин. Если мужчина служит в иностранном легионе пять лет, он становится гражданином Кайво. За это стоит сражаться. Чтобы вновь обрести дом.

— Я не возражаю против того, чтобы пойти служить в легион, если потом нам позволят уйти оттуда, — сказал Бенони. — Ведь когда-нибудь я должен вернуться домой.

— Ты сможешь дезертировать в любой момент, — пожал плечами Жем. — Но ты не войдешь в страну как свободный человек, пока не вступишь в легион.

Спустя два дня братья направили своих лошадей назад, к вершине высокого холма. Внизу текла Мсиби, или Сий, —

Великая Река. Бенони долго в изумлении смотрел на нее. Никогда раньше он не видел столько воды. Ширина реки составляла, вероятно, по крайней мере две мили, а может, и больше. Бенони почувствовал благоговейный трепет. Река была похожа на гигантскую змею, змею из воды, которая, конечно, таила множество опасностей.

— Я не зря прошел полмира, чтобы увидеть такое, — сказал Бенони. — Добра ни за что не поверит, когда я расскажу ей о Великой Реке.

— *Отц сих фот*, — сказал Жем. — Отец всех Вод. Хочешь поехать в Кайво, старший брат?

— Да! И я прямо сгораю от нетерпения, — сказал Бенони.

Братья двинулись на север вдоль берега Великой Реки. Через полдня они вышли к ухабистой грязной дороге и поехали по ней, обогнув сначала обнесенную частоколом деревню. Жем сказал, что лучше пока не заходить в населенные пункты, хотя на пути встретится еще множество ферм и поселков. Вскоре они должны натолкнуться на военный форт. И тогда все происходящее окажется в руках Великого Черного Бога.

Бенони был потрясен, услышав подобное. Он всегда считал, что Иегова — белый. Но теперь подумал, что на самом деле никогда не видел Иегову. И не знает никого, кто бы видел Его. А потому неизвестно, как Он выглядит.

Бенони и Жем пересекли границу Кайво недалеко от линии передовых пограничных фортов. Жем рассказывал, что форты расположены вдоль всех главных дорог империи. Солдаты неизбежно заметят неизвестных путников. Поэтому лучше всего пойти и самим представиться в первом же форте, который попадется на пути.

Полдня братья гнали лошадей и наконец-то оказались у цели. Они подъехали к небольшой долине, вход в которую заграживала стена высотой двадцать футов, построенная из зацементированных валунов. Стражи, стоящие у железных ворот, спросили пароль. Жем, нерешительно говоря на языке кайво, спросил, как увидеть офицера охраны. Позвали еще двух солдат, которые провели прибывших через ворота. Бенони и Жем подъехали к большому каменному зданию и слезли с лошадей. Их провели в здание, и, пройдя несколько комнат, братья наконец предстали перед комендантом форта.

Капитан оказался крупным черным мужчиной с широким носом, толстыми губами и курчавыми волосами, закрывающими сзади шею. Он носил сияющий стальной шлем с серебряной чеканкой, украшенный сверху пучком окрашенных в алый цвет конских волос, панцирь, отлитый точно в соответствии с его мощным торсом, зеленую юбку в складку и желтые гетры. Комендант спросил, что нужно двум странным путникам. Бенони

понимал некоторые слова, но не мог уловить общий смысл. Жем перевел.

Затем Жем рассказал, что сам он — из королевства Мнгумва. А кровный брат пришел из места, о котором никто не слышал. Называется это место Финикс, и лежит в центре огнедышащей пустыни в тысяче или более милях к юго-востоку.

Капитан Вийя с интересом посмотрел на Бенони. Затем он поднялся из-за стола, обошел Бенони, разглядывая его, засмеялся и сказал что-то Жему.

— Он говорит, что никогда не видел человека, у которого кожа на пятках подобна железу, — перевел Жем. — Он говорит, что твое имя должно быть не Райдер, что переводится как всадник, ведь на твоей заднице нет мозолей. Тебе бы следовало дать имя Железные ноги.

— Так вы, ребята, хотите вступить в иностранный легион и сражаться за славу Кайво и пфез Лезпет? — спросил капитан. — Что за преступления вы совершили, если бежите из родных стран?

Жем рассказал историю, как Бенони взял его в плен, при этом не обмолявшиесь и словом об убийстве фермера и его семьи. Также он объяснил причины нахождения Бенони в окрестностях Кайво.

— Странная история, — сказал капитан. — К тому же подозрительная. Если бы ноги твоего кровного брата не затвердели словно железо, я бы очень засомневался в правдивости услышанного. Однако мы еще посмотрим. Вас сопроводят в столицу, возможно, атспика заинтересуется вашей историей. Он приказал, чтобы всех чужестранцев из неведомых земель приводили для допроса во дворец. Не знаю почему, но меня это и не касается.

Комендант приказал братьям сдать оружие. Завтра под конвоем они отправятся в столицу. Там они смогут поступить новобранцами в иностранный легион. Если Бенони и Жем хорошо обучатся и станут настоящими воинами, то их приведут к присяге. Нерадивых же учеников обычно продают в рабство. А тем, кто после вступления в легион дурно себя ведут, могут отрезать головы и посадить на шест.

Бенони не совсем понял значение этого последнего замечания. На следующий день его посадили в стоящую на повозке клетку, и повозка тронулась по ровной широкой дороге, выложенной из огромных каменных плит. И тогда Бенони стало все ясно. По обеим сторонам дороги, через каждые двадцать футов, стояли десятифутовые деревянные шесты, увенчанные черепами или же человеческими головами, находящимися в различных стадиях гниения. Вокруг летали или же сидели на макушках вороны, вырывая куски плоти. На протяжении всех дорог,

в сотнях миль от столицы, скалились черепа и таращились пустьми глазницами головы. Большинство голов когда-то принадлежали чернокожим людям.

— Пятая Армия привезла назад тысячи пленников, когда нанесла поражение нарушившим границы варварам джуджу, — сказал один из заключенных, сидящий рядом с Бенони. — Многих продали, но более половины обезглавили. Мы не могли позволить себе, чтобы в Кайво работали столько дикарей. Если бы они подняли бунт, возникла бы масса проблем. Мы еще не забыли о революции рабов шесть лет назад.

— Кайво, — с гордостью добавил говоривший, — действительно могущественные, отчаянные люди. Когда Первая, Вторая и Четвертая Армии штурмом брали Сенглви, Пятая нанесла поражение джуджу на юге. А Третья выследила и уничтожила речных пиратов хайо.

Очарованный и изумленный увиденным, Бенони долго рассматривал шесты с человеческими черепами — молчаливое подтверждение могущества Кайво. Повозка же продолжала двигаться и въехала в сельскую местность. Вдоль дороги стало встречаться все больше ферм, которые располагались ближе друг к другу. Конструкция фермерских домов и амбаров в основном была одинаковой: очень крутые двойные крыши, отсутствие окон на первом этаже, узкие окошки на втором, трех- или четырехэтажная каменная башня неподалеку от каждой фермы, служащая для наблюдения за окрестностями. Двор перед каждой фермой украшал высокий деревянный резной шест с изображениями людей и животных. И каждый шест заканчивался двуглавым волком — покровителем Кайво.

По мере приближения к Кайво деревни встречались все чаще, каждую из них окружали высокие каменные или деревянные стены с многочисленными смотровыми башнями. Там и сям на вершинах холмов были разбросаны небольшие каменные форты. Как оказалось, в таких маленьких крепостях проживали кефлви — аристократы — вместе со своими семьями и солдатами.

Дорога извивалась, повторяя контуры Великой Реки, называемой жителями Кайво Сий. По реке Сий плыли сотни лодок, в основном — торговые, но попадались и военные. Некоторые суда просто сплавлялись по течению, но большую часть приводили в движение весла гребцов.

Бенони, как мог, попытался поговорить с другими пассажирами повозки. Большинство из них составляли преступники, направленные в суды столицы. После рассмотрения дел судьями Кайво осужденных ожидали либо каторжные работы на галерах или рудниках, либо специальный рабочий батальон армии.

Когда повозка приближалась к столице, Бенони уже частично мог говорить на кайво, поскольку разговор происходил на самом простом уровне.

К вечеру четвертого дня повозка проехала через знаменитые Львиные Ворота. Бенони с изумлением осматривал огромные, построенные из блоков известняка, возвышающиеся на сто футов статуи бородатых львов, охраняющих въезд в город.

— *Дху въя*, — сказал он сидящему рядом парню. — Эти гиганты — лишь плод фантазии, или бородатые львы действительно существуют?

— *Же*, — ответил парень. — Да, я видел их. Эти хищные кошки похожи на львов, обитающих на великих равнинах, лежащих на западе, но только они немного меньше, и как у самцов, так и у самок есть темно-красная борода. Живут бородатые львы в северных лесах, где-то между Кайво и Скего. Но также водятся и в лесах на востоке.

Бенони продолжал изумленно осматривать широченные улицы, здания, достигающие шести этажей в высоту, толпы народа, каких он не видел даже во время Ярмарок Перемирия в Финиксе.

Повозка проехала по улице Победы, шириной двести ярдов, и очутилась на Кольце Волка, располагающемся в самом центре города. Посреди Кольца стоял тридцатифутовый постамент с четырьмя гранитными статуями, изображающими легендарных основателей Кайво: великана Рафа, его подругу — двуглавую древесную волчицу Бийча, и их сыновей — Кай и Во.

Как повествует религия Кайво, волчица родила двухголового младенца. Повзрослев и возмужав, Кайво сразился с главным врагом человечества — гигантским каннибалом Лу с берегов Северных морей. Лу мечом разрубил Кайво, и тот умер. Но мать Бийча оживила обе разъединенные половинки сына. Став двумя отдельными существами, братья вновь вступили в сражение с Лу, убили его и закопали на том самом месте, где теперь стоит статуя. Затем они построили город, предсказав перед смертью, что Кайво, тогда еще небольшой городок, когда-нибудь разрастется и превратится в столицу, правящую миром.

Вокруг Кольца Волка располагались *Ворц Пфези* (Дворец Президента), Замок Первейших (колоссальная пирамида с плоской вершиной), а также множество правительственные зданий. Миновав Кольцо и проехав еще около мили, повозка остановилась около въезда в легион Кайво. Бенони и Жема привели в барак и передали в распоряжение крепыша-сержанта, который отвечал за перевоспитание неотесанных дикарей в дисциплинированных солдат.

Бенони думал, что его сразу вызовут к *атспике* (спикеру Палаты Кефлви). Но проходили недели, от рассвета до заката новобранцы были заняты строевой подготовкой, оружейными уроками, идеологической обработкой, парадами, чисткой и заточкой оружия. Но черную работу, типа готовки пищи, выполняли рабы.

Дни становились короче, а ночи — холоднее. Бенони спросил Жема о зимах. Юноша знал, что такое сильный холод и обилие снега. Все молодые люди из Финикса проходили закалку, проводя несколько зим в горах, далеко на северо-западе от родного города. Но Бенони совершенно не нравилось мерзнуть, и перспектива отправиться на учения в какой-нибудь отдаленный заснеженный лес заставляла его задуматься о дезертирстве. Ведь он не принесет Финиксу никакой пользы, поехав на подобные учения.

Жем заявил, что, когда он был еще очень маленьким, девочка рассказывала об одной очень холодной и снежной зиме. Но теперь зимы становились все теплее. И если все более умеренная погода станет еще умеренней, вряд ли люди смогут с уверенностью распознать, когда кончается лето и начинается зима.

Конечно, Бенони еще увидит снег и немного поморозит свою попу ночью во время учений. Но все не так страшно.

Через несколько недель после этого разговора рекрутам предоставили короткий отпуск. Перед тем как они покинули стены, окружающие территорию легиона, сержант Гийфа дал точные инструкции о том, что дозволено, а что нет. Особо остановившись на ограничениях в действиях рекрутов, Гийфа очень подробно расписал, что случится, если легионеры сбоятся с пути истинного, выйдут с дозволенной территории и поведут себя как неотесанные новобранцы-отпускники. В зависимости от тяжести проступка наказания варьировались — от легкой порки из десяти ударов хлыстом до обезглавливания. Хотя лишиться головы гораздо приятнее, чем быть зажаренным на медленном огне. И все в таком роде.

Гийфа сообщил, что, если отпускники хотят действительно разгуляться и выпустить до сих пор сдерживаемые порывы души и тела, им не стоит уходить дальше набережной Фунах. Жители этого района — бедняки, моряки, иностранные купцы, торговцы и бывшие рабы — более-менее терпимы к необузданным действиям дикарей. К тому же преступления, совершенные там, не имеют такой тяжести, как в каком-либо другом месте. При условии, конечно, что не затронут и не ранен какой-либо высокопоставленный или богатый гражданин Кайво.

— Как ты думаешь, все, чем грозился Гийфа, — правда? — спросил Бенони Жема, когда они наконец покинули барак.

— Надеюсь, что мы никогда не узнаем этого, — ответил Жем. — Но ты же понимаешь, что власть и сила всегда в руках того, кто держит хлыст. И десятью ударами Гийфа вполне может снять каждый дюйм кожи с твоего тела.

Бенони достал из кармана полученное жалованье. Двадцать новеньких шестиугольных стальных монет с изображением орлиного профиля пфеза Кайво на одной стороне и двуглавого волка и лучистого глаза бога Кайво, Первейшего, — на другой.

— На эти деньги особо не разгуляешься, — сказал Бенони.

— Когда мы сбежим из легиона, то всегда сможем поживиться за счет какого-нибудь пьячужки, — сказал Жем. — Так просто поймать забулдыгу на темной аллее.

— Но это же воровство! — возмутился Бенони.

— Ты же ведь не имеешь ничего против того, чтобы обчистить врага, правда?

— Но ведь мы — гости Кайво, каковы бы ни были цели нашего пребывания здесь, — возразил Бенони. — А гости не обкрадывают хозяев.

— Нет, мы — пленники, — заспорил Жем. — Хотя и по своей воле, но ведь по-другому невозможно попасть в Кайво. Если бы мы сказали пограничникам, что хотим просто посмотреть город, нас бы арестовали. Теперь мы должны служить на благо этой страны, хотя Кайво — враг моего и твоего народа. Не забывай об этом. Когда Кайво завоюет Скего, то начнет посматривать на юг, в поисках новых территорий. А когда и юг будет покорен, Кайво направится на завоевание твоей пустынной страны, если посчитает это нужным.

— Все, что ты говоришь, — правда. Но раз я получил в Кайво жалованье, буду служить этой стране, — сказал Бенони. — А потому я не стану воровать.

— Странные идеи у тебя, Железные ноги, — пожал плечами Жем. — Но ты — мой старший кровный брат. Если ты говоришь, что грабителями мы не станем — так тому и быть. Но это также означает, что мы не сможем повеселиться всласть.

— А как ты хотел веселиться?

— В моей стране изготавливают неплохое пиво, — сказал Жем. — Но, насколько я слышал, пиво в Кайво еще лучше. И у них есть какой-то напиток под названием *вей*, который делают из винограда, — сладкий и вызывающий головокружение. Также я слышал о гораздо более крепком напитке, называемом *вхийси*. Человек, выпивший полбутылки этого вхийси, чувствует себя всемогущим богом.

— Я никогда не пробовал ничего подобного, — сказал Бенони. — В нашей стране пьют *кйлах*, называемый на языке мек *такил*. Есть у нас и *пак*, но эти напитки употребляют только мужчины и только во время религиозных церемоний. А мне вообще запрещено даже пробовать что-то подобное, до тех пор пока я не вернусь в Финикс и не принесу скальп, снятый с врага.

— Но ты как-то рассказывал о пиве.

— Пиво привозят нам на Ярмарки Перемирия люди из Мек, — ответил Бенони. — Но я заметил, что люди, пьющие пиво, страшат одышкой и у них отрастает толстый живот. Это не для меня.

— *Гехсак!* — Жем всплеснул руками и закатил глаза. — Тогда для тебя остаются только женщины. Это, конечно, не плохо, но денег у тебя хватит только на одну женщину и на один час — если захочешь!

— Во время церемонии конфирмации я дал Иегове клятву воздержания, — покраснев, сказал Бенони. — Я не собираюсь обманывать своего бога.

— Но, но... твой бог очень далеко, — Жем посмотрел на Бенони как на какого-то идиота.

— Мой бог видит все, — ответил тот. — А даже если и нет, я же дал клятву.

Жем разразился громким смехом и долго хохотал, притопывая и хватаясь за живот.

— Так, значит, все юноши в вашей стране остаются до седьмь девственниками? Так? — спросил он, когда наконец пришел в себя.

— Некоторые нарушают свою клятву с рабынями, — пробурчал Бенони, вспоминая истории, которые рассказывали о Джоеле и некоторых других парнях. — Но если это откроется, порка неминуема. И тогда клятвопреступникам придется жениться на вольноотпущеных рабынях, потому что ни один благочестивый отец не позволит дочери выйти замуж за такого человека. И...

— Хватит, не рассказывай мне больше ничего, брат, — сказал Жем. — Ты пугаешь меня. Твои люди, наверное, бесчеловечны, если заставляют молодых, пылающих от страсти юношей игнорировать зов природы.

— Об этом нас просит наш бог, — подавленно ответил Бенони.

— Ваши души, наверное, затвердили так же, как подошвы ваших ног, — сказал Жем и снова засмеялся. — Ладно, не обращай внимания, пошли в Фунах. Только не проси, чтобы я подчинялся странным законам твоего странного бога. Или, —

с тревогой продолжил он, — не опозорю ли я своего брата, если последую традициям моего народа?

— Когда ты смешал свою кровь с моей, то поклялся только сражаться за меня, как и я — за тебя, — сказал Бенони. — Так что делай что хочешь. В конце концов, не стану же я просить тебя не есть, например, мясо, если это запрещено делать мне.

Какое-то время братья шли молча, внимательно разглядывая здания и людей на улицах. К полудню они пришли в район Фунах. Одежда и речь прохожих здесь были еще более экзотичны, чем в районе, населенном гражданами города. Пройдя всего лишь квартал, Бенони и Жем услышали обрывки фраз на трех языках, не поняв из них ни слова, увидели человека в огромном тюрбане, маски на лицах и длинные бороды, женщин с кольцами в носу; некоторые люди носили шлемы с рогами быка и шкуры животных, лица же других покрывали белые, зеленые и красные татуировки.

— Кайво расположен в месте слияния двух великих рек, — сказал Жем. — Отец всех Вод, несущий свои воды с севера на юг и разделяющий мир на две половины. И Хайо, протекающая с востока на запад, делящая мир пополам до слияния с Мсиби. Далеко на востоке живут два могущественных народа: ийква и джинья. Но они живут слишком далеко, чтобы воевать с Кайво. То есть пока что это далеко. Но ийква и джинья присылают в Кайво по реке Хайо свои товары. И даже ского, воюющие с Кайво, используют для торговли Мсиби и реку Люван. Народ ского властвует в море Мийс, а в других Северных морях правит народ сканава.

А вот и сканавец, — Жем указал на высокого широкоплечего мужчину с длинной красной бородой и в шлеме с бычьими рогами. — Говорят, двести лет назад эти люди перешли Великую Реку далеко на востоке и опустошили страну Канук на севере. Они говорят на языке, который ты еще не слышал. Утверждают, что река, через которую переправились сканавцы, еще шире, чем Мсиби, но я этому не верю. Все знают, что Мсиби — Отец Вод, а остальные реки — его дети.

Неподалеку от набережной братья увидели здание с вывеской на дверях. На доске красовалась грубо нарисованная картина, изображающая странное создание — наполовину петуха, наполовину быка.

— Если видишь на вывеске *либух*, — сказал Жем, — значит, перед тобой двери таверны. Пошли.

Чувствуя себя очень неуверенным и немного виноватым, Бенони пошел вслед за Жемом в таверну. Они спустились по шести ступеням вниз и оказались в комнате шириной пятьдесят на семьдесят футов, с низким деревянным потолком. Оказавшись

после солнечной улицы в полумраке, братья сначала с трудом различали обстановку. Солнечные лучи попадали в комнату только через два небольших окошка, и, хотя на столе в центре комнаты горели несколько ламп, свет еле пробивался через густые клубы табачного дыма.

— Здесь воняет, — сказал Бенони, втянув носом запахи табака, пива и ликера.

— А мне нравится, — ответил Жем. Он подошел к бару, положил на прилавок одну из своих монет и купил пять сигар. Следующую монету он потратил на большую каменную кружку, наполненную темным пивом.

Бенони отказался от предложенной сигары. Жем пожал плечами, поднял тяжелую кружку и начал пить. Он пил и пил. Его кадык поднимался и опускался, поднимался и опускался. И пока огромная кружка не опустела наполовину, Жем не поставил ее. Затем он громко рыгнул.

— С такой скоростью ты потратишь все свои деньги до захода солнца, — хмыкнул Бенони.

— Что поделать. Пока мы прозябали в бараках, меня просто замучила жажда. Давай присядем. Нас еще ждут прекрасные девочки.

Бенони был совсем другого мнения о девочках. Слишком старые, ни одна из них не была моложе двадцати шести лет, а большие отвисшие груди и разбухшие животы говорили о чрезмерном употреблении пива. Бенони почувствовал угрызения совести, вспомнив о прекрасном лице, ясных глазах и изящной фигуре Дебры Аврез.

— Выпей пива, — сказал Жем, увидев гримасу брата, — и тогда все они покажутся тебе королевами.

Бенони покачал головой и подумал, что ему, наверное, придется просидеть в этом месте весь день и, возможно, полночи. Такое времяпрепровождение абсолютно не радовало его. Юноше хотелось выйти на улицу, подышать свежим воздухом и побродить по улицам, увидеть чудеса столицы. А заодно найти слабые места в укреплениях города, просто на случай, если соотечественники айзонах когда-либо соберутся штурмовать Кайво. Фантастическая идея, надо признаться, но он видел столько всего странного, с тех пор как покинул Финикс.

В конце концов Бенони решил, что, по крайней мере, можно поесть. Он позвал официантку и попытался заказать что-нибудь. Но официантка спросила, не хочет ли гость, прежде чем заказывать еду, сначала пройти наверх. И юноша внезапно забыл все слова и названия блюд, которые собирался заказать.

Увидев залитое краской лицо Бенони, Жем рассмеялся и сказал женщине, что они хотят поесть.

Бенони страшно захотелось уйти. Не только потому, что он чувствовал отвращение ко всему окружающему, но и потому, что Жем смеялся над ним и, возможно, сомневался в его мужественности. И все же Бенони остался, так как не хотел, чтобы Жем считал своего кровного брата трусом.

Через несколько минут официантка поставила перед Бенони деревянную чашку с бифштексом, жареной картошкой и салатом из латука, помидоров и лука. Рот Бенони наполнился слюной, и он принял разрезать мясо. Но юноше так и не удалось положить нежный сочный кусок в рот. Только он насадил мясо на вилку, как услышал голос за спиной. Громкий голос, говорящий на кайво с ужасным акцентом.

— Джоел! — выдохнул Бенони и бросил вилку в чашку.

Поднявшись с кресла, он повернулся и увидел Джоела, стоящего у подножия лестницы. Джоел моргал, привыкая к тусклому освещению в таверне. Куртка из шкуры рыжей рыси и шлем, сделанный в виде рысьей головы, говорили, что Джоел посвящен в солдаты дикарей Пхясот (Пятой Сотни). Ножны Джоела пустовали, ибо никому в пределах городских стен не разрешалось носить оружие, за исключением солдат и членов кефлви. Компаньоны Джоела, четверо здоровых мужиков, тоже подслеповато моргали.

Не в силах что-либо сказать, Бенони, рыча, бросился на Джоела. Вынырнув из сумрака и табачного дыма, он бросился на ненавистного врага, схватил его обеими руками за горло, и тот опрокинулся на спину, прямо на каменные ступеньки.

— Бенони! — задыхаясь, произнес Джоел, и лицо его искалилось, покраснев под двумя душащими ладонями.

Он бы, вероятно, удивился не намного больше, если бы увидел Иегову.

Бенони ринулся вперед и вмазал Джоела затылком по краю ступеньки, поднял его и снова стукнул о ступень.

В тот же момент лицо Джоела поплыло у Бенони перед глазами, и он почувствовал, как тяжело падает рядом со своим врагом. Посмотрев вверх, юноша увидел одного из дружков Джоела, стоящего рядом, с каменной кружкой в руках. Невзирая на помутневшее сознание, Бенони понял, что этот человек ударил его кружкой по макушке. Голова стала влажной, что-то стекало по лицу, но Бенони не знал, что это: кровь, сочащаяся из раны, или расплескавшееся пиво. Да и какая разница, оглушенный, он уже был не в силах защитить себя. Мужчина снова занес тяжелую кружку, чтобы обрушить ее на голову Бенони.

И тут замахнувшийся покачнулся, выронив каменную посудину из рук. На пол со стуком упали две другие кружки. Одну из них Жем мастерски запустил в шею атакующего. Тот стал

валиться, падая на Джоела, который вновь ударился головой. Бенони, к которому наконец начали возвращаться чувства, перекатился на бок, подальше от ступенек, и схватил кресло за ножку.

В то же время Жем переместился к оставшимся трем друзьям Джоела. Одного он пнул между ног, другого — ударил локтем под подбородок, а третьего — на ощупь схватил за запястье. Поворачиваясь, Жем перекинул беднягу через спину и с размаху шарахнулся об пол. Но как только Жем разогнулся, какой-то посетитель таверны, который, вероятно, даже не знал, из-за чего началась вся эта заварушка и кто же побеждает, нанес Жему кулаком удар в челюсть. Тот покачнулся, а новый участник драки, явно просто желающий поучаствовать в общем скандале, продолжал наносить удар за ударом и в конце концов промахнулся.

Прежде чем Жем смог как-то отреагировать, еще какой-то мужчина зажал правой рукой шею вмешавшегося любителя подраться, а левой принялся тузить его в лицо.

Этого было достаточно. Через несколько секунд дрались уже все мужчины, находившиеся в таверне.

Бенони вскочил на ноги, как только Джоел снова с ожесточением бросился в атаку. Он обрушил кресло на спину Джоелу, но тот плечом уперся Бенони в живот, поднял его в воздух и нес до тех пор, пока не вмазал в стену.

У Бенони аж искры из глаз посыпались и перехватило дыхание.

Джоел не только ударил об стену соперника, но и сам по инерции сильно врезался головой в каменный свод. Оба с грохотом рухнули на пол.

В следующий момент перед Бенони замаячила огромная фигура — Джоел, поднявшись первым, занес ногу в сандалии, чтобы нанести своему недругу удар по ребрам, но тут же свалился на пол. Это Жем, подойдя со спины, сильно пнул Джоела по лодыжке, а затем треснул по ребрам и снова опрокинул на спину.

И вдруг из клубов дыма вынырнула чья-то фигура и потянула Жема на пол вперед лицом. Бенони наконец поднялся на ноги, схватил стул и обрушил его на мужчину, оказавшегося на Жеме. Мужчина моментально прекратил попытки согнуть и сломать шею Жема и обмяк.

Бенони быстро повернулся, чтобы видеть Джоела, и обнаружил, что тот снял ремень и держит его за один конец, готовясь использовать в качестве хлыста. Пряжка ремня, заостренная, вероятно, специально для таких случаев, исполосовала бы Бенони словно бритва, если бы попала по телу.

Бенони развязал ремешок вокруг подбородка и снял стальной шлем. Увидев, как Джоел замахнулся пряжкой ремня, чтобы нанести удар, Бенони швырнул шлем в лицо своему недругу. Сверкающий шлем лишь скользнул по макушке Джоела, так как тот успел увернуться. Но прежде чем Джоел успел прийти в себя, Бенони уже оказался верхом на нем, вне пределов досягаемости отточенной пряжки. Он ударил Джоела в лицо, почувствовав, как кулак врезается в мощную челюсть, и оказался в крепких объятиях Джоела. Руки Бенони были прижаты к бокам медвежьей хваткой.

— Я сломаю тебе спину, ты, любитель кулачного боя, — прошипел Джоел. — Какого черта ты оказался здесь?

— Я бы и в аду тебя нашел, — прорычал в ответ Бенони.

— Да что ты сейчас сможешь сделать? — и Джоел начал давить.

Бенони, судорожно соображая, как выбраться из железных объятий, попытался поднять колено, но Джоел слишком хорошо знал приемы ближнего боя, чтобы допустить такую уловку. Бенони начал бить головой по подбородку Джоела, но через пару мощных ударов почувствовал, что слишком близок к нокауту, и остановился. Тогда он стал раздирать шею Джоела зубами, рвать кожу и почувствовал вкус крови во рту. Но Бенони не хватило воздуха, и ребра грозили вот-вот сломаться. Сознание его затуманилось. Если он сейчас же не предпримет что-либо, то умрет у Джоела в руках. А уж в этих руках ему совершенно не хотелось умирать.

Вдруг руки разжались, и Джоел попятился к стене, направляемый острием ножа, утыкающимся ему в живот.

Бенони повернулся и увидел, что таверну заполонили вооруженные солдаты, шлемы которых украшали чучела ястребов. Гражданская полиция.

Вместе с другими скандалистами Бенони вывели из таверны и позволили прислониться к стене и перевести дыхание, пока полиция ожидала повозку, которая должна была повезти преступников в тюрьму. К прибытию повозки Бенони уже очухался настолько, чтобы встать и спросить Жема, в порядке ли он. Курчавая голова Жема была залита кровью, но он засмеялся и ответил, что эта драка — нечто гораздо лучшее, чем полная кружка пива и женщина.

Бенони забрался в большую клетку, стоящую на повозке, и сел. Джоел вскарабкался последним и, как только захлопнулись двери клетки, толкнул Бенони. Тот отклонился, занес ногу и своей твердой, как камень, подошвой врезал обидчику прямо в челюсть. Джоел попятился, тяжело рухнул на пол и остался лежать без сознания, тяжело дыша. Он пришел в сознание лишь

тогда, когда повозка остановилась около тюремной башни, злобно зыркнул на Бенони, но не стал опять драться.

Один за другим пленники вышли из повозки, их сковали за запястья в длинную цепь и повели в управление. Там идентифицировали личности заключенных, обыскали, отобрали деньги и развели по отдельным камерам.

— Хорошо, что мы военные, — прошептал Жем Бенони прямо перед тем, как они очутились за решеткой. — Если бы мы были гражданскими лицами, нас бы отправили в так называемую берлогу. Редкий счастливчик выходит оттуда живым. Там профессиональные преступники бьют всех, кто под руку попадется, могут убить — просто потому, что остальные — не профессионалы. Эти бандиты сговариваются и нападают или дожидаются, когда намеченные жертвы засыпают, и истязают их ночью.

Бенони был голоден, но с трудом смог есть, когда увидел чашку с маисовой кашей — ужином и завтраком одновременно. Кашу покрывала голубая плесень, при виде которой казалось, что по дну чашки ползают черви. Но юноша заставил себя заглотить эту гадость, так как очень нуждался в силах для завтрашнего утра.

На рассвете он проснулся от бряцанья дубиной по звеньям сковывавшей узников цепи. Бенони успел сжевать жалкие крохи пищи, оставшиеся с ужина, а затем его вместе с остальными пленниками (шестерыми мужчинами, не успевшими сбежать через черный ход таверны) повели к судье.

Судья, крупный седовласый мужчина с лицом, похожим на львиное, был одет в алую рясу и зеленую треугольную шляпу. В руке он держал жезл с наконечником в виде двух львиных голов. Судья сидел на возвышении за большим столом, а за его спиной стояли на страже два копьеносца.

Никому из заключенных не дозволялось признать себя виновным или невиновным. Полицейский зачитал обвинения; судья попросил капитана отряда, проводившего арест, опознать виновных.

— В соответствии с законами Кайво солдаты, совершающие преступления вне службы, находятся под моей юрисдикцией, — сказал судья. — Без сомнения, вы виновны в пьянстве, хулиганстве и повреждении имущества частного лица. Поэтому если вы не можете оплатить ущерб, составляющий шестьсот *офф*, а также не в состоянии уплатить штраф в размере шестьсот *офф*, итого тысяча двести *офф*, то понесете наказание по всей строгости закона.

Наказание за ваш проступок — порка из тридцати ударов и потеря статуса свободного человека. Для оплаты нанесенного ущерба вы будете проданы как рабы. И за каждый недоста-

ющий *офф*, сверх вырученной от продажи суммы, вы прослушите рабами дополнительно год. Соответственно, после порки вас передадут в распоряжение военным для официального разжалования и понесения любого наказания, которому вас подвергнут до продажи в рабство.

Шестеро узников беспомощно посмотрели друг на друга. Деньги у них забрали еще до того, как поместили в камеры. Сумму изъятого записали и сказали, что отдадут обратно — за вычетом платы за питание и проживание в тюрьме — после освобождения.

Бенони хотел было возразить, что деньги-то им не вернули, но Жем толкнул его локтем в бок. Бенони вздрогнул, посмотрел на Жема. Тот приложил палец к губам и покачал головой, призывая к молчанию.

— Капитан, — спросил судья, — есть ли деньги у этих людей?

— Ни одной монеты на всех, — ответил капитан.

— Что ж, тогда я объявляю их виновными, — и судья ударили жезлом по столу.

Бенони, взбешенный ужасающей несправедливостью, но понимая, что у Жема, вероятно, были причины, чтобы предупредить о молчании, стиснул зубы. Вслед за другими он проследовал из комнаты суда обратно в камеру.

— А как насчет денег, которые у нас отобрали? — шепнул он Жему.

— Их бы все равно не хватило. Капитан бы стал отрицать, что взял эти деньги. Он поделит их со своими людьми, а может, и с судьей, хотя вряд ли. Судья — *кефлви*, а аристократы считают воровство бесчестным. Но все равно он виноват не менее чем полицейские, если поддерживает подобную систему судопроизводства. Я пытался предупредить, чтобы ты не вздумал открывать рот, так как капитан выбил бы тебе все зубы якобы за неуважение к суду. А судья бы еще увеличил количество ударов. Тут нельзя говорить, пока не попросят об этом.

— А когда состоится порка? — спросил Бенони.

— Если бы мы не являлись военными, нас выпороли бы сразу же, — ответил Жем. — Но гражданские лица, независимо от того, как высокопарно и важно ни говорил с нами судья, не могут ничего нам сделать до тех пор, пока наше дело не будет пересмотрено офицерами. Мы можем отделаться несколькими ударами или закончить свои дни на плахе. Все зависит от того, нужны ли Кайво солдаты. Я думаю, что, поскольку война со Скего становится все жарче, лишние солдаты им не помешают.

Следующие два дня Бенони провел в камере, у него было время подумать о войне со Скего. Он знал, что, хотя два народа

официально не объявляли друг другу войну, в лесах на севере каждый день происходили локальные сражения. Ского опасались кайво, поскольку те опустошили Сенглви. Но в то же время ского хотели сразиться с кайво до того, как могущественный город оправится от потерь, понесенных при взятии Сенглви. По-прежнему, как и до войны с Сенглви, между этими двумя странами велась торговля, товары доставлялись по рекам Сий и Л'ван. Но наземные караваны перестали ходить между Кайво и Ского, слишком часто купцы и вьючные животные из обоих городов подвергались ограблениям. Не было выдвинуто ни одной официальной жалобы или претензии, обе стороны делали вид, как будто удовлетворены объяснением, что все эти грабежи — дело рук дикарей и бандитов. Но каждая страна понимала, чем занимается другая.

Возможно, Кайво требуется каждый имеющийся меч. И Кайво отложит приговор для шести узников. Или все обойдется несколькими ударами плетью.

Бенони лелеял эту надежду, но ей суждено было умереть на третий день. Юношу вместе с остальными заключенными вывели на открытый судебный двор, где их ждал порщик.

— Порядок, — сказал Жем. — Видишь вон того офицера? — он указал на капитана Пхясот, восседавшего на лошади рядом со столбом для порки. — Он здесь, чтобы следить, что мы получим лишь наказание, назначенное гражданским судом, и не больше. А потом уж мы вернемся в бараки и получим все остальное от военных.

С первого из шестерых сняли рубашку из шкуры рыси, а затем приковали к столбу. Бенони вздрагивал при каждом щелканье хлыста и мечтал быть первым. Тогда бы он сосредоточился на своей собственной боли и не мучился, пока истязали других.

Выпороли еще двоих. Один из них, желтоволосый дородный сканавец, сам отошел от столба, остальных же пришлось оттаскивать за ноги. Бенони, стоявший следующим, ждал.

Но раздался приказ сидящего на лошади офицера, и троих — Джоела, Жема и Бенони — вывели со двора и посадили в клетку на повозке.

— Что случилось? — тихо спросил Бенони у Жема.

— Не знаю, — пожал тот плечами, — может, что-то хорошее. А может, что-то похуже, чем порка.

Бенони думал, что их везут в казармы, но повозка остановилась недалеко от Дворца Пфези, арестантам приказали выйти из клетки. Капитан слез с лошади, и два солдата, вооруженные короткими копьями, повели пленников цепочкой в боковую дверь здания. Там их немного задержали. Бенони не понимал, что происходит. Капитан только лишь объявил, что привел троих

дикарей в соответствии с приказом. Через час появился офицер в роскошной форме и отпустил капитана. С арестантов сняли кандалы. Капитана из Пхясот сменили два охранника, и офицер повел Бенони, Жема и Джоела через множество комнат и вверх на два этажа. Он остановился перед дверью, рядом с которой стояли четыре солдата при полной экипировке, и объявил, что пленники доставлены. Один из охранников зашел в комнату и доложил.

— Вы, дикари, — сказал он вернувшись, — с вами собираются поговорить атспика и сама пфез. Не забудьте поклониться, как только на вас обратят внимание. Не разговаривать до тех пор, пока один из них не задаст какой-либо вопрос. Очень жаль, что мы не успели смыть с вас тюремную грязь и вонь, до того как привести сюда, очень жаль. Но теперь уже ничего не поделаешь. Следуйте за мной и попытайтесь не опозориться.

Бенони не чувствовал никакого благоговения или стыда, он был в ярости от несправедливости суда. К тому же, хотя и впечатленный превосходством Кайво над Финиксом по численности населения, юноша все же чувствовал, что любой мужчина, уроженец пустыни Айзонах, стоит трех мужчин из Кайво, Скего или какого-либо другого места. Кроме того, что это за люди, если они позволяют править собой женщине? Возможно, они великие воины, но есть в них какая-то слабинка.

Бенони завели в зал, в два раза больший любой из комнат в Финиксе, в два раза превосходящий пещеру консула, выдолбленную в камнях горы Кемлбек. В огромной палате, кроме офицера и трех арестантов, находились четыре человека. У каждого конца стола, изогнутого в виде полумесяца, стоял копьеносец. Стол был изготовлен из какого-то неизвестного Бенони темно-красного полированного дерева. За столом сидели два человека. На кресле, стоящем на полу, сидел маленький, светловолосый и очень морщинистый мужчина, похожий на лису.

В другом кресле, стоящем на постаменте, сидела женщина. Молодая женщина. Очень красивая. Темнокожая, темноволосая и с голубыми глазами.

Офицер, сопровождающий арестантов, остановился за шесть шагов до стола и отдал честь, поднеся к груди сжатый кулак:

— Капитан Лий прибыл, пфез! Привел троих нарушителей, как приказано!

— Идите, капитан, — сказал атспика неожиданно глубоким — для тонкой шеи и узкой груди — голосом.

Капитан снова отдал честь, проворно развернулся и вышел. Бенони удивился, почему старый человек и молодая женщина позволяют себе пребывать в опасности, находясь в помещении

с тремя преступниками и всего двумя солдатами. Конечно, солдаты хорошо вооружены, а арестанты — безоружны. Но если пленники пожертвуют одним из них, то доберутся до пфез.

Бенони огляделся и увидел, что под потолком вдоль стены находится множество маленьких окошеч. Без сомнения, за каждым из них стоит лучник со стрелой наизготове.

Юноша вновь принялся рассматривать пфез Лезпет. Да, вот это женщина! Прекрасная, царственная. Всеми своими движениями, манерой держаться она демонстрировала, что происходит из древнего рода мужчин и женщин, привыкших к богатству, власти и прекрасному воспитанию. Длинные волосы пфез были уложены в узел Психеи и перевязаны серебряной лентой. Прекрасную тонкую шею обвивала золотая цепочка, украшенная бриллиантами; изящное тело от самой шеи укутывала светло-голубая сияющая накидка. Стул, на который опиралась Лезпет, покрывала шкура ягуара. Увидев шкуру, Бенони понял, что торговцы Кайво добираются далеко на юг, или же этот прекрасный мех привез какой-то бродячий купец. Из разговоров с товарищами по казарме Бенони знал, что в этих местах ягуары не водились.

Без тени улыбки Лезпет спокойно и твердо смотрела на Бенони в ответ на его откровенные взгляды.

Дживи Моксо, атспика, взял со стола какие-то бумаги.

— Я знаю, что вы, трое, находитесь в Кайво, — сказал он, пробежав бумаги глазами. — Я собирался позвать вас к себе, чтобы получить интересующие меня сведения. Но, честно говоря, забыл про вас, пока вчера не получил эти бумаги с просьбой одобрить ваше наказание.

Пожилой человек откинулся на спинку кресла, разглядывая арестантов.

— Нам интересна ваша история, — произнес он, — потому что она имеет некоторое отношение к благосостоянию Кайво. Если то, что вы рассказываете, — правда, — мы хотим взять с вас обязательство. Возможно, оно покажется вам несколько странным.

Воцарилось молчание, так как трое пленников помнили предупреждение капитана не открывать рот, пока действительно не попросят их говорить.

Пфез слегка улыбнулась, подняла руку и указала пальцем на Джоела Вандерта.

— Ты, — сказала она чуть хриплым голосом, — самый большой. Говори первым. Расскажи свою историю. Но не будь слишком многословным. Откуда ты пришел? Зачем ты пришел сюда? Каковы твои люди? Что это за земля, где ты родился? Что ты собираешься делать дальше?

Джоел, говоря на кайво свободно, но с ужасным акцентом, рассказал, что родился у подножия горы Кемлбек, посреди пустыни Айзонах. Поведал, как, живя среди саваро, кроликов, койотов, гремучих змей, острых скал и обжигающего солнца, заcalaющийся характеры финикян, превратился из мальчика в юношу. Джоел рассказал о набегах с юга народа мек и навахо с севера на отдаленные фермы Финикса и о набегах отрядов Финикса на мек и навахо. Не забыл он и о землетрясениях, о лаве, извергающейся из недр земли через кратеры вулканов, о которых давно думали как о недействующих, и о рождении новых вулканов на гладких равнинных местах. Джоел упомянул традицию посыпать в пустыню каждого финикянского юношу, чтобы тот доказал мужественность, принеся домой скальп врага.

И еще Джоел рассказал, как нашел Бенони, взятого в плен отрядом навахо, как убил индейцев, освободил Бенони. А тот за это предательски напал на него и оставил умирать.

У Бенони округлились глаза, лицо его запыпало.

— Это ложь! — зарычал он. — Этот подлец рассказывает вещи, совершенно обратные случившемуся! Это я освободил его, а он оставил меня умирать, и...

— Молчать! — крикнул атспика. — Не смей открывать рот, пока тебя не попросят об этом!

— Но он же врет! — закричал в ответ Бенони. — Почему, вы думаете, я зашел так далеко, преследуя его? И почему он сбежал в такую даль? Первый раз житель Айзонах на своей тропе войны зашел в столь отдаленные территории!

— Еще слово, и ты замолчишь навсегда! — сказал атспика. — Только одно слово!

Бенони подавил рвущееся наружу возмущение, он уже не раз смотрел смерти в лицо и помнил, что может за этим последовать. Старик был уже готов поднять руку, дав знак лучникам, стоящим за окошками высоко в стене.

— Вот так-то лучше, — сказал атспика. — Побольше дисциплинированности тебе бы явно не помешало. Хотя мы и не ждем много от чужака, рожденного за пределами Кайво. Ты прощен, если только не повторишь подобный проступок.

Атспика попросил Джоела продолжить повествование с прерванного момента. Тот рассказал, как устроил засаду на нескольких навахо, как снял с них скальпы и продолжил путь на запад. Очевидно, его терзали такие же сомнения, как Бенони. Хотя Джоел и дошел до конца пустыни на западе страны Навахо, он не был уверен, пойдет ли дальше. Но потом решил, что хочет посмотреть мир и в то же время — сослужить великую службу для своего народа.

Он пересек великую пустыню и великие равнины. В конце концов, пережив множество приключений, Джоел пришел в Кайво. На границе он столкнулся с несколькими купцами и понял, что может войти в Кайво либо как купец, с документами о происхождении и разрешением на торговлю, либо как солдат иностранного легиона. Так он стал наемником. В прошлые выходные он зашел в таверну, где на него без предупреждения напал человек и пытался убить.

Джоел замолчал, и на мгновение воцарилась тишина. Пфез и атспика так долго и пристально смотрели на Бенони, что тот решил, что приговор уже вынесен.

— Что ты можешь сказать в оправдание, Райдер? — промолвил наконец Дживи Мохсо, атспика, произнеся Райдер как Вадах.

— История моего соотечественника правдива, — заговорил Бенони, — до определенного момента. Это я освободил его из плена военного отряда навахо, а он — оставил меня умирать. Но, как вы видите, я не умер, а поправился, набрался сил и продолжил путь в страну Навахо. Не столько для того, чтобы добыть скальп навахо, сколько для того, чтобы снять скальп с Джоела. И...

— Скажи мне, парень из Финикса, — заговорила пфез Лезпет. — Правда ли то, что юноша, вступивший на тропу войны, может делать все, что захочет, даже убить другого финикянского парня? И не понесет ответственности за содеянное? И правда ли, что, если бы он убил тебя, или ты — его, это считалось бы не убийством, а законным действием?

— Правда, ваше превосходительство, — ответил Бенони. — Мы очень долго враждовали. Но я не могу просто стоять и смотреть, как навахо убивают моего соотечественника. Я спас его, хотя он и бросил меня умирать. Я не мог простить такую подлость. Так не поступают воины, так поступают бешеные койоты.

— И ты прошел пустыню и равнины, чтобы убить его? — удивилась пфез. — В одиночку и босиком. Твоя ненависть должна быть ужасной. Да?

— Так оно и есть. Но меня попросили найти Великую Реку. Я думаю, что не пошел бы искать ее, если бы так сильно не хотел убить Джоела Вандерта. С другой стороны, если бы я не думал о необходимости найти новые земли для моего народа и, наверное, о славе, которую заслужу, если найду Великую Реку, я бы не стал выслеживать вероломного койота.

— По крайней мере, ты говоришь искренне, — засмеялась Лезпет. — Ладно, у нас не так уж много времени, а мы должны решить еще множество вопросов. Управление величайшей нацией в мире — дело не из легких. Ты нашел Великую Реку.

Что же ты собираешься делать дальше? Ведь когда ты вернешься домой в пустыню Айзонах, то не сможешь заставить своих людей покинуть Долину Солнца и перебраться сюда, не так ли? Твой народ не настолько силен и не настолько глуп, чтобы попытаться выселить нас. Они будут сметены, как сильный ветер сметает остатки муки, не убранной после помола.

— Да, ваше превосходительство, — ответил Бенони. — Я не смогу заставить народ Айзонах идти в Кайво. Но Великая Река длинная, а Кайво правит только на небольшом ее отрезке. Мы сможем отправиться на юг и обосноваться там. Или пойдем на север.

— Вы не сможете жить и на севере, — улыбнулась женщина, — потому что ского контролируют большие территории на севере. А к югу от наших границ вдоль Сий живут дикие племена вийзана, мигумва и многие другие.

— Мы отберем эти земли, — ответил Бенони.

— Возможно. Но придет день, когда вам придется столкнуться с могущественными армиями Кайво. Когда мы разберемся со Ского, то начнем думать о юге. Не скоро, но и не в очень отдаленном будущем. Что тогда?

— Хотя я и сидел в тюрьме, — сказал Бенони, — но держал ушки на макушке. И я знаю, что Кайво взял Сенглви великой ценой и что Джуджу был завоеван только после потери половины Пятой Армии. А сейчас кайво столкнулись с гораздо более грозным противником, чем сенглви. Ского, союзничающие со сканавцами. Кто знает, может, в ближайшем будущем Кайво вообще перестанет существовать.

Лезпет шумно вздохнула и побледнела. Стариk же улыбался.

— А ты смельчак, финикиянин. Или дурак. Или то и другое. Или же достаточно разумный, чтобы знать правду и говорить ее, надеясь не оскорбить величественную пфез.

Все, что ты сказал, — правда. Кайво сейчас нужна помощь. Вряд ли мы потерпим поражение, даже если не получим помощи, ведь Первейший благословил нас и обещал, что мы будем править миром. Но кайво — народ практичный и готов использовать любую помощь. В конце концов, вероятно, именно Первейший прислал вас сюда. Поэтому вас и вызвали к пфез. Чтобы выяснить, сможете ли вы помочь нам и, конечно, сможем ли мы помочь вам.

Снова воцарилась тишина. Бенони, Жем и Джоел молчали, так как никто не давал разрешения говорить. Бенони сгорал от нетерпения и любопытства. Чего же от них хотят?

— Если народ Айзонах покинет пустыню и прибудет сюда, — спросил атспика, — сколько способных сражаться мужчин придут в Кайво?

— Айзонах? — удивился Бенони. — Целая конфедерация? Ну, речь может идти о восьми тысячах человек из Финисса, трех тысячах из Мейсах, полсотни из Флегстефа. Но я не знаю, собирается ли вся конфедерация уехать из Айзонах. И не уверен, приедут ли они в Кайво.

— Думаю, мы сможем убедить твой народ, — сказал атспика. — Буду краток. Если народ айзонах оставит пустыню и придет сюда — мужчины, женщины, дети, лошади, собаки, — и принесет с собой все имущество, какое только сможет донести, и поклянется в верности Кайво, мы предоставим ему землю. Собственную землю, которой они смогут распоряжаться во веки веков. При этом народом айзонах продолжат править свои правители по собственным законам.

— Можно, я скажу? — спросил Бенони.

Пфез кивнула, и Бенони заговорил:

— А если мы примем ваше предложение, где мы будем жить?

— На земле, где нет землетрясений и вулканов. Вдали от сухой пыли и обжигающего солнца. На земле рядом с широкой рекой, плодородной черной землей, а не хорошо вам знакомыми песком и камнями. В местах прохладных и тенистых, где растет множество деревьев, среди которых водятся олени, кабаны, индюки.

— К северу от Кайво? — спросил Бенони. — Вдоль реки Л'ван? Между вами и наемниками Скего?

— А ты не глуп, дикарь, — снова улыбнулся атспика. — Да, в лесах Л'ван. Между нами и Скего. Вы обоснуете границу и станете пограничниками. И за то, что вам предоставят богатую и прекрасную землю, вы будете отгонять каждого, кто посмеет выступить против Кайво. Конечно, вам не придется сражаться с врагами в одиночку, ибо могущество Кайво будет на вашей стороне.

— Можно, я скажу? — спросил Жем. — А какая связь между двумя парнями из пустыни и мной? — поинтересовался он после разрешающего кивка пфез. — Зачем меня привели сюда?

— Если бы ты смог уговорить свое племя покинуть Мнгум-ву и перейти жить на нашу южную границу, — в то время как айзонах обоснуются на севере, — вы бы помогли нам в борьбе с Джуджу. Мы действительно уничтожили армию, которую эти дикари выслали против Кайво. Но нам известно, что народ джуджу очень многочисленен и к тому же вступил в союз с белой нацией джинья, живущей к северу от них. Это не слишком прочный союз, возможно, они перебьют друг друга, прежде чем доберутся до Кайво. Джуджу и Джинья собираются послать против нас несколько армий, даже несмотря на то что

мы живем в тысяче миль от них. Мы подозреваем, что за всем этим стоят скего, которые специально сказали джуджу, что мы собираемся завоевывать южные территории, как только захватим Скего.

— Но наши недруги, конечно, не правы. Потребуется несколько лет, прежде чем мы будем в состоянии начать против них войну.

Бенони никак не мог избавиться от мысли, что Джинья и Джуджу всего лишь предусмотрели все преимущества ведения войны против Кайво именно сейчас, пытаясь сокрушить могущественный город до того, как он снова наберет силу, ослабленный к тому же постоянными стычками со Скего. Но Бенони промолчал.

— Если вы полагаете, что люди примут великодушное предложение Кайво, мы отправим вас, как послов, в Финикс и Мнгумбу. Говоря от имени пфез и атспики, вы расскажете своим народам о могуществе Кайво, о том, как мы сокрушили дикарей Джуджу и цивилизованный Сенглви. Скажете им, что они потеряют очень мало, а приобретут очень много.

— Ну да, если считать человеческую жизнь малой ценой, — подумал Бенони.

— Прежде чем отправиться в путь, — продолжил атспика, — вы должны провести некоторое время в Кайво и лучше изучить наш язык. Вы пробудете здесь не слишком долго, так как мы не располагаем достаточным количеством времени, чтобы с уверенностью говорить с вашим народом от имени Кайво. А наши посланники начнут учить язык, на котором говорят в Финиксе. И продолжат уроки по дороге в пустыню Айзонах. Ну, что скажете?

— Я согласен! — громко сказал Джоел. — Я уверен, что мой народ примет ваше предложение!

Единственное, что мог сказать Бенони после таких слов, — что, по его мнению, такое предложение приемлемо для народа пустыни Айзонах. В любом случае ничего нельзя потерять, если просто что-то кому-то предлагаешь.

На самом же деле юноша подумал, что, если даже кайво говорят искренне, переселение для народа айзонах может оказаться весьма и весьма опасным.

— Вот и хорошо! — сказал Мохсо. — А ты, Жем Смед, что ты думаешь?

— Я полагаю, мой народ согласится рассмотреть подобную идею. Но я не могу рассказать им о переселении на границу Кайво.

Атспика удивленно поднял брови, а пфез сердито нахмурилась.

— Почему же? — резко спросила она.

— Я позволил взять себя в плен, — ответил Жем. — И теперь я навеки в немилости. Меня убьют, как только увидят, если я хоть одной ногой ступлю на территорию племени мнгумва.

— Даже если тебя будет сопровождать отряд наших солдат?

— Да.

— Мы сделаем тебя гражданином Кайво, — сказал атспика. — Наверняка твои люди не осмелятся убить одного из нас.

— Возможно, — ответил Жем. — Но прежде чем мнгумва увидят меня, вам придется очень обстоятельно объяснить им, что означает мое гражданство.

— Так мы и сделаем. Хотя в данном случае совсем не обязательно, чтобы ты был нашим гидом, потому что переселить твой народ не так уж трудно.

Но эти двое, — добавил он, указывая на Джоела и Бенони, — пришли из страны, о которой мы даже не слышали. Они нужны нам, чтобы показать дорогу и выступить в качестве посредников.

— Могу я сказать? — спросил Бенони. И заговорил, увидев как кивнула пфез. — По пути в Финикс я бы хотел исследовать одну очень странную штуку, которую видел на равнине. Огромный дом или форт, или что-то вроде здания, сделанного из серебристого металла без швов. Оно в форме конуса и населено странными людьми. Это...

— Волосатые люди со звезды!

Эти слова, задыхаясь, произнес атспика, вскочив и ухватившись за край стола корявыми руками.

— Корабль волосатых людей со звезды!

— Что... что? — изумился Бенони.

Атспика снова сел и, с трудом восстановив дыхание, овладел собой.

— Ты знаешь, о чем я говорю? — спросил он.

— Нет, — ответил Бенони.

Старик задумчиво смотрел на юношу, не объясняя ничего.

— Мы поговорим об этом позже, — сказала пфез, лицо которой вспыхнуло, когда Бенони описывал странную металлическую конструкцию. Столь изящная на вид женщина имела выдержки побольше, чем мудрый старый атспика. — Не думай, что нам неинтересно, но каждому вопросу свое время.

Мой высокочтимый дядюшка, возможно, оставил у вас впечатление, что вы, оба финикянина, будете посланы в Айзонах с нашим предложением. Но я уверена, уважаемый Дживи Мох-со не собирался давать вам повод так думать.

Бенони увидел, как атспика зыркнул на племянницу, и понял, что старик именно это имел в виду. Но пфез не хотела, чтобы так думали Джоел и Бенони. Также не хотела она, чтобы

финикияне решили, что всем верховодит дядюшка. Атспика не протестовал, и Бенони понял, что правит здесь именно пфез — хотя она молода и к тому же женщина. Также Бенони уяснил, что Лезпет во многом зависит от мудрости и советов старика и не хочет обижать его, единолично отдавая приказания и руководя Кайво. И все-таки если она примет решение, то доведет дело до конца.

— Один из вас врет, — сказала пфез. — Один из вас порочен, ненадежен. Мы не хотим посыпать такого человека, чтобы он действовал от имени Кайво, потому что единственное, что можно ожидать от лгунов, — что он предаст нас при первом же удобном случае ради собственной выгоды. Поэтому мы должны определить, кто из вас говорит правду, а кто врет. Обманщик будет убит, потому что он осмелился солгать пфез, что равнозначно лжи народу и богу Кайво.

Она замолчала, и Бенони вдруг почувствовал, как пот тонкими струйками потек из подмышек вниз по ребрам. Юноша уже познакомился с традициями этого народа, чтобы понять, что презумпция невиновности может оказаться весьма мучительной и болезненной. К тому же как он или Джоел могут что-либо доказать? Ведь нет никаких доказательств предательства Джоела.

— Если моя любимая племянница и почтенная настоятельница послушает старого человека с глазу на глаз, — заговорил атспика, — то поймет, как за короткое время определить, кто виноват. И нет никакой необходимости долго и, возможно, бесполезно пытаться вырвать правду из этих парней. Оба они выглядят стойкими и твердыми, как мозоли на их подошвах. Финикияне могут умереть, а мы останемся без проводника. Даже если один и выживет, пройдя все суровые испытания, он может воспылать ненавистью к народу Кайво, и мы никогда не сможем доверять ему. Нет, если только мне простится такое вмешательство, я смогу разъяснить этот вопрос за короткое время.

— С самого детства я всегда слушалась моего дядюшку, — улыбнулась Лезпет. — И николько не обижаюсь.

— Можете пройти в комнаты, приготовленные для вас, думаю, вы не откажетесь от приглашения, — сказала она трем стоявшим перед ней парням.

«Дураки бы мы были, если бы отказались, — подумал Бенони, — а возможно, мертвые дураки».

— О вас позаботятся, — продолжила она, чуть улыбаясь. — Я представляю, как вы голодны после тюремной пищи. Завтра мы начнем интенсивные уроки. В течение двух недель вы должны изучить язык настолько, чтобы свободно разговаривать с нами. Таким образом, — добавила пфез, — двое из вас будут

нашими гостями. Один же не примет участия в наших делах. Или, конечно, в ваших собственных.

Бенони еще больше вспотел. Он знал, что пфез, как и большинство служащих ей людей, жестока. Гораздо лучше, если неопределенная ситуация разрешится в течение нескольких минут, прежде чем их станут пытать целую ночь. И эта женщина так спокойно рассуждает о возможности лишить его жизни. Бенони не мог представить Дебру, такую нежную и, о, такую добрую Дебру, говорящую столь ужасные вещи.

Несколько минут спустя Бенони и Жем оказались в анфиладе комнат, в которых — по крайней мере одному из них — предстояло жить следующие две недели. Джоела поселили рядом, в соседних комнатах. Очевидно, пфез, или тот, кто распоряжался местом жительства гостей, решила, что благоразумнее поселить их отдельно. Иначе либо Бенони, либо Джоел мог оказаться мертвым еще до того, как окончится ночь и наступит рассвет.

Некоторое время Бенони и Жем были не одни. Две рабыни помыли им руки и лица, как требовал того религиозный обычай Кайво, — прежде чем сесть за стол. Затем две другие рабыни подали еду. И Жем, умирающий от голода после скучной и тухлой тюремной пищи, поглощал поданные блюда так, словно ел последний раз в жизни. Он жадно выпил предложенное вино и заснул сразу же, сидя в кресле и разговаривая с Бенони.

Бенони не стал есть так много, как его товарищ, потому что с детства был научен, что набивать живот — дело, неугодное для самих людей и для Господа. Человек не должен есть жадно и торопливо и не должен быть толстым. К тому же в Долине Солнца никогда не существовало изобилия в пище, а необходимость превратила умеренность в норму. Разглядывая свое временное место жительства, Бенони исследовал каждую комнату и мебель. Новое жилище состояло из трех больших палат: приемной и двух спален. Алые и золотые портьеры маскировали каменные стены, полы покрывали пушистые ковры, узоры которых изображали сцены из ранней истории Кайво, мебель же была изготовлена из твердого коричневого дерева, которое, вероятно, привозили откуда-то с юга.

Больше всего Бенони заинтересовали окна. Высокие и узкие, через которые человек мог бы проскользнуть только боком, если бы не два железных прута, преграждающих путь.

Юноша едва закончил осмотр, как вернулись рабы и привнесли большую лохань для купания и множество ведер с водой. К облегчению Бенони, на сей раз пришли не рабыни, а рабы-мужчины. Юноше не очень-то хотелось, чтобы его мыли мужчины, но все же это было лучше, чем если бы пришли потереть спинку женщины. Позднее он узнал, что некоторых мужчин

кефлви купают женщины, но это — новая, не очень распространенная традиция. Во дворце, где царила строгая мораль старых аристократов, такие традиции не разрешались.

Жема разбудили и искупали, Бенони также принял ванну и переоделся в принесенную рабами чистую одежду. Длинные волосы юноши, ниспадавшие до плеч, смазали маслом и расчесали. Затем прибыли наставники для обучения финикян языку кайво, рассказать о происхождении и развитии нации, религии и судьбе Кайво, который непременно станет великой державой.

За час до ужина учителя ушли. Жем и Бенони, желая по тренироваться, испросили стоящих у дверей стражей разрешения выйти во внутренний двор. Стражи провели их на нижний этаж и вывели в огромный внутренний двор дворца. Там братья тренировались с притупленными мечами и щитами до полного изнеможения. Потом они стали бороться, поставив условием две победы из трех боев. Бенони дважды поборол Жема, но на третий раз тот повалил его на лопатки. Обливаясь потом, тяжело дыша, но чувствуя себя прекрасно, они вернулись в свои комнаты, снова помылись и поели. Жем удвоил ловкость и скорость поглощения пищи и жидкости и вскоре опять заснул. Бенони взял его, спотыкающегося, под руку и повел к кровати. Жем повалился и захрапел раньше, чем Бенони дошел до своей комнаты.

Юноша взял книгу, оставленную учителем, и сел рядом с масляной лампой, чтобы почтать историю. Или хотя бы попытаться почтить, так как алфавит кайво отличался от финикянского алфавита, а словарь, использованный автором, основывался на литературном диалекте, форме языка кайво, устаревшем где-то около ста лет назад, на котором теперь говорили только в *Ат спике* (Палате спикеров) во время больших религиозных церемоний.

После часа тщетных усилий Бенони понял, что сможет читать лишь с помощью учителя. Он поднялся, взял и съел яблоко из огромной чаши с фруктами, стоящей на столе, а потом отправился спать. Но заснуть не смог, был слишком обеспокоен судьбой народа Айзонах, если тот действительно примет предложение Кайво стать пограничниками и контролировать северные границы.

Прежде всего целая нация должна мигрировать через огнедышащую пустыню и широченные прерии. Одно дело, если такие трудности преодолевает человек в одиночку или небольшим отрядом и который может двигаться быстро, не привлекая особого внимания. Но целый народ с маленькими детьми и женщинами, собаками и котами, скотом, повозками, кроватями,

вещами и всем-всем крайне необходимым для всеобщего переселения!

К тому же двигаться они смогут очень медленно, не быстрее самой медленной повозки. Народу айзонах придется сражаться на пути из Долины Солнца, так как, без сомнений, навахо прознают про такое великое переселение и предпримут попытки для атаки. Сразившись с навахо, придется пересекать пустыню между горами Айзонах и великими равнинами. Придется нести с собой воду. А по пятам будут идти навахо. Возможно, их также атакуют всадники из лежащих к северу земель Десерет. Но и достигнув равнин, переселенцы не будут знать опасностей, их подстерегающих. Скорей всего не стоит очень опасаться львов и диких собак; такое количество народа напугает животных, хотя весьма вероятно, что звери попытаются преследовать каждого, отставшего от основной группы. На равнинах проживает множество кочевых племен, Бенони неоднократно видел дикарей и прекрасно знал, что их много. А новости об огромном количестве народа, продвигающемся на запад, быстро распространятся и станут известны племенам, живущим по пути следования.

Но что, если айзонах переживут все опасности? Что тогда? Не нависнет ли над ними новая угроза — еще более страшная, чем землетрясения и вулканы родной пустыни? А вдруг новоиспеченных пограничников уничтожат во время войны между Кайво и Скего? Истребят или, что еще хуже, возьмут в рабство? Конечно же, мужчины айзонах умеют сражаться, и любые завоеватели и поработители получат сполна за все обиды и жертвы. Но надо быть реалистом. Если земли Скего населены так же плотно, как Кайво, и если к тому же они могут пополнить свои войска из числа полчищ союзников Сканава, то Скего превзойдет и сокрушит Айзонах численностью.

Кайво, конечно, знают и, возможно, ожидают этого. Они хотят принести айзонах в жертву, надеясь, что люди из пустыни смогут сдерживать народ Северных морей достаточно долго, нанесут Скего потери и ослабят его. А тем временем Кайво восстановят свои силы.

А если Кайво будет поддерживать Айзонах и вместе они оттеснят Скего? Или вдруг Кайво даже выиграет войну? Что тогда?

А если наступит мир и айзонах осядут на богатых черных почвах вдоль реки Л'ван, построят деревни, вырастят урожай, начнут рожать и растить детей, у них станет вдоволь еды и товаров для торговли? К югу от них, причем близко, будет располагаться могущественный покровитель — Кайво. Границы Кайво с его быстро растущим населением начнут отодвигаться на север, все ближе к погранзаставам Айзонах. И кайво, пре-

восходящие по развитию и количеству, начнут хитро и коварно влиять на айзонах. Все станут восхищаться традициями и языком могущественного соседа. Молодежь айзонах примет религию Кайво. И в течение одного-двух поколений некогда независимое государство Айзонах во всем, кроме имени, превратится в Кайво. А затем всем людям айзонах предложат гражданство Кайво.

А если айзонах (хотя это и трудно представить) останутся непреклонными и будут сопротивляться, упорно сохраняя свои традиции и культуру, что тогда? Когда минует опасность со стороны Скего, благодарность Кайво улетучится быстрее, чем тает весенний снег под полуденным солнцем. Можно запросто затеять ссору и выступить против айзонах, разбить их, взять в рабство, чтобы пополнить благосостояние Кайво. А собственных граждан Кайво сможет послать жить в Л'ван.

Бенони долго метался и ворочался, прежде чем заснуть. Последнее, что он успел подумать, — посоветовать своему народу не принимать предложение. Да, мигрировать необходимо, но не в Л'ван. Они могут пойти куда угодно, мир так велик, и в нем столько прекрасных земель. Конечно, их отказ разозлит Кайво, и айзонах станут считать врагами. Но Кайво не переживет войну со Скего. А если и переживет, им потребуется слишком много времени, чтобы залечить раны, и не останется сил, чтобы еще обращать внимание на Айзонах. Тем более что кайво даже не знают, где Айзонах находится.

Бенони заснул, но сон был не слишком глубоким, и ему приснилась Дебра Аврез. Затем лицо ее растаяло, появилась Лезпет.

— Давай... — сказала она, не успев закончить фразы. Бенони проснулся от криков и бряцанья стали о сталь.

Бенони вскочил и бросился из спальни к двери приемной. Потянув за верхний крючок на себя, он обнаружил, что дверь неподвижна. Очевидно, засов снаружи задвинули в выемку в стене в целях безопасности.

Бенони приложил ухо к двери, чтобы услышать, что происходит в коридоре. Он попытался различить голоса, но смог разобрать несколько слов. Звон мечей производил страшный шум, который дважды прерывался пронзительными криками.

— Что... что происходит? — спросил Жем за спиной Бенони.

Бенони повернулся и увидел стоящего рядом Жема с опухшим после сна лицом и налитыми кровью глазами.

— Не знаю, — ответил он. — Но подобная битва в стенах дворца может означать только одно. Измена. Попытка убить пфез. Или, возможно, это агенты Скего пробрались во дворец и пытаются ее убить.

— Мы безоружны, — сказал Жем, вытягивая перед Бенони пустые руки, — а окна загорожены железными прутьями. Что же мы можем сделать?

— Я не уверен, что мы вообще должны что-то делать, — сказал Бенони, — хотя мы воспользовались гостеприимством пфез, находимся под ее крышей, едим ее пищу.

— А ты не забыл, что утром эта гостеприимная женщина вполне может убить тебя? — спросил Жем. — Ты здесь не гость, а пленник.

— Если это попытка убийства, — сказал Бенони, — если за покушением стоит Скего, то скорее всего никто из нас не останется в живых. И ского нет никакого дела — передадим ли мы предложение пфез нашим народам. Вероятно, они нас убьют.

— Кроме того, если мы станем сражаться за пфез, мы продемонстрируем, что нам можно доверять.

— Не жди от пфез благодарности, — буркнул Жем.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы завоевать ее доверие, — сказал Бенони. — И даже если наградой за это послужит меч палача, все равно я останусь прав.

— К чему мертвому быть правым. — съязвил Жем. — Ты упрямый человек, Бенони, рожденный в странном и суровом месте, где живут странные и суровые люди.

— Делай что хочешь, — сказал Бенони. — А я собираюсь выбраться отсюда и сразиться с предателями.

Он подошел к концу холла между двумя спальнями, отодвинул в сторону тяжелые портьеры и, насколько мог, выглянул из окна. Каждый из перегораживающих окно прутьев был в два раза толще, чем большой палец Бенони, а их концы входили в глубокие пазы массивных каменных блоков, формирующих окно.

— Что бы ты сделал, если бы смог убрать прутья? — спросил Жем, который тихо и молча, словно тень, следовал за Бенони.

Тот просунул лицо между прутьями и выглянул. В безоблачном ночном небе ярко светила луна. Бенони увидел, что крыло дворца, в котором они находятся, слева соединяется с другим крылом под углом меньше сорока пяти градусов. Прямо напротив горели факелы и лампы, освещавшие многочисленные узкие и высокие окна, под которыми во всю длину здания тянулся узкий выступ. Но этот выступ обрывался за десять футов до окон, ближайших к месту соединения крыльев дворца.

— Может, ты не рассматривал свое местонахождение с момента, как попал во дворец, — наконец ответил Бенони. — Зато я рассмотрел все, что мог. И уверен, что вон за теми угло-

выми окнами начинаются комнаты пфез. И хотя мне не видно, я думаю, что выступ пролегает под нашими окнами, так же как и под окнами напротив.

Где-то внизу раздался звон мечей, визг, крики дерущихся мужчин, вопли раненых и стоны умирающих.

— Ну? — спросил Жем.

— Так ты поможешь мне выломать эти прутья?

Ни слова не говоря, Жем ухватился за середину одного из прутьев. Бенони ухватил тот же прут, братья уперлись ногами в подоконник и напрягли спины. Медленно-медленно прут начал гнуться.

— Мы сильнее, чем я думал, — сказал Жем, тяжело дыша. — Сильнее стали Кайво.

— Побереги дыхание, — буркнул Бенони и снова принялся тянуть — пока не заболели мышцы и чуть не сломалась спина. Четыре раза они прерывались и отдыхали, прислонившись к стене, пока не восстановливались силы и дыхание. Но с каждым разом, когда братья снова принимались тянуть, прут выгибался все больше, словно лук. И в тот самый момент когда они решили, что пора отдохнуть в пятый раз, концы прута выскользнули из отверстий в камне, и Жем с Бенони повалились на спины на устланный коврами пол.

Бенони не стал отдыхать, влез в окно и попытался протиснуться между камнями и оставшимся прутом.

— Бесполезно, — простонал он. — Придется вытаскивать второй прут тоже.

— По-моему, у меня уже даже нет сил, чтобы подняться с пола, — сказал Жем, но потом встал, ухватился за прут и снова напряг спину.

На сей раз им пришлось отдыхать целых шесть раз. Наконец концы прута со скрипом, скрежеща по камню, выскользнули из окна, и Бенони с Жемом снова повалились на ковер.

Бенони очень хотелось отдохнуть, но он не мог позволить себе терять времени. Перегнувшись через подоконник, юноша увидел, что предположения его были верны. В трех футах под окном находился каменный выступ шириной два дюйма.

— Не много, но хватит, — сказал он.

— Чего хватит? — спросил Жем, все еще лежащий на полу.

— Не знаю, как ты, а я собираюсь помочь пфез, — сказал Бенони. — Весьма логично, что если шум, который мы слышим, означает попытку убийства, то убийцы наверняка пытаются проникнуть в комнату пфез. Возможно, она уже мертва, возможно, я опоздал. Но я должен попытаться. Я не смогу пройти через дверь, и вряд ли мы сможем выломать ее. Но даже если мы выберемся в коридор, нас убьют. Вот если бы мы проникли через окно пфез...

Тяжело дыша Жем поднялся на ноги.

— Ты что, с ума сошел? Да разве мы сможем пробраться через окно?

— Не знаю, как мы сделаем это, но стоит попытаться, — улыбаясь сказал Бенони, заметив, что Жем собирается идти вместе с ним. — А теперь проверим, можем ли мы ходить по карнизам как коты и летать как птицы.

— Иди первым, кровный брат. Не думай, что я боюсь, я просто не знаю, что делать.

Бенони боком пролез через окно, высунул наружу одну ногу и, нащупав выступ, перенес на него вес тела, как только дотронулся до холодного камня. А затем, схватившись кончиками пальцев за край подоконника, он поставил на выступ вторую ногу. Распластавшись на стене, прижавшись к ней левой щекой и схватившись вытянутыми в стороны руками за камни, юноша начал осторожно продвигаться по выступу. Дело это оказалось медленным, но замерзнуть было трудно. Несмотря на холод зимней ночи, Бенони вспотел. На каменном выступе стены помещались лишь кончики пальцев его ног. Остальная часть ступни свисала в воздухе. А юноша находился на высоте пяти этажей над двором, мощенным известняковыми плитами.

Стоящий на выступе Жем что-то бормотал, называя себя странными словами, и то ли взывал к богам, то ли называл своего бога разными именами, то ли шептал какие-то заклинания, призывая к себе божественную защиту.

Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем Бенони почувствовал, что выступ кончился. Но юноша знал, что не могло пройти больше пяти минут. Он не осмеливался остановиться, хотя теперь уже подумывал, не сглупил ли, решив предпринять столь отчаянные действия. Его первый горячий порыв несколько поостыл. То, что казалось таким простым, теперь выглядело самоубийством.

Возможно, если бы Жем не шел за ним, Бенони повернулся бы назад. Но он не мог сделать этого, пока на него смотрел другой мужчина. Особенно кровный брат.

На конце выступа Бенони осознал, что придется развернуться к стене спиной, то есть опираться он сможет только на пятки. Сделать это надо быстро, иначе очень просто потерять равновесие. Бенони понял, что слишком поторопился, не подумав и не спланировав свои действия. Если бы он поразмыслил, то вылез бы из окна лицом к улице и продвигался по выступу, опираясь спиной на стену. И тогда хотя бы видел, как далеко находится от земли, и что творится вокруг, и был бы готов к следующему большому шагу своего плана.

А теперь ему придется повернуться.

Обзываая себя болваном, Бенони приступил к этой опасной и трудной задаче. Он стоял на кончиках пальцев правой ноги, одновременно поднимая левую. Медленно-медленно, вжимаясь телом в стену, чтобы не потерять равновесие, юноша завел левую ногу назад за правую ногу. Нашупав выступ, он стал опускать ногу, пока не убедился, что она твердо стоит с правой стороны правой ноги. И тогда начался медленный и мучительный поворот, обойтись без которого было никак нельзя. Причем повернуться предстояло так, чтобы вся масса тела поддерживалась только лишь воздухом, временно потеряв при этом контакт со стеной.

Для начала Бенони немного развернул тело. Сделав это, он увидел, что и Жем, не ожидая, проделал такой же маневр.

— Если мы упадем, — ухмыльнулся Жем, — то упадем на одного из этих *бейстах* внизу. И тогда не зря погибнем.

Ничего не ответив, Бенони продолжал поворачиваться. Достигнув точки, когда уже можно было повернуть левую ногу, пальцы которой могли поддержать тело пятками, Бенони выдвинул правую ногу параллельно стене. А затем, подняв высоко вверх правую руку, распластав по стене ладонь, он повернулся на ступне левой ноги.

После этого юноша повернул правую ногу, окончательно развернув тело. Обе пятки оказались на выступе, а спиной он опирался на стену.

Бенони посмотрел вправо, на Жема.

— Ты в порядке? Вот и хорошо.

— А что нам теперь делать? — поинтересовался Жем.

Бенони осмотрел колодец между крыльями дворца и фасадом здания напротив. Юноша посмотрел прямо в окно, которое находилось в конце холла, гораздо более широкого и длинного, чем в апартаментах, выделенных ему с Жемом. Холл вел в ярко освещенную комнату. Три или четыре женщины стояли около огромной двери крайней стены. Каждая держала в руках меч или копье.

Справа появилась Лезпет, со шлемом на голове и в железных доспехах, держа в одной руке рапибу, а в другой — небольшой круглый щит.

— Предатели еще не пробрались к пфез, — сказал Бенони Жему. — А может, это им никогда и не удастся. Судя по поведению женщин, сейчас кто-то стучит в дверь комнаты.

— А как мы переберемся через колодец между зданиями? — спросил Жем. — А если и переберемся, как сломаем прутья?

— Не стоит одновременно делать сразу несколько дел, — буркнул Бенони.

Юноша на глаз измерил расстояние от выступа до окна напротив. Около семи футов. Если бы он стоял на земле, на двух

ногах, то запросто бы добрался до цели — одним прыжком. Но здесь, на высоте пяти этажей оттолкнуться можно только от единственного камня, а схватиться — за прутья в окне. А если соскользнуть или промахнуться, то второй попытки уже не представится.

Он поднялся на кончиках пальцев, уперся пятками в стену, согнул ноги и оттолкнулся от камня. Он прыгнул прямо вперед, сосредоточив взгляд на железных прутьях и вытянув вперед руки. Правой рукой он ухватился за прут, левая соскользнула. Тело ударилось о стену с такой силой, что у Бенони перехватило дыхание.

Неистовым усилием, царапая камни, Бенони цеплялся левой рукой за стену. И наконец схватился за тот же прут, за который держался правой рукой, и повис с наружной стороны окна.

Руки Бенони, вытянутые прямо над головой, одеревенели под тяжестью тела. Прутья, вставленные глубоко в оконную раму, находились довольно далеко от края стены, так что кромка окна больно врезалась под мышки. Если бы прутья были хоть на дюйм или два глубже, Бенони бы не удалось схватиться за них. Сейчас он висел, держась за прутья, болтая ногами в воздухе.

Какое-то мгновение юноша не шевелился, бездействовал, восстанавливая дыхание и силы. Затем он согнул руки и подтянулся к краю окна, из последних сил напрягая мышцы. Добравшись до оконного проема, Бенони наконец-то отпустил прут и стал трясти занемевшими руками.

Но у него не было времени ждать, пока онемение полностью пройдет. Раздавались звуки сильных ударов чего-то твердого и тяжелого, таранящего двери пфез. Дверь еще держалась, но с каждым новым толчком тарана толстое дерево поддавалось, выгибаясь внутрь. Еще несколько таких ударов, и, взломав огромный засов, мятежники ворвутся к пфез.

— Прыгай, Жем, — сказал Бенони. — Я буду держаться за прутья одной рукой, и поймаю тебя другой.

Зубы Жема блеснули в свете луны, когда он, бравируя, улыбнулся — или же от страха, или потому что думал, что следует улыбнуться. Оперевшись о выступ и стену, Жем прыгнул.

Не такой ловкий и длиннорукий, как Бенони, Жем промахнулся бы мимо прутьев.

Но Бенони свободной рукой поймал брата за левое предплечье и потянул его вперед и вверх, через выступ к окну. Бенони тянул с такой силой, что Жем ударился о прутья, содрав кожу с лица и груди.

В следующее мгновение он уже стоял вместе с Бенони в пещерке, образованной проемом окна, которое, к счастью, было гораздо больше, чем окно в их комнате. Бенони и Жем стояли лицом друг к другу, почти соприкасаясь носами.

— Ну а теперь, старший брат котов и птиц, — сказал Жем, — что мы будем делать?

Ничего не ответив, Бенони крикнул в окно. Голос его разнесся по холлу, перекрыв шум стучащего по двери тарана, поскольку все женщины повернулись и стали всматриваться через темный холл.

Вытянув вперед рапибу, подбежала пфез Лезпет. За ней подошла женщина, держа в руках факел, который она вынула из углубления в стене приемной.

— Вы! — сказала Лезпет, разглядев в свете факелов лица стоящих за окном людей. — И вы тоже пришли, чтобы убить меня?

— Нет, — ответил Бенони. — Мы даже не знаем, кто хочет вас убить. Мы услышали шум и предположили — измена! Мы не смогли выйти через дверь, пришлось выбираться через окно.

— Вы перепрыгнули к моему окну? — глаза Лезпет стали еще шире.

— Да, впусти нас.

— Вы рисковали жизнью, чтобы помочь мне? — повторила она медленно, словно не могла поверить услышанному.

— Ты не можешь сломать эти прутья? — спросил Бенони. — Через пару минут тут понадобится парочка отважных бойцов.

— А вдруг это очередная ложь? — сказала женщина, держащая факел. — Ведь вполне вероятно, что эти дикари — наемники зеленых или скего!

— Да, все может быть, — ответила Лезпет. — Но если они — убийцы, почему безоружны?

Бенони понял, что Лезпет совершенно не паникует и рассуждает весьма трезво.

— Мы рисковали жизнью, ваше превосходительство, — сказал он. — Неужели наши усилия пропадут зря? Не растративайте понапрасну наши и свою жизни!

— Я думаю, это хитрая уловка, — снова заговорила другая женщина. — Пусть остаются за окном. Они стоят по ту сторону прутьев и не смогут навредить нам. Даже если эти парни на самом деле хотят нам помочь, у нас нет ни времени, ни сил, чтобы сломать прутья. В конце концов, они — всего лишь два дикаря.

— Эти парни не просто дикари, если прыгнули с другой стены, чтобы прийти мне на помощь, — возразила Лезпет.

— У нас мало времени, — сказал Бенони, указывая в глубину холла.

— Но у нас не хватит сил, чтобы сломать прутья, — воскликнула Лезпет.

Вместо ответа Бенони схватил обеими руками один из прутьев, то же сделал и Жем. Братья и не подозревали, что обладают силой, наполнившей их мускулы страхом смерти. Тем не менее прут согнулся, и на этот раз не пришлось вытягивать его из отверстий в стене. Обдирая кожу, Бенони и Жем наконец протиснулись между прутом и боковой стенкой окна.

Братья бросились мимо двух женщин и пробежали через холл в приемную — громадную палату с огромным камином в стене. Стены по обе стороны от камина украшали полки, заставленные и завешанные оружием и победными трофеями.

Бенони схватил короткий лук, сделанный из двух соединенных рогов длиннорогого буйвола, и колчан, полный стрел. Талию он опоясал ремнем с ножнами, отбросив длинный меч, засунул в ножны короткий клинок.

— Тут нет ни места, ни времени, чтобы как следует размахнуться широким мечом, — констатировал он.

Вооруженный луком, стрелами и мечом, Жем взял еще пять коротких клинков, но положил оружие на пол, когда Бенони попросил завалить двери мебелью.

Удары в дверь наконец-то увенчались успехом — в доске, укрепленной поперек двери, появилась трещина, но разбитая дверь еще держалась.

— Пошли со мной! — крикнул Бенони, отступая в коридор. В темноте коридора Жем и Бенони принялись заряжать стрелы в луки.

По приказу Бенони одна из женщин побежала в другой конец холла, чтобы задернуть окно портьерами.

— Они не смогут увидеть нас в темноте, — сказал Бенони, — по крайней мере не сразу. Встань слева от двери, — попросил он пфез. — Когда дверь сломается и изменники ворвутся в комнату — бросай в них копья. А ты, — обратился Бенони к другой женщине, которая не хотела их впускать, — возьми лампу и разлей масло по полу между дверью и баррикадой.

Он велел остальным двум женщинам сделать то же самое.

— И как только предатели ворвутся, — сказал юноша, когда женщины выполнили его указания, — бросайте на пол факелы.

Снаружи раздался радостный вопль, а затем жуткий шум — это таран в очередной раз ударился в дверь. В тот же момент доска, скрепляющая дверь, треснула пополам, и мужчины, держащие таран — толстое бревно из твердого дерева, — ввалились в комнату.

И тут одна из женщин бросила факел в масло, вокруг моментально вспыхнули языки пламени и поднялись клубы дыма.

Атакующие заорали, вскочили на ноги и попрыгали на верхушку баррикады, составленной из наваленной мебели. Некоторые оказались в огне, их зеленые плащи и юбки полыхали.

Бенони и Жем выпустили свои первые стрелы, целясь так, как планировал Бенони. Он выстрелил в крайнего левого, а Жем — в крайнего правого. Обе стрелы достигли цели, пронзив кольчуги и вонзившись в плоть. Мужчина, сраженный стрелой Бенони, упал спиной в огонь. Жертва Жема прокрутилась на месте и боком свалилась в языки пламени.

Лезпет метнула клинок и попала врагу в незащищенный участок шеи — между шлемом и кольчугой. Еще два клинка полетели в нападающих, но лишь один поразил противника.

Бенони и Жем снова выпустили стрелы, свалившие на место двух нападавших. Рапира Лезпет, пометавшись словно язык лягушки, вонзилась в глаз еще одного и проникла в мозг. Он упал, судорожно пытаясь вырвать рапиру из страшной зияющей раны.

Но наступавшие сзади еще не растеряли смелость и были решительны. Они вбежали сквозь огонь и бросились через баррикаду. Бенони и Жем выстрелили в третий раз. Бенони промахнулся, и его стрела вонзилась, качаясь, в деревянный косяк двери. Стрела Жема прошла через кольчугу в живот врага.

Покончив с первыми рядами нападавших и увидев, что в опасности одна из женщин, Бенони и Жем побросали луки, схватили клинки и бросились в рукопашный бой.

Бенони ринулся на мужчину, размахивающего коротким мечом, и метнул клинок прямо тому в горло. В тот же момент на Бенони замахнулся другой изменник, юноша отбил удар, но вражеский меч разрубил рукоятку клинка.

Бенони швырнул рукоятку в лицо врагу, вытащил из ножен короткий меч и взмахнул им. Скользнув по лезвию, меч Бенони уткнулся в эфес противника. Бенони отступил на шаг назад и острием меча полоснул по руке врага, перерезав тому сухожилия. Раненый с криками бросил оружие. Воспользовавшись моментом, Бенони с размаха рубанул по шее противника.

Но тут на Бенони прыгнули двое, и ему пришлось отступить. Один из нападавших упал, пронзенный насквозь стальным клинком, рукоятка которого торчала из его спины. Бенони успел заметить, что это сделала Лезпет. В следующий момент ему пришлось защищаться от огромного рыжего мужика, мастерски владеющего мечом.

Дважды юноша был ранен — один раз в ногу, другой — в руку. А рыжий гигант все наступал на него, надеясь оттеснить в угол комнаты и там прикончить. Бенони думал, что хорошо

владеет мечом, но его противник — большой, длиннорукий и старше на пять-шесть лет — превосходил юношу по силе и ловкости.

Однако любой человек, как бы мастерски он ни владел оружием, бессилен против стула, брошенного в спину. Рыжеволосый упал лицом вперед, от неожиданности моментально потеряв бдительность. Бенони взмахнул мечом и практически перерезал запястье упавшего. Тот попытался бежать, но не успел сделать и шага. Клинок Жема вонзился ему прямо в шею.

В следующий момент звон оружия стих. Все было кончено. По крайней мере в этой комнате и на данное время. Крики и звон стали доноситься из других помещений дворца.

Все нападавшие, кроме двух обгоревших, были мертвы. Погибли три женщины, одна оказалась тяжело раненой. Ни один человек не остался невредимым...

— Ты доказал, каков ты на самом деле, Райдер! — сказала Лезпет, обвязывая руку платком, чтобы остановить кровь, сочащуюся из раны. — Виновен ты или нет, бросил ли ты соотечественника из Айзонах на верную смерть или нет, но ты доказал, каков ты.

— А вы еще не определили? — удивился Бенони. — Я думал, что атспика сказал... — он умолк, поскольку понял, что пфез думает о чем-то другом. Ей надо было подумать. Измена. Сражение во дворце, ее будущее, даже если изменники убиты.

Внезапно раздался топот бегущих ног и звяканье доспехов.

— Если это приближаются враги, — сказала Лезпет, — и если их много, сразу же убей меня. Я не сдамся в плен и не собираюсь сносить унижения.

— Я предпочитаю пару лишних раз махнуть мечом, чтобы убить проклятых изменников, чем тратить время на вас, ваше превосходительство, — сказал Бенони.

Он стоял в комнате рядом с составленной из мебели баррикадой. Масло прогорело, и Бенони раздумывал, не налить ли на пол еще. В следующую секунду он увидел начальника приближающегося отряда и на душе сразу полегчало. Приближающийся человек оказался генералом Первой Армии, одетым в алый плащ. Так как все атакующие носили зеленые плащи (что отличало их как оппонентов партии *Мохсо*), а члены партии атспики носили как отличительный знак алые плащи, то приближающийся человек, по всей видимости — верноподданный пфез.

Однако кто знает, может, и этот человек — предатель. Поэтому Бенони приладил стрелу к тетиве и направил ее на генерала, готовый выстрелить, когда ситуация прояснится.

Немолодой седовласый генерал остановился в дверном проеме, всматриваясь в темноту и держа в руках окровавленный меч.

— Ваше превосходительство! — воскликнул он, увидев пфез. — Вы живы! Хвала Первейшему!

— Да, дорогой кузен, — ответила Лезпет, — да. Благодаря этим двум дикарям и моим храбрым фрейлинам. Скажи мне, что произошло?

— В принципе шансы у нас и у изменников были равные, но мы победили. Подробностей я, конечно, не знаю, но похоже, что Зеленая партия или какие-то ее члены устроили заговор с агентами Скего, чтобы убить вас. В заговоре участвовали даже некоторые люди из вашей личной охраны. Все изменники из личного эскорта мертвы, но мы взяли в плен несколько предателей из Зеленых и, по крайней мере, одного агента Скего. Но он сильно ранен и, вероятно, скоро умрет.

Он помолчал, а затем заговорил вновь:

— У меня есть очень плохие новости. Ваш дядюшка и мой, Дживи, атспика, мертв.

Лезпет вскрикнула, покачнулась.

— Где он? — спросила она, взяв себя в руки.

— Мы нашли его тело в комнате, ваше превосходительство. Вам будет приятно услышать, что хотя атспика был стар, но вел себя как подобает Мохсо. Он убил сильного молодого парня и тяжело ранил второго. Ни один лев не сравнится со старым львом. Но предатели отрезали ему голову и забрали с собой. Несколько минут назад мы нагнали осквернителей и обезглавили их. Я уже передал останки атспики рабам, чтобы они подготовили тело к государственным похоронам.

— Мы возместим потерю его головы сотнями, тысячами голов изменников, — твердо сказала Лезпет. — Но сейчас не время думать о похоронах. Я уверена, что мерзкие Зеленые предпринимают всевозможные меры, чтобы обеспечить успех. Пойшли кого-нибудь в город, чтобы выяснить, что там происходит.

Генерал отсалютовал мечом, повернулся и ушел, оставив двадцать человек для защиты пфез.

Бенони и Жем перевязали раны и последовали за пфез в приемную, где их допрашивали накануне утром. Бенони наконец понял, как велика эта женщина! Быстро разрешая возникшие проблемы, пфез превратилась в вихрь энергии. Если раньше у Бенони еще оставались какие-то сомнения в ее компетенции как правительницы, теперь испарились даже остатки этих сомнений. Поданные пфез, казалось, думают то же самое, поскольку они приходили с вопросами и уходили, удовлетворенные ответами.

В этот момент появился Джоел. Он держал в руках окровавленный меч и громко хвастался, что сломал дверь своей комнаты, как только услышал шум, производимый, должно быть, убийцами. Он взял меч у погибшего солдата и убил трех Зеленых. А сейчас явился, чтобы служить пфез и защитить, если потребуется, ценой своей жизни.

Лезпет коротко поблагодарила его и сказала, что ей повезло, что трое дикарей гостили во дворце этой ночью.

Тем не менее, когда Джоел отошел в сторону, пфез приказала офицеру проверить рассказ Джоела — после окончания других, более неотложных дел. Нечаянно услышав это, Бенони заинтересовался, что же она подозревает.

Но в ту же ночь этот офицер погиб, а пфез, вероятно, забыла о своем приказе.

Ночь медленно тянулась, и постепенно прояснилась картина происшедших событий. Бенони, частично знавший историю Кайво, теперь слегка вникнул и в политику. Первоначально городская власть представляла собой демократию во главе с правительством, избираемым жителями, владеющими более пяти акрами земли. Но около ста лет назад семейство Мохсо практически монополизировало должность президента и большинство мест в Палате спикеров, однопалатном органе законодательной власти. В президенты избирались или члены семьи Мохсо или их близкие родственники. Тем временем спикеры повысили требования к избирателям: чтобы участвовать в выборах, мужчина или женщина должны были владеть тремя сотнями акров. А чтобы получить право бороться за место в Атспике, требовалось владеть тысячей акров или эквивалентным количеством собственности.

Некоторые представители низших классов долгое время агитировали за уменьшение количества условий, предъявляемых избирателям. Зеленые, оппоненты партии Альх, или Мохсо, являясь выходцами из аристократии, вступили в союз с простолюдинами. Они знали, что старый Дживи Мохсо хочет окончательно отменить избирательную систему и установить династическое правление своей семьи. А во время недавней войны с Джуджу и Сенглви ему удалось приостановить действие конституции, или так называемого Нерушимого Соглашения Старейшин Кайво. Дживи также планировал продолжить приостановку конституции на время грядущей войны со Скего и хотел назначить своего брата на должность пфез. Однако во время штурма Сенглви брат и двое его сыновей погибли при весьма загадочных обстоятельствах. Зеленые торжествовали, поскольку у них появился шанс избрать одного из своих. Но старый хитрый лис опередил своих оппонентов. По законам Кайво пфез имел право назначить своего преемника на случай

смерти во время правления. До сих пор преемников еще никто не назначал, и Зеленые полагали, что брат Дживи забыл о такой возможности. Дживи исполнил желание брата и, свидетельствуя перед верховным жрецом Первейшего (Мохсо), назначил на должность пфез свою дочь.

Зеленые яростно протестовали, говоря, что, во-первых, воля брата — всего лишь мошенничество. Во-вторых, женщина не может быть пфез. Но Дживи указал, что в неясно сформулированном Нерушимом Соглашении не определяется, что править должен обязательно мужчина. Посчитав очень маловероятным, что женщина все-таки будет избрана, когда дело дойдет до выборов, и полагая, что она вряд ли окажется способной править Кайво и неизбежно опозорит семью Мохсо, зеленые согласились принять Лезпет в роли пфез.

К их опасениям, молодая женщина быстро продемонстрировала себя как успешного правителя. Частично это определялось тем, что Лезпет во многом полагалась на советы дядюшки. К тому же ее успешность быстро привела к популярности.

И поэтому Зеленые, решив, что война со Скего разрушит и без того ослабленный Кайво и что убийство женщины-пфез — их патриотический долг, сговорились со Скего.

Этой ночью Зеленые и несколько агентов скего совершили попытку покушения. Третья Армия, офицеры и сержанты которой в основном являлись Зелеными, подняла мятеж. Сначала они вступили в бой с преданным пфез меньшинством внутри своей армии, решив, что в случае победы отправятся во дворец, вербя по дороге новых солдат.

Той ночью на улицах города и крышах домов завязались кровавые сражения. Часть города охватили пожары. Еще до наступления утра часть города (беднейшие районы) сгорела дотла. Но победила Первая Армия, которая поспешило прибыла из загородных лагерей, располагающихся в пяти милях от границ Кайво.

Ночью Жем и Бенони приняли участие еще в нескольких сражениях. Покинув дворец, Лезпет повела своих последователей в уличные бои. Хотя она почти не принимала участия в настоящих сражениях, но проявила себя этой ночью как стратегический гений. А почему бы и нет, говорили упоенные победой последователи пфез. Ведь она же внучка Вийи Мохсо, великого генерала, уничтожившего варварских захватчиков Тензи!

Весь следующий день, вместо того чтобы отдыхать, Лезпет при помощи хлыста и огня допрашивала пленников. Она приказала арестовать всех спикеров из числа Зеленых и их семей. Многие, понимая, какая участь им уготовлена, уже бежали на север, прихватив семьи. Или, в некоторых случаях, оставив

своих родственников в Кайво. Этих бедных несчастных неудачников тотчас же лишили гражданства и продали в рабство. А собственность конфисковали в пользу государства.

К вечеру четвертого дня Лезпет держала весь Кайво под жестким контролем. Действие Нерушимого Соглашения опять приостановили — на время чрезвычайного положения, большинство Зеленых были убиты, арестованы или сбежали. Группа энтузиастов из простого народа и алых кефлвий предложила Лезпет корону, приняв которую пфез считалась бы императрицей.

Она, однако, отказалась, сказав, что Нерушимое Соглашение необходимо восстановить, а граждане Кайво должны всегда оставаться свободными и тому подобное...

Толпа восторженно приветствовала Лезпет и провозгласила, что никто не мог бы стать лучшей пфез, даже мужчина.

Бенони изумлялся всему происходящему и размышлял, что же случится с Кайво дальше. Если Кайво был ослаблен и раньше, остались ли какие-то силы сейчас? Часть города разрушена, Третья Армия уменьшилась наполовину, множество офицеров убиты либо покинули страну, чтобы сражаться на стороне Скего. Если народ Айзонах придет, чтобы сражаться за Кайво, успеет ли он прибыть до того, как нагрянут скего из Северных морей, перебьют обитателей Кайво и продадут их в рабство?

На пятый день, стоя на углу улицы после триумфального парада Первой Армии, Бенони встретил странного человека — высокого парня, носившего зеленый тюрбан и ниспадающие белые одежды. Нижнюю часть лица незнакомца закрывала вуаль, которую он носил, очевидно, как украшение или из религиозных соображений, поскольку ткань была слишком прозрачной и не скрывала черт его лица — очень темную кожу, темносиние глаза, крючковатый нос и тонкие губы. Черная с преседью борода свисала до середины груди. Странный парень был обут в коричневые туфли с загнутыми концами, изготовленные из шкуры какого-то животного. На шее висела нитка бус, которые он постоянно перебирал.

Бенони некоторое время наблюдал за незнакомцем и вскоре понял, что тот тоже наблюдает за ним. В конце концов, когда толпа склонилась, человек заговорил с Бенони. Хотя парень свободно говорил на кайво, в его речи слышались какие-то странные звуки.

— Незнакомец и брат, — сказал он, — разреши мне представиться. Я Хиджи Алфату ибн Абду из земли Кхеми, которую я иногда в шутку, а иногда всерьез называю Ав Хичмакани. Что означает «из ниоткуда», если ты простишь столь вольный перевод. О, незнакомец, не сочтешь ли ты меня невоспитанным, если я спрошу, как тебя зовут и из каких ты дальних земель?

— Конечно нет, — ответил Бенони, улыбаясь, хотя и чувствуя неловкость. — Я Бенони, сын Хози, и я происхожу из народа финикс, живущего в земле Айзонах. Но скажи мне, как ты узнал, что я не из Кайво?

— Я услышал несколько слов, которые ты сказал черному человеку, который только что ушел, — ответил Алфату ибн Абду. — Прости мою кажущуюся нескромность, но я обладаю острым слухом и знаю множество языков, возможно, больше, чем кто-либо на земле, хотя мои враги и некоторые друзья часто злословят по этому поводу. Я немедленно смог определить, что ты вообще не местный. Хотя твой язык отдаленно похож на кайво.

— Ну да! — удивился Бенони. До сих пор юноша полагал, что язык айзонах и язык, на котором говорит Жем, происходят из одной языковой группы, а вот кайво — совершенно иностранного происхождения и не имеет никакого отношения к инкличу.

— Что? Айзонах? Так, значит, то, что я слышал — правда. Что два дикаря, прости за выражение, прошли тысячу или больше миль с запада, пробираясь из ужасной пустыни, страны извергающих огонь гор и разрушающих дома землетрясений?

— А где находится Кхеми? — спросил Бенони.

— Гораздо дальше, чем твоя пустыня, друг мой. В десять раз дальше, если идти по прямой. А если считать путь, который прошел я, — в сорок раз дальше. Путь тот извилисто, как полет пьяной вороны. Кстати говоря, не окажешь ли почтение, позволив мне угостить тебя напитком?

— Я не пью, — ответил Бенони, готовый обидеться, если новый знакомый засмеется.

— О, сколь приятно моему сердцу встретить верблюда так далеко от берегов моей родной реки. Зато я пью. Моя религия запрещает употребление алкогольных напитков, поэтому я пью все прочее. Пошли, я куплю тебе чашку отвратительного варево, которое здесь называется кофе.

— Благодарю. Но у меня назначена встреча, на которую я не могу опаздывать.

— Очень плохо. Возможно, как-нибудь в другой раз. Хотя, учитывая последние события, лучше не строить никаких планов на будущее. Возможно, место нашей встречи окажется разрушенным, или будет убит один из нас, или он сбежит ради спасения собственной жизни. Все-таки скажи мне, так ли опасно путешествие в твою далекую страну? Я говорю это, конечно, шутя, потому что я всегда отправляюсь только в опасные путешествия. Ах, как бы хотелось вновь побывать дома, увидеть пирамиды и каменного сфинкса, и холодные воды реки, за которой я впервые увидел свет восточного дня.

Хотя Бенони очень беспокоился, чтобы вовремя прибыть во дворец на встречу с пфез, его переполняло любопытство. Только что кругозор его пополнился чем-то новым и неизведанным, и теперь источник этого может навсегда уйти, не оставив ничего, кроме журчания странных названий и неясных упоминаний о расстояниях и землях, о которых трудно и мечтать.

— Ты говоришь так, словно заходил дальше, чем Джинья, — сказал он. — Как такое могло произойти? Разве за Джинья не находится край мира?

— Я не стану смеяться над твоей трогательной наивной фразой, дружище. Я слышал слишком много с тех пор, как приехал в эту страну. Я часто видел озлобленные лица и стиснутые кулаки, когда выражал удивление подобным невежеством. Да, я был далеко на востоке. И точно знаю, мир не кончается за Джинья. Верь мне, Алфату ибн Абду, всеведущему человеку. Потому что я постоянно скитаюсь по миру, изучаю все, что могу, чтобы составить отчет и, возможно, написать книгу. Я уполномочен на это Консулом Африки.

А потому я пересек море, которое больше всех морей, вместе взятых, и прошел в северном направлении множество стран, пока не оказался среди резкого климата Сканавы, вечно угрожающей Африке с моря. Хотя народ Сканавы не так ужасен, как яги в Азии. Я попросился на корабль и пересек море, величайшее из всех в мире морей, хотя я слышал, что на западе есть еще большее море. И я спустился по реке к Северному морю и немного пожил в стране Скего.

Затем я сплавился по реке Сий, действительно великой реке, в Сенглви как раз после того, как туда нацелился Кайво. А потом попал сюда.

Я свободно владею сорока языками, довольно хорошо знаю три мертвых языка и несколько диалектов. И могу сказать, хотя мне и неприятно делать это, ибо могу показаться хвастуном, что знаю мир лучше, чем кто-либо из живущих.

— Путешествие вокруг света? — изумленно пробормотал Бенони. — Я слышал, некоторые говорят, что мир — круглый; другие говорят, что мир плоский, или квадратный, или — что он не имеет начала и конца и сливается с небом, над которым находится рай. Я не так удивлен тем, что мир круглый, как тем, что он такой огромный. Но мне пора.

— Мудрость и правда пытаются задержать человека, а он убегает, — печально сказал Алфату. — Ладно, иди.

— Только хочу еще тебя спросить кое о чем, — сказал Бенони. — Ты побывал в Скего. Как ты думаешь, кто победит — Ского или Кайво?

Алфату прекратил перебирать бусины и вознес руки к небу.

— Кто знает? Только Аввах! С точки зрения статистики, в правильности которой можно и усомниться, кажется, что Скего находится в лучшем положении. Но и у Ского есть свои проблемы. Вся история — которую я могу тебе рассказать, поскольку все жители этой страны, как и большинство моих соотечественников, не знают такой науки — свидетельствует о том, что у молодого народа могут возникнуть большие проблемы, чем у Кайво, даже если они выживут и станут править миром. Вспомни Рим. Ты никогда не слышал о Риме? Я думаю — нет! Что ж, ты все равно не останешься, чтобы послушать.

Но я могу сказать кое-что этому миру, мой друг. Забудьте о войнах против друг друга, объединяйтесь. Потому что однажды через океан Лантук перенесется ужасная опасность, какая тебе и не снилась. Яги, которые восстановили давно затерянный секрет древних. Взрывчатые вещества. Яги начали угрожать Африканской Империи, когда я уезжал. Они, я имею в виду яги, разрывали наши армии на куски. Насколько мне известно, Кхеми может прекратить свое существование к тому времени, как я обогну мир и вернусь. Надеюсь, что такого не случится, но на все воля Авваха. И то же самое говорят те, кто должен знать, но часто не знают.

— Если ты отправишься на запад, — сказал Бенони, — поищи... — И юноша рассказал о странном конусообразном доме из серебристого металла, который он видел на великих равнинах.

— Волосатые люди со звездами! — изумленно воскликнул Алфату, услышав об этом.

Бенони хотел спросить, кто же такие волосатые люди со звезды, потому что слышал о них уже второй раз. Но он знал, что может опоздать, а пфез не терпит опозданий.

— Увидимся, — сказал юноша и ушел.

— Вернись, дружище! — прокричал вслед Бенони человек с вуалью. — Ты раздразнил мое любопытство и оставляешь меня! Это против природы и воли Господа!

Бенони поспешил в палату, где впервые встретился с пфез. Его приветствовали Лезпет и новый атспика, ее кузен, генерал Первой Армии.

— Благодаря вашей очевидной преданности мне и тому, как вы сражались за мою жизнь, — сказала пфез, — я хочу включить вас в ряды моей персональной охраны, «красных волков». Мой любимый кузен приведет вас к присяге.

Лезпет Моксо положила меч на стол и попросила Бенони, Джоела и Жема положить правую руку на лезвие.

— Клянетесь ли вы именем своего бога или других богов и этим мечом подчиняться пфез Кайво и отдать за нее свою жизнь в случае необходимости? Клянетесь ли вы богом своим

или другими богами и этим мечом защищать ее от любой опасности, до тех пор пока не будете освобождены от этой клятвы?

Бенони медлил, поскольку не понимал, зачем им становиться членами личной охраны всего за несколько недель до отъезда на родину. Но затем понял, ради чего все это делается. Чтобы пфез была уверена, что Бенони, Джоел и Жем не предадут ее, что будут вести переговоры, основываясь на интересах Кайво. И что они не поведут против Кайво отряды своих людей.

— Почему ты медлишь? — Пфез строго посмотрела на Бенони. — Твои товарищи долго не раздумывали.

— Я не даю клятв просто так, — ответил он. — Клятва дается раз и навсегда.

— Хорошо, — вдруг улыбнулась она. — И что ты надумал?

— Я поклянусь, что сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти тебя от опасности. До тех пор, пока я останусь членом «красных волков». До тех пор, пока ты останешься другом моему народу.

— Пфез не подобает торговаться с дикарями, — произнесла она ледяным тоном, лицо ее внезапно окаменело. — Но так как мы имеем дело с особым случаем и поскольку мы не можем ожидать, что ты поклянешься чему-либо, что повергнет в опасность твою маленькую страну-город, мы согласны. Хорошо, мы изменим клятву. Ты поклянешься защищать меня, пока я не стану врагом твоему народу. *

Бенони немного запутался в разнице между тем, чтобы быть другом или не быть им, но не увидел в этом ничего опасного. И поклялся.

Женщина немного расслабилась и приказала принести всем вина.

— Мы выпьем за успех вашей миссии, — сказала она.

Бенони сначала подумал отказаться, но затем решил, что не случится ничего страшного, если он выпьет. В конце концов, вина и ликеры разрешалось пить во время религиозных церемоний, а только что закончившееся посвящение в «красных волков» носило, по крайней мере, полурелигиозный характер.

— Наверное, вы, два финикянина, удивляетесь, почему одного из вас не судили и не казнили на следующий день после того, как мы решили определить, кто же из вас лжет, — сказала пфез, когда все быстро проглотили вино. — Я расскажу, почему так случилось. Покойный дядюшка сказал, что знает, кто виноват, но не скажет мне, как он это узнал. Потому что когда-нибудь я останусь без его покровительства и мне придется все выяснить самой, хотя он и даст мне кое-какие ключи к разгадке.

Дядюшка часто поступал подобным образом, тренируя меня как правительницу Кайво.

Должна признаться, я не знала того, что знал он, и собиралась обдумать этот вопрос рано утром. Но события последующей ночи спутали все планы. Дядюшку убили. К счастью для вас обоих. Однако я пришла к выводу, что неважно, кто из вас оставил другого умирать в далекой пустыне. Вы оба продемонстрировали верность мне. К тому же я не могу порицать ложь ради причинения вреда врагу. Наш бог говорит, что так поступать — правильно.

Конечно, если бы я посвятила вас в «красных волков», а затем задала бы вопрос и получила в ответ ложь, то посчитала бы вас изменниками и предателями. Но я не собираюсь делать этого сейчас. Так что считайте, что вам повезло.

Бенони был шокирован услышанным. С того самого дня как он стал понимать значение слова «ложь», его учили, что лжеца надо осуждать, несмотря ни на какие обстоятельства. Хотя, конечно, не все айзонах поступали согласно этому в жизни, свидетельство чему — Джоел Вандерт. Но по крайней мере у народа Айзонах существовали свои представления о лжи, а у народа Кайво — совершенно противоположные.

Но может ли тогда Айзонах доверять словам Кайво?

В течение следующих двух недель у Бенони не было времени думать об этом. Его образование продвигалось вперед быстрыми темпами. Наконец однажды утром прибыл посланник от пфез и прервал занятие по истории Кайво. Посланник сообщил, что Бенони должен уехать через два дня на рассвете. Его и Джоела Вандерта будут сопровождать двадцать кавалеристов и два посла.

— И я уезжаю тем же утром, — печально сказал Жем. — Мой кровный брат, у меня очень дурные предчувствия по этому поводу. Мне кажется, скоро нам придется навсегда расстаться.

— Надо надеяться на лучшее, — ответил Бенони. — Но даже если и так, на то воля Иеговы.

В ночь перед отъездом Бенони и Жем засиделись допоздна, беседуя о том, что уже пережили и что ждет их впереди.

— Ну почему бы нам не уехать сегодня ночью? — спросил Жем чуть не плача. — Ведь мы можем пойти на восток. Говорят, народ ийква принимает к себе всех беглецов. В стране Ийква прекрасная жизнь. Они живут в лесах среди гор, занимаясь рыбалкой и охотой. Мы с тобой могли бы жениться на краснокожих женщинах, которые растили бы наших детей и возделывали земли, а мы бы наслаждались жизнью.

— Звучит неплохо, — вздохнул Бенони. — Но мы дали слово пфез. И судьба моего народа зависит от моей миссии. К тому же я люблю Дебру Аврез. Ее лицо часто снится мне.

— Ты говорил мне, что пфез тоже иногда снится тебе, — сказал Жем. — Что же это означает?

— Человек не контролирует свои сны, — сказал Бенони. — И я был бы последним дураком, если бы мечтал жениться на пфез. Она думает обо мне как о дикаре.

— Да, ты был последним дураком. Но и дикари бывают дураками.

Жем выпил полбутылки вина и вскоре заснул. Бенони еще какое-то время не ложился, размышляя, правильно ли он поступает. Затем, решив, что время покажет, тоже погрузился в сон.

Когда юноша открыл глаза, ему показалось, что он только что заснул. Одетый в доспехи, «красный волк» тряс Бенони за плечо и кричал, чтобы тот проснулся.

— Но еще даже не рассвело, — сказал Бенони, садясь.

— Вылезай из кровати и надевай военную форму! — повелительно крикнул солдат. — У вас пятнадцать минут, чтобы построиться перед дворцом!

«Красный волк» быстро удалился, и Жем с Бенони бросились исполнять приказ. Пока они надевали доспехи и прилаживали на спины походные мешки, рабы оседлали для них лошадей. Проверив лошадей и убедившись, что упряжь в порядке, братья вскочили в седла и поскакали к Кольцу Первейшего на площади перед дворцом.

Там они заняли место в шеренге Пхясот среди остальных «красных волков».

Вскоре появилась пфез в доспехах и на белом коне. Ее сопровождали кузен, атспика и генерал кавалерии Первой Армии.

Заиграли трубы, забили барабаны. Лезпет придерживала рвущуюся с места лошадь.

— Солдаты Кайво! — сказала пфез громким голосом, разнесшимся над шеренгами. — Мы должны немедленно скакать на север! В леса на берегу реки Л'ван! Мы только что получили сообщение, присланное с почтовым голубем нашими агентами! Не стану рассказывать вам сейчас, о чем это сообщение, ибо дорога каждая секунда. Вы все узнаете на первой же стоянке. Просто доверьтесь мне, и я поведу вас правильным курсом. Обещаю вам трудную дорогу и тяжелые бои, когда мы доберемся до места назначения! Судьба Кайво сейчас зависит от вашей лошади и вашего меча!

Пфез развернула белого жеребца и помчалась галопом на север, по авеню Победы. Свита последовала за ней на такой

же сумасшедшей скорости. Через несколько секунд тронулись в путь и «красные волки».

Они скакали всю ночь и весь день. Иногда они останавливались, чтобы дать отдых лошадям; иногда спешивались и шли быстрым шагом, ведя лошадей за собой. За «красными волками» ехала ударная кавалерия Первой Армии, состоящая в основном из молодых аристократов Кайво — лучших наездников в стране, фанатично преданных пфез.

— Говорят, что пехоте Первой Армии тоже дали лошадей и они следуют за нами так быстро, как только могут, — сказал Жем. — Ты видел повозки с провиантом? Очень легкие, запряженные всего лишь шестью лошадьми. И в повозках нет ничего, кроме еды, воды, одеял и оружия. Только предметы первой необходимости. Даже палаток нет.

— Я не понимаю, к чему такая спешка, — сказал Бенони. — Наверное, случилось что-то действительно серьезное, если даже нас взяли в этот поход.

Ночью войска разбили лагерь около большой долины. Всем пришлось разводить костры и готовить еду, потому что в экспедицию не взяли рабов и слуг, чтобы те не мешали. Каждому солдату выделили еще по две лошади, реквизированных из деревень, городов и ферм, которые встречались по пути. Наездникам не нужно так уж много отдыхать, но важно, чтобы сменялись лошади, везущие людей.

После еды все собрались вокруг большого костра в центре лагеря. Здесь же возвели помост из бревен, чтобы пфез смогла с высоты обратиться к своим войскам.

Увидев Жема, Бенони и Джоела в первых рядах «красных волков», пфез страшно удивилась.

— А вы что здесь делаете? — тихо спросила она, подозвав их к помосту.

— Нам приказали, — ответил Бенони.

— В спешке мне и в голову не могло прийти, что вы пойдете вместе с «красными волками», — сказала Лезпет, закусив губу. — Хотя в конце концов вы — члены моей личной охраны. А я дала приказание немедленно собрать все войска. Но я думала, что вы, трое, уже в пути вместе с эскортом.

— Эсорт едет с нами, — сказал Джоел. — Я видел офицера, который командует отрядом сопровождения.

— Ничего не поделаешь, — сказала Лезпет. — Теперь все изменилось. Если наш поход завершится успешно, вам не надо будет торопиться выполнить вашу миссию. Если же мы проиграем, чего, конечно же, не случится, никому уже не придется никуда ехать, — и она отослала их обратно.

— Солдаты Кайво! — обратилась пфез к войскам. — Наши шпионы из лесов Л'ван прислали во дворец почтового голубя

с очень срочным сообщением. В нем говорится, что народ Плаввау — независимой деревни дикарей, живущих на берегу реки Л'ван, — копал ров для установки новых стен вокруг деревни. Копая, плаввау наткнулись на странный объект — огромное конусообразное здание из твердого серебристого металла. Вероятно, оно было закопано в земле около тысячи лет. Наверное, это корабль волосатых людей со звезды!

По рядам войск пробежало волнение. Пфез подняла руку, призвав к тишине, и продолжила:

— Никто не знает, что находится в корабле. Возможно, там нет ничего, возможно, все разграбили или увезли, и корабль уже тысячу лет находится под землей пустым. Такой же корабль недавно видел на великих равнинах один из наших «красных волков», дикарь из Айзонах. В том корабле жило племя дикарей.

Но, возможно, с кораблем, найденным плаввау, все обстоит совершенно иначе. Возможно, когда он падал, то образовал большую яму и был быстро засыпан землей. Или же корабль упал, разрушив близлежащие территории, и ветер занес его пылью и песком. В любом случае, если корабль не опустошен, в нем может находиться множество волшебных устройств, принадлежавших волосатым людям со звезды! А тот, кто завладеет этими устройствами, сможет контролировать демонические силы!

Снова поднялся шум, кое-где раздались крики. Но пфез опять подняла руку и заговорила:

— У Ского, конечно, тоже есть там шпионы, которые также пошлют сообщения своим правителям. Поэтому вы можете смело поспорить на все жалованье последующих десяти лет, что ского отправят в Плаввау солдат и что их войска уже сейчас мчатся к деревне дикарей.

Мы должны первыми добраться туда! Мы должны потребовать, чтобы корабль отдали Кайво! Если плаввау откажутся — отберем силой! И если появятся ского, нам придется сразиться и с ними!

Солдаты восторженно закричали. Их мечи блеснули в свете костров, когда они поклялись забрать корабль или умереть все до одного в бою за Кайво. После этого пфез распустила солдат, и все вернулись к своим одеялам.

Лезпет жестом приказала трем дикарям подойти к костру.

— Теперь, — сказала она Бенони, — ты понимаешь, почему мой дядюшка так удивился, услышав твое описание серебристой конструкции на равнинах?

— Да. Эти ваши волосатые люди со звезды — наверное, те же самые существа, которых айзонах называют демонами. Наши священники говорят, что тысячу лет назад демоны вышли

из земли и начали войну против людей. Но люди загнали их обратно в недра земли. Время от времени Сейтах пытается освободиться, вот почему случаются землетрясения и горы извергают огонь.

— У нас тоже есть легенды, — засмеялась Лезпет, — которые являются частью нашей религии, и, я предполагаю, вашей религии тоже. Я расскажу вам одну из этих легенд.

Когда-то люди, жившие на Земле, были очень сильными и мудрыми. Миллионы людей заселяли всю землю, не то что горстки людей, живущие кое-где по миру, как мы сейчас. К тому же люди были очень счастливы, так как умели управлять погодой, выращивать столько пищи, сколько хотели, и стали такими могущественными, что даже покорили бога солнца и демонов земли. Но богу солнца и демонам земли, враждовавшим друг с другом, не нравилось такое порабощение, и их очень злило высокомерие человека. Поэтому несмотря на вражду, они объединились. Демоны отправились на далекие звезды на машине, которую им дал бог солнца, и вступили в сговор со своими братьями, жившими на звезде или звездах, — полулюдьми, полудьяволами.

Однажды полудьяволы, выглядевшие как волосатые люди с остроконечными, покрытыми мехом ушами, появились над землей в своих кораблях. Они наврали людям Земли, сказав, что им негде жить. Бог солнца разозлился на волосатых людей, сжег и разрушил их мир. Нет ли на Земле места, где они бы могли жить?

Но Земля сказала — нет. Людям и самим не хватает места. В те времена каждый мужчина и женщина жили тысячу лет и производили на свет много детей, которые тоже жили тысячу лет. Тогда волосатые люди со звезды сказали, что они найдут место для себя. И началась война. Самая ужасная из войн, происходивших на Земле. Когда война закончилась, не осталось в живых ни одного волосатого человека со звезды. Но люди Земли заплатили огромную цену за победу. Выжил только один человек из каждого ста тысяч. Но и те, кто не погибли во время битвы за выживание, забыли свое волшебство, забыли все, что когда-то знали и умели. Они превратились в дикарей, несчастных свирепых людей. И только за последние двести лет человечество вновь приумножилось и поумнело настолько, чтобы построить цивилизацию.

— Это не совсем то, что я слышал, — осторожно сказал Бенони, не желая вступать в религиозные дискуссии. — Мы никогда не слышали о волосатых людях со звезд. Наши жрецы говорят, что демоны земли пытались поработить людей. Они призвали на помощь демонов воздуха, но большинство из них попали в плен и заперты под землей вместе с Сейтах.

— Твоя история, — снова засмеялась Лезпет, — и история, которую рассказывают в моей стране, хороши лишь для простых людей, детей и дураков. Им нужно что-то, что они могут понять. Но я думаю иначе. Я думаю, что волосатые люди были подобны нам, жили на планете, похожей на нашу, вращавшуюся вокруг звезды, служившую солнцем их планете. Что-то заставило их покинуть свой мир, возможно, их солнце стало слишком горячим. Так или иначе, они прилетели в огромных кораблях и попросились жить на Земле. Люди отклонили их просьбу, не знаю, по какой причине. Последовала война, и цивилизация была уничтожена.

Но я не верю ни в каких богов солнца и демонов земли. Я не верю в существование Первого Бога, как не верю в то, что Кайво основал двухголовый сын двухголовой волчицы.

Конечно, если бы ты говорил такие вещи простым людям, я бы запретила тебе делать это и сожгла бы как богохульника. Лучше всего — публично признавать общепринятую веру. По крайней мере, она поддерживает порядок в обществе. Это полезная ложь, декоративный вздор.

Бенони был потрясен. Он тоже не верил в существование бога солнца. Но верил в демонов земли. Он никогда не увидел бы землетрясений и огромных трещин в земной поверхности, если бы Сейтах не пытался сбросить с себя цепи глубоко под землей.

— Ты выглядишь потрясенным, — сказала Лезпет. — А зря. Неужели ты до сих пор не понял, что многие вещи, в которые ты верил, пока жил за своими пустынными горами, на самом деле выглядят совершенно по-другому? И ты еще увидишь, что очень многое в этом мире не соответствует твоим представлениям.

Бенони вернулся к своему костру очень озабоченным. В течение последующих четырех дней у него хватило времени, чтобы подумать. Какие-нибудь дела находились постоянно, но юноша делал все автоматически, и ум его был свободен. Неужели правда то, что сказала Лезпет? Что лгут обе их религии? Но даже если, скажем, Иегова — настоящий бог, почему его знают только в Долине Солнца? А не во всем мире?

Когда-то Иегову знала только небольшая группка людей — евреи. И они, люди пустыни, понесли свою веру в земли Канаан и по всему миру. А значит, и в Айзонах? Возможно, все было так, как говорят жрецы. И Иегова явился первоисточником для всех верующих. Айзонах переняли факел истинной религии от евреев, которые, наверное, погибли, так как никто за пределами Долины Солнца не слышал о них. А может, они происходили из земель, откуда пришел словоохотливый человек с вуалью Алфату ибн Абду?

Но жрецы утверждали, что только айзонах знают истинного бога. Все другие люди поклоняются Сейтах. Например, навахо или мек.

«Но, — думал Бенони, — почему я никогда не думал об этом раньше? Я же прекрасно знаю, что навахо никогда не слышали о Сейтах, а бога, которому поклоняются мек, зовут Тхис. Никогда раньше я не думал об этом».

К тому времени как отряды под предводительством пфез достигли Сенглви, Бенони решил на время забыть о религии. По крайней мере пока что. Было гораздо проще жить только настоящим и думать о предстоящей битве.

Ночь войска Кайво провели на земле вокруг переломанных стен покоренного города. На рассвете солдаты и лошади погрузились на быстроходные длинные низкие галеры. Приказ подготовить лодки послали заранее при помощи барабанов и гелиографа. Огромная команда гребцов работала посменно день и ночь, и галеры продвигались еще быстрее, чем лошади, не останавливаясь даже для отдыха.

Бенони очень устал и проспал целый день, а на следующее утро наступила его очередь грести. Гребля, конечно, рабская работа, но так приказала пфез. Рабы имели возможность отдыхать, пока надрывали спины солдаты, но зато, когда приходила очередь невольников работать веслами, им приходилось надрываться еще сильнее. И молоток человека, отсчитывающего взмахи весел, стучал еще быстрее, чем обычно.

Плыя недалеко от берега, там, где поток воды был самым слабым, галеры постепенно обгоняли течение широкой и мутной реки Сий, Отца всех Вод. Затем лодки повернули направо, в устье реки Л'ван и поплыли на север. Цивилизованные районы остались позади, на берегах стали виднеться небольшие деревеньки, населенные дикарями Л'ван. Солдаты и рабы работали веслами, ели и спали по сменам, не остановившись ни разу, поскольку везли с собой все необходимое. Диких их не тревожили. Увидев огромную флотилию, движущуюся вверх по реке, они или спешно захлопывали ворота деревянных деревней-фортов, или в панике бежали в леса.

Однажды утром спустя два часа после рассвета плывущие заметили отряд всадников, стоящих на левом берегу реки. Солнце отражалось в их сияющих доспехах, а флагоносец, находившийся во главе отряда, держал длинный шест, украшенный двумя волчьими головами. По приказу Лезпет ее галера повернула к берегу.

Молодой лейтенант, возглавляющий отряд, прижал кулак к груди, приветствуя пфез.

— Ваше превосходительство! — сказал он. — Вы находитесь всего в десяти милях от Плаввау! Ваши галеры смогут

беспрепятственно пройти остаток пути. Мы контролируем речу на этом отрезке.

— Как идут дела? — спросила Лезпет.

— Мы действовали согласно приказам. До сих пор все шло по плану. Получив ваше сообщение из Кайво, Вторая Армия погрузилась на галеры, оставив необходимое количество для ваших войск. Часть армии отправилась пешком, поскольку нам не хватило лодок. Мы встретились в назначенному месте ниже Плаввау. Часть наших атаковала деревню. Мы загнали дикарей в форт, но у нас не хватило людей, чтобы взять его штурмом. Остальные войска продолжили движение по Л'ван на галерах. И очень хорошо, что все так сложилось.

Ночью мы случайно наткнулись на флот солдат Скего. Началось сражение. Каждый солдат Кайво дрался, не допуская мысли об отступлении. Мы потопили галеры скего и убили всех солдат и рабов. Далось нам это дорогой ценой, они дрались как черти. Мы потеряли все лодки, кроме одной, солдат осталось только тридцать. Я, лейтенант, старший по чину из оставшихся в живых.

Мы вернулись назад к войскам, осаждавшим Плаввау, и стали ждать вас. Но разведка сообщила о быстром приближении другой флотилии Скего, которая сейчас находится в сорока милях выше по течению. По лесной дороге приближается кавалерия Скего численностью около двух тысяч человек. Они уже отскакали двадцать из тридцати миль пути до плаввау и представляют собой серьезную угрозу.

— Сколько солдат Второй Армии осаждают Плаввау?

— Восемьсот пятьдесят.

— Вас — около пятидесяти человек плюс около тысячи воинов на этих лодках. А сколько людей у Плаввау?

— Я думаю, около тысячи. Но с ними будут сражаться и женщины — прекрасные лучницы.

— Они будут драться как фурии, защищая своих детей, — добавила Лезпет. — Начнут стрелять из-за стен. Да, у нас нет времени, чтобы взять их измором. Мы должны взять Плаввау штурмом через час или два после начала атаки, добраться до корабля волосатых людей, взять все ценное и сразу же отступить. Всю обратную дорогу до Сенглви нам придется преодолеть в бешеном темпе.

Лезпет отдала приказ солдатам, и галеры помчались на север. Выпустили почтового голубя, который взмыл вверх и полетел на юго-запад — в сторону дома в Сенглви. Голубь нес послание, в котором гарнизону приказывалось немедленно направиться к слиянию рек Сий и Л'ван. В этом месте, если Скего начнут преследовать Кайво, гарнизон сможет напасть из за-

сады, а отступающие галеры Кайво развернутся и вступят в сражение.

Люди на веслах сменяли друг друга, гребя изо всех сил. Голубые воды реки Л'ван вскипали перед носами лодок; через час впередсмотрящий головного корабля увидел отражение солнца в доспехах Второй Армии.

Плаввау являлась самой большой деревней дикарей Л'ван. Поселение это находилось недалеко от реки на левом берегу и было окружено земляными стенами, на верху которых располагались дополнительные стены из тяжелых бревен. За крепостными стенами в деревянных бревенчатых хижинах обитали дикари Л'ван. На вершине большого утеса возвышался громадный бревенчатый форт, по размерам скорее похожий на деревянный дворец. В этом форте плаввау укрылись, как только заметили приближение Второй Армии Кайво на галерах. Высадившись на берег, солдаты Кайво спалили деревню дотла и разместили войска около двух ворот стоящего на утесе форта, вне пределов досягаемости стрел.

— Если бы плаввау хоть чуть-чуть соображали, — сказала Пфез, — то вышли бы из-за стен и атаковали осаждающих. Они до сих пор превосходят нас по численности.

— Дикари Л'ван боятся нас с тех пор, как десять лет назад Третья Армия совершила карательный поход вдоль долины реки, сожгла деревни и взяла пленников, — сказал атспика. — Они запомнили раз и навсегда, что недисциплинированные и не имеющие доспехов дикари не могут выстоять против Кайво.

— В соответствии с отчетом разведчиков корабль закопан где-то на территории форта, — сказал Лезпет. — Жаль, что не в деревне. Но что уж теперь поделать.

Она приказала, чтобы всех рабов приковали цепями к скамьям на галерах, снабдили пищей и водой, чтобы те ни в чем не нуждались, пока будет идти сражение, а чтобы невольники не уплыли, весла с галер убрали. Оставив всего нескольких солдат наблюдать за рабами, Пфез повела свой отряд личной охраны и кавалерию Первой Армии вверх по утесу.

Через несколько минут они увидели лестницы для осады, построенные из срубленных в близлежащих лесах деревьев. Также повсюду стояли огромные деревянные щиты на колесах, спрятавшись за которыми кайво могли бы подобраться близко к форту, оставаясь неуязвимыми для стрел.

Поблагодарив командира осады за предусмотрительность, Пфез развернула лошадь и обратилась к собравшимся:

— Сыновья двуглавого волка! Судьба Кайво в ваших руках! Огромные полчища Ского приближаются очень быстро! Если нам суждено победить — мы должны покорить Плаввау в течение двух последующих часов! Это означает, что у нас нет

времени считать потери и что ни один солдат не должен поворачивать назад, даже для того, что набраться сил для новой атаки! Как только трубач пропустит сигнал к атаке, мы должны без промедления идти вперед! Сыновья волка, станьте настоящими волками!

Труба призвала к действию. Войска пехоты, повторяя: «Кайво! Кайво!», начали толкать перед собой высокие и толстые бревенчатые щиты на колесах. За ними шли ряды солдат, несущих длинные и тяжелые осадочные лестницы.

Бенони, Джоела и Жема не было среди атакующих. Они стояли на расстоянии пятидесяти ярдов вместе с отрядом из трехсот кавалеристов, возглавляемых Лезпет, ожидая, когда придет их время.

Как только передвижные стены оказались в пределах досягаемости стрел Плаввау, из многочисленных башенок и узких наблюдательных окошек в стене форта вылетело облако опиленных стрел. Большинство из них ударились о щиты Кайво, но некоторые достигали цели, попав в солдат, слишком далеко отошедших от щитов. Через два залпа Плаввау увидели, что теряют стрелы, и прекратили огонь. Из-за стен форта раздался грозный барабанный бой, и дикари на своем странном языке стали что-то кричать атакующим.

Стены на колесах, подобравшись на расстояние пятидесяти ярдов до крепостного вала Плаввау, остановились. Теперь половина укрывающихся за огромными щитами людей зарядили луки стрелами. Остальные схватили лестницы и ждали. Не в силах больше сдерживаться, Плаввау начали стрелять. Несмотря на некоторые потери, дисциплинированные войска Кайво не выпустили ответный залп, ожидая сигнала командующего.

Наблюдая за обстановкой через щель в передвижной стене, командующий выбрал время между двумя залпами. Затем он опустил руку, трубач проиграл сигнал к нападению, и солдаты выбежали из-за щитов.

Лучники Кайво быстро перестроились в ряды по четыре. По сигналу сержантов они начали стрелять залпами, ряд за рядом. А люди с лестницами бросились вперед к подножию двадцатипятифутовой стены форта. Но стрелы Плаввау стали достигать своих целей. Кайво отступили, несколько лестниц упало на землю, и их уже никто не поднял, много солдат было убито и ранено.

Но Кайво тоже стреляли метко. Головы и тела неосторожных дикарей, появлявшихся над краями смотровых окошек, моментально пронзали стрелы, которые вонзались и в грудь неосторожных стрелков. Плаввау неожиданно прекратили согласованный огонь и перешли на беспорядочную стрельбу.

Солдаты Кайво, издав победный клич, высоко подняли лестницы, поставив их нижним концом на землю, а верхний бросили на стены. Лучники Кайво теперь целились в те места, где стояли лестницы. Когда какой-нибудь смельчак плаввау выпрыгивал из-за стены, чтобы откинуть лестницу, то тут же падал, ощетинившись стрелами.

Лезпет повернулась в седле и жестом указала на стоящую позади повозку, оборудованную огромным бревном, прикрепленным наверху к деревянной раме. Повозка, запряженная двенадцатью лошадьми, привязанными к специально изготовленному дышлу, стояла задом наперед. Задние колеса этой сложной конструкции крепились к вращающейся оси, которая поворачивалась на несколько градусов вправо и влево при помощи веревок и огромного колеса, укрепленного на вершине деревянной рамы. Солдат, управляющий огромным тараном, припал к креслу и повернул колесо; он выглядывал через дырку, проделанную в середине тяжелого бревенчатого щита, и был защищен крышей. Поскольку бревно-таран занимало большую площадь на вершине повозки, убежище пилота и колесо крепились сбоку. Щит управляющего этой конструкцией поддерживали специальные подпорки.

Пфез подъехала к повозке с тараном и сказала несколько слов солдату, прячущемуся за рулевым колесом. Затем она приблизилась на несколько ярдов к упряжке, которая предназначалась для толкания повозки-тарана. Кавалерия построилась в ряды по четыре.

По команде Лезпет трубач проиграл сигнал к атаке. Лезпет и несколько офицеров стали кричать и бить хлыстами боковых лошадей, запряженных в повозку. Сначала лошади отказывались двигаться, напуганные необычностью происходящего — вместо того чтобы тянуть, они должны были толкать тележку. Подчиняясь ударам хлыстов, животные набирали скорость. Задолго до того как повозка достигла ворот форта, она двигалась с максимальной скоростью.

Находясь в первых рядах кавалерии, Бенони видел Лезпет, скачущую прямо переди него, но огромная повозка с бревном загораживала юноше поле зрения. Поэтому сначала он даже не заметил, как несколько сообразительных и отчаянных плаввау открывают ворота. Дикари намеревались распахнуть их так, чтобы несущаяся с большой скоростью повозка въехала внутрь вместе с частью кавалерии. Затем ворота бы захлопнулись и кайво потеряли бы свой единственный шанс быстро ворваться в форт.

Однако Лезпет разгадала планы плаввау. Она погнала своего жеребца вперед и остановилась у повозки. Несмотря на

грохот, производимый колесами, ей удалось прокричать приказ. Затем пфез отскочила в сторону.

Пилот успел вовремя повернуть передние колеса, повозка поменяла направление; гигантский торец бревна, выдающийся на шесть футов вперед, врезался в правый край ворот и ударился о стену, при этом стоявшие рядом пваввау покатились кубарем в разные стороны.

От мощного удара, нанесенного тараном, ворота сорвались с петель, бревна стены погнулись.

Постромки лошадей порвались, и животные врезались в заднюю часть повозки, превратившись в брыкающийся, ржущий спутанный клубок. Укрытие пилота смялось, поломалось и вдребезги разбилось о ворота, погребя беднягу под обломками.

Но таран не только открыл путь для кавалерии; от толчка лучники, прятавшиеся за воротами, попадали на землю, отчего значительно уменьшился поток стрел, летящих во всадников, лавиной въезжающих в ворота.

В следующие десять минут все оказались вовлечены в рукопашную схватку. Бенони обнаружил себя зажатым среди кричащей, размахивающей оружием и кулаками толпы, но все пваввау были пешими, и юноша наносил удары по дикарям, сидя на коне. Меч Бенони поднимался и опускался, поднимался и опускался. Воины Кайво вокруг то и дело падали, сраженные летящими со стены стрелами, валились убитые лошади, а некоторые пваввау умудрялись подпрыгнуть и стянуть кайво с седла.

К этому времени многим кайво, несущим орудия штурма, удалось вскарабкаться на лестницы, перебраться через стены и на помосты, сооруженные за стенами. Очистив некоторые участки от защитников форта, кайво принялись сражаться с оставшимися противниками, совершенно оттеснили их с крепостного вала, и в конце концов лучники кайво стали стрелять по пваввау, бегающим внутри форта.

Одна из стрел прошила насквозь вождя пваввау. Стоявший на помосте и руководивший сражением вождь повалился в кипящую вокруг свалку. Другой пваввау, помощник вождя, поднял упавший штандарт — шест с головой вепря на конце. Под напором толпы лошадь Бенони оттеснили к помосту, юноша набросился с мечом на помощника вождя и наполовину перерубил тому ногу. Штандарт упал неподалеку, Бенони поднял шест, привстал в стременах, так, чтобы его все видели, и стал размахивать штандартом.

Кайво издали победный клич и столпились вокруг юноши, чтобы защитить его от пваввау, яростно пытающихся вернуть шест с головой вепря. Казалось, что варвары пали духом и находятся на грани отчаяния. Видимо, дикари верили, что в штан-

дарте заключается сила Пваввау, и в чьих руках находится символический шест, тот этой силой и обладает.

Так или иначе, но события начали разворачиваться в пользу Кайво. Несколько минут спустя Кайво ворвались в большой длинный дом, стоящий в середине форта. В доме находились дети и женщины, от ужаса прижимающиеся друг к другу, в ожидании, что их могут взять в плен и обратить в рабство, еще хуже — перерезать всех до одного. Но Лезпет приказала как можно быстрее вытолкать всех из здания, понадеявшись, что мужчины Пваввау, увидев, что их семьям не причиняют вреда, прекратят столь отчаянное сопротивление.

Лезпет отдавала приказы, солдатам удалось выстроиться в две шеренги, через которые женщины и дети хлынули в ворота. Кто-то упал и был задавлен несущейся в панике толпой, кому-то удалось выбраться. Выбежав за ворота, они бросились в лес. Затем Кайво перестроились и продолжили сражение, продвигаясь к противоположному концу форта. Добравшись туда, солдаты открыли вторые ворота и впустили ожидающих снаружи пехотинцев.

Резня и битва продолжались. Мужчины Пваввау, обнаружив, что Кайво совершенно не препятствуют бегству, сломали ворота и бросились врассыпную.

Кайво без труда нашли корабль волосатых людей со звезды, который стоял в огромном котловане за северной стеной.

— Этот корабль точно такой же, как я видел на равнинах! — сказал Бенони, правя свою лошадь вслед за Лезпет.

Лезпет соскочила с лошади, сбежала по ступенькам в котлован и остановилась перед возвышающимся корпусом. Корабль раскопали лишь частично, более двух третей железного корпуса все еще находились под землей и песком. Но к окну вела земляная насыпь, что позволяло заглянуть внутрь.

Остановившись рядом с Лезпет, Бенони тоже посмотрел сквозь круглое застекленное отверстие, достигавшее в размере около десяти футов. Солнце светило прямо в него, освещая внутреннюю обстановку, так что можно было с легкостью все рассмотреть.

Многие предметы выглядели чуждыми, непостижимыми для разглядывающих их людей. Но этого следовало ожидать. Существа, контролировавшие такую мощь, должны были использовать устройства, находящиеся за пределами их понимания.

Лишь одно Бенони рассмотрел и сразу понял, что это такое. Скелеты в комнате на полу. Волосатые люди со звезды, погибшие во время падения корабля. Шестеро. Череп одного из привильцев проломан, очевидно от удара, происшедшего много лет назад.

Черепа и скелеты походили на человеческие. С такого расстояния Бенони мог различить только два бросающихся в глаза различия. Очень сильно выдающиеся скулы. И шесть пальцев на каждой руке.

— Как мы проберемся внутрь? — отступив от окна, спросила Лезпет. — Не вижу ни одной двери.

Она приказала привести раненого пленника пваввау. Парень разговаривал только на родном языке, но один из офицеров Кайво, специалист по языку пваввау, переводил.

— Кто-нибудь из ваших заходил внутрь? — спросила пфез.

Офицер перевел вопрос, парень изверг какую-то тарабарщину.

— Он говорит, что пваввау пытались проникнуть в корабль. Но до сих пор они не нашли ничего похожего на дверь. Более того, металл не поддавался никаким попыткам проломить его. Два дня дикии пытались разбить окно, но не осталось даже царапины. Они поломали все свои инструменты.

— Первейший обсмеет нас, — прикусила губу Лезпет, — если мы, пожертвовав столь многим, уйдем с пустыми руками. Возможно, вход находится где-то ниже и еще не откопан. Но у нас нет времени рыть землю.

Бенони спустился с насыпи и пошел вдоль закругленного серебристого корпуса судна. Он обошел его с обеих сторон и вернулся к пфез.

— Обшивка корабля абсолютно гладкая, — заключил юноша, — кроме шести неглубоких впадин, расположенных по кругу, по размеру не шире моей руки.

— Может, впадины что-то означают, — сказала пфез. — Но что?

Бенони снова посмотрел внутрь. Неужели придется оставить корабль, найдя его? Уйти, оставив неразгаданными тайны волосатых людей и нетронутыми их сокровища.

— По крайней мере, ваше превосходительство, если мы не сможем пробраться внутрь, то не смогут и скего.

— У скего будет достаточно времени, чтобы раскопать оставшуюся часть корабля, — зло сказала Лезпет. — И время, чтобы найти способы пробраться внутрь. Нет, мы должны разгадать секреты корабля сейчас! В течение нескольких следующих часов!

Бенони снова посмотрел на скелеты. Шесть пальцев на каждой руке. Он попытался представить, как выглядели эти руки, облеченные в плоть.

Внезапно юноша развернулся и помчался вниз по земляной насыпи.

— Что случилось? — воскликнула пфез, но Бенони не ответил. Он бежал вдоль борта судна и остановился около его

задней части, наполовину утопающей в стене карьера. Переведя дыхание, юноша протянул одну руку с растопыренными пальцами и другую, с одним вытянутым пальцем. И нажал на шесть расположенных по кругу ямок.

В тот же момент в гладкой поверхности появилась круглая трещина. Бенони вскрикнул, на крик прибежала Лезпет.

— Что это?

Объяснений не потребовалось. Часть обшивки плавно опускалась внутрь. В течение минуты круглая часть утопилась в стене на полфута, а затем заскользила вбок параллельно обшивке.

Бенони рассказал, что он сделал. На мгновение забыв о своем высоком положении, Лезпет взвизгнула от радости:

— Вот это да! Дикарь разрешил такую задачку! Ты поспрашивал всех нас, кайво!

Она махнула рукой, чтобы солдаты приволокли пленного плавваау.

— Ты врешь мне, — сказала Лезпет при помощи переводчика. — Неужели никто из вас не нажимал на эти ямки в обшивке?

— Да, некоторые нажимали, но ничего не произошло, — глаза пленника расширились от удивления при виде открывающейся двери.

Теперь, когда стало видно, что находится внутри корабля, кайво попятались назад. В середине было темно и тихо. Темноту и тишину наполняли тысячелетия и опасность, исходящие от существ с далекой звезды, от одной мысли о которых кружилась голова.

Лезпет оглянулась по сторонам и увидела страх, который все тщетно пытались скрыть. Затем она повернулась и шагнула ко входу. Если ей и было страшно, она не показывала этого.

Бенони взял у солдата факел и последовал за пфез. Факел осветил маленькую комнату, пустую, за исключением нескольких кнопок и металлического баллона на стене. Далее виднелся коридор, соединяющийся справа с другим коридором, который, казалось, тянулся по всей длине корабля.

— Я пойду вперед с тремя людьми в комнату, которую мы видели через окно, — сказала Лезпет. — А ты, Райдер, ступай с тремя солдатами в заднюю часть корабля. Полковник, пошлите по два человека в каждую комнату. Возьмите все, что можно унести, и вынесите наружу. Ищите все, похожее на оружие. Но, ради Первейшего, не проводите никаких экспериментов, только выносите на улицу. Не стоит высвобождать неизвестные силы раньше времени.

Бенони повел своих людей по главному коридору в заднюю часть корабля. В конце коридора находился огромный зал.

Вдоль стены тянулись большие металлические коробки, в два раза выше роста Бенони. В стенках этих коробок виднелись маленькие стеклянные окошки, с иголочками, указывающими на странные символы. Бенони не знал, каково предназначение металлических коробок, но решил не исследовать их, поскольку они были прикреплены к полу и к тому же слишком большие, чтобы поместиться на повозках или галерах.

Бенони приказал каждому солдату войти в одну из задних комнат. Сам он вошел в большой зал, где стояли множество стульев и столов, прикрученных к металлическому полу. Вдоль стены, покрытой белым металлическим листом, находился узкий помост.

К столу, расположенному в центре комнаты, была прикручена металлическая коробка. На стенке коробки виднелись несколько кнопок, а на конце — круглое металлическое окошко. Окошко было направлено на белый лист на стене.

Бенони заглянул в окошко, но увидел лишь черноту. Интересно, для чего использовалось это странное устройство? Вероятно, если нажать на одну из боковых кнопок, устройство придет в действие, подобно тому как начала открываться дверь при нажатии впадинок на обшивке корабля.

Но благоразумная пфез запретила эксперименты.

Бенони не понимал, как эта коробка может служить оружием. К тому же стулья, столы и разбросанные вокруг обломки указывали, что здесь было что-то вроде комнаты отдыха, комната для лекций. Лектор мог стоять на помосте.

Не в силах удержаться, Бенони нажал на одну из кнопок и отскочил. Ничего не произошло.

Дрожа, он протянул руку и нажал на другую кнопку. И снова отпрыгнул. Ничего.

Осталась третья кнопка. Бенони уже почти решил забыть о ней и продолжить поиски в другом помещении. Но, не сделав и двух шагов, он снова повернулся к коробке. На этот раз нажатие кнопки произвело такой эффект, что юноша чуть не бросился бежать.

Из отверстия в коробке вырвался луч света, и на белом металлическом листе, покрывающем стену, появился яркий квадрат.

Держа палец на кнопке, Бенони замер. Если перед ним — какое-то ужасное оружие, и стена вдруг начнет плавиться — он должен остановить это.

Но яркое пятно вдруг изменилось и превратилось в сочетание теней.

Какое-то мгновение Бенони, никогда не видевший ничего подобного, не смог разглядеть в этих тенях системы, узора или

смысла. Затем словно внутри его кто-то нажал кнопку, и юноша увидел, что это не тени, а движущиеся картинки.

И какие картинки! Огромные здания, рядом с которыми даже гигантские строения Кайво казались муравейниками. Мужчины и женщины в странных одеждах. И звероподобные волосатые люди, покрытые косматым красноватым мехом, с острыми конечными ушами и чудовищно выдающимися скулами.

Картинки изображали сражение на улицах. Очевидно, их изготовили во время завоевания города волосатыми людьми. Бенони разглядел устройства, которые превращали в прах огромные каменные здания. Но больше всего его заинтересовало ручное оружие. Волосатые люди направляли его на врагов, и те исчезали в облаках пыли.

Услышав приближающиеся голоса, Бенони поспешил нажал на кнопку, которая привела коробку в действие. Картинки на стене продолжали меняться. Он нажал на другую кнопку — картинки стали меняться быстрее, превратившись в размытое пятно.

Обливаясь потом, нервничая оттого, что его могут уличить в неповиновении пфез, Бенони нажал третью кнопку. Свет моргнул и погас, картинки пропали.

Юноша вышел в коридор и спросил лейтенанта, нашел ли тот что-нибудь ценное. Лейтенант пожал плечами и сказал, что повсюду лежат неизвестные предметы, которые можно унести. Но кто знает, ценные ли они? Без сомнения, волосатые люди использовали все эти вещи для чего-то, но ценность найденного определится только после того, как все это доставят в Кайво.

Бенони нашел трех солдат, посланных на поиски, и опросил их. Один из них повел юношу в комнату, которая, вероятно, служила складом. Здесь, в бункере, Бенони увидел около двухсот ручных орудий, которые показывали движущиеся картинки. А в соседнем бункере юноша обнаружил тысячи металлических цилиндов, которые, как он знал из картинок, помещали в оружие, чтобы стрелять.

Несколько секунд Бенони стоял перед бункерами, мучаясь в нерешительности. Несколько солдат кайво, вооруженные этими штуками, смогут победить целую армию. Если сейчас покажутся даже огромные отряды Скего, они будут разорваны на куски. Если оружие привезти в Кайво, эти могущественные люди смогут проанализировать строение и начнут производить подобные штуки. Что означает, что Кайво вскоре завоюет весь мир. И им не понадобятся люди из Айзонах. Да и вообще, народ айзонах неизбежно покорят и возьмут в рабство.

Но с другой стороны, юноша поклялся в верности пфез, поклялся спасти ее от любой опасности, даже ценой собственной жизни.

Если он сдержит клятву, то предаст свой народ. Если же выполнит свой долг перед соотечественниками, то нарушит клятву.

В конце концов Бенони понял, что делать. По крайней мере, в этот момент. Он никак не сможет предотвратить, чтобы эти смертоносные штуки увезли в Кайво. Но он в силах оттянуть момент, когда кайво узнают, что это — именно оружие, если скроет то, что знает. Раньше или позже, кайво сами во всем разберутся. Но каждая лишняя минута их невежества означала лишнюю минуту жизни и надежды для народа Бенони.

Если он возьмет оружие и цилиндры в Айзонах, то там смогут изготовить нечто подобное. Что даст Айзонах шанс в борьбе против Кайво. Его верность пфез ограничена лишь устными словами клятвы. Бенони будет сражаться за нее против Скего или любых других врагов во время возвращения в Кайво. И если понадобится, отдаст жизнь, чтобы защитить Лезпет.

Но никто, даже Иегова, не может требовать, чтобы Бенони предал свой народ. И при первой же возможности он окончательно откажется от клятвы. И это единственный выход из положения.

Под предлогом, что хочет привести людей в комнату, чтобы начать выносить найденные предметы, юноша послал солдат кайво за подмогой. Как только все вышли в холл, Бенони бросил в рюкзак два орудия и около нескольких сотен цилиндров. Затем он вернулся в комнату с показывающей картинки коробкой и исследовал ее. Сзади находилась дверца, которая распахнулась, как только Бенони потянул за ручку. Внутри было маленькое отверстие, в центре которого торчала другая ручка. Бенони потянул и вытащил маленькую черную коробочку. Сверху на коробочке торчали два коротких металлических зубца, входивших в две дырочки в дальнем конце паза, в который вставлялась маленькая коробочка.

Сначала Бенони собирался бросить коробочку в такое место, где ее не найдут скего. Юноша не знал ее назначения, но надеялся, что большая коробка без маленькой не будет действовать. Для проверки он нажал на пусковую кнопку, и никаких картинок не появилось.

Бенони быстро обыскал комнату и нашел ящик, полный маленьких коробочек с двумя зубцами, точно такого же размера, как та, которую он вытащил. Юноша вышел в холл и приказал двум солдатам унести ящик. Теперь ского не узнают, как действует ручное оружие, даже если захватят его.

С корабля унесли все, что можно было снять, и погрузили на три повозки. Как только вынесли последний груз, на холм прискакал офицер и обратился к пфез:

— Мы только что заметили огромную флотилию галер, проходящую излучину реки. Они всего в нескольких милях. Первые кавалеристы Скего уже появились на дороге, ведущей из леса. Если мы не поторопимся, они отрежут нас от долины.

Лезпет подъехала к вершине утеса, чтобы убедиться в услышанном, Бенони за ней. То, что доложил офицер, оказалось правдой. По реке двигались около сотни галер, длинные весла поднимались и опускались в бешеном темпе. С другой стороны к галерам Кайво, стоящим у берега на расстоянии мили, мчался первый из длинной цепи кавалеристов.

— Прежде чем мы доберемся до галер, пространство до берега заполнят огромные вооруженные отряды Скего, — воскликнула Лезпет. — Они смогут задержать нас до прибытия галер. Мы не справимся с такими полчищами.

— Нам придется отступать по сухе, — повернулась она к кузену, атспике. — Мы пойдем по лесной дороге, о которой ты мне рассказывал, той, что ведет вдоль утеса, а затем спускается вниз, к речной дороге.

— Мы не успеем, если нам придется нести наших раненых, — сказал атспике.

— Это ужасно, что мне придется так поступить с людьми, которые столь храбро сражались за меня и Кайво, — промолвила Лезпет. — Но мы не можем потерять все, за что боролись. Убей всех, кто ранен настолько, что не может держаться в седле. Скажи им, что их имена будут навечно начертаны на колонне Героев, а их семьи никогда не будут голодать или просят без крыши над головой.

Атспика отсалютовал и поскакал выполнять приказ. На глаза Лезпет навернулись слезы. Поймав на себе взгляд Бенони, женщина отерла их и гневно покачала головой.

— Честь Кайво превыше всего, — сказала она. — Эти люди умрут с именем родины на устах и благословляя меня.

Лезпет поскакала к началу спешно строящихся шеренг воинов. Из девятисот человек, добравшихся до стоящего на утесе форта Плававау, осталась лишь половина способных держаться в седле.

— Мы дорого заплатили за найденные сокровища, — сказала она. — Но наши усилия и жертвы не пропадут даром.

— Ского уже начинают карабкаться на утес! — заметил ехавший рядом офицер, поднявшись в стременах. — Может, части войск следует оставаться и атаковать их, задержать здесь и тем самым предоставить вам побольше времени?

— Вы не сможете долго сдерживать их, — покачала головой Лезпет. — А потери будут слишком велики. Ваши мечи пригодятся позднее.

Лезпет посмотрела по сторонам, чтобы убедиться, что кровавый приказ выполнен. Она дала сигнал трогаться и пришпорила свою лошадь, пустив ее бешеным галопом. Позади мчалась кавалерия и три повозки, доверху заваленные имуществом с корабля.

На грязной дороге, окруженной плотной стеной деревьев, помещались рядом только две лошади. Дорога извивалась вокруг утеса около трех миль, а затем неожиданно спустилась по направлению к реке. На гребне холма Лезпет остановила лошадь и посмотрела на север. Далеко внизу виднелся длинный ряд всадников, скачущих галопом по идущей вдоль реки дороге.

— Мы находимся где-то в трех милях впереди преследователей, — сказала Лезпет. — И наши лошади не такие уставшие. Я думаю, у нас есть все шансы оторваться от ского.

Войска Кайво стали медленно спускаться с утеса, поскольку дорога здесь была очень крутая, а от подножия утеса резко поворачивала в сторону реки. Проехав две мили по грязи, кайво увидели водную гладь. Здесь путь пролегал между утесами справа и рекой слева. Кайво не видели догоняющих их всадников, зато заметили первую из галер, вспенивающую носом воду.

— Если мы пойдем через лес, то сможем оторваться от них, — сказала Лезпет. — Но мы никогда не протащим через лес повозки. Нет, мы продолжим путь, пока не найдем хорошее место для стоянки. Возможно... да, ладно. Вперед!

Во время одной из остановок, которую они сделали, чтобы лошади смогли хоть немного отдохнуть, Бенони ускользнул в лес. Там он открыл заднюю часть ручного оружия, так, как это делали волосатые люди в движущихся картинках. Затем юноша засунул по одному суживающемуся к концу цилиндр в каждое из двенадцати отверстий вращающейся внутри оружия камеры. Бенони прищурил один глаз и прицелился вдоль ствола. Okolo дальнего конца находился маленький выступ, предназначавшийся, по-видимому, для прицеливания. Единственная кнопка на внутренней поверхности рукоятки, удобно ложившейся в руку, предназначалась скорее всего для приведения оружия в действие. Бенони очень хотелось испытать, как эта штука действует, но он боялся, что его услышат кайво. Если они обнаружат, что он скрывает то, что знает...

Бенони вернулся к колонне воинов и вскочил в седло. Кайво решили ехать легким галопом, было бессмысленно загонять лошадей.

Через две мили они добрались до места, где дорога сворачивала направо и вступала в узкую долину между двумя крутыми утесами. Люди, строившие эту ухабистую дорогу, были вынуждены идти именно таким путем, так как утес слева упался в берег реки.

— Неплохо бы оставить здесь сдерживающие силы, — сказала Лезпет, остановив лошадь.

— Но ведь ского могут попытаться обойти вокруг, по другую сторону утеса, — заметил атспика.

— Да, пусть пытаются, — ответила она. — Тогда им придется пройти через очень густой лес и они потратят массу времени, обходя утес. Я думаю, что сначала они все же попытаются сразиться с нами и пройти через эту долину. К тому времени наши повозки умчатся на несколько миль вперед, и ского никогда нас не догонят.

Колонну обогнал разведчик и резко затормозил около пфез.

— Галеры Ского всего в полулиле от нас!

— Они загонят рабов так, что у тех пена изо рта пойдет, — хмыкнула Лезпет. — Если мы сможем достаточно долго держать это расстояние, то вымотаем их.

Лезпет обратилась к воинам, ища добровольцев для обороны въезда в долину. Демонстрируя желание остаться и сразиться с врагом, мечи подняли все до единого, в том числе и Бенони. При обычных обстоятельствах ему бы совсем не хотелось участвовать в наверняка фатальной битве, но юноша думал, что сможет пробиться при помощи оружия волосатых людей и тогда, оставшись позади пфез, дезертировать с чистой совестью.

Но она не выбрала Бенони одним из двухсот воинов сдерживающего отряда.

Сто пятьдесят человек разместились за камнями, нагроможденными у начала ущелья. Остальные пятьдесят взобрались на вершины склонов утесов, чтобы стрелять оттуда из луков и сбрасывать камни вниз на ского. Отсалютовав остающимся позади храбрецам, пфез повела всех остальных через долину. Три мили дорога шла между все более сужающимися и крутыми утесами. Грязная и скользкая почва очень замедляла движение. Внезапно утесы кончились, и взору кайво открылись дорога и река.

Перед ними стояли ского. Пешие.

— Галеры опередили нас! — воскликнула пфез, остановив лошадь. — По крайней мере несколько из них. Нам придется сразиться, попытаться прорваться сквозь ряды противника.

Оценив ситуацию, Бенони увидел, что кайво не смогут выступить против ского широким фронтом. Выйдя из узкой долины,

они не успеют распределиться, прежде чем атаковать ского. А вокруг на холмах и деревьях сидели лучники.

Надеясь, что никто ничего не заметит, поскольку все смотрели на ского, Бенони вытащил из рюкзака оружие и взял его в левую руку, держа в правой меч. Когда начнется сражение, он поменяет местами предметы в руках.

— Ваше превосходительство, вам следует отойти назад, в центр колонны, — сказал атспика. — Практически все идущие впереди обречены на смерть. Мы не можем допустить вашей смерти или взятия в плен. Это приведет в отчаяние наших людей. Тогда у ского появится больше шансов завладеть сокровищами волосатых людей.

— Мой кузен, — немного помедлив, ответила Лезпет, — я не хочу выглядеть трусливой женщиной. Но ради блага Кайво я сделаю так, как ты сказал.

Бенони, Джоел и Жем, входящие в отряд личной охраны пфез, поскакали вместе с ней в середину колонны. Бенони обрадовался. В окружении такого количества людей, которые смотрят лишь на ского, будет проще применить оружие.

Горнист протрубил сигнал к атаке. С криками «Кайво! Кайво!» колонна медленно двинулась вперед, постепенно увеличивая скорость передвижения. К моменту когда первый из кайво вышел из долины, весь отряд скакал галопом.

Ского столпились около входа и выглядели словно твердая, ощетинившаяся копьями стена. По мере того как прибывали запоздавшие галеры, солдаты высаживались на берег и спешили присоединиться к своим войскам для предстоящего сражения.

Пронзенные стрелами, упали первые из воинов Кайво и несколько лошадей. Идущие позади перепрыгивали через упавших или падали, когда их лошади цеплялись за брыкающиеся ноги раненых животных. Первые ряды кайво натолкнулись на копья ского. Засверкали мечи товарищей погибших кайво, и многие ского попадали.

Прямо перед выходом из долины Бенони погнал лошадь к краю утеса и затем замедлил ход. Он переложил оружие в правую руку, а меч — в левую. Подняв устройство, Бенони прицелился вдоль ствола в группу ского, бегущих со стороны берега, и нажал кнопку.

Оружие отдало в руку. Из группы, в которую целился Бенони, раздался громкий шум и поднялось облако дыма.

Из дыма вылетели головы, руки и разорванные тела. Когда дым развеялся, на земле валялись около двадцати развороченных трупов. А люди рядом стояли парализованные, не понимая, что происходит.

Результаты выстрела восхитили и одновременно испугали Бенони. Он прицелился снова, на этот раз в край рукопашной свалки, где несколько ского пытались подобраться поближе к кайво, чтобы пустить в дело копья. Появилось еще одно облако дыма, и раздался хлопок, словно это хлопнули гигантские ладони. Десяток разорванных тел.

Однако шум выстрелов производил и нежелательный эффект. Он пугал лошадей, которые находились рядом с местом взрыва, и те становились на дыбы и сбрасывали всадников. Этого нельзя было избежать. Кроме того, когда Бенони выстрелил в третий раз, взрывы вместе с большим количеством ского разорвали на куски и несколько солдат кайво.

Теперь Бенони целился над головами сражающихся в галеры, только что подошедшие к берегу, с которых выгружались около пятидесяти солдат. Взрыв прогремел слишком далеко от лодки и, не повредив ничего и никого, лишь напугал ского. Бенони прицелился чуть ниже и снова нажал на кнопку. На сей раз передняя часть лодки разлетелась на куски. Юноша повернулся к камням и деревьям, среди которых прятались лучники. Он вновь нажал кнопку и увидел, как облака стали появляться одно за другим, а в воздух поднимались куски камней, тел и деревьев. Лучники, побросав луки и стрелы, бежали так, словно за ними гнался сам Сейтах.

Бенони наконец-то отпустил кнопку, но только из-за того, что оружие перестало действовать. За какое-то мгновение он открыл крышку и положил во вращающуюся камеру новых двадцать цилиндров. В середине не осталось никаких следов расщаренных цилиндров, по-видимому, сделав свое дело, они самоуничтожались.

Юноша засунул меч в ножны и погнал лошадь галопом. К этому времени ского отступили, а уцелевшие кайво мчались по дороге, позади следовали три повозки. Когда Бенони выехал из долины, все кайво умчались далеко вперед. Увидев одинокого всадника, ского попытались перехватить его.

Два выстрела убили десяток бегущих впереди, остальные повернулись и побежали в противоположном направлении так же быстро, как бежали к Бенони. Он бросился догонять своих.

Это ему быстро удалось. Кайво остановились и рассматривали баррикаду, построенную из бревен, преграждающую им дорогу.

— Ты цел! — вскрикнул радостно Жем. — Я думал, тебя убили.

— Кто это тут накидал? — спросил Бенони, указывая на баррикаду.

— Дикари. Л'ван из близлежащих деревень. Но они бы не додумались сами. Мы видели несколько человек в шлемах, украшенных пучками красных конских волос. Агенты скего.

— А почему бы нам не напасть на них? — спросил Бенони Жема, подъехав поближе к пфез.

— Дикарей больше, чем нас, в два раза. Около тысячи.

— Сюда направляются остальные галеры ского, — Бенони указал на реку.

Пфез разговаривала с полковником, вторым по старшинству после гибели атспики.

— Я не понимаю, что вызвало эти взрывы, — говорила она. — Вероятно, это Первейший, как ты говоришь, послал нам на помощь громы и молнии. Но если так, почему Первейший не разрушил эту баррикаду? А вместе с ней не уничтожил и дикарей?

— Возможно, он так и сделает, когда мы перейдем в наступление, — ответил полковник.

— Но можно допустить и другое объяснение, — продолжила Лезпет. — Может, у ского появилось новое оружие, еще недостаточно проверенное, и оно взорвалось раньше, чем нужно.

— Мы должны прорваться сквозь отряд Л'ван или обойти его, — сказал полковник. — Скоро к берегу пристанут галеры ского.

— Идти через лес равносильно самоубийству. За каждым деревом прячется дикарь л'ван. Придется прорываться.

Горнист погиб, и никто не подобрал его горн. Пятьсот оставшихся в живых кайво двинулись вперед по сигналу пфез. Бенони, ехавший за Лезпет, выстрелил из-за ее спины. Из дыма попадали бревна баррикады, а вместе с ними — тела дикарей.

Одновременно оглушительные взрывы напугали лошадей, которые остановились, встали на дыбы и помчались в лес. Лошади, продолжившие движение вперед, натолкнулись на остановившихся. Если бы в этот момент л'ван пошли в атаку, они бы застали кайво в очень тяжелой ситуации. Но дикари сломя голову бежали в лес, спасая свою жизнь и не думая больше о сражении.

Пока успокаивали лошадей и восстанавливали порядок, к берегу пристали несколько галер ского.

— Взять лодки! — закричала Лезпет. — Если мы захватим несколько галер, наши шансы спастись сразу возрастут. Мы не встретим больше засаду!

Лезпет погнала лошадь по направлению к людям, выпрыгивающим из лодок на отмели. Остальные кайво последовали за ней. Все, кроме Бенони.

Он подъехал к берегу реки и нацелился на пять галер, спешащих на помощь своим, уже высадившимся на берег. Бенони держал кнопку нажатой, лишь меняя прицел в соответствии с расходящимися по воде кругами при промахах. Прежде чем ему пришлось перезарядить оружие, взлетели в воздух три лодки. Две уцелевшие галеры ткнулись носом в мягкий грязный песок, и на берег стали выпрыгивать скего. Бенони закончил перезарядку, потопил третью галеру и затем выстрелил в группу ского, перестраивающихся в боевом порядке. Их собралось около сотни, когда юноша снова открыл огонь. Отгремел выстрел, и пятьдесят из ского навсегда вышли из строя. Остальные бежали к лесу.

Чтобы усилить панику среди бегущих, Бенони разрядил оружие в их направлении, затем заполнил его новыми цилиндрами и бросил в рюкзак. Взяв в руку меч, юноша бросился в рукопашную.

Кровавая резня продолжалась около пяти минут, прежде чем ского сдались. Они попытались столкнуть свои галеры обратно в реку, две лодки оказались в воде и поплыли вниз по течению, неся на борту лишь нескольких человек. Остальные галеры остались на берегу, пытавшихся бежать перерезали на отмелях.

— Слишком поздно, ваше превосходительство! — выдохнул полковник — бледный, качающийся в седле и зажимающий рану, из которой фонтаном била кровь. — Видите, они нагонят нас, прежде чем мы успеем разогнаться!

Лезпет взглянула на двадцать галер, спешащих к ним, и застонала. Полковник сказал правду. Кайво успеют погрузиться на захваченные лодки. Но к тому времени как они начнут грести, путь их будет отрезан.

— Это ужасно, что мы потратили столько времени и потеряли столько людей, пытаясь захватить галеры, — сказал она. — Но теперь уже ничего не поделаешь. Может, Первейший вступится за нас еще раз.

Бенони помедлил с минуту. Должен ли он сказать правду Лезпет? Если да, кайво смогут взять оружие с повозок, зарядить его цилиндрами и потопить все двадцать судов ского. Но в этом случае судьба айзонах предопределена. И Лезпет казнит его за то, что он скрыл способы использования оружия.

Нет, лучше подождать и посмотреть, чем все это кончится.

— Надо скакать к речной дороге, — сказала Лезпет. — Возможно, Первейший не растратил еще все громы и молнии.

— А почему бы не понадеяться, что Первейший потопит для нас все эти галеры? — сказал полковник.

Лезпет хотела ответить, но слова застряли у нее в горле. Полковник потерял сознание и свалился с лошади.

Солдат слез с лошади, чтобы проверить, что случилось.

— По-моему, полковник сломал шею, — сказал он. — Ваше превосходительство, полковник мертв.

Кайво поехали дальше, пустив уставших лошадей легким галопом. Путь их не преградил ни один л'ван или агент ского. Внезапно поняв, как можно спастись, Бенони потянул свою лошадь, чтобы та остановилась. Он слез и изобразил, будто проверяет якобы поврежденное копыто лошади. Очевидно, уловка юноши сработала, потому что все остальные проехали мимо. Жем, который ехал рядом с Лезпет, не заметил, что Бенони остановился.

Как только замыкающий колонну воин скрылся за изгибом дороги, Бенони направил свою лошадь в лес. Он привязал животное к кусту рядом с рекой, а сам пошел к дереву, растущему почти на самом берегу. Приблизившись к дереву, Бенони увидел прямо напротив, меньше чем в двадцати ярдах от себя, спешащие галеры ского. Он встал на колени, оперся о дерево и нажал на кнопку.

Галеры взрывались одна за другой. Бенони опустошал и перезаряжал оружие, пока не разорвалась на части и не потонула последняя лодка.

Прежде чем положить во вращающуюся камеру новые цилиндры, Бенони на мгновение остановился. Пока что его план срабатывал. Теперь надо догнать остальных и сказать, что Первый потопил все вражеские лодки. Кайво смогут вернуться и погрузиться на стоящие на берегу галеры. Если только не случится ничего непредвиденного, они благополучно спустятся по Л'ван в Сий.

Юноша посмотрел, как перевернулись, прежде чем утонуть, последние лодки, а сотни людей пытались выплыть в бурном течении мутных вод Л'ван. Большинство из них, одетые в тяжелые доспехи, утонут. Бенони еще раз убедился, что тот, кто владеет оружием, — почти бог. Уничтожить двадцать лодок и тысячу человек меньше чем за шестьдесят секунд!

Но что случится с миром, если у каждого человека будет оружие, подобное этому? Тогда самый великий воин не будет стоять и ломаного гроша, потому что даже молодая женщина сможет запросто уничтожить его простым нажатием кнопки. Не лучше ли, если оружие исчезнет навсегда?

Это раздумье чуть не стоило Бенони жизни. Он все-таки не был богом...

Какое-то мгновение юноша не мог понять, что случилось. Когда шок прошел, он увидел, что в дереве торчит наполовину утопленное острие копья, древко которого еще дрожит. Копье

пролетело так близко, что, хотя и не причинив вреда, обожгло кожу на руке.

Бенони вскочил на ноги, одновременно поворачиваясь и сжимая оружие, направив его на неизвестного врага.

В следующую секунду все стало ясно. В пятидесяти метрах стоял Джоел Вандерт, замахиваясь, чтобы метнуть еще одно копье.

Бенони поднял оружие и нажал на кнопку. Ничего не произошло. Он ругнулся, вспомнив, что не успел перезарядить оружие. Джоел бросил копье. Бенони резко отпрыгнул в сторону, и копье со свистом пронеслось над тем местом, где он только что стоял. Джоел бросился к сопернику, на ходу вынимая меч из ножен.

Бенони открыл маленькую дверцу в боковой стенке оружия, пошарил в рюкзаке, нашел два цилиндра, но уронил их, пытаясь в спешке засунуть во вращающуюся камеру оба цилиндра одновременно.

Из-за спины Джоела раздался вопль, и из кустов появился Жем. Джоел обернулся, увидел Жема и продолжил описывать круги вокруг Бенони, очевидно, решив, что тот более опасен. Он, наверное, видел, как Бенони стрелял из странного предмета, и понял, что не стоит тягаться с этой штукой.

Бенони поднял оружие и швырнул его Джоелу в лицо, попав в переносицу. Голова Джоела откинулась, лицо залилось кровью. Но он продолжал бежать. Бенони успел выхватить меч, но Джоел двигался словно ураган, нанося жуткие удары и оттесняя Бенони назад.

Юноша поскользнулся на глинистом берегу реки и упал с высоты пяти футов спиной в воду. Джоел намеревался прыгнуть вслед за ним в воду и прирезать, прежде чем тот поднимется. Но в воздухе мелькнула темная фигура и прыгнула на спину Джоелу. Оба обрушились в реку, скрылись под поверхностью воды, затем показались вновь.

Бенони встал на ноги и, по пояс в воде, побрел к Джоелу, все еще держащему в руке меч. Жем, поднявшийся на пару секунд позднее, оказался всего в нескольких футах от Джоела. Безоружный, чернокожий парень прыгнул на него. И напоролся ребрами прямо на острие вражеской стали. Закричав, Бенони приблизился к Джоелу, одной рукой обхватил его за шею, а другой — изо всей силы ударил в поясницу.

У Джоела перехватило дыхание, он попытался развернуться и ударить Бенони. Меч плашмя стукнул юношу по спине, хлынула кровь, но Бенони так и не отпустил врага. Наполненный силой, порожденной ненавистью и яростью от мысли, что Жем мертв, Бенони охватил недруга и левой рукой. Нащупав

открытый рот, он засунул туда пальцы, глубже, глубже, и схватил за язык.

Джоел подавился, беспомощно замахал руками, бросил меч и попытался сомкнуть челюсти. И хотя он был очень сильным, но сейчас находился в тисках мужчины, временно наделенного сверхчеловеческой силой, появившейся от ярости и горя.

Издав дикий крик, Бенони резко дернулся и наконец отпустил Джоела. Тот вскинул руки вверх, упал спиной в воду, но не поднялся, а проплыл пару футов и затем ушел под воду. Бенони остался стоять в воде, посреди расплывающегося большого кровавого пятна, с ужасом глядя на предмет в руках, похожий на обезглавленную рыбу.

В конце концов он разжал руку, бросил язык в воду и побрел к Жему, который карабкался на берег. Глаза Жема еще были открыты, но быстро стекленели.

— Ты убил его? Прекрасно, — прошептал Жем, тяжело опустился и ушел бы под воду, если бы Бенони не схватил его и не поддержал.

— Послушай, — пробормотал Жем. — Ты... скажи моему народу... я умер как... мужчина?

— Скажу, если у меня будет такая возможность, — сказал Бенони. — Но ты ведь еще не умер.

— Мой долг... оплачен. И...

Он тяжело повалился лицом вперед, и сердце его остановилось.

Силы Бенони словно внезапно истощились, но ему все же удалось вытащить Жема на берег. Он сел, тяжело дыша, думая, что делать дальше. И только когда услышал стук копыт в лесу и лязганье задевающих за кусты доспехов, понял, что еще не все кончено.

Бенони поднялся и увидел приближающуюся на лошади пфез и остальных кайво за ней.

Не раздумывая, юноша шагнул вперед, подобрал упавшее оружие, перезарядил его и повесил на пояс.

— Нам стало любопытно, почему это вы, три дикаря, внезапно куда-то исчезли, — сказала Лезпет. — Я бы и не подумала ехать за тобой, но когда услышала взрывы — задумалась. А вдруг так называемое вмешательство Первейшего — это результат действий одного из вас, использующего устройства, взятые с корабля волосатых людей? Вряд ли простой дикарь смог обнаружить что-то, чего не раскрыли мы. Ведь ты не так уж прост. Кроме того, именно ты обнаружил, как открывается корабль.

Внезапно лицо пфез исказилось и безобразно покраснело.

— Предатель! — закричала она. — Ты узнал, как пользоваться штукой, которая висит у тебя на поясе! И не сказал мне! Ты хотел взять ее в Айзонах!

— Это правда, — ответил Бенони. — Но я не предатель. Я собирался проследить, чтобы вы добрались до дома в целости и сохранности.

— Предатель! Отвратительный, мерзкий дикарь! Убить его! Убить его! — указывая на Бенони пальцем, визжала Лезпет.

Бенони почувствовал, что он устал, очень устал. Крови, которую он видел за последнее время, хватит на всю его оставшуюся жизнь. А эти люди — смелые воины, великие воины. Не должны они умирать, здесь, в чужом лесу, далеко от дома. Тем более что они так отважно сражались и были так близки к успеху.

Но Бенони тоже не хотел умирать. Поэтому он должен сдаться то, что должен.

Юноша опустошил оружие и перезарядил его, медленно, но уже очень умело. Потратив половину цилиндров из второй партии, он подождал, пока развеется дым. И пока убегут — пешком и на лошадях — несколько оставшихся в живых человек, храбрость которых очень быстро испарилась.

Лезпет не убежала. При первом же взрыве ее лошадь в неведомстве встала на дыбы и сбросила всадницу на землю. Женщина не приходила в чувство, пока все не было кончено. Наконец очнувшись и увидев следы кровавой бойни, она разрыдалась.

Бенони поднял Лезпет на ноги, повернул, связал за спиной руки веревкой, которую взял с седла убитой лошади. Покорная, не сопротивляясь и даже не пытаясь драться, женщина без слов подчинилась. Привязав конец веревки к дереву, Бенони вскочил на лошадь и поскакал искать коня для Лезпет. На поиски одного из убежавших в лес животных и его поимку ушло не более пяти минут. Бенони вернулся, отвязал пфез от дерева и посадил в седло. Отъехав немного вперед, держа поводья второй лошади, юноша увидел три повозки, стоящие около дороги. Рядом с повозками стояли погонщики и около двадцати солдат.

Увидев свою правительницу со связанными за спиной руками, они закричали и повскакивали на коней. Бенони не хотел оставлять свидетелей, поэтому он выстрелил — неохотно и осторожно.

Но все же недостаточно осторожно, потому что сила, или то, что вылетало из оружия, попала в одну из повозок. А на повозке находилось какое-то мощное взрывчатое вещество. Вероятно, одновременно взорвались все погруженные туда цилиндры.

Что бы ни вызвало этот взрыв, над повозкой поднялось огромное облако дыма, взвился ввысь столб огня, а грохот разнесся по лесной дороге. Взрывная волна толкнула лошадей Бенони и Лезпет.

К счастью, оба остались целы и невредимы, не считая нескольких синяков и оглушенности, а их лошади отскочили в сторону и чудом избежали падения в тридцатифутовый кратер, образовавшийся на дороге. От трех повозок, упряжки лошадей и всадников не осталось и следа.

Если бы Бенони не был так оглушен, он бы разрыдался. Мечты юноши закопать сокровища волосатых людей, когда-нибудь возвратиться с айзонах и выкопать все ценности, — исчезли вместе с повозками. Все, что у него осталось, — два орудия и около пятидесяти цилиндров.

— Надеюсь, ты удовлетворен, — сказала Лезпет. — Теперь тебе осталось убить меня и завершить свою кровавую миссию.

— Я дал клятву не причинять тебе вреда, — сказал Бенони.

Лезпет стала смеяться — пронзительно и бесконтрольно. Бенони без труда понял ее поведение, сказанная только что фраза ему и самому показалась смешной. Но ведь юноша сдержал данное слово. Он защитил Лезпет от врагов и не собирался как-либо вредить ей. Кроме того, когда пфез приказала своим людям убить Бенони — тем самым освободила его от клятвы, по крайней мере юноша расценил ее приказ именно так.

В конце концов Лезпет прекратила смеяться.

— Что ты собираешься делать, дикарь? — спросила она, разглядывая Бенони огромными голубыми глазами, покрасневшими от дыма и слез.

— Я не могу отвезти тебя в Кайво, — сказал он. — Люди кайво убьют меня. Поэтому я отвезу тебя в Финикс. Я думаю, мой народ сможет использовать тебя в качестве заложницы, как рычаг, с помощью которого нам будет легче договориться с Кайво.

— Путешествие займет много месяцев, — прошипела Лезпет. — Если я освобожусь — убью тебя.

— Нет, не убьешь, — ответил Бенони. — Я обещаю.

И сдержал свое слово. Три месяца спустя, как раз в то время когда весна начала растапливать снега, Бенони и Лезпет остановились на границе, где кончались равнины и начиналась пустыня. Они стояли на высоком холме, откуда открывалась панорама на несколько миль вперед. Бенони разглядывал группу всадников, скачущих на расстоянии полумили у подножия холма. Время от времени он перемещал взгляд на огромное облако пыли, поднимающееся в нескольких милях позади всадников.

— Это не враги, — наконец улыбнулся Бенони. — Это финикияне. Посмотри на флаг! Алый финикс на голубом фоне!

Крича от радости, он погнал лошадь вниз по холму. Люди у подножия тревожно посмотрели вверх. Но, увидев одинокого всадника, тем более безоружного, они придержали своих коней и стали ждать незнакомца.

Один из всадников внезапно узнал Бенони и поскакал на встречу. Бенони разрыдался. Отец!

Воцарилась неразбериха, крики, плач. Все столпились вокруг Бенони и пытались одновременно задавать ему вопросы.

— Я так счастлив видеть тебя живым, Бенони, — сказал отец, когда вновь установился порядок и относительная тишина, — ведь я думал, что ты погиб! Но где же скальпы, которые ты должен был принести в Финикс?

Бенони вздрогнул, как будто получил пощечину, но решил ответить.

— Отец, ты решишь, что я сумасшедший, если я скажу, что убил больше тысячи человек. Я не опозорил тебя. У меня есть доказательства этого.

Поднялся еще больший шум. Бенони кое-как удалось объяснить, что с ним произошло за это время. А сам он узнал, почему здесь его отец и что за облако пыли виднеется позади всадников. После того как всего в двух милях от города начал формироваться новый вулкан, народ айзонах оставил Долину Солнца. Отец входил в разведывательный отряд, а основная колонна следовала позади и поднимала непонятную пыль; женщины, дети, мулы, лошади, повозки.

— Мы ищем новую землю, — сказал отец Бенони.

— Земель много, — ответил юноша. — Вам придется сражаться, чтобы занять землю, и сражаться, чтобы удержать ее.

Скажи, — продолжил он после небольшой паузы, — а Дебра Аврез тоже едет там, позади?

Отец поджал губы и помедлил мгновение.

— Как и все мы, она думала, что ты погиб. И вышла замуж за Бо Чонза, одного из парней, ушедших вместе с тобой на тропу войны. Она беременна от него.

Отец внимательно смотрел на сына, ожидая вспышки горя или гнева.

— Этого следовало ожидать. Но теперь мне все равно. Дебра больше не нужна мне, — пожал плечами Бенони.

Отец успокоенно улыбнулся, но попросил объяснений. Бенони обещал все рассказать позднее. А сейчас ему хотелось поскакать к основной группе и увидеть мать, братьев и сестер.

Четыре дня спустя Бенони вошел в палатку, выданную в личное пользование Лезпет.

— Что тебе надо? — спросила она, окинув вошедшего ледяным взглядом.

— Хотел рассказать тебе, что меня избрали членом Совета Кемлбека, — ответил он. — Это великая честь. Еще никогда раньше столь молодой человек не удостаивался такой чести. Совет считает, что, учитывая мое знание мира и мой опыт и принимая во внимание, что я обладаю оружием волосатых людей, мне следует стать одним из правителей Айзонах.

— Ну и?.. — хмыкнула Лезпет.

— Лезпет, я знаю, что ты ненавидишь меня. Но зато я испытываю к тебе совершенно противоположные чувства. И, зная тебя, я никогда не женюсь на другой женщине. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Не стану тебя принуждать. Ты выйдешь за меня добровольно.

Женщина плюнула Бенони в лицо.

— Я скорее покончу с собой, — глаза Лезпет пылали от гнева, — чем стану женой дикаря и предателя! Ты мне отвратителен!

— Я дал клятву не жениться ни на одной женщине, кроме тебя, — ответил Бенони. — Придет день, и мы с тобой будем править Кайво и Айзонах, которые станут единым народом.

Я поклялся Иеговой и этим оружием, что женюсь на тебе, — он похлопал по оружию, прикрепленному к ремню. — А как тебе известно, я никогда не нарушаю клятвы.

Бенони вышел из палатки, но еще немного постоял снаружи, слушая, как злится Лезпет. Еще никогда в жизни он не был так уверен, что однажды весь мир окажется в его расположении. И что эта прекрасная женщина, Лезпет, часть этого мира, станет его женой.

НЕБЕСНЫЕ КИТЫ ИЗМАИЛА

Один человек остался жив.

Огромный белый кит со странным пассажиром за спиной и удавленник, влачившийся за своим заклятым врагом с настойчивостью одержимого, были уже глубоко. Китобоец отправился в свое последнее — вертикальное — плавание. В пучине уже скрылись и рука с молотком, и ястреб, чье крыло было прижато к мачте: океан со сноровкой, приобретенной им за миллиарды лет, стер со своего лика следы человеческого присутствия. Только человек, выброшенный из вельбота, еще плавал поблизости, но и он знал, что скоро пойдет ко дну, к своим товарищам.

А потом тонущий корабль словно сделал последний выдох, и лопнул черный пузырь. Из него, как взвившийся к небу дельфин, вырвался гроб Квикега, ставший теперь лодкой, перевернулся в воздухе, упал и закачался на волнах. Дельфин превратился в бутылку, и в ней была весточка надежды.

На этом гробу человек целый день и целую ночь проплавал в море, покачиваясь на легкой панихидной зыби. На второй день «Рахиль», блуждавшая по неверным следам своих пропавших детей, нашла еще одного сироту.

Капитан Гардинер счел историю, рассказалую Измаилом, самой странной из всех, какие ему доводилось слышать, — а таких было немало. Но ему было некогда удивляться — мучительная нужда гнала его вперед. И «Рахиль», распустив паруса, рыскала как безумная из стороны в сторону в поисках вельбота с мальчиком — сыном капитана. Минул день, и ночь опустилась над морем, тогда зажгли фонари. Взошла полная луна, и в ее сиянии спокойные воды стали черненым серебром.

Буй, он же гроб Квикега, подняли на палубу, и, пока Измаил заканчивал свой рассказ, капитан Гардинер обошел гроб кругом, с любопытством его разглядывая и то и дело нагибаясь к странным завиткам на крышке.

— Н-да, интересно, что такое некрещеный варвар хотел выразить этими закорючками? — бормотал капитан. — И вот

забавно — ведь эти письмена вырезал неграмотный дикарь. Не молитва ли это одному из его богов, подобных Ваалу? Послание кому-то из обитателей иного мира? А может, это заклинания, и тот, кто произнесет их, попадет в некую область или время, где, верно, нам, христианам, будет совсем неуютно?

Эти домыслы запомнились Измаилу. Впоследствии ему казалось, что последнее замечание капитана могло оказаться истинной правдой. Не был ли замысловатый узор, расплывавшийся и ускользавший от пристального взгляда, абрисом того ключа, что мог повернуть колеса времени?

Но времени на размышления у Измаила было не так много. Зная, через какие испытания ему пришлось пройти, капитан Гардинер дал ему поспать остаток дня и половину ночи. Потом его разбудили и послали на марс фок-мачты дозорным — надо было отрабатывать свой хлеб. За спиной моряка горел фонарь. Измаил озирал недвижное море, блестевшее вокруг «Рахили», словно жидкое серебро. Ветер стих; пустили вельботы, чтобы тянуть «Рахиль» дальше на буксире. В тишине раздавался только плеск весел, с усилием раздвигавших воду, да нечаянный вздох уставшего матроса. Казалось, воздух уплотнился, как морская вода, будто и в самом деле став тяжелым серебристым саваном. Полная луна плыла по безоблачному небу, словно кружась в медлительном водовороте.

Внезапно по спине Измаила побежали мураски — за последние несколько дней он почти привык к этому ощущению. Ему показалось, что спереди и под ним на ноки рей снизошли огненные призраки. Трезубцы громоотводов горели, словно от огня. Он обернулся, посмотрев назад; концы рей испускали струи призрачного света.

Кто-то крикнул:

— Огни Святого Эльма!

Измаил помнил, как горели эти огни на «Пекоде». Неужели и «Рахиль» обречена? Неужто судьба смилиостивилась над ним лишь для того, чтобы погубить немного погодя?

Увидав гигантские свечи, полыхавшие природным огнем, люди в вельботах бросили весла, но командиры, сидевшие на носу вельботов, заставили их снова взяться за работу.

— Измаил, друг мой, не видать ли пропавшего вельбота? — крикнул капитан Гардинер, задрав голову вверх.

— Нет, капитан Гардинер! — крикнул в ответ Измаил. Ему показалось, что от этого крика сноп света рядом с ним заколебался, словно пламя свечи. — Нет, пока ничего не видать!

Но уже через мгновение он вздрогнул и вцепился в узкие поручни, за которыми стоял. Что-то двигалось по правому борту. Это было что-то длинное и черное, и несколько секунд Измаилу казалось, что это вельбот и до него около полумили. Но

кричать он не стал: он хотел вначале в этом убедиться, чтобы не волновать капитана понастрасну. Секунд тридцать спустя черный предмет стал длиннее, прорезав ртутную гладь моря светло-серебряными бороздами. Теперь он походил на морскую змею — такой длинный и тонкий, что Измаил подумал: «Это, должно быть, та самая тварь, о которой я столько слышал, но ни разу не видал». А может, это было щупальце Кракена, который по причине, известной только ему самому, всплыл на поверхность.

Внезапно черная змееподобная тварь пропала. Он потер глаза. Утомление от трехдневной гонки за белым китом, на его глазах протаранившим и потопившим корабль, день, ночь и еще полдня плавания на крышке гроба, — разве этого недостаточно, чтобы навсегда повредиться рассудком?

Тут другой дозорный закричал:

— Морская змея!

Раздались новые выкрики, уже с вельботов, тянувших судно, а ведь оттуда море было видно намного хуже, чем с мачт.

Длинные тонкие черные нити метались, кружили и скользили по серебристо-черным волнам и там и тут. Казалось, что они рождаются только для того, чтобы вонзить свои копьевидные головки в борта «Рахили» и растаять. Сначала их было около десятка, потом — две дюжины, а вскоре они уже исчезали сотнями.

— Что это такое? — прокричал капитан Гардинер.

— Не знаю, капитан, но что-то они мне не по душе! — крикнул в ответ второй помощник.

— Мешают ли они грести? — спросил капитан.

— Только тем, что не дают людям сосредоточить мысли на работе!

— Пусть мысли витают где им угодно! — взревел капитан Гардинер. — Главное, чтобы их спины мне послужили. Ворочайте веслами, ребята! Чем бы ни были эти твари, они навредят вам не больше, чем электрические сполохи на мачтах.

— Есть, сэр! — не слишком веселым голосом откликнулся второй помощник. — Ну, ребята, слыхали, что сказал капитан? Загребай, поднатужься! Да не смотрите на это наваждение! Наваждение и есть, мираж, какие бывают на море! Призраки, отражения того, чего нет! А если что и есть, то так далеко, что до вас не достанет!

И снова в застывшем воздухе над недвижной водой слышались лишь удары весел да вздохи гребцов. Только теперь змееподобные «призраки» стали ходить кругами, будто пытаясь ухватить и проглотить собственный хвост. Они все кружили и кружили — или это только казалось? — и складки, которые они оставляли на воде, становились все глубже и заметнее.

И сполохи электричества, огни Святого Эльма на ноках рей и трезубцах громоотводов, тоже, казалось, разгорались все ярче. Из бесплотных призраков они превратились в живые существа, их дыхание стало горячим.

Измаил отодвинулся от них как можно дальше, прижавшись животом и коленями к твердым поручням и устремив взгляд вперед, чтобы не смотреть на огни по сторонам.

Снизу раздался пронзительный крик: кто-то из матросов бросился в люк, а за ним следом, словно играя, прыгнул раздвоенный язык пламени высотой в два человеческих роста.

В это самое время передние концы длинных черных штуковин, вертевшихся в море, тоже засветились огнем Святого Эльма. Они стали похожи на длинных, как змеи, доисторических китов, этих прародителей современных монстров с округлыми боками, только извергавших вместо воды струи раскаленной серы.

Измаил посмотрел налево, потом направо: белесые огни по обоим концам реи раздвоились, и по огоньку из каждой пары, словно танцуя, побежали по рее к нему.

Измаил схватился за перила и крепко зажмурился.

— Господи, помилуй нас, грешных! — закричал капитан. — Море ожило, корабль в огне!

Измаил не смел открыть глаза, но и отключиться от того, что творилось вокруг, он тоже не мог. Взглянув на море, он увидел, что его поверхность покрылась черными разорванными кругами, — они вертелись, и у каждой змеи с одного конца вырывался сноп пламени. А на самом корабле все предметы, выступавшие на какие-нибудь несколько дюймов, были окружены ореолом пламени, и его языки больше не танцевали, но слились в бешеном хороводе. Огни бежали по кругу, все по кругу. А сполохи электричества, сделавшие в его направлении первые па своего менуэта, пока он не закрыл глаза, прыгнули на встречу друг другу и слились прямо над его головой. Он не мог увидеть их целиком: как только он задирал голову, чтобы посмотреть, они уходили в сторону, так что большая часть их, с позволения сказать, «тела» оставалась вне поля его зрения. Но от них исходило столько света, что можно было видеть их словно изнутри, а секунду спустя, поглядев вниз, на офицеров и матросов, он понял, что сполохи циркулируют по его голове, тонкий язык огня чуть не лижет его макушку.

Темные штуковины, крутившиеся по всему океану, соединились в шевелящуюся паутину. Море, освещенное холодным светом тысяч огоньков, горевших по ее углам, там, где змеи соединились между собой, стало похоже на потрескавшееся зеркало.

Измаилу показалось, что это целый мир пошел трещинами и вот сейчас осколки посыплются ему на голову.

Это ужаснуло его настолько, что он принялся читать молитвы вслух, — такого с ним не случалось даже в последние три дня плавания на «Пекоде».

Огни погасли.

Черная паутина исчезла.

Воцарилась полная тишина.

Никто не смел даже вздохнуть — не то что слово вымолвить. Каждый боялся разбудить те неведомые силы, что тучей сгостились над ними, чувствуя: тогда на них обрушится что-то похуже, чем сама смерть.

Поднялся западный ветер, море покрылось рябью. Паруса захлопали и натянулись.

«Рахиль» накренилась на правый борт; ветер стих; корабль снова выпрямился.

Снова стало тихо.

Родившись из тишины и мук ожидания, в воздухе повисло предчувствие чего-то страшного.

Что-то будет дальше?

«Для того ли я избегнул быстрого, хоть и ужасного конца, постигшего команду “Пекода”, — думал Измаил, — чтобы испытать гораздо более страшную участь? Что-то такое, что один только Бог мог бы вообразить, — но и Он ужаснулся бы таких мыслей?»

Последующие события Измаил смог восстановить, лишь воссоздав их по обрывкам воспоминаний. При этом ему больше помогло воображение, чем память. А в тот момент он с трудом понимал, что происходит. Тогда он испытал лишь изумление и ужас.

Неслышно, как мираж, возникающий над океанской гладью, море исчезло.

Ночь превратилась в день.

«Рахиль» летела вниз.

Измаил был так напуган, что даже не закричал, а если и кричал, то не слыхал своего голоса.

Падая в пустоту, «Рахиль» сразу опрокинулась: в момент когда море истаяло, судно слегка кренилось вправо, поэтому под тяжестью парусов и мачт оно перевернулось через правый борт.

Измаила выбросило в пропасть, словно камень из пращи, и он стал тонуть вместе с кораблем в море воздуха, свистевшего у него в ушах. При этом он разводил руками и болтал ногами, словно пытаясь плыть.

Луна не исчезла, хоть и была разлучена с ночью — своей неизменной спутницей. Но она стала огромной — больше чем в три, может быть, даже в четыре раза больше прежнего.

Солнце стояло в зените. Это был шар зловеще-красного оттенка, распухший вчетверо по сравнению с тем, что было раньше.

Небо было темно-синим.

Ветер свистел, продувая человека насквозь.

Под ним — или скорее под «Рахилью» — по воздуху плыла какая-то непонятная посудина.

Он успел заметить только, какая она странная; еще у него осталось мимолетное впечатление, что это творение человеческих рук. Он успел заметить, как по ней забегали человеческие фигурки; потом в летучий корабль вонзилась гrot-мачта «Рахили», китобоек обрушился на странное воздушное судно всей массой, и оно развалилось надвое.

Примерно в ста футах под ним и двумя кораблями показалось нечто, принятое Измаилом за вершину горы. Нечто огромное, все в красно-коричневых разводах, по цвету похожее на гриб, — плато на горном кряже, вздымавшемся вверх на мили.

Он ударился в него, ушибся и провалился сквозь что-то, похожее на тонкий слой живой ткани.

Он ударялся о новые и новые слои, прорывая их, и всякий раз отбивал себе почки, но при этом скорость падения все время замедлялась.

Вот мимо мелькнуло что-то, похожее на веревку. Он хотел ее схватить, промахнулся, потом почувствовал, как в его руках, обжигая их, скользит другая такая же штука. Когда нырял сквозь очередной слой, он вскрикнул, налетев на что-то твердое, — от этого оно лопнуло с шумом, как воздушный шар, оглушило, ударило в нос, обожгло глаза едким и жгучим газом.

Тут его руки схватились за что-то — он не видел, за что.

Его сильно занесло в сторону, так сильно, что он чуть не разжал руки. Измаил заморгал, стараясь слезами смягчить резь в глазах. Потом он качнулся обратно и шлепнулся — было больно, но уже не так — к мягкому подножию пузыря трупно-зеленого цвета, — не то животного, не то растительного происхождения, а то и того и другого сразу.

Измаил продолжал рвать оболочки, тонкие, как бумага. Машинально он отметил, что это сооружение, чем бы оно ни оказалось, должно быть, поддерживали тысячи пузырей всевозможных размеров.

Последний слой порвался под его ногами так неохотно, что Измаил подумал было, что придется продираться сквозь него

силой. Падать дальше было страшно, но еще страшнее застрять внутри этого предательски-хлипкого существа.

Когда он провалился в дыру, пузырь, за который он держался, на мгновение застрял, но потом под тяжестью человеческого тела тоже прошел сквозь разрыв кожистой оболочки. Измаил оказался под огромной тушей из бледных, как плесень, тканей с ржавыми прожилками, нависшей над ним как туча. Под ним была кромка темно-синего моря и джунгли. «Рахиль» упала в море, рассыпавшись на сотню обломков, — они лежали на его поверхности, словно это была не вода, а желе. Обломки воздушного корабля до моря пока не долетели. Один из них, по-видимому более легкий, отнесло ветром дальше: он падал куда-то в прибрежные джунгли. Другой должен был упасть по другую сторону от «Рахили», примерно в полумиле от нее.

Не успел он пролететь очередную милю или около того — точнее оценить расстояние ему было сложно, — как увидел, что первый обломок врезался в джунгли и исчез из виду. Было похоже, что не успел он обрушиться вниз, как его оплели ползущие побеги.

Вторая, меньшая половина так сильно ударила о морскую поверхность, что развалилась на дюжину частей. Некоторые из них срикошетили и, прежде чем остановиться, отлетели довольно далеко к западу.

«Интересно, — подумал он, — я падаю достаточно быстро, чтобы разбиться о воду?»

И тут он увидел, что с неба падает не он один.

Так далеко, что нельзя было разобрать ни черт лица, ни даже пола, — видно было только, что это человек, — медленно опускалась еще одна фигура, цеплявшаяся за похожую на веревку горловину пузыря цвета сырого мяса.

Непонятно почему, но он подумал, что другой оставшийся в живых был не из команды «Рахили».

Этот другой был выше его — значит, он упал позже. А может, просто его пузырь был больше, чем у Измаила.

Откачнувшись, — а он качался как маятник, совершающий затухающие колебания, — Измаил посмотрел мимо выпуклости своего пузыря-аэростата вверх. Почти в центре огромной туси было несколько больших дыр, которые прорвал корпус «Рахили» и куски воздушного корабля. Дыр, проделанных им самим и его попутчиком, видно не было.

Через секунду он «солдатиком» вошел в океан. Уйдя с головой под воду, он вынырнул, корчась от боли. Вода немилосердно жгла ему глаза; ему казалось, что в рот попал чуть ли не ком соли.

Пузырь, который он утащил за собой под воду, лопнул, выпустив содержимое. От этого газа он еще сильнее закашлялся, а перед глазами опустилась словно бы огненно-белая завеса.

Он обнаружил: чтобы держаться на плаву, ему не надо грести, — можно вообще не двигаться. Это море было более безжизненным, чем Мертвое море Палестины или Большое Соленое озеро в штате Юта. Можно было лежать на спине, глядя на большущую луну, цветом похожую на лимбургский сыр, и огромное красное солнце, не напрягая ни одного мускула.

Хотя вода была насыщена минералами, ее несло течением. Однако течение было направлено не в ту сторону, куда дул ветер, а навстречу ему. И оно было неравномерным. Оно состояло из пологих волн, бегущих на запад, — и они были не похожими на обычные волны. Хотя он оцепенел от страха — теперешнего и уже пережитого — и не был в состоянии размышлять и анализировать, он почувствовал, что это, похоже, колеблется земля, а не вода. Их порождали землетрясения.

Потом он перестал думать о всяких странностях и заснул. Он спал, слабо покачиваясь вверх-вниз на волнах, которые медленно, но неуклонно несли его на запад: лицом к небу, руки сложены крест-накрест (он даже не знал об этом, пока не проснулся).

Когда он очнулся, солнце еле-еле склонилось к горизонту, хотя он и чувствовал, что проспал не меньше восьми часов.

Он натолкнулся на что-то головой, и это пробудило его от глубокого сна: смутные образы осаждали его больной рассудок, как акулы барахтающегося в воде человека.

Он протянул руку и оттолкнулся, но в такой вязкой воде усилия хватило лишь на то, чтобы отплыть примерно на фут. Затем он повернулся на бок и обнаружил, что наткнулся на гроб Квикега, он же буй. Тот плавал, погрузившись в воду всего на один-два дюйма, словно желая сказать: «Вот и я, твоя погребальная ладья, тоже цела-невредима».

Тяжело дыша от усилий, он взгромоздился на этот ящик, уцепившись пальцами за резные узоры. Гроб осел еще на несколько дюймов. Облокотившись подбородком на край, он свесил руки по сторонам и погреб к берегу. Через некоторое время он утомился и снова заснул. Проснувшись, он увидел, что здоровенная луна сильно продвинулась по небу, а солнце склонилось не больше чем на несколько градусов.

Огромного облакообразного существа, которое он пробил насквозь да еще вырвал по дороге какой-то орган, уже не было. Однако на западе вырисовывалось еще одно. Оно летело ниже, чем первое; когда оно приблизилось, он различил, что его раз-

дирали на куски стаи неведомых созданий с крыльями, похожими на паруса.

Эти хищники были не похожи друг на друга, но среди них были такие (похожие между собой, но все-таки разные), которых он, поразмыслив, назвал небесными акулами. Поскольку они летали на высоте примерно пять тысяч футов, детали их строения сейчас были неразличимы. Но впоследствии ему довелось увидеть их гораздо ближе, чем хотелось бы.

Самые маленькие разновидности имели длину около двух футов, самые крупные — от восьми до десяти. Все они были алого цвета. Головы у всех по сравнению с телом были непропорционально большими. Они имели форму торпеды, с неимоверными, раззявлеными ртами; челюсти их усеивали многочисленные ряды треугольных белых зубов. Верх головы у них был раздут так, словно вот сейчас голову разорвет изнутри и разбросает мозги (если только есть, что разбрасывать) на несколько ярдов в округе. Это сравнение было близко к истине, поскольку на голове у них располагался пузырь с газом легче воздуха. Сразу после места, где кончается голова, на теле был еще один большущий горб, и два этих горба создавали сходство с дромадером, — скорее зловещее, нежели успокоительное. Вряд ли кому-нибудь захотелось бы прокатиться, сидя между этих горбов.

Тело имело форму акульего, а кожа, покрывающая хрупкие кости, была очень тонка. Когда одно из этих созданий заслоняло Измаилу солнце, становились видны контуры скелета и внутренних органов.

Хвост оканчивался двумя вертикальными лопастями, больше похожими на руль корабля, чем на рыбий плавник. Обе они были такими длинными, что, казалось, под их тяжестью хвост небесной акулы должен был опуститься вниз, но они тоже состояли лишь из прозрачной кожи и тонких костей.

Передвигались эти животные, по-видимому, в основном за счет ветра, хотя в некоторой степени могли перемещаться и сами по себе, помахивая хвостом из стороны в сторону и используя хвостовые плавники, подобно настоящим акулам. Две пары очень длинных крыльев, похожих на стрекозиные, растущих сразу позади головы, могли поворачиваться почти на 360 градусов; они медленно вздымались и опускались. Эти придатки, расчерченные черным и белым, были скорее парусами, чем крыльями. Но инстинкт подсказывал животным, как приводиться круто к ветру, как менять галсы и выполнять другие маневры, которым моряков-людей приходится учить.

Огромное существо цвета ржавчины с плесенью, похожее на тучу, проплыло над головой, терзаемое и едомое заживо — если оно было живым — полчищем небесных акул. Потом его

унесло к востоку, повлекло ветром в сторону пурпурной горной гряды вдалеке.

Измаил не знал, почему первое облакоподобное существо алые хищники с крыльями в клетку не беспокоили, а на второе напали в таком количестве. Но все равно был доволен тем, что в тот момент, когда он заново родился в этом мире, их не было.

Он лежал на спине, а гроб, он же каноэ, покачивался от толчков, передававшихся через плотную воду. Через некоторое время он увидел еще одну огромную тучу, на этот раз бледно-красного цвета, причем ее очертания и местоположение менялись так быстро, что он подумал: наверное, это действительно туча, хотя и необычная. А как она могла быть обычной? Разве в этом мире что-нибудь (или кто-нибудь), кроме него самого, могло быть обычным? И разве сам он, по стандартам этого мира, не был необычным явлением?

Когда туча пролетала над ним, из нее по направлению к земле потянулось щупальце или псевдоподия — для щупальца она была слишком бесформенной и тупой. Сквозь нее просвечивали солнечные лучи, и вообще она больше походила на облако пыли, чем на живое существо.

Несколько обрывков псевдоподий ветер пронес мимо него: они распались на мелкие частички. Они были не настолько близко, чтобы можно было рассмотреть их в деталях. Но на фоне темно-синего неба нижняя часть этих частиц казалась угловатой, а верхняя имела форму зонтика и, без сомнения, работала как парашют.

Как летучие мыши преследуют рой насекомых или киты — скопление криля, мелких животных, составляющих основание пирамиды жизни в море, — их глотают и отцеживают из морской воды настоящие могучие киты, — огромную красную тучу преследовали еще другие твари.

Сравнение с китами не было преувеличением. Чудовищные создания, что, раскинув плавники-паруса и широко распахнув гигантские пасти, врезались в красную тучу, должно быть, действительно были небесными китами этого мира.

Они летели слишком высоко, чтобы Измаил мог описать их поточнее. Но были они громадными, намного больше, чем ка-шалот. Тела их имели форму сигары, а головы, как и у акул, размером были почти такими же, как тела. Хвосты у них оканчивались горизонтальным и вертикальным рулевыми плавниками.

Ветер унес тучу и тех, кто ей питался; они скрылись из виду.

Солнце клонилось к горизонту, но так медленно, что казалось: скорее уж этот мир кончится, чем оно сядет.

Стало жарче. Когда он только влез на плавучий гроб, то подумал, что воздух немного холодноват. А проснувшись, решил, что стало жарковато.

Теперь он вспотел, а рот и горло пересохли. Казалось, что воздух, даром что морской, лишился влаги. А берег все еще был так далеко, что его даже не было видно. Оставалось лишь отдаться на волю волн, или помогать течению, подгребая руками. Он стал грести, но от этого вспотел еще больше и вскорости выдохся. Измаил лег лицом вниз, уткнув подбородок в край гроба, потом перевернулся. Над ним появилось новое красное облако, постоянно меняющее свою форму, вместе со своими спутниками — воздушными левиафанами.

Он снова стал подгребать. Минут через пятнадцать впереди показалась земля, и Измаил почувствовал прилив сил. Шли часы, а солнце словно приговорили вечно плыть в полуденном небе. Он опять заснул, а когда проснулся, на западе был отчетливо виден берег, покрытый зеленью. К этому времени его легкие превратились в пыль, а язык — в камень.

Несмотря на слабость, он снова начал грести. Если в ближайшее время не добраться до берега, он останется лежать мертвым на крышке гроба, вместо того чтобы занять приличествующее место под ней.

Берег нисколько не приблизился. По крайней мере, так ему показалось. Все в этом мире, кроме полета небесных тварей, протекало мучительно медленно, просто сводило с ума своей неторопливостью. Само время, как подумал он однажды еще на «Пекоде», сделало сейчас глубокий вздох и застыло в нерешительности.

Но даже в этом мире гигантского красного солнца время не могло тянуться бесконечно. С последней морской волной передний конец гроба вынесло на берег.

Измаил сполз с гроба, оказавшись на коленях; вязкая вода доставала ему до паха, и он чувствовал, как морское дно встает на дыбы и опускается под ним. Когда он, пошатываясь, ступил на берег и вытащил из воды гроб, он все еще чувствовал, что земля вздрогивает у него под ногами.

От постоянной тряски к горлу подступила тошнота.

Приподняв гроб за один конец, чтобы утащить его в джунгли, он закрыл глаза. Через некоторое время, понимая, что земля все равно не перестанет дрожать, вздымаясь и опадая, он их открыл.

Прошло еще немало времени, прежде чем он привык ходить по земле, колыхавшейся, словно желе в миске, и к тошнотворной растительности.

Ползучие растения были везде: и на земле, и над ней. Они были самых разных размеров: некоторые толщиной с запястье,

а другие такие большие, что, если бы они имели дупло, он мог бы спрятаться в нем, стоя во весь рост. Из лиан росли твердые волокнистые стебли темно-коричневого, бледно-красного или светло-желтого цвета. Иногда они достигали двадцати футов в высоту. Некоторые из них были просто палками, а у других были боковые горизонтальные ответвления и огромные листья, такие большие, что их можно было использовать в качестве гамаков. Они не обвивали только потому, что усики на свободных концах цеплялись за соседние стебли, карабкаясь по ним вверх. И правда, казалось, что, для того чтобы не упасть, каждое растение должно было держаться за соседа.

Еще во множестве встречались стручки, покрытые волосками, — темно-красные, бледно-зеленые, белые, как устрицы, от кулака до человеческой головы величиной.

Пробираясь сквозь джунгли, он описал спираль и снова вернулся к морю, но воды так и не нашел. Земля под лианами была такой же сухой и твердой, как в пустыне Сахара.

Измаил присматривался к растениям, недоумевая, как они всасывают влагу, если у них нет корней, уходящих в землю. Через некоторое время ему пришло в голову, что роль корней могут выполнять голые стебли, тянувшиеся к небу. Они могут вбирать в себя какую-нибудь влагу из атмосферы. Но вот чем эти растения питаются?

Размышляя подобным образом, он услышал какой-то щебет. Потом из-за края листа высунулись две пары длинных опущенных усиков, а за ними последовала круглая голова с парой больших глаз без век. Судя по голове и усам, Измаил ожидал, что остальные части тела тоже будут насекомообразными. Но существо оказалось двуногим, причем шея, грудная клетка и две руки были явно от млекопитающего, похожи на обезьяны и покрыты розоватым пушком, прикрывавшим бледно-красную кожу. Ноги и ступни походили на медвежьи.

Животное имело два фута в высоту, и при свете красного солнца его насекомообразные усики, похожие на пару пинцетов, оказались выгнутыми наружу двойными хоботками. Губы под ними были почти человеческие, зубы — хищного животного.

Измаил был напуган. Это существо могло сильно покусать, и укусы, насколько он понимал, могли быть ядовитыми.

Однако оно не пыталось на него напасть. Существо приподняло голову, поводя усами, а затем, продолжая щебетать, убежало, мелькая между лианами. Через секунду Измаил увидел, что оно сидит на ветке, пытаясь оторвать от стебля большой бледно-зеленый стручок. Эта тварь повернула стручок так, что на нем можно было различить пятно густо-зеленого оттенка. Потом она ткнула в это место своим негнущимся пальцем, и

палец вошел внутрь. Вытащив палец, зверь вставил в отверстие один из своих хоботков. Очевидно, таким образом он пил.

Осушив стручок, животное свернулось и так долго не двигалось, что Измаил подумал, что оно заснуло. Незакрывающиеся глаза потускнели, их заволокло тонкой пеленой. Измаил, воспользовавшись моментом, подошел поближе. Он рассмотрел, что пелена — это не веко, а пленка какой-то полупрозрачной жидкости. Еще он увидел, как сама собой приподнялась тонкая, бледная лиана, приблизилась к зверю сзади и припала к его яремной вене. После этого она приобрела матово-красный оттенок.

Через некоторое время лиана медленно и осторожно отстринила от вены свою верхушку, покрасневшую от крови. Она по-змеиному сползла вниз по спине зверя и скользнула в отверстие в стебле, откуда появилась.

С глаз животного спала молочно-белая пелена, оно слабо зашебетало и зашевелилось. Почувствовав, что Измаил стоит совсем рядом, существо скрылось в джунглях. Но двигалось оно уже не так проворно, как раньше.

Сначала Измаил собирался последовать примеру животного — вонзить палец в темную отметину на стручке и попить из него. Однако теперь он подумал, что это небезопасно. Не было ли в этом питье какого-нибудь паралитического вещества? Вдруг каждый раз, как кто-нибудь выпьет эту жидкость, наружу выползает лиана и присасывается к вене? Не было ли это странным симбиозом, обычным для здешних природных сообществ, но пагубным для него?

Конечно, ничто ему не помешает сорвать стручок и войти в море, где лианы не достанут его, когда он напьется.

Но что, если эта вода содержит что-то такое, что парализует не только тело? Что, если эти стручки — что-нибудь вроде плодов лотоса*, вкусив которых он вернется в джунгли и сам привлечет кровососа пообедать собой?

Пока Измаил стоял в нерешительности, каждой порой своей кожи жаждая воды, такой доступной, но одновременно опасной, он увидел, что несколько лиан выскользнули из многочисленных отверстий в стеблях. Все они потянулись к стручку, накрыли его, выделили зеленоватую слизь, проевшую оболочку стручка, и вскоре каждая из лиан потянулась назад, скрутив кончик в кольцо, сжимавшее кусок кожуры.

Неудивительно, что земля выглядела такой опустошенной. Растения питались собственными плодами. Не было сомнений

* Люди племени лотофагов, согласно «Одиссее» Гомера, поедали лотос, чтобы забыть прошлое. (Здесь и далее примеч. пер.)

в том, что они поедали и все органические останки. А кроме органики, которую они произвели сами, в качестве пищи им нужна была кровь.

Действуя быстро, чтобы не задумываться о возможных последствиях, он сорвал стручок и проткнул его оболочку. Потом повернулся и, добежав до моря, вошел по бедра в воду. Он опрокинул плод над головой, и влага полилась ему в рот. Питье оказалось прохладным и сладким, но его было недостаточно. Делать было нечего — надо было вернуться, чтобы сорвать еще один стручок.

Измаил двинулся было обратно, но заметил мелькнувшую мимо тень; он оглянулся по сторонам и посмотрел вверх.

Вдалеке опять виднелось большое красное облако и его прожорливые спутники — небесные киты.

Но тень отбрасывало что-то, что находилось гораздо ближе. Над ним на высоте примерно тридцати футов над землей пронеслась воздушная акула, а за ней еще три.

Первые две сделали пробный заход, но две, замыкавшие цепочку, решили, что можно нападать.

Они спикировали на него — крылья-плавники при этом сменили угол наклона, — открыв свои огромные пасти.

Измаил не двигался, пока первая из них не оказалась в пределах шести футов. Теперь она была всего на расстоянии фута от воды и шипела.

Похоже было, что тварь вполне способна откусить человеку голову и, более того, собирается это сделать. Подхватить его в воздух она наверняка не сможет, а вот в воде будет беспомощна. Или не будет?

Измаил нырнул с головой под воду, зажмурив глаза и закрыв рот, а нос зажал двумя пальцами. Он сосчитал до десяти и вынырнул, как раз когда поверху, волочась по воде, прошла нижняя лопасть хвоста последней акулы.

Выбраться из воды было бы не так трудно, не будь она такой вязкой, а сам он — не таким усталым. Он с трудом волочил ноги, все время оглядываясь влево, пока не выбрался на узкую полоску пляжа, а потом скрылся под сенью джунглей.

Животные поднялись повыше, держась круто к ветру. Они удалялись курсом бейдевинд, пролетев над озером в четверти мили от него. Потом сменили галс и пошли на запад, снова сделали поворот и растопырили крылья, поймав в них полный ветер.

Измаил сорвал стручок, проткнул пальцем отверстие и стал пить. Возбуждение и опасность заставили его забыть об осторожности, и это — осознал он минутой позже — его погубило.

Когда он пил первый раз, он не чувствовал паралитического эффекта, которого опасался. Тогда он расставил ноги так, чтобы не упасть лицом в воду, если его парализует. Но ничего не почувствовал. Возможно, потому, что он был гораздо крупнее, чем животное с двойным хоботком, ему нужно было намного больше растворенного в соке наркотика. К тому же, наверное, его действию помешало возбуждение при появлении акул.

Но два стручка, опорожненных один за другим, сделали свое дело. Измаил сразу же почувствовал онемение: он не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Он видел, хотя словно сквозь пелену, и почувствовал тупую боль, когда лиана скользнула по его спине вверх и ее острый кончик проник в его яремную вену.

Воздушные акулы промчались над ним, заметив его голову, возвышавшуюся над покровом растительности. Он поступил неправильно, решив напиться здесь, когда мог выбрать место с более высокими и гораздо более густыми зарослями.

Между тем акулы проявляли резонную осторожность. Сначала они подлетели поближе, не пытаясь нападать. Без сомнения, они прикидывали, ухватят ли они его в зарослях, если попытаются атаковать.

Как они передвигаются, он понимал не до конца. Летали они с помощью пузыря, наполненного газом, — в этом он был уверен. И для того чтобы снизиться, им, похоже, надо было выпустить часть этого газа. Возможно, этим объяснялся шипящий звук, который издавала первая акула.

Чтобы набрать высоту, они пользовались той же тактикой, что и птицы при парящем полете. А чтобы оставаться в полете, им надо было выработать дополнительную порцию газа. А для этого в их организме должен был совершаться некий процесс. Для него нужна была энергия, а для того чтобы ее получить, им надо было есть. Это уж было очевидно, как ничто другое.

Теории — это прекрасно, но всему свое время. Сейчас нужно было действовать, а он не мог даже двинуть пальцем.

Ему показалось, что прошло немало времени, прежде чем акулы снова появились вдали с наветренной стороны, приступая к заключительной стадии своего маневра. Становилось все жарче; ветер в зарослях почти не чувствовался. Он потел, наблюдая, как в фути от него на ветку выбежало первое насекомое, которое он здесь видел.

Это был представитель старинного и удачливого племени, той породы, что научилась жить с людьми и за их счет. Они даже отправлялись с людьми в море и преуспели в своем паразитизме больше, чем крысы.

Это был таракан длиной по меньшей мере девять дюймов.

Он осторожно выполз на открытое пространство, поводя усиками, и теперь сидел у него на плече. Его фамильярное поведение доказывало, что парализующее действие сока из стручков не было для него новостью.

Его лапок на своей коже Измаил не чувствовал, но почувствовал тупую боль в мочке правого уха.

Лучше бы он пошел на дно вместе с «Пекодом» и всей командой.

Измаил услышал шорох — слух его не притупился — и увидел, что из-за завесы листьев возникло лицо.

Лицо было коричневое, как у таитянки, с красивыми чертами. Глаза на нем были ярко-зелеными и необычайно, почти нечеловечески большими.

Однако язык, на котором она говорила, он никогда не слыхал, — а он слышал большинство языков мира. Она шагнула вперед и прихлопнула таракана — тот прыгнул на ветку и исчез.

Тут же он почувствовал, как от него оторвался конец лианы.

Он ожидал, что раз уж она избавила его от насекомого, то уберет и лиану. Однако она, держа в руках палку, пошла искать здоровенного таракана и через минуту вернулась, держа его за несколько ножек. Хотя сквозь большую трещину на спине насекомого текли внутренности, оно еще трепыхалось.

Показывая ему насекомое, она улыбалась и что-то мелодично говорила. Он хотел открыть рот, чтобы ответить, но не смог. Очевидно, она знала, что он не ответит, потому что спокойно села рядом и стала резать лиану каменным ножом.

Измаил забыл, хотя и всего на мгновение, что на него сейчас бросятся акулы. Теперь он пытался открыть рот, чтобы предупредить ее об опасности. Может быть, она сумеет толкнуть его на землю, чтобы заросли заслонили его от акул. Или сможет...

Должно быть, девушка почувствовала, что он хочет ее предупредить. Ее глаза в страхе забегали. Она вскочила, обернулась и глянула вверх, как раз когда на землю упала первая тень. Она пронзительно закричала и отскочила назад, резко толкнув моряка и опрокинув назад. Он ударился обо что-то головой. Измаил оправился уже настолько, чтобы чувствовать, как под ним вздрагивает земля, поднимаясь и опускаясь, словно по ней пробегает слабая приливная волна. Ему пришло в голову, что это предположение, возможно, не так уж далеко от истины. В самом деле, на той планете, которую он знал раньше, земля тоже поднималась и опускалась, — ее притягивали солнце и луна. Но масштабы этого явления были столь незначительными, что люди его не замечали.

Здесь луна и солнце были такими огромными, что циклические поднятия почвы, которые они вызывали, мог бы заметить даже самый невнимательный человек.

Его стало подташнивать. То ли ему в кровь проник какой-то яд, то ли он заново привыкал к подрагиванию земли.

Он попытался сесть и обнаружил, что связан по рукам и ногам.

Девушка отошла.

Видимо, она не была так уж дружелюбно настроена, как показалось вначале. Выходит, она не опасалась его, потому что знала, что он ничего не может ей сделать.

Он не винил ее за это: он был здесь чужим, и было бы глупо приближаться к нему, не приняв мер предосторожности. Наверное, это не было бы глупо только в мире, где все люди дружны между собой и не знают, что такое война и убийство.

Она связала его — это свидетельствовало о том, что она жила не в Утопии.

Он вздохнул. Было бы слишком наивно ожидать, что есть такая планета, где все друг друга любят и доверяют друг другу. Здесь то же, что на Земле. И так, наверное, везде. К счастью, чтобы чувствовать себя спокойно, Измаилу не обязательно было находиться в совершенном обществе или искать его.

Конечно, сейчас он тоже не был спокоен. Но он чувствовал облегчение и даже некоторый подъем. В этом мире он был не одинок, и когда он выучит язык, на котором говорила девушка, он получит ответы на кое-какие вопросы.

Измаил улыбался, глядя, как она умело разделяла животное с двойным хоботком, похожее одновременно на обезьяну и на медведя. Он пристально наблюдал, как она работает. В ее распущеных волосах, длинных и черных, как у девушек племени тайпи*, был гребень из какого-то материала, напоминавшего слоновую кость. В проколотые уши вставлены тонкие кольца из чего-то, похожего на камень угольно-черного цвета, и в каждое кольцо было вставлено по большому темно-зеленому камню. Внутри зеленых камней мерцало что-то ярко-красное, похожее на паука.

На шее у нее было жабо из коротких разноцветных перьев, а на талии — тонкий, полупрозрачный пояс из дубленой кожи. С нижнего края к поясу были приделаны костяные крючки, на которых держалась шотландская юбочка из того же материала,

* Тайпи — каннибальское племя, обитавшее на одном из Маркизских островов. Оно описано в книге Германа Мелвилла «Тайпи», которую автор романа «Моби Дик, или Белый Кит» сочинил на основе эпизода своей биографии, связанного с месячным пребыванием в плену у этого племени после его бегства с американского китобойца «Акушнэт».

что и пояс, достававшая как раз до колен. Ее сандалии из толстой коричневой кожи облекали четырехпалые ступни — мизинец в процессе эволюции исчез.

Она была хрупкого телосложения. Лицо имело отчетливо треугольные очертания. Лоб — широкий и высокий. Огромные лучезарные зеленые глаза были оттенены излишне густыми черными бровями, от природы изогнутыми. Ресницы напоминали маленькие пики. Скулы были тоже высокие и широкие, но уже, чем лоб. Нижняя челюсть уходила под углом вниз и оканчивалась подбородком, — Измаил ожидал увидеть острый подбородок, но он был закругленным. Именно подбородок смягчал выражение ее лица, делая его почти красивым. Губы были полными и приятными на вид, даже когда она откусывала кусочки жира убитого животного.

Измаил не чувствовал отвращения — он повидал много дикарей, евших сырое мясо, да и сам его пробовал. Поэтому, когда девушка предложила большой кусок мяса ему, он принял его с улыбкой и изъявлениями благодарности.

Оба ели, пока не набили себе животы до отказа. Девушка нашла камень и, разбив череп животного, извлекла из него мозги и съела их. Измаил мог бы согласиться с ее предложением разделить с ней это блюдо, только умирая от голода. Он помотал головой и сказал:

— Спасибо, не хочу.

То, что он помотал головой, девушка явно восприняла как положительный ответ, так как стала его кормить. Измаил, восприимчивый к чужестранным обычаям, сразу понял свою оплошность и закивал. Похоже, это сбило девушку с толку, но пищу она отодвинула.

Проблем с мусором здесь, как видно, не было. Девушке было достаточно просто отнести кости и другие остатки к ближайшему растению и ударить по нему рукой. Через несколько секунд из небольшого отверстия на стебле возникла лиана и обернулась вокруг останков. Другие лианы, словно их известили при помощи некоего растительного телеграфа, выскользнули из своих отверстий и тоже обвили скелет.

Девушка сорвала шесть стручков, два из них надорвала и вылила их содержимое в рот Измаилу. Пока она это делала, лианы не обращали на них внимания. Как предположил Измаил, потому, что им уже дали мяса и крови и они решили пощадить того, кто их покормил. Однако же они с девушкой минут на пятнадцать впали в оцепенение — выпитое на них действовало. Если бы в это время появился любой хищник, он мог бы с легкостью растерзать их, никуда при этом не торопясь.

Вновь обретя способность двигаться, Измаил попытался скосить глаза и так изогнуться, чтобы дать ей понять, что хочет, чтобы его развязали. Она нахмурилась — выражение ее лица показалось ему очень милым — и некоторое время помедлила, решая, стоит ли пойти ему навстречу. Потом поднялась и с улыбкой перерезала его сплетенные из травы путы. Он медленно встал, растирая руки, а потом нагнулся, чтобы сделать то же самое с ногами. Девушка отпрыгнула назад, сжав в руке нож, но минуту спустя поняла, что надо либо караулить его с ножом в руке всю дорогу, либо оставить это занятие. Она сунула нож в кожаные ножны на пояс и повернулась к нему спиной.

Измаил вскарабкался на растение, согнув стебель под углом сорок пять градусов к земле, и окинул взглядом джунгли. Безде, насколько хватал взгляд, простирались заросли — растительности не было лишь на вершинах холмов вдали — по-видимому, очень высоких. Весь этот лес подрагивал, словно от страха. Он и сам устал от постоянной тряски и смутного, неослабевающего беспокойства вызванной ими легкой тошноты. Девушку это явно не беспокоило; видимо, она с рождения привыкла к таким колебаниям почвы.

Джунглей не было только справа от него. Там простиравлось мертвое море, колыхаясь, словно живое.

Небесные акулы улетели. На западе вдали виднелась легкая красноватая дымка, — видимо, еще одно скопление планктона, влекомое ветром. Вместе с ним появятся новые небесные чудовища — и акулы, наверное, тоже.

Огромное красное солнце спустилось пониже, но ему предстояло пройти еще четверть своего пути по небу. Стало еще жарче, и снова захотелось пить. Пить он опасался — ведь это значило на четверть часа стать совершенно беспомощным. К тому же кто знает, каково будет суммарное действие нескольких порций наркотика? Пока он не чувствовал ни головной боли, ни особенной вялости, ни других тревожных симптомов.

Измаил взглянул вниз, на девушку. Она залезла внутрь гигантского листа, похожего на гамак, растянутый между двумя толстыми стволами, и улеглась там, явно собираясь поспать. «Интересно, — подумал он, — надо ли мне стоять на страже, пока она отдыхает, или она считает, что я, само собой разумеется, заползу в один из листьев рядом с ней и тоже засну?» Раз она не показала ему, что он должен делать, — значит, это ее не волновало. Однако такая беззаботность была ему непонятна. Здесь было достаточно опасностей, о которых он уже знал. А сколько тех, что ему еще неизвестны?

Перед тем как улечься, мучаясь вопросом, спать или не спать, он еще раз посмотрел по сторонам. Совершенно чужое небо

слишком синего цвета, бробдингнегское* кроваво-красное солнце, море, вязкое от соли, трясущаяся земля, растения-кровососы с парализующим соком, небеса, кишащие летающими животными и растениями, — от этого всего у него защемило сердце. Хотелось плакать, и Измаил не смог сдержаться.

Впоследствии Измаил думал о том, где он мог оказаться. Когда произошли события, объяснимые только вмешательством сверхъестественных сил, «Рахиль» плыла по ночной глади Южных морей; был 1842 год. Корабль тогда стал падать вниз, словно море внезапно исчезло.

Словно море исчезло. А что, если море пропало не по мановению волшебной палочки, а испарилось? Испарилось с течением времени?

Измаил был на китобойце нижним чином. Но это не означало, что он был лишь простым матросом. В перерывах между плаваниями он успел поработать школьным учителем, и, где бы он ни был, он всегда много и усердно читал. Так что он был знаком с теорией, согласно которой через миллионы или даже миллиарды лет — то есть через столько лет с тех пор — Солнце остынет, став из добела раскаленного красным и едва теплым, а потом совсем остынет и погаснет. В результате естественной потери инерции движения по орбите Земля приблизится к Солнцу. А Луну будет притягивать все ближе и ближе к Земле, пока взаимное притяжение, нарастаая, не разорвет оба небесных тела на куски.

Согласно другой теории, приливно-отливное трение, как раз напротив, будет отталкивать оба небесных тела друг от друга. Старый мудрец, придумавший эту теорию, считал ее более правильной — он даже подкрепил ее математическими выкладками. Очевидно, его формулы оказались неверными либо случилось что-то, что нарушило естественный ход событий. Возможно, в течение своей долгой истории человечество подчинило себе такие силы, которые позволили ему самовольно влиять на природу вещей, казалось бы, ему неподвластных, — например изменять орбиты планет.

В самом ли деле он попал на Землю далекого-предалекого будущего? Быть может, «Рахиль» попала в некое место, где ослабла ткань Времени, или же прошла сквозь потайной ход мироздания, дверь в который приоткрылась и снова захлопнулась за «Рахиль»?

Измаил пришел к выводу, что он находится на дне высохшего Тихого океана, в южной его части. Мертвое море — все, что осталось от некогда безграничных водных просторов. Боль-

---

* Бробдингнег — страна великанов из «Путешествий Лемюэля Гулливера» Д. Свифта.

шинство живых организмов не смогло приспособиться к жизни на земле, которая все время ходила ходуном. Животные в основном отказались от наземного образа жизни, и воздушная среда наполнилась разнообразными видами летающих рыб.

Придя к такому заключению, Измаил не почувствовал себя еще более одиноким и покинутым, а, наоборот, взбодрился. Без теории или догмы человек что корабль без руля и ветрил. Теперь, когда у него была теория — или хотя бы догадка, — он может рулить, а если надо, то и держаться круто к ветру. Может выйти невредимым из самого жестокого шторма и избегнуть мелей.

То, что он, возможно, находится на родной планете, а не на какой-нибудь планете близ звезды, столь отдаленной, что ее нельзя увидать с Земли, вселило в него мужество. Это была незнакомая ему Земля, и если бы он мог выбирать, он бы, наверное, отправился в прошлое, а не в будущее. Но выбирать не приходилось. У него и раньше многие годы не было своего дома — вернее, его домом была вся планета; и раз он мог почувствовать себя как дома на баке китобойца или среди людей племени тайпи — значит, можно было попробовать приступить и здесь.

Он бодро сполз вниз и забрался в лист, он же гамак, висевший возле девушки. Она привстала, взглянув на него, а потом отвернулась, явно собираясь уснуть. Над ними были другие листья, скрывавшие их от небесных акул, но вот огромные тараны — подумав о них, он потрогал ухо, которое еще немногого болело, — и Бог знает, нет ли здесь хищников побольше и пострашнее?

«Как же с ними быть?» — подумал он, засыпая.

Проснувшись, он выпил еще воды из одного из стручков, которые девушка сорвала перед сном. Солнцу теперь оставалась одна восьмая его небесного пути. Стало еще немножко жарче. На востоке, словно гигантский кегельный шар, взошла луна. Судя по скорости, с какой она перемещалась по небу, луна вновь должна была догнать солнце, чтобы закатиться одновременно с ним.

Девушка жестом подозвала его, и Измаил стал делать то же, что и она. Они ползали вокруг, раздвигая заросли, пока она не нашла, чем позавтракать. Это был какой-то парализованный зверь, возможно, потомок домашней кошки, известной Измаилу. Голова у него была как у домашней кошки, но тело было змеиным, а лапы — слишком длинными и тонкими. Зверь был лохматый, с длинной шерстью в черно-белую полоску.

Прежде чем перерезать кошке горло, девушка подождала, пока лиана оторвалась от яремной вены. Почему надо было

ждать, он не знал. Наверное, между разумной плотью и полуразумной растительностью здесь существовало что-то вроде телепатической связи. А может быть, она просто соблюдала правило, нарушив которое можно было подвергнуться нападению со стороны растений.

Он многоного здесь не понимал. Измаил радовался не только тому, что благодаря девушке он был не одинок. Она знала, как вести себя в этом небезопасном мире, и, похоже, знала, куда идти. Он шел за ней, благо она не возражала, и пока они продвигались на север, Измаил учил ее языки.

В конце концов солнце скрылось за горизонтом, и ему на смену явилось зрелице черного неба со странными созвездиями. Луна, словно мертвая голова одного из здешних богов, катилась по небесам вниз. Она была такой огромной, что Измаил долго не мог отделаться от ощущения, что она упадет на Землю и раздавит его. Он научился распознавать по фазе луны, когда наступит сизигийный прилив. Измаил ненавидел это время, поскольку тогда слабая тошнота, преследовавшая его постоянно, усиливалась.

Длинной-предлинной ночью было сначала жарко, потом в самый раз, а потом, под конец, похолодало. Измаил в своей тельняшке без рукавов и моряцких брюках дрожал от холода; пока он спал, его ботинки кто-то унес. «Тараканы», — решил он. На Нэймали — так звали его спутницу — одежды было слишком мало, чтобы защитить ее от холода, но, похоже, она никакого от этого не страдала, будучи в этом отношении похожа на жителей Патагонии, которые тоже ходят голыми. Ему пришлось предложить ей спать, обхватив друг друга руками, чтобы удержать тепло. Она отказалась, так же как впоследствии отвергла его попытки поцеловать ее.

К этому времени он уже понимал ее язык достаточно хорошо для того, чтобы наконец узнать название места, откуда она родом, и как она здесь оказалась. Заодно он понял, почему не должен к ней прикасаться.

Это была Нэймали, дочь Синнетраа, правителя города Заларапамтра. Синнетраа был джаррамуа, то есть королем, хотя это слово можно было бы перевести на английский более точно как «великий адмирал». Он был также верховным жрецом великого бога Зумашмарты и начальником тех, кто говорил от имени младших богов.

Город Заларапамтра находился далеко на севере, на полпути к вершине горы, которая, как подозревал Измаил, некогда была подводной частью острова в южной части Тихого океана. В этом городе Нэймали жила во дворце из хрусталия, созданного при помощи инструментов из камня и кислоты, которую выделяли какие-то животные, под присмотром основателя горо-

да, полубога Заларапамтры. Она была одной из двадцати четырех дочерей Синнетраа, имевшего десять жен. Нэймали была чем-то наподобие весталки, и ее главной обязанностью было сопровождать корабль во время его первого плавания, чтобы ему сопутствовала удача.

Измаил удержался, чтобы не напомнить ей о провале этой миссии.

Похоже, Нэймали не была особо удручена этим фактом. И все только потому, что память о гибели судна и экипажа изгладило воспоминание о куда более серьезном несчастье.

За несколько дней до того как с неба на него свалилась «Рахиль», корабль Нэймали встретил другое китобойное судно из их города.

После обмена приветствиями его капитан поднялся к ним на борт. Тот явно хотел сообщить что-то ужасное: он был бледен, глаза покраснели от слез, а голова была вся в пепле, перемешанном с жиром; на груди была ножевая рана, которую он сам себе нанес, а лицо идола-покровителя корабля было закрыто маской.

Нэймали сначала подумала, что умерли ее отец или мать, либо их единственный сын. Но капитан сообщил куда более печальное известие. За несколько часов посреди долгой ночи был разрушен город Заларапамтра и убито большинство его жителей. Все это сотворил Багряный Зверь Жалящей Смерти. Лишь немногие спаслись на кораблях, и один из них сообщил эту весть на китобоц его капитану. Тот горестно кружил и кружил в небе, пока не отыскал еще один корабль, которому он мог сообщить это известие.

По ее лицу побежали слезы, и она закрыла лицо руками, прежде чем снова смогла продолжить рассказ.

— А кто это — Багряный Зверь? — спросил Измаил.

— К счастью, их очень немного, — ответила она. — Полубог Заларапамтра, основатель нашего города, убил огромного Багряного Зверя — владельца горы, где стоял и стоит наш город. Он огромный, больше, чем гигантские, но безвредные животные, сквозь которых мы и наши корабли прорывались, когда падали. За ним тянутся многие тысячи тонких щупалец, обжигающих людей до смерти. А еще он роняет яйца, которые разрываются с громким шумом, разрушая все вокруг.

При этих словах Измаил приподнял брови.

— Мне очень жаль, — сказал он, — что ты лишилась семьи и своего народа в столь короткий срок и при таких обстоятельствах. Скажи, мы идем на север потому, что там находится Заларапамтра и ты надеешься найти там тех, кто остался жив, и начать восстановление города?

— Сначала надо посмотреть своими глазами, что там случилось, — ответила она. — Может быть, все не так плохо, как описал капитан. В конце концов, во время событий его не было в городе. То, что все убиты и город полностью разрушен, — только его предположение.

Как бы то ни было, вернутся другие китобойцы, — в основном на них придут мужчины, но на каждом будет и по моей сестре. Мы можем поклониться нашему верховному богу, пообещать ему, что в будущем станем лучше его слушаться, чтобы он снова не позволил случиться такому несчастью. Выберем нового Великого Адмирала, а мы, девы Зумашарты, выйдем замуж и родим для города детей.

— Значит, твой корабль спешил назад в Заларапамтру, когда мой, словно деревянная звезда, упал с небес и разбил твоё судно? — спросил Измаил. — И как только ты перенесла столько потрясений? Так можно и сойти с ума.

Некоторое время он размышлял об истории, которую она рассказала, испытывая к Нэймали самую искреннюю жалость. Она узнала, что осталась последней в своей семье и, может быть, еще до того как ей успели это рассказать, из ее народа тоже никого не осталось.

— Этот кахамвуду, — он использовал слово, в переводе означавшее «Багряный Зверь Жалящей Смерти», — этот кахамвуду, наверное, и правда громадный. И щупальца у него тоже, должно быть, очень длинные, если могут проникнуть в каждое помещение города, — ты ведь сказала, что он высечен из камня и уходит глубоко в недра горы. И уж наверняка были такие, кто избегнул жалящей смерти.

— Может, и так, — ответила она, — но я тебе не все рассказала о кахамвуду, — думала, ты знаешь. И ошиблась — ты ведь даже не из нашего мира, если только не врешь.

— Это правда, — сказал Измаил, улыбаясь. Он не винил ее за недоверчивость. Если бы, плавая под командой Ахава, он встретил молодую женщину и та заявила бы, что явилась из прошлого, разве он поверил бы ей?

— Как рассказывают жрецы и наши бабушки, кахамвуду часто сопровождают звери поменьше. Они бывают разными и путешествуют на спине большого зверя. Когда большой кого-нибудь убьет, маленькие иногда урывают куски от добычи, хотя и не осмеливаются брать слишком много. Большого зверя эти спутники-приживальщики не беспокоят, разве что когда он слишком голоден или если они становятся уж очень назойливыми. Так что, сам понимаешь, эти мелкие твари могли обследовать городские помещения и убить тех, кого не достал большой.

Они лежали рядом на двух листьях, а над ними нависал плотный полог переплетенных стеблей и листьев. Даже после того как село огромное красное солнце, словно монета укатилась в темную щель, она была сильно озабочена тем, чтобы над ними был толстый покров растительности. Особенно осмотрительна она была, когда они искали место для сна. Измаил спросил, почему она так осторожна. Она ответила ему, что здесь есть кого опасаться. После того как Нэймали рассказала о некоторых из возможных неприятностей и при мысли о том, что он заснет или даже задремлет, Измаил стал беспокоиться.

Этой ночью они спали второй раз. Внезапно он проснулся, почувствовав тупую боль в шее. Измаил сразу понял, что это лиана своим трубкообразным горлом вошла ему в яремную вену. Нэймали рассказывала ему, что растения впадают ночью в полуспячку, но некоторые все-таки просыпаются настолько, чтобы найти себе жертву — точь-в-точь как человек, захотев пить, полусонный, может доковылять до ванной, чтобы попить воды. Нэймали посоветовала ему не сопротивляться, если такое произойдет. Лучше потерять немного крови, чем вырваться из зубов растения, тем самым окончательно его разбудив.

Измаил спросил, почему нельзя отказать растению в питье. Она ответила, что с растительностью на земле лучше дружить. Что произойдет, если этого не делать, она толком не объяснила. Все, что ей было известно, — это то, что ее учили, что надо было всегда соблюдать установленные обычаи. Нападения лиан действительно можно избежать, если не пить их парализующий сок, но лучше было им не противиться.

Измаил представил себе джунгли без конца и края, сквозь которые им предстоит идти многие мили до города Заларапамтра на горе, и решил не сопротивляться. Он лежал с закрытыми глазами и старался представить, куда течет его кровь. Красная жидкость просачивается сквозь крошечные сосуды лианы в мякоть главного ствола. А потом...

Он вздрогнул от того, что услышал доносившийся сверху очень слабый свистящий звук. Верхушки растений отчего-то согнулись, а заросли почему-то заколыхались. Шорох, который он сейчас слышал, был не похож на непрерывный шелест листьев от подрагивания земли. Этот шорох был сильнее, продолжался дольше, и, несомненно, его причиной было чье-то огромное тело.

Он сумел медленно повернуться на бок, дотянуться до листа (он же гамак) Нэймали и качнуть его. Лиана, следуя за его движением, вытянулась и продолжала сосать его кровь.

Нэймали сразу проснулась и села, ничего не спросив. Сквозь полог леса то тут, то там падал лунный свет, и он мог видеть

лишь неясные очертания ее тела, тогда как она видела его руку в луче света совершенно ясно. Очень медленно она перекатилась к краю листа и прошептала:

— Что случилось?

— Не знаю, — ответил он. — Вон там. Что-то большое. — Он показал рукой косо вверх.

Шорох усилился, и тогда, напрягая глаза, он увидел нечто похожее на змею, скользившее в озере лунного света примерно в сорока футах от них. Нэймали тоже увидела, вздохнула и тихо сказала:

— Это шивараду!

Темно-серое щупальце толщиной в дюйм двигалось на ощупь, словно вслепую. Однако оно приближалось, чувствуя исходящее от них тепло. Шивараду был слеп, как большинство ночных хищников, но глаза ему заменила способность воспринимать тепловое излучение, к тому же он обладал особой способностью устанавливать местонахождение жертвы по звуку.

Измайл оторвал зубы лианы от своей вены, надеясь, что такое насилиственное изгнание не вызовет обильного кровотечения. Он перевернулся и скатился с листа вниз; Нэймали в это время сделала то же самое. До земли было несколько футов, поэтому некоторого шума избежать не удалось. Через секунду он услышал свист рассекаемого воздуха, и что-то прошло сквозь лист возле его плеча.

Нэймали издала сдавленный крик, и оба упали плашмя на землю, лицами вниз. Свист раздавался шесть или семь раз, что-то с глухим стуком ударялось о твердую кору стволов.

Сразу после этого оба они встали на четвереньки и торопливо поползли к поваленному растению диаметром два фута. Они перелезли его и спрятались сзади как раз вовремя, чтобы избежать еще трех попаданий.

Измайл стал шарить рукой поверх ствола: он ощупывал его, пока не нашел маленькую штуковину, похожую на стрелу, вткнувшуюся в псевдодерево. Это было костяное копье с длинным, как игла, кончиком, около двух дюймов в длину и одну шестнадцатую дюйма в толщину, с четырьмя выростами на другом конце, похожими на перья. Проверять, насколько острым был кончик, он не стал, поскольку Нэймали предупредила его, что он отравлен.

Она говорила, что у шивараду тридцать полых щупалец. Костяные стрелы этот зверь производит в собственном теле. Полностью сформированные, они попадают в сумку на нижней стороне его тонкого и круглого, как блин, тела, в диаметре достигающего шестидесяти футов. Шивараду одним щупальцем вытаскивает стрелы из сумки и насаживает их на концы

остальных, полых. Когда шивараду приближается к жертве достаточно близко, он выталкивает стрелы током воздуха, возникающим за счет работы органа, похожего на пузырь, расположенного на верхней стороне его тела. Летят они примерно на шестьдесят футов.

Как большинство обитателей воздуха, у шивараду был большой пузырь, наполненный газом, более легким, чем воздух, — это позволяло ему летать. Он возвышался у него на спине.

Измаил снова пошарил поверх упавшего ствола, чтобы иметь побольше стрел, когда услышал свист, сопровождаемый покачиванием листьев, которые маленькие копья пробивали насквозь, и негромким стуком, когда стрелы попадали в растение. Одна из них воткнулась всего в дюйме от его руки.

Он поспешил вынуть несколько из них и, бережно держа их в руке, пополз за Нэймали.

— Он будет нас преследовать, пока не настигнет! — задыхаясь, сказала Нэймали. — Нам от него не скрыться!

— Ты ведь говорила, его можно убить его собственным ядом?

— Так говорится в старинных сказаниях!

Услышав позади треск веток, они поползли на четвереньках еще быстрее.

— О Зумашмарта! — воскликнула она. — Он ломает лес, сейчас до нас доберется!

— Он не может снизиться слишком быстро! — ответил Измаил. — Иначе напорется на растения! Ты же знаешь, какие у них бывают острые верхушки!

Тут прямо перед ними выскочило какое-то животное: они вскрикнули и остановились. Однако это оказался всего-навсего квишчангас, или, как определил его Измаил в первый раз, обезьяноголовый медведь с усиками и сдвоенным носом-хоботком. С пронзительным криком и щебетом он промчался по среднему ярусу веток, а потом неожиданно свалился вниз.

Измаилу не было видно, что с ним произошло, но он решил, что его убил отравленный дротик.

Целые джунгли наполнились скрипом и треском, — это под весом чудовища растения ломались или гнулись, чтобы, когда оно продвигалось дальше, прийти в прежнее положение.

— Спаси нас, Зумашмарта! Спаси нас, Зумашмарта! — шептала Нэймали.

В джунглях перед ними жизнь была ключом. Откуда ни возьмись, возникло целое полчище тараканов девятивидиомовой длины и разбежалось в разные стороны. Семейство зверушек с двойным носом взобралось от страха на голый ствол: все они перепрыгнули с его верхушки на ветку более высокого растения.

Двое людей, не сказав друг другу ни слова, одновременно вскочили на ноги и бросились через джунгли напролом. Они спотыкались и падали, помогая друг другу подняться, и Измаил уронил свои стрелы, а искать их не было времени. Однако он взял у Нэймали ее каменный нож.

Неожиданно Нэймали остановилась. Мелкие животные все еще сутились как сумасшедшие. Но громкого шума, производимого тяжелой тушей, ломившейся сквозь заросли, уже не было слышно.

— Что такое? — спросил Измаил.

— Он поднялся выше и почти не двигается, — ответила она. — Слышишь?

Измаил постарался дышать ровнее и тише, пошире открыв рот и широко разведя руки в стороны. Он различил какое-то шуршание позади них, но на фоне треска и пронзительных воплей более мелких животных его почти не было слышно.

— Если ты помнишь, у шивараду нет крыльев-парусов, — сказала Нэймали. — Он передвигается, обхватывая растения щупальцами и подтягивая свое тело прямо над джунглями.

Измаил, для которого этот мир был воздушным Тихим океаном, воспринимал его как донную рыбу.

— Он собирался вспугнуть нас сильным шумом и потому пытался проломиться к нам сквозь лес. Зато теперь он скользит прямо над джунглями, подтягиваясь с помощью щупалец, и сможет двигаться быстро. Быстрее, чем мы можем пробиться сквозь эту чащу.

Измаил не спрашивал у нее раньше, как шивараду заглатывает свою добычу. Теперь он задал этот вопрос.

— К чему тебе это знать? — спросила она, задрожав. — Все равно ты умрешь, какая разница?..

— Ответь мне!

Она вертела головой из стороны в сторону, словно пыталась понять, где находится зверь. Наверное, он остановился, чтобы прислушаться: больше его не было слышно.

— Он капает на жертву кислотой, — прошептала она, — от этого мясо и кости превращаются в кашицу, которую он всасывает в себя через щупальца.

У Измаила родилась была дикая мысль: чтобы убить чудовище, надо бросить несколько отравленных стрел ему в рот. Но теперь эту идею придется оставить; хотя вряд ли у него бы вышло, даже если бы пасть у зверя была достаточно велика, чтобы проглотить человека.

— Он будет скользить над нами легко и бесшумно, как облачко, — сказала Нэймали, — шаря своими щупальцами то здесь, то там в поисках тепла от наших тел, а его звуковые рецепторы реагируют на малейший звук. Если мы не побежим, он нас

обнаружит и выпустит дюжину стрел сразу. А если снова побежать, он будет преследовать нас до тех пор, пока мы окончательно не вымотаемся, а потом убьет.

— Интересно, у него сильные щупальца? — спросил он так тихо, что она не расслышала. Он повторил вопрос, но вместо ответа, как он и ожидал, Нэймали спросила:

— К чему тебе это знать?

— Не знаю, способен ли я на такое, — сказал он, коснувшись рукой ее кожи, холодной и липкой от пота. — Надо подумать.

Теперь он понимал, что должен чувствовать кит. Измаил сидел, нырнув на дно, а убийца в это время двигался по поверхности, высматривая его и выжидая. Рано или поздно добыча должна всплыть, и тогда охотник ее заполучит.

Снова раздался шум сгибаемых и выпрямляющихся стеблей — это зверь хватал их щупальцами, продвигаясь вперед.

Нэймали прижалась к Измаилу и зашептала:

— Надо бежать! Хотя все равно!..

— Если мы побежим в разные стороны, он сможет преследовать только одного из нас, — сказал Измаил. — Я побегу на север, вернее, сначала на северо-запад, мимо него наискось. А ты дождись — обязательно, — пока он за мной погонится, сосчитай до пятнадцати и беги на юг.

— Ты жертвуешь собой ради меня! — сказала она. — Но почему?

— Там, откуда я родом, в таких случаях принято, что мужчина защищает женщину любым возможным способом. В конце концов, это вопрос принципа, — добавил он, — хотя на практике часто бывает совсем наоборот. У меня нет времени рассуждать о принципах и о том, откуда они взялись. Делай, как я сказал.

Он порывисто поцеловал ее в губы, а потом повернулся и побежал так быстро, как только было можно: приходилось проходить сквозь густые заросли.

Шум, создаваемый движениями шивараду, усилился.

Он бежал до тех пор, пока его ноги не запутались в переплетении лиан и он не растянулся на земле лицом вниз. Перед ним был особенно густой клубок лиан и побегов, обвившихся вокруг двух больших поваленных растений. Измаил заполз внутрь его, подтянувшись руками и протиснувшись между бревнами. Он надеялся, что ни одна из лиан пока не собирается пообедать.

Звуки, производимые шивараду, стали затихать; он явно замедлил свое движение, зная, что его добыча остановилась.

Измаил протянул руку и оторвал от стебля стручок. Он прокнулся в нем дырку, но пить не стал. Отложил его в сторонку

и стал смотреть наружу сквозь сплетение лиан, пока сверху не упала тень и он не увидел над пологом джунглей тушу шивараду.

Отражая свет огромной луны, его кожа блестела множеством мелких вкраплений, похожих на слюду. Он действительно, как и рассказывала Нэймали, был тонким, как блин, со вздутиями на спине — там были газовые пузыри. Его многочисленные щупальца шевелились в поисках тепла, а некоторые хватались внизу за растения.

Через несколько секунд он подтянулся ближе. Чудовище остановилось, шаря вокруг себя щупальцами, а потом еще приблизилось.

Измаил еще плотнее вжался в землю, но голову не опустил. Надо было посмотреть, что будет дальше. Сердце у него билось так сильно, что чудище, без сомнения, слышало его удары, а рот и горло у него стали сухими, как листы старинной рукописи в монастырском скиту.

«А скоро, наверное, будут как у мертвеца», — подумал он.

Зверь, обнаружив, где он прячется, вытянул шесть щупалец, каждое из которых одну за другой выпустило по стреле. Все они воткнулись в бревно, за которым он залег. Измаил сосчитал выстрелы, а потом быстро протянул руку и вырвал две стрелы, не дожидаясь, когда последует залп из следующих шести щупалец.

Несколько минут шивараду выжидал; время, казалось, истончилось до толщины пленки на глазах у змей.

Вероятно, зверь ждал, стараясь определить по утечке тепла, попал ли он в жертву и убил ли ее.

Явно решив, что ему это не удалось, он опустился вниз, пригнув два десятка стеблей, а потом подтянулся вперед. Голые стебли скребли ему по брюху, не причиняя вреда. Когда животное двигалось дальше, они упруго выпрямлялись, обрывая листья, лианы и побеги. В двадцати футах от Измаила заросли были столь густыми, что чудовище не смогло прорваться дальше. Но это не могло удержать его от нападения, поскольку его щупальца при желании могли дотянуться до него не только сверху, но и сзади.

Однако теперь зверь действовал более изощренно. Возможно, потому, что понял, что его добыча прячется за бревном. Он поднял вверх, футов на десять над собой, несколько щупалец. Несколько других заскользили по земле, приподняв передние концы. Измаил ждал, не зная, что предпринять. Еще минута, и оба мира — прежний мир, где он родился, и новый, мир будущего, — будут для него потеряны.

Нэймали говорила: чтобы выпустить стрелу, чудовище должно выпрямить щупальце. Если оно согнуто, сила пневматиче-

ского толчка значительно уменьшается. Возможно, именно поэтому зверь не выстрелил сразу. Он ждал момента, когда можно будет выпрямить щупальца, превратив их в подобия оружейных стволов.

Измаил расслышал свист воздуха, набираемого в пузырь, служивший зверю воздушным резервуаром. Нагнетая воздух, он снова и снова издавал глотательные звуки.

Одно из щупалец, похожее в темноте рядом с пятном лунного света на хобот изголодавшегося слона или на безголовую кобру, двигалось по земле, опережая остальные. Измаил быстро высунул голову и, заметив его, нырнул обратно за бревно. Он прикинул, когда оно скользнет через бревно, и сжал двумя пальцами стрелу, а в другую руку взял каменный нож.

Три верхних щупальца нагнулись сверху вниз, глядя слепыми глазами, видящими лишь тепло его тела. Потом одно из них опустилось ниже, словно хотело приблизиться настолько, чтобы даже ослабленный заряд воздуха не помешал костяному копьецу вонзиться в тело достаточно глубоко для того, чтобы яд действовал.

Щупальце переползло через бревно и замерло. Принюхиваясь к теплу живого тела, оно колебалось то туда, то сюда. Потом начало выпрямляться.

Измаил вогнал свою стрелу острым концом в отверстие на его конце.

Сделав это, он сразу же перекатился назад, через лежавшее за ним бревно, в густые заросли позади.

Щупальце с застрявшей в нем стрелой дернулось и, как показалось Измаилу, распухло. Видимо, оно собиралось выпустить собственную стрелу, но обнаружило, что ему что-то мешает. Щупальце дернулось и так и эдак, потом подалось назад и выпрямилось. Раздался щелчок. На этот раз оно извергло обе стрелы, но они пролетели больше чем в трех футах мимо цели.

Измаил снова перекатился в зазор между двумя бревнами, взял в руку стрелу, вскочил и прыгнул к отстрелявшемуся щупальцу.

Щупальце отодвинулось, но так медленно, словно не привыкло защищаться. Измаил схватился за его конец, на этот раз направив кончик стрелы в мягкую плоть, видневшуюся внутри отверстия.

Теперь последовала бурная реакция. Щупальце потащило его назад, под огромное дисковидное тело, — он оказался за передними щупальцами. Задние щупальца, направленные в обратную сторону — видимо, для обороны сзади, — повернулись в его направлении.

Измаил полез вверх по щупальцу так, словно это был тяжелый трос на «Пекоде».

Под его тяжестью оно натянулось, повиснув вертикально между деревьями. Прямо у него над головой в щупальце вонзилась стрела. Зверь поворачивал свои щупальца внутрь и стрелял в свою жертву, а попадал в самого себя.

Измаил разжал руки, пролетел около пяти футов и ударился о растение, пригнувшееся под углом сорок пять градусов к земле. Оно стало гнуться под ним дальше, пока не затрещало, и вместе с ним он упал.

Чудовище резко подалось вверху, потом приостановилось, заколебавшись, схватило несколько растений сразу и двинулось прочь.

Измаил откатился как можно дальше, встал на ноги и побежал вперед, пока его не остановила завеса лиан. Он отскочил назад, упал, снова встал и обежал эти плети вокруг.

Потом остановился и оглянулся.

Гигантская туша, словно туча, осела на верхушки растений. Казалось, она потеряла свои очертания и растеклась по джунглям в стороны и вниз.

Нижнюю сторону шивараду Измаил не мог разглядеть, но никаких признаков движения щупалец не было.

Внезапно из ночной тьмы вынырнула торпедообразная тень с огромной головой и зубами, сверкнувшими белым при лунном свете.

Она куснула этот обвисший блин за один из горбов, и горб лопнул.

Небесная акула примчалась сразу, как только учудила мертвичину.

За ней появилась другая и тоже зажорилась, вгрызаясь в рану на месте горба. Обе они помахивали крыльями-плавниками, сопротивляясь ветру.

«Интересно, — подумал Измаил, — насколько силен яд, убивший шивараду? Хватит ли его на то, чтобы разлиться по всему его телу и убить заодно и небесных акул?»

Но у него не было времени, чтобы наблюдать за развитием событий. Он быстро обернулся, услыхав шум позади. Было похоже, что кто-то большой крадучись пробирается через джунгли. Он опустился на колени и замер, сжимая каменный нож. Потом услыхал тяжелое дыхание — оно оказалось знакомым — и тихо позвал:

— Нэймали!

— Я не могу позволить, чтобы ты жертвовал собой, — сказала она. — Я хотела помочь, вот и... Ой!

Тут она увидела шивараду, обвисшего на деревьях словно тряпка.

Когда он рассказал ей, что произошло, Нэймали взяла его руку и поцеловала.

— Заларапамтра и Зумашмарта тебя отблагодарят, — сказала она.

— Может быть, только что они уже помогли мне.

Они пошли дальше, обходя мертвого зверя, которого рвали на куски уже с полдюжины акул. Они шли около часа, а потом снова легли спать. Измаил не мог уснуть, несмотря на усталость, — было слишком холодно. Ночь уже кончалась, и температура, по его оценкам, упала почти до сорока градусов по Фаренгейту*.

Он сорвал огромный лист, забрался в гамак, он же лист, Нэймали, обхватил ее руками и накрыл себя и ее другим листом. Она не возражала, хотя и повернулась к нему спиной. Измаил мгновенно заснул, и ему приснилась первая ночь, проведенная им в гостинице «Китовый фонтан», когда он делил постель с дикарем огромного роста, Квикегом. С тем самым Квикегом, чьи кости обратились в прах и уже бесчисленное число раз побывали и растением, и живой плотью...

Огромный красный диск снова медленно поднялся над горизонтом — сразу стало теплее. Проснувшись, они обнаружили, что ими питаются лианы; пришлось ждать, пока растения напьются. Потом они встали, умылись водой из стручков и попили. Вода, как обычно, парализовала их, но лианы к ним даже не приблизились, как будто зная, что оба они уже отдали им свою дань.

Они продолжали идти на север, еще четыре раза поспав и питаясь зверюшками с двойным носом и тараканами, по вкусу напоминавшими крабов, а также некоторыми другими животными, в том числе летающими змеями. Это были одни из немногих обитателей воздушной среды, у которых не было газового пузыря. Несколько ребер у них развились в большие крылья, которыми змея могла махать вверх-вниз, грубо подражая полету птицы.

Снова миновала ночь со всеми ее опасностями, опять взошло солнце.

— Когда мы дойдем до твоего города? — спросил Измаил.

— Не знаю, — ответила она. — На корабле, я думаю, мы добрались бы туда дней за двадцать. Наверное, пешком мы будем идти в пять раз медленнее.

— В моем мире это примерно четыреста дней, — сказал он.

---

* Около +5°С. (Примеч. ред.)

Измаил даже не охнул — китобои привыкли считать время на месяца и годы. Но он предпочел бы не идти пешком. Пробивать себе дорогу в этих густых зарослях было тяжелой, изнурительной работой. Он завидовал тварям, которые без видимых усилий порхали в облаках.

В полдень того дня они увидели еще одну из множества огромных туч, состоявших из миллиардов крошечных животных красного цвета, каждое из которых поддерживала в воздухе головка в форме зонтика. Были тут и левиафаны, сопровождавшие небесный криль и питавшиеся им.

А вслед за ними появился большой воздушный корабль.

Нэймали вскочила, выронив белое мясо насекомого, которое она поймала всего час назад. Судорожно вздохнув, она долго стояла молча. Потом улыбнулась:

— Это из Заларапамтры!

Корабль походил на большую, сильно вытянутую сигару, с которой вниз свисали очень тонкая мачта, реи и паруса, и по бокам у нее тоже было по мачте с парусами — они отходили от корпуса под прямым углом. Косые паруса были такими тонкими, что сквозь них просвечивало темно-синее небо. Корма была оснащена двумя рулями: горизонтальным и вертикальным.

— Он не такой плоский, как сейчас кажется, — сказала Нэймали, отвечая на вопрос Измаила. — Если бы ты смотрел на него вблизи, то увидел бы, что сбоку он вдвадцать раз выше человеческого роста.

Корабль гнался за стадом, состоявшим примерно из тридцати левиафанов, которые, раскинув в стороны две пары своих крыльев с красными и черными, зелеными и багряными прожилками, поблескивая серебром своих громадных покатых тел и огромных голов, словно драконы, врезались в облако небесного криля.

— Но как?.. — спросил Измаил. Девушка коснулась его руки.

— Смотри, — сказала она.

Корабль шел на всех парусах. Он двигался быстро, но такой скорости было недостаточно, чтобы догнать кита. Потом от большого корабля отделился предмет размером поменьше, а за ним другой.

Они имели форму иглы, и, как сказала ему Нэймали, экипаж в них лежал, вставая лишь в случае необходимости. На носу было специальное закругление, чтобы там было не так тесно, как в остальном помещении. Оно было необходимо, поскольку там вставал гарпунер, когда надо было бить кита, там же лежали гарпун и длинный линь.

Он наблюдал, как сверху и снизу вельбота, как и с обеих его сторон, выдвинулись мачты. Потом подняли прозрачные паруса, и лодка понеслась к красному облаку.

— Как им удается убирать и ставить паруса, не залезая на мачты?

— Это делается с палубы, — ответила она. — Считается, что это придумал Заларапамтра, но я думаю, что так поступали задолго до его рождения.

Вельбот висел на хвосте у левиафана, который, казалось, и не замечал этого. Он слой за слоем углублялся в красное — концентрация этих живчиков время от времени менялась. Лодка шла уже рядом с огромным зверем и теперь оказалась по другую сторону красной тучи, так что Измаил потерял ее из виду.

Измаил повернулся посмотреть на пролетавших над ним животных, а потом увидел, как один из левиафанов в задней части стада внезапно взмыл вверх. При этом он выпустил серебристый фонтан — водный балласт, который запасался в пузыре для двух целей: во-первых, чтобы охлаждать поверхность тела, когда это необходимо, а во-вторых на случай опасности, когда надо было уменьшить вес, чтобы быстро набрать высоту.

Теперь Измаил увидел и вельбот, привязанный к киту тонким линем, один конец которого был утоплен в голове чудовищной рыбы. Небесный кит в отличие от обычного не ушел на дно, а воспарил к верхним пределам атмосферы.

— Он может долго летать на таких высотах, где человек сразу задыхается, — сказала Нэймали. — Иногда кит настолько велик, что может затащить туда лодку, тогда гарпунер должен перерезать линь до того, как ему станет дурно и он перестанет понимать, что происходит.

Между тем зверь унес лодку так высоко, что они уже растворились в темно-синем небе. Туча криля была на северо-востоке от людей, наблюдавших за ней с земли, и через полчаса должна была слиться с горизонтом. Но корабль повернулся в другую сторону и взял круто к ветру. Потом он начал поворот оверштаг, встал носом прямо по ветру, закончил поворот, увалил, вернулся назад и снова взял круче к ветру. Судя по этим маневрам, люди на корабле, которые находились гораздо выше, чем Измаил, хорошо видели небесного кита и преследовавший его вельбот. Они все еще были примерно над тем местом, где левиафана поразил гарпун.

Через некоторое время Измаил увидел кита — крохотную черную точку. Опускаясь, он становился все больше, а потом стало возможно разглядеть и лодку. Зверь шел прямо вниз, прижав к бокам свои огромные крылья-паруса и напряженно

выпрямив тело. Линь, приковавший охотников к добыче, был слишком тонким, чтобы его можно было рассмотреть. Вельбот двигался по прямой позади зверя, немного сбоку от него; их разделяло примерно триста футов.

— Кит быстро выпускает газ и снижается, — сказала Нэймали. — Когда он опустится достаточно близко к земле, он раскроет крылья и повернет круто вверх. Тогда вельбот будет болтаться внизу и может разбиться о землю — а может и не разбиться. Тут все зависит от кита. Иногда они неправильно рассчитывают свою скорость и расстояние: когда они ранены, у них кровь отливает от мозгов. Тогда они разбиваются и погибают, но с ними погибает и экипаж вельбота. Конечно, можно перерезать линь и не дожидаясь, когда кит приблизится к земле на опасное расстояние, но ждать до последнего — для гарпунера вопрос чести. Иногда лодка продолжает падать по инерции, тогда...

Она умолкла. Кит — если только не сбавит скорость и не повернет — должен был удариться о землю примерно в полу-миле к северу от них. Животное теперь было совсем близко, и Измаил увидел, что оно превосходило размерами любого синего кита прежних дней, а ведь тогда это было самое большое животное из всех, какие когда-либо населяли планету. Бочонкообразная голова была почти как у его собрата, жившего в прежние времена в море, хотя и не имела нижней челюсти. Ртом ему служило круглое отверстие в середине передней части головы.

Измаил спросил об этом Нэймали. Она сказала, что у этой твари нет зубов, а его нижняя челюсть неподвижна, ибо крепко-накрепко приросла к черепу. Ртом кит втягивает в себя миллионы маленьких красных созданий, а когда насытится (это бывает редко), ротовое отверстие затягивается изнутри тонкой кожистой пленкой.

— Но есть и киты с огромной пастью и подвижными челюстями, — эти едят и беззубых китов, и вообще все, что только можно, в том числе людей, — сказала она.

— Я встречал одного такого, — промолвил Измаил, подумав об огромном белом ките с морщинистым лбом и изуродованной нижней челюстью.

— Этому зверю не миновать падения, если он сейчас не раскроет крылья и не отвернет вверх.

Но гигантское тело неслось вниз, и не было заметно, что оно собирается развернуть паруса. Людей в лодке видно не было, — они лежали, без сомнения, крепко держась за что-то. Видна была только голова гарпунера. Измаил ждал, что вот сейчас увидит взмах его руки с ножом, который отрежет линь. Но голова не двигалась, и рука тоже не показалась.

— Либо они очень смелые люди, либо очень глупые, — пробормотал Измаил по-английски.

Через несколько секунд он снова заговорил на своем родном языке:

— Режь, ради Бога! Режь линь!

И вот крылья-паруса воздушного кита раскрылись, да так внезапно, что хлопок, ударивший им в уши, — а может быть, этот звук произвели огромные мускулы, расправившие кости и кожу на крыльях, — прозвучал как ружейный залп. Животное задержалось в своем падении, а взмахи хвоста, от которых лодку жестоко кидало из стороны в сторону, развернули кита головой вверх. Но инерция еще не была преодолена, и хотя теперь кит направлялся вверх, он все-таки продолжал падать.

Вельбот теперь оказался ниже кита и все еще раскачивался от движений китового хвоста. Его веса и скорости хватало, чтобы колебания передались и огромной твари, к которой он был привязан. «Вот он, тот случай, когда вместе дрожат и мышь, и кошка», — подумал Измаил.

В лодке виднелось четыре человека — трое были привязаны к палубе, а гарпунер держался обеими руками за поручни. Паруса были, разумеется, спущены. Хотя их сопротивление замедлило бы полет кита и утомило бы его, от неизбежного падения они бы порвались и сломали мачты. Даже теперь мачты сильно гнулись от сопротивления зарифленных парусов.

— Теперь резать линь уже поздно! — воскликнула Нэймали. — Если его отрезать, лодка все равно полетит вниз! Все, что им остается, — покрепче держаться и уповать на то, что кит, поднявшись вверх, спасет их от удара о землю!

— Их уже... ничто не спасет, — ответил Измаил.

Если бы земля была хоть на один фут ниже или зверь начал бы разворот несколькими секундами раньше, вельбот мог бы избежать крушения. Но он ударился кормой о землю, перевернулся, при этом оборвался линь, людей выкинуло наружу — гарпунер разжал руки, а у остальных лопнули страховочные пояса. Обшивка и каркас лодки гнулись и ломались, трещали и скрежетали; суденышко несколько раз подпрыгнуло и исчезло в джунглях.

Кит, растеряв большую часть газа, мог подняться не больше чем на пятьдесят футов выше того места, где он сейчас находился. Теперь он был вынужден летать низко над землей, пока не сумеет выработать достаточное количество газа, а для этого ему необходимо достаточно плотно набить свой желудок. Если пищи недостаточно, он все равно может подняться на несколько сот футов, используя для производства газа ресурсы собственного организма. Но если на столь малой высоте ему не удастся

встретить облако криля — а они редко держатся так низко, — он обречен. Он будет ходить кругами, теряя газ, пока, ломая под собой деревья, не осядет на джунгли. И останется там до тех пор, пока его не съедят небесные акулы, разные лесные звери и ползущие растения.

Измаил и Нэймали пробирались сквозь сплетенные побеги, направляясь туда, где, по их предположениям, выбросило людей. Походив некоторое время туда-сюда, одного они отыскали. У него были переломаны все кости; он упал в просвет между побегами, ударившись прямо о землю. Тут позвал на помощь другой потерпевший. Тот лежал в развороченном кусте, а над ним висели оборванные им при падении лианы и плети. Он отделался только переломом ноги и множеством ушибов.

Третий лежал в груде растительности. Он упал вместе с целым сплетением лиан, проделав брешь прямо посреди джунглей. Взявшись непонятно откуда небесные акулы снизились над прогалиной, пытаясь в него вцепиться.

Измаил и Нэймали потащили его под прикрытие растений у края полянки. Человек стонал: он был в полубессознательном состоянии. Голова его сбоку была окровавлена, словно он ударился о твердый ствол какого-то растения. На нем была ярко-синяя шотландская юбочка с черным изображением небесного кита и гарпиона. На груди у него была татуировка в виде красного кита, на руках и ногах — киты поменьше, числом до пятидесяти. Столько их он успел убить.

— Это Чамкри, он великий гарпунер, — сказала Нэймали. — На его корабле наверняка ничего не знают; иначе корабль спешил бы домой, а не на охоту.

— К нам летит акула, — сказал Измаил и потащил Чамкри быстрее. Потом, увидев, что твари догонят их прежде, чем они доберутся до стены зарослей на краю прогалины, он бросил гарпунера. Небесная акула опустилась к верхушкам деревьев, прижала к бокам крылья-плавники и быстро заскользила вниз, с шипением выпуская из пузыря газ. Измаил поднял длинный голый стебель, срезав обвившиеся вокруг него побеги и лианы. Увидев, что ужасные челюсти уже готовы сомкнуться вокруг него, он воткнул свою острогу поглубже в зияющую пасть. Она прошла сквозь узкий, как лента, бледно-желтый язык и вонзилась в горло, а потом акула своей массой сбила моряка с ног. Она скользнула по нему, почти не придавив, но его руки и лицо были в крови: шкура у этой твари походила на наждак, как и у ее родственниц из морей прошлого.

Нэймали пронзительно вскрикнула и тоже бросилась на-взничь, так что акула пролетела над ней: груда перепутавшихся растений, возвышавшаяся над землей, изменила направление

ее полета. Она врезалась в стену деревьев на краю прогалины, сшибив на землю еще один клубок переплетенных побегов и растений. Пытаясь освободиться от пут, вначале она билась несильно и осторожно, но потом впала в панику и стала метаться и извиваться что есть мочи. Это привело лишь к тому, что она окончательно запуталась и сломала себе крыло, оно же парус.

Когда гарпунера оттащили в безопасное место, Измаил подошел к акуле поближе, подобравшись со стороны джунглей. Другие акулы кружили над ней и даже пикировали, но приблизиться не решались. Они боялись, что тоже запутаются: акулы никогда не спускались на землю по своей воле, — только если предполагаемая жертва была мертва или беспомощна и никто не мог на них напасть.

Измаил сделал шаг по направлению к поверженной акуле, оставаясь на таком расстоянии, чтобы его не задело ударом хвоста. Хотя хвост был почти невесомый, с легкими косточками, следовало опасаться наждачной кожи. На него спикировала другая акула; он бросил прямо в ее раскрытую пасть еще один голый стебель. Челюсти захлопнулись, и палка сломалась надвое; половину, оставшуюся у нее во рту, акула проглотила. Измаил бросился обратно в джунгли. Через мгновение он увидел, что тварь стала извиваться в корчах, словно ее что-то пронзило изнутри; видимо, палка сделала свое дело. Ее окружили другие акулы, вырывая куски из ее крыльев-парусов, головы и хвоста. Умирающее чудовище и его пожирателей отнесло ветром, и они скрылись из виду.

Теперь, лавируя, к ним опускались два вельбота: один из них сел на прогалине, а другой встал на высоте пятьдесят футов, убрал паруса и бросил якорь, состоящий из множества крюков, — тот запутался в зарослях.

Нэймали узнала первого помощника, Пунджаки, который опустился на колени и отвесил такой низкий поклон, что коснулся головой груды растений. Он был безмерно счастлив, что дочь Синнертаа спасена, хотя и огорчен тем, что она попала в столь неприятное положение. На Измаила он посмотрел с любопытством, но, поскольку девушка считала его своим другом, он отнесся к нему благожелательно. Но радость моряков сменилась ужасом, когда Нэймали, произнося слова так быстро, что Измаил не мог уследить за ее речью, рассказала, что случилось с их родным городом. Их коричневая кожа посерела, и они запричитали, бросившись на покрытую лианами землю и бия себя в грудь кулаками. Кое-кто вынул свои костяные ножи и стал резать себе руки и грудь.

Горе, как и другие чувства, платит свою дань нужде, а нуждою правит время. Люди закончили охоту и наложили на свои

раны повязки. Измаил узнал, что они были сотканы пушистыми птицами без крыльев и перьев.

Пока двое матросов по кускам вырезали акулье сердце, легкие и печень и вынимали желудок, остальные искали четвертого потерпевшего. Минут через пятнадцать его нашли — он лежал под навесом из выющих побегов и огромных листьев. Он заполз туда и умер, когда лианы присосались к его ранам.

Вельбот, паривший в воздухе, спустили вниз; в него посадили Чамкри и раненого матроса. Нэймали и Измаил взошли на первый вельбот, в котором они сели на тонкую прозрачную оболочку, которая одновременно служила и палубой, и днищем. Для безопасности они застегнули на талии непрочные на вид, но крепкие кожаные пояса. На поясах была костяная застежка, и один конец был пришит к прозрачной палубе.

Первый помощник приказал дать еще мяса бесформенным глыбам красно-коричневой плоти с бледно-зелеными прожилками, соединенным с горловинами всех шести пузырей по периметру лодки. Теперь пузыри стали надуваться, и лодка пошла вверх. Оба суденышка поставили свои боковые паруса, а потом через шахту в центре палубы опустили нижнюю мачту с гиком. Шахта была сделана из трубчатой кости, и от нее расходились двенадцать спиц, которые шли во все стороны и соединялись с костяным ободом, придававшим лодке ее продолговато-ovalную форму. Мачту закрепили в шахте костяным болтом, опустили гик. Потом на нижней мачте подняли парус, и ветер наполнил его.

Ему предстояло узнать, что некоторые лодки были оснащены еще и верхней мачтой с косыми кливером и гротом, но она всегда была короче и несла меньше парусов, чем нижняя.

Подъем длился два часа, в течение которых пришлось еще несколько раз кормить животных, прикрепленных к пузырям, — они вырабатывали газ. Измаил несколько не беспокоился — в китобойных рейсах он в совершенстве овладел искусством ждать. В воздушных морях явно приходилось считаться с прихотями времени еще больше.

Наконец лодка нагнала корабль, шедший на той же высоте тем же курсом. С вельбота на корабль, где матросы стояли на палубе, огороженной с трех сторон, бросили конец. Матросы на корабле были привязаны к костяным бимсам концами, закрепленными у них на талии, чтобы их не выбросило за борт, если корабль резко снесет вбок при порыве ветра или тряхнет в воздушной яме.

Паруса на лодках убрали; мачты и реи втянули внутрь, разобрали, вложили членники один в другой, а потом крепко

прикрепили сверху и снизу к корпусу. Потом лодки поставили за загородки и привязали.

Измаил обнаружил, что стоит в длинном открытом коридоре, который служил главной палубой. По всему судну вверх и вниз, горизонтально и под углом бежали лесенки и трапы. Все они были сделаны из твердых, но пустотелых и тонких костей, большинство из которых принадлежало небесным китам разных видов. В верхней части корабля были закреплены в два ряда — по десять в каждом — большие газовые пузыри. У основания каждого пузыря находилась круглая большеголовая тварь.

Измаил подумал было, что обшивка покрывает весь корабль. Но он состоял в основном из каркаса, который в некоторых местах был покрыт лоскутами обшивки — особенно на носу и на корме. Центральная часть была наиболее открытой: это для того, чтобы не препятствовать ветру дуть насквозь и наполнять паруса с подветренной стороны. Для кораблей, которые плавают по воде, такая конструкция была бы бесполезной, поскольку мачты у них торчат над водой и доступны ветру с обеих сторон. Но воздушному кораблю надо быть как можно более проницаемым, чтобы, когда он идет круто к ветру, ветер мог наполнять прямые паруса и по левому, и по правому борту.

Матросские каюты, камбуз, некоторые складские помещения и несколько других отсеков были прикрыты обшивкой — полностью или частично. Но во всех остальных местах ветер, будь он теплым или холодным, ласковым или свирепым, обдувал моряков и днем и ночью.

Мостик, или ют, помещался ближе к корме, на самом верху. Там за штурвалом стоял единственный рулевой; руль поворачивали безголовые, безногие создания, чьи сухожилия оканчивались тяжами из кожи. Они реагировали на тягу или ослабление тяжей, прикрепленных к одному концу их мускулов, а к другому их концу шел привод рулевого колеса.

Капитан — его звали Барамха — был высоким мужчиной с татуировкой на лбу. Черный штурвал, увенчанный алой короной с тремя зубцами, был отличительным знаком его положения. Приказы капитан отдавал голосом тем, кто был рядом, а остальным матросам — днем при помощи жестикуляции, а ночью использовали фонари — клетки с большущими насекомыми, похожими на светляков.

Услышав рассказ Нэймали, капитан посерел лицом, запла-
кал, стал причитать в голос и полоснул себя по груди камен-
ным ножом. После этого он отдал себя в распоряжение Нэй-
мали. Она расспросила его о запасах воды, продовольствия
и шахамчица, крепкого спиртного напитка. Он заверил ее,

что этого им хватит, чтобы добраться до Заларапамтры, хотя последнюю неделю придется подтянуть пояса. Они успели убить десять китов, запасли их мясо и выпарили воду из туш. В одном из них они нашли вришко. Очевидно, на китов охотились в основном ради этой штуки. Измаил не понял, что такое вришко, но постановил себе узнать при первой возможности.

Корабль поменял галс и пошел круто к ветру, стараясь держать курс в сторону города, который был на северо-западе.

Нэймали и Измаила отвели в капитанскую каюту. Она была в самом низу корабля, прямо под мостиком. Поскольку пол был прозрачным, Измаил беспрепятственно видел землю с высоты нескольких тысяч футов. При каждом его шаге обшивка прогибалась, и он почувствовал облегчение, когда сел на костяной стул, крепко приделанный к костяному же шпангоуту. Каюта была маленькой, и одной стены у нее не было — очевидно, жители Заларапамтры не слишком стремились к уединению. Там был многоугольный письменный стол из красноватой кости с небольшой столешницей, на которой капитан рассчитывал курс и заполнял судовой журнал. Сам журнал представлял собой большую книгу с тонкими, как будто пергаментными страницами, на которых синими чернилами были выведены крупные знаки. Знаки эти не принадлежали ни одному из известных Измаилу алфавитов.

Не успела Нэймали сесть, как кают-юнга подал обед, — они давно не ели пищи, приготовленной на плите. Китовое мясо обладало необычным, но приятным вкусом; уже знакомое Измаилу мясо тараканов было хорошо протушено и приправлено вкусным красно-коричневым соусом; были еще горки светло-голубых зерен, похожих на рисовые, политые темно-оранжевой подливой. Питье было разлито в сосуды из кожи: их надо было поднимать и почти опрокидывать, чтобы темно-зеленая огненная жидкость низвергалась в рот.

Очень скоро Измаил почувствовал себя комфортно, — можно сказать, почти счастливым человеком. Еще он обнаружил, что с капитаном он разговаривает не так свободно, как раньше с Нэймали, и решил, что в следующий раз урежет себе норму шахамчица.

На капитана и Нэймали спиртное, похоже, не действовало. Они продолжали глотать его большими порциями, хотя их большие зеленые глаза засияли так, словно в их глубине зажглись огоньки. Теперь унесли тарелки и принесли еще ко-жухов с шахамчицем. Измаил заговорил с Нэймали, которая резко глянула на него. Капитан, похоже, рассердился, и тогда Нэймали неожиданно улыбнулась и объяснила, что Измаил не знаком с правилами этикета, но теперь, раз он находится

на заларапамтранском судне, ему придется с ними познакомиться.

Тем не менее Измаила увел за собой юнга; поднявшись по нескольким трапам, он попал в маленькую каюту без одной стены, где ему предстояло спать. Он растянулся в своем гамаке, но заснул не сразу. Движение корабля не было плавным; беспорядочно кидало то вверх, то вниз. Измаил был рад избавиться от постоянного чувства легкой тошноты, порождаемого нескончаемыми колебаниями земли, но тряска в корабле была немногим лучше. Корабль встряхивало от каждого дуновения что сверху, что снизу. Казалось бы, такая машина могла бы идти вперед и более плавно, не становясь игрушкой воздушных потоков, как более мелкие летуны. Все же через некоторое время он попривык к тряске и уснул. Однако привыкнуть к прозрачной гибкости пола было сложнее.

На третий день запад потемнел от дождевых туч, которые он видел здесь впервые. Через час налетел ветер. Задувало сильно, но все же это не был ураган, и капитан приказал убрать большую часть парусов, пока шторм не набрал силу. При первом натиске ветра большой корабль развернулся на двадцать пять градусов и пошел дальше, кренясь на правый борт. Измаил принайтовил себя к балке, которая проходила сквозь все палубы, почти в трюме корабля. Так приказал капитан, хотя поначалу Измаил никак не мог понять, почему ему надо находиться именно в этом месте. По размышлении он пришел к выводу, что, раз он не был нужен в качестве рабочей силы, его поместили сюда для равновесия. По крайней мере, он смог быть полезным в качестве балласта.

Ветер усилился. Корабль продолжал идти круто к ветру, но его сносило к востоку от заданного курса. Ветер, теперь набравший почти ураганную силу, дул неравномерно. Порыв следовал за порывом, словно это дуло из-за горизонта некое животное невообразимых размеров, останавливаясь, чтобы набрать в легкие воздух и опять с силой его выдохнуть. Потом полил дождь, где-то в облаках блеснула молния и ударила гром.

Капитан не пользовался никакими приборами. У него не было компаса, поскольку компасы делаются из металла, а металлов, похоже, в этом мире не было, или они были чрезвычайно редки. «Возможно, — заключил Измаил, — люди выработали запасы металлов на Земле». Если верить прогнозам некоторых ученых, человечество шло к этому еще в 1840-х годах. Сколько же миллионов лет люди обходятся без металла?

Впрочем, это было не важно. Важно было то, что у капитана не было даже осколка магнетита. Днем он ориентировался по солнцу и луне, а ночью — по луне и звездам. Когда

видимость была плохой, он вел корабль вслепую. Теперь, когда было почти совершенно темно, он мог руководствоваться только направлением ветра; если ветер сменится, он сольется с путем.

Измаил грустно сидел на полу, — сколько прошло времени, он не знал. В этом мире не было ни наручных, ни песочных часов; насколько он знал, не было даже солнечных. Похоже, люди, жившие в конце времен, часов не наблюдали.

Изредка его сменяли, и тогда он спал, если ему хотелось, и ел на камбузе. Кроме кока и нескольких матросов, он никого не видел. Камбуз был клетью с костяным каркасом. Плита была ящиком из какого-то несгораемого дерева — этот материал был самым тяжелым из всех, использованных при строительстве корабля, — жестко прикрепленным к полу. Топилась она маслом, которое вытапливали из растений, свободно паривших в небе, а не ворванью небесных китов, как подумал было Измаил.

Измаил все хотел поговорить с коком, узнать его получше — ему были интересны все, кого бы он ни встретил. Но тот был немногословен и часто вздрагивал, когда корабль слишком сильно кренился, либо с пугающей внезапностью падал или подскакивал.

Измаил возвращался к себе в «трюм», садился на пол и проводил большую часть времени в полуодреме, время от времени просыпаясь от качки и толчков. Он был уверен, что три раза ветер поворачивал судно (оно называлось «Руланга») вокруг собственной оси. Если это было так, значит, капитан вел корабль обратно, пока после очередного поворота корабль случайно не возвращался на первоначальный курс.

К его удивлению, шторм неожиданно прекратился, а тучи рассеялись. Красное солнце стояло в зените; с тех пор как начался ветер, оно восходило уже два раза. Измаил узнал это от матросов; сам он за это время ни разу не видел солнца.

«Руланга» направлялась на северо-запад, только либо ее снесло ветром на восток, либо раз или два она самопроизвольно поворачивала и шла на юго-восток. Капитан Барамха объявил, что они сбились с курса; это означало, что они попросту заблудились. Под конец дня он так и не определил, где они находятся.

По правому борту возник сплошной горный хребет; казалось, он уходит все вверх да вверх, покуда не сольется с темным небом. Горы, выщербленные ветрами, были окрашены в красноватые, сероватые и черноватые тона.

Завтракая с капитаном и Нэймали, Измаил спросил, на какой высоте они находятся.

Барамха, который как раз взглянул на примитивный альтиметр (из дерева и воды), сказал:

— «Руланга» находится на высоте десять тысяч футов. Вершины этих гор должны возвышаться над нами еще по крайней мере на четыре мили, то есть примерно на двадцать одну тысячу футов. Я мог бы подняться к вершинам, но воздух там слишком разрежен для дыхания.

«Выходит, — подумал Измаил, — в течение миллиарда лет Земля теряла свою атмосферу. Плато на этих горах, должно быть, когда-то были поверхностью материка, возможно, Южной Америки. Значит, на этой горе должны быть еще горы — Анды. Как высоко вздымаются они? До тех высот, где уже совсем нет воздуха? Да существуют ли еще Анды? К тому же это, может быть, вовсе и не Южная Америка. Разве не сказал однажды некий мудрец с безумным взглядом и взлохмаченными волосами, что материки расползаются, словно бобы в недоделенном супе?»

Он взглянул на обрывистые утесы, внушающие трепет; кувыркаясь, вниз величественно полетел обломок скалы, и грохот его падения донесся до Измаила много секунд спустя. Медленно — хотя, если вспомнить о беспрестанном сотрясении земли, может, и не так уж медленно — все высокое рухнуло.

Капитан Барамха расстелил пергаментную карту и показал на ней Заларапамтру. Измаил решил, что город располагается на средневысотном плато на горном склоне, который некогда был шельфом островов Самоа. Область к востоку от корабля называлась краем Земли.

Время от времени, выпив еще шахамчица, Измаил смотрел сквозь пол вниз. После долгого и обильного дождя мертвые моря так переполнились, что вышли из берегов и во многих местах соединились между собой проливами. Там, где он впервые приземлился, теперь была вода; чтобы достать до полога джунглей, пришлось бы нырнуть на дюжину футов вглубь.

Одно из морей, которые они миновали во время длинного завтрака, было красным, а когда Измаил спросил почему, ему сказали, что от дождя красный небесный криль оседает вниз.

— Так вот почему не видно облаков криля? — спросил он.

— Да, — ответил капитан. — Дожди жизненно необходимы, если их не будет, все живое погибнет. Нет худа без добра, но верно и обратное. Дожди прибивают криль к земле, и пройдет много дней, прежде чем он снова прилетит с запада, из мест, где он размножается. За это время огромные небесные киты оголодают, станут тощими. И более мелкие организмы, которые едят криль, тоже останутся без пищи. Слабые и молодые животные станут более легкой добычей для акул и других

хищников. Акулы станут упитанными, нагуляют жир и размножатся. Но яйца, которые они откладывают миллиардами, летают в виде облаков, как криль, и служат пищей китам. Лишь немногие из них произведут потомство. Вот уж воистину нет худа без добра.

— Через некоторое время семена больших растений, что растут далеко на западе, у подножия тамошних гор, — («Африка, — подумал Измаил, — или Индия? Может, Индокитай?») — взорвутся и поднимут криль в небо. И его станут есть киты, акулы будут нападать на более мелких животных и лишь иногда на больных или раненых китов, и все опять будет так, как было до дождей.

Потом разговор пошел о других вещах: стали обсуждать рассказ Измаила о мире, откуда он явился, и события, случившиеся после встречи с Нэймали. Через некоторое время Измаил заметил, что Нэймали ни словом не упоминает об эпизодах, когда он касался ее рукой или что они грели друг друга. Должно быть, она не преувеличивала, когда говорила, что ее соотечественники убьют его, если он будет приставать к весталке. Под «приставанием» она, разумеется, подразумевала даже случайное прикосновение.

После завтрака капитан сказал, что все они должны поблагодарить судового божка «Руланги», Ишнувакарди, который, в свою очередь, передаст их благодарности, присовокупив к ним свою собственную, великому богу Зумашмарте. Они поднялись наверх, а потом спустились по трапу в центральный проход, по которому прошли вперед, в комнату со стенами из прозрачной кожи, расписанными религиозными сценами и символами.

На алтаре из кости стоял костяной короб. Нэймали встала перед ним, надевая головной убор из кости, к которому были приклеены сотни крошечных красных раков. Перед коробом в деревянной чаше горел огонек.

Присутствовала вся команда, кроме вахтенных. Когда Нэймали обернулась, произнося нараспев какие-то слова на языке, которого Измаил не знал, все упали на колени. Он тоже встал на колени, поскольку чувствовал, что от него этого ждали. Проявлять упрямство или неучтивость не стоило. «Да и не впервой мне поклоняться языческим богам», — подумал он. Среди них были и Лицемерие, и Жадность, и Ненависть, и целый пантеон других идолов цивилизации. К тому же он вместе с Квикегом молился его идолу, Йоджо, и впоследствии нисколько не раскаивался в этом.

Он преклонил колени перед алтарем и коробом. Когда кожа, из которой был сделан пол, прогнулась под его тяжестью, Измаил подумал, посмотрев вниз с высоты многих тысяч футов,

что раньше ни в одном храме не ощущал так близко дыхание вечности.

Нэймали обернулась, продолжая свой речитатив, и приподняла короб. Под ним была статуэтка высотой около фута, вырезанная из некоего материала, белого, как слоновая кость, с красными, зелеными и черными прожилками. Она изображала полукита-получеловека, в котором морда кита сочеталась с человечьим торсом, снова переходившим ниже талии в хвост небесного кита, — он рос на месте ног. От нее исходил сладкий и приятный запах — наверняка какой-то дурман.

Измаила и так слегка покачивало от выпитого шахамчица. Но, вдохнув этот аромат, он почувствовал такое головокружение, что рухнул лицом вниз и через несколько секунд потерял сознание.

Очнулся он на полу, глядя с высоты в несколько миль на безжизненные моря под собой. Когда, застонав, он с усилием сел, оказалось, что вокруг никого не было. Голова болела так, словно по ней стукнули молотком. Или как будто к нему явился прапородитель всех похмелий, чтобы продемонстрировать, какую невообразимую боль некогда вынесла голова Адама.

Идол был накрыт коробом. Сладкий пьянящий запах выверился еще не до конца.

Пошатываясь, Измаил вернулся в свою каюту, лег и уснул.

Проснувшись, он хотел спросить кого-нибудь о том, что это было за благовоние, но оказалось, что все слишком заняты, чтобы разговаривать. Все суетились, выполняя команды, поступавшие с мостика: было замечено стадо небесных китов. Капитан решил задержаться по пути домой, чтобы поохотиться и восполнить запасы продовольствия. Иначе перед возвращением в Заларапамтру пришлось бы поголодать.

Измаил почувствовал себя гораздо лучше и, хотя понимал, что поступает не вполне благоразумно, спросил капитана, нельзя ли ему поучаствовать в охоте. Он перечислил свои навыки, приобретенные в основном в результате долгого и обширного опыта охоты на морских чудовищ. Однако он не видел причин, почему бы не применить их и на охоте в небе.

— Лишние руки нам не помешают, — сказал капитан Барахма. — Но неловкий и неумелый охотник нам не нужен, — в самый ответственный момент он может все испортить. В конце концов, ты же умеешь ходить под парусом, а главная разница между тем, что делал ты, и навыками моего экипажа — это умение управлять лодкой не в двух измерениях, а в трех. Хорошо. Ты пойдешь в лодке Каркри. Ступай скорей туда — тебе объяснят твои обязанности.

Из-за весовых ограничений на воздушные корабли никогда не брали больше двух человек сверх штата. В самом начале

плавания «Руланга» лишилась одного члена экипажа, который спрыгнул или выпал с корабля во время ночной вахты. Потом погиб Рашварпа, которого выбросило из лодки, а его товарищ переломал себе кости. Капитан нуждался в пополнении, хотя и не ожидал его, поэтому он принял предложение Измаила.

Каркри, гарпунер, был не таким высоким и мускулистым, как знакомые Измаилу гарпунеры-дикари, — скорее львы, чем люди. Здешние жители были хрупкие, невысокого роста — не то что Дагу, Тэштиго или Квикег. Ноги у них были тонкими, но плечи и руки были развиты неплохо. Для того чтобы всадить гарпун в голову небесному киту, не требовалось мускулов: главное — попасть туда, куда нужно. В черепе зверя под тонким слоем ткани было много больших отверстий. Чтобы метнуть свою острогу, гарпунер вставал на носу скачущей под ним лодки, когда она двигалась вдоль тела чудовища, зацепившись ступнями ног за кожаные ремни, прикрепленные на дне лодки к ее оболочке. Если гарпун проходил сквозь одну из широких брешей хрупкого и полого изнутри каркаса, он попадал в мозг, сердце или легкие. Все эти органы располагались в голове, а почки, печень, селезенка и другие внутренности были растянуты вдоль обширной внутренней полости тела кита. Если содрать с кита кожу, станет ясно, что он в основном состоит из воздуха и внутренкостных камер. Измаил размышлял обо всем этом, садясь в лодку Каркри. «Интересно, — думал он, — стоит ли предпринимать столь опасную охоту, если в китах почти нет мяса?» Гарпунер посмотрел на него с сомнением, но ничего не сказал. Матрос по имени Куджай рассказал Измаилу, что он должен делать. Перед грозой Измаил расспрашивал кое-кого из команды о вельботах, поэтому теоретически он имел представление о том, как управлять лодкой в воздухе.

Как только все четверо пристегнулись, лодку с помощью длинных шестов вытолкнули из гнезда в борту корабля. Ее стало уносить вбок, и скоро она осталась позади китобойца.

Две мачты, прикрепленные к корпусу на шарнирах за толстый конец, надо было привести в вертикальное положение и закрепить одну сверху, другую снизу. Мачты и реи представляли собой очень тонкие и очень легкие фрагменты костей, плотно пригнанных друг к другу. После того как лодку спустили с корабля, люди в ней стояли, пригнувшись. Кто-то сквозь отверстие в днище, представлявшем собой всего-навсего тонкую прозрачную оболочку, протянул руку вниз и освободил шарнир от защелки. Потом, потянув за фал, они выпрямили мачту и снова поставили ее на защелку. Отстегнули от мачты гик, установили его как следует и закрепили.

Верхняя мачта была короче и несла парус поменьше, чтобы мачта внизу была ей надежным противовесом. После того как ее поставили, с помощью фала подняли парус на нижней мачте. В оболочке днища было множество маленьких отверстий, чтобы, когда надо, можно было высунуться наружу. Ходить по лодке из-за них приходилось очень осторожно, но, после того как паруса были подняты, особенно ходить и не приходилось.

Каркри выпрямил огромные рули — горизонтальный и вертикальный, — которыми управлялась лодка. Передав румпель рулевому, он пополз как можно ближе к середине лодки. В этом легком суденышке важно было не нарушать равновесия, и любое перемещение надо было совершать очень осторожно.

Паруса наполнились ветром, и лодка быстро пошла вперед, догоняя огромный корабль-матку, несмотря даже на то, что их курсы расходились под углом. Измаилу, как новичку, доверили управлять верхним парусом. Куджай сквозь прозрачную оболочку следил за другим парусом, готовый по приказу подбирать или травить шкот. Если гарпунер был слишком занят или по другой причине не мог отдать приказа, Куджай должен был действовать по своему усмотрению. Ему надо было также присматривать за неопытным Измаилом, чтобы тот действовал одновременно с ним. Верхний гик нельзя было поворачивать отдельно от нижнего.

Каркри, пристегнувшись к носовой банке, сообщил своей команде, что им предстоит охотиться также и на акул.

— Нам нужно мясо, друзья. Мясо для людей и животных-пузырей. Даже если мы убьем каждого из тридцати великанов из стада впереди, этого все равно будет недостаточно. Поэтому когда акулы найдут нашу добычу по запаху, чтобы накинуться на нее, мы накинемся на них.

Лодка поравнялась с кораблем. Измаил увидел Нэймали, стоявшую в проходе с правого борта, и улыбнулся ей. Она улыбнулась ему в ответ и скрылась.

Измаил заметил, что отсеки в носу корабля теперь открыты, и спросил Куджай почему.

— Когда корабль врезается в облако криля, он действует как небесный кит, — ответил Куджай. — Эти крошечные создания попадают в воронкообразную дыру, а там их ловят сетью и собирают в кадки. Когда они сырье, их трудно разгрызть, а вареные они становятся мягкими. Суп из них выходит очень питательный и худо-бедно съедобный.

Спустили еще четыре вельбота. Один из них присоединился к Каркри, и примерно четверть мили шел параллельным курсом на север. Их общей жертвой был выбран левиафан цвета

зрелой сливы. Куджай сказал, что это самец; он охранял стадо сзади. Кит рыскал из стороны в сторону, и было видно, что он выписывает в горизонтальной плоскости извилистую линию, словно пытается уследить за всеми лодками сразу. Потом он скрылся в красном облаке, а секунду спустя вслед за ним туда нырнула лодка Измаила. Китобои надели защитные очки и прикрыли рты повязками из тонкой кожи.

На Измаила посыпались тысячи крошечных парашютистов, каждый не больше тыквенного семечка. Они забарабанили по твердой коже его очков, залепив их красным. Чтобы что-нибудь видеть, ему то и дело приходилось вытираять очки, хотя смотреть все равно было не на что.

Ощущение было такое, словно по всему телу легонько постукивают чьи-то огромные пальцы. Он повернул голову и увидел, что Куджай на мгновение сдвинул повязку со рта. Набрав полный рот красных созданий, он снова надвинул повязку. С минуту он медленно жевал; из углов рта у него закапал красный сок.

Вскоре Каркри отдал всем распоряжение вычерпывать свободной рукой груды крошечных тел, скопившихся на дне лодки. Измаил, одной рукой всегда готовый схватиться за шкот, наполнял пригоршню за пригоршней и выбрасывал за борт. Но раки все равно падали, как красноватый град, накапливаясь и замедляя ход лодки.

Внутри тучи были пространства, свободные от криля, о которых Измаилу почему-то никто ничего не рассказывал. Там стояла полутьма, и чудовища впереди казались совершенно черными. К тому же ветер там был намного слабее, и паруса слегка опали. Однако киты тоже замедлили скорость, отяжелев, пока были в облаке. Они приняли в себя огромную массу криля, которая распределилась по кишкам, петли которых, как маронины, были натянуты вдоль хвостового скелета.

Измаил снова и снова черпал рукой криль, как семечки, пока не высыпал за борт его весь. К этому времени обе лодки находились футах в двухстах сбоку и в трехстах позади огромных хвостовых плавников. Расстояние не уменьшалось: они не могли догнать зверя. Потом они снова нырнули в густую тучу.

Они еще раз попали в пустое пространство, словно вышли из леса на поляну. На этот раз они обнаружили, что находятся между двумя чудовищами: очередной сеанс кормежки замедлил движениеней части стада. После того как из лодки снова вычерпали криль, она пошла быстрее. Вскоре Измаил поравнялся с китовой головой и приблизился к его глазу. Красный, как раскаленное железо, большой и круглый, как отвер-

стие заводской трубы, в этом великанском черепе он все же казался маленьким.

Зверь поворачивался вокруг своей оси на сорок пять градусов в обе стороны, стараясь узнать, нет ли сверху и снизу других охотников. Потом он успокоился и летел дальше как ни в чем не бывало, хотя мог бы уйти от преследователей, сбросив водный балласт или выпустив газ. Если он ведет себя так же, как его далекие предки, он и не станет этого делать; похоже, кит никогда не замечает летящую в него острогу, если она направлена в отверстие в черепе, расположенное примерно в десяти футах за глазом.

Каркри встал, подсунув ступни под ремни на полу. Он поднял очки на лоб и снова проверил, как свернут линь вокруг катушки на носу. Затем он поднял свободную руку, держа в другой длинную и тонкую костяную острогу с длинным и тонким костяным наконечником, и сделал короткое и резкое движение.

Куджай тоже встал. Он открутил кончик короткой коричневой палочки из полированного дерева, а затем бросил ее в воздух вертикально вверх. Она все кувыркалась и кувыркалась, высоко взлетев над мачтой и над головой зверя. Почти одновременно с ней такая же палочка взлетела по ту сторону от головы. Обе они с одного конца вспыхнули. Поднялись клубы дыма, расплывшиеся в кольца, а палочки, все еще вращаясь, стали падать.

Откручивание чеки высвобождало химическое вещество, которое проникало в другой ее конец, выделяя газ. Он прорывал тонкую оболочку, а когда внутри оказывался воздух — вспыхивал.

Подбрасывание палочек означало, что лодки готовы к решающему моменту охоты. Тот, кто первым бросил палочку, не начинай действовать, пока не получит ответного сигнала.

Каркри немного пошатнулся, стараясь встать поустойчивее, и лодка тоже вздрогнула — палуба передавала каждое движение. Потом он метнул острогу, и за ней потянулся тонкий до невидимости линь. Гарпун прорвал кожу кита и исчез.

После броска Каркри опустился на одно колено. Теперь он отступил назад, схватил ремень и быстро закрепил деревянную застежку, чтобы его не сорвало с палубы. Зверь выбросил из-под брюха несколько тонн серебристой воды, и линь стал разматываться. Кит быстро набирал высоту, сложив крылья-паруса так, чтобы они поменьше мешали стремительному подъему.

Измаилу удалось взглянуть на левиафана только раз; потом он был занят — убирал парус. Куджай стягивал кверху парус на нижней мачте. Рулевой ждал рывка, который либо подбросит их вверх, либо оборвёт линь.

Каркри ждал с костяным ножом в руке. Теперь им предстояло следовать за китом, пока зверь не устанет, но при этом надо было быть наготове, чтобы в случае чего перерезать линь.

Измаил зарифил парус и закрепил гик. Потом взглянул вверх. Кит становился все меньше, хотя все еще был огромным. Другой вельбот был на одном уровне с ними, его команда напряженно ждала первого рывка линя. Гарпунер повернулся к Каркри свое темное лицо, сверкнув зубами.

Линь рванулся с катушки, немного погнув крепление на ее нижнем конце. Катушка внезапно перестала вращаться, нос лодки задрался, и она пошла вверх. И линь, такой тонкий, что Измаилу показалось, что он мог бы порвать его руками, выдержал. Обе лодки помчались ввысь одновременно.

Небесный кит был почти в ста ярдах над ними. Внизу проплывало красное облако. «Руланга» на мгновение скрылась за ним, а потом появилась с его западной стороны, лавируя против ветра. Другие лодки были восточнее и немного ниже, тоже следя за зверем кверху.

Ветер свистел в снастях. Воздух стал холоднее, а небо потемнело. Голова стала легкой, воздух приходилось вдыхать полной грудью. «Руланга» далеко внизу стала похожа на стрекозу.

Каркри, несмотря на слабость от дыхания разреженным воздухом, вращал катушку палкой, которую вставлял в дырки на ободе. Пока животное не собралось пикировать, нужно было подтянуть лодку как можно ближе к нему. Поднимаясь, кит дергает линь гораздо слабее, чем когда выпустит газ из пузырей, поднимет хвост и полетит головой вперед к земле. Поэтому Каркри и гарпунер во второй лодке работали настолько быстро, насколько хватало сил. Когда они были уже не в состоянии двинуть рукой и так тяжело дышали, что, казалось, сейчас упадут без сил, гарпунеры застопорили катушку и поползли к корме. Измаил уступил Каркри свое место и сменил его у катушки. Будучи более крупным и мускулистым, он устал быстрее, чем Каркри. Измаил мог бы дать фору маленькому темнокожему китобою в море, где он провел большую часть жизни. Но здесь, в верхних слоях атмосферы, к которым Каркри был привычен, Измаил задыхался, а руки были тяжелыми, словно он только что оправился от долгой болезни.

Куджай, смотревший на Измаила с усмешкой, в свой черед пополз к катушке. Потом его сменил рулевой, а место у румпеля занял Каркри, который вскоре опять переместился на нос. Измаил сменил его во второй раз, продержавшись еще меньше времени, чем в первый. Когда в третий раз подошла его очередь, он почувствовал, что не может ползти. Хотелось оставить

катушку, словно приржавевшую к своей оси, в покое. Но он взобрался по почти вертикальной палубе, используя отверстия в ней как ступеньки, пристегнулся и, напрягая последние силы, постарался повернуть ее хотя бы несколько раз. Это ему удалось. Тогда он застопорил катушку и пополз обратно. Один раз он взглянул вниз, — но лучше б он этого не делал. Куда подевалась «Руланга»?

Лодку подтягивали, пока она не оказалась примерно в тридцати футах позади огромных плавников-парусов. На этом Каркри приказал остановиться. Теперь, когда кит спикирует, линь не натянется слишком внезапно.

Сердце у Измаила колотилось не переставая; дыхание стало хриплым, как скрежет пилы по дереву. Очертания кита стали расплываться; уж не было ли это началом высотной болезни, которая иногда доводит до самоубийства? Измаил надеялся, что его товарищи, лучше переносившие разреженную атмосферу, присмотрят за ним. Уж наверное...

Когда он окончательно пришел в чувство, в ушах у него свистел ветер, а небо неожиданно посветлело. Лодка летела почти вертикально вниз. В лучах красного солнца поблескивало мертвое море; «Руланга» была прямо под ними, и казалось, что зверь стремительно летит прямо на нее.

Такое действительно случалось, но моряки говорили, что кит никогда не делал этого намеренно. Иногда он таранил корабль, просто неправильно выбрав направление. Если корабль при этом не разваливался на части, это было большой удачей.

Они пронеслись мимо «Руланги» в пятидесяти футах. Измаил увидел людей, глядящих на них сквозь прозрачную оболочку или из проемов между переборками. Из кубриков на верхней палубе, на самом верху судна, тоже высунулось несколько голов. Одни махали им руками, другие наклонялись вперед, соединив руки над головой, молясь корабельному божку и Зумашмарте о том, чтобы это падение кончилось для их товарищей благополучно.

Хотя прошло, должно быть, уже несколько минут, они показались секундами. Земля раздавалась вширь; берега моря убегали прочь; вскоре внизу не осталось ничего, кроме воды.

Измаил не забыл, как они с Нэймали наблюдали за китом, который так удачно расколотил лодку о землю. Моряки говорили, что такое случалось редко. Но случалось.

Обычно, когда кит выходил из пике и начинал подниматься, лодке, которая болталась у него за спиной, до земли было еще далеко. Футов эдак около двадцати. Да, это был неприятный момент. Его боялись даже самые опытные китобои, — все, кроме Старика Бхаранхи.

Старик Бхаранхи был Полом Бэньяном* воздушных моряков, он ничего не боялся. Жил он давным-давно, когда люди были великанами...

Гигантские крылья-паруса, плотно прижатые к бокам зверя, распахнулись, оглушительно затрещав. Правое крыло чуть не задело линь. Кит затормозил, и лодка его догнала. Каркри тут ничего поделать не мог. Если бы он попытался выбрать еще линя, он мог не успеть застопорить катушку перед очередным рывком, и тогда линь бы вытравился весь. Когда кит повернет вверх, дуга, описываемая лодкой, стала бы для нее убийственно длинной.

Теперь Измаил понял, почему разбилась та, первая лодка. Ее команда не смогла подтянуть лодку на нужное расстояние к животному.

Сзади донесся пронзительный крик Куджай. Измаил не понял, что он кричит, — возможно, это были слова молитвы, хотя звучали они так, словно речь шла об исполнении каких-то текущих обязанностей. Потом передняя часть лодки дернулась кверху с такой силой, что колени Измаила прижало к ремню на животе, а спину свело судорогой боли.

Море надвинулось, потом резко ушло вбок. Они поднялись в небо, а потом откачнулись назад, к морю.

Когда они качнулись во второй раз, Измаил понял, почему кричал Куджай.

К ним направлялся другой кит, тоже поднимавшийся вверх от земли.

Он явно понимал, что сейчас произойдет столкновение, потому что развернул крылья так, чтобы затормозить как можно быстрее. Кит сбавил скорость и наклонил голову, но этого оказалось недостаточно. Он ударил своей головой другого кита сразу позади его головы. Удар смял кожу и хрупкие кости Измаилова кита.

Китовая голова ударила и по линю: лодку тряхнуло, а линь лопнул.

Измаила выбросило вперед. Он увидел кожу цвета сливы, расстилавшуюся перед ним, упал на нее головой вперед, прошил ее насквозь, как стрела, ударяясь обо что-то — наверное, внутренности и кости. В падении Измаил перевернулся на спину и прорвал кожу с другой стороны или снизу, — точно он не знал. Он был почти без чувств и плохо понимал, что происхо-

* Пол Бэньян — герой фольклора американских лесорубов. Истории о нем стали американской национальной «легендой» после их публикации в 1910 г. Дж. Мак-Гилливреем. Впоследствии Пол Бэньян стал популярным персонажем американской поэзии, балетов и оперетт.

дит. Сверху было два неясных пятна — два гиппопотама; другое пятно, поменьше, могло быть одной из лодок.

Он не помнил ни того, как упал в воду, ни как очнулся, почувствовав, что солдатиком уходит вниз. Горло и нос наполнились соленым раствором, и он забился, стараясь вынырнуть из воды.

Потом его голова пробила толщу плотной жидкости, и тогда он увидел на расстоянии сотни ярдов то, чего никак не ожидал снова увидеть, но не мог и забыть. На воде плавал черный гроб, как будто медленно унося Квикега по водам Стикса к другому берегу: он словно тянул время, зная, что оно теперь все равно остановилось.

Сверху упала тень. В нескольких сотнях ярдов за гробом (он же лодка) шумно упали оба кита — один запутался во внутренностях другого.

Волна от их падения приподняла гроб, закачала его, он повернулся и поплыл к Измаилу.

Измаил искал взглядом лодки и людей. Одна лодка, разломившись пополам, лежала на поверхности ярдах в ста от него. Она стала плоской — газовые пузыри лопнули, — но одна из мачт, правда без гика, еще стояла, накренясь, словно пьяная.

Трое людей плыли; еще несколько просто лежали на поверхности.

Сверху к ним, лавируя, спускались две лодки.

Гроб, как лодка — носом вперед, — плыл к Измаилу. Тот дотянулся до него и уцепился пальцами за резьбу, как после гибели «Пекода», чтобы взобраться на него. Запах дегтя был еще силен. Гроб ведь был совсем новый, — не так уж много дней прошло с тех пор, как плотник прибил гвоздями его крышку и законопатил швы.

Человек, плывший по направлению к нему, неожиданно взмахнул руками вверх, закричал и ушел под воду.

Было ясно, что ко дну он пойти не мог. Даже если бы, например, у него случился сердечный приступ, он все равно бы не утонул. Остался бы лежать на поверхности.

Кто-то утащил его под воду. Через несколько минут Измаил понял, что этот кто-то не собирается отпускать свою жертву.

До сих пор Измаил считал само собой разумеющимся, что в море никто не живет. Он и сейчас не мог поверить, что в этом едком рассоле может жить хоть одна рыба. Этот хищник, должно быть, дышит воздухом.

Измаил крикнул другим о том, что произошло. Они погребли к берегу, лежа на воде, а Измаил — на гробу-поплавке. Подгребая, он почувствовал, как по рукам побежали мурashки, — от страха, что, пока рука в воде, ее кто-нибудь откусит.

Однако ничего подобного не случилось, и другие тоже добрались до берега целыми и невредимыми. Они помогли Измаилу вытащить буй на берег, вздрагивающий от толчков, и внимательно осмотрели морскую поверхность. Тела тех, кто лежал на ней без движения, исчезли. Тот, кто схватил плывущего человека, не пренебрег и трупами. Измаил спросил у матросов, не знают ли они, кто таится в глубине этих зловещих пересоленных вод, и они ответили, что о мертвых морях им ничего не известно. Они никогда не видели их обитателей и даже не слышали, что они есть. Жители воздуха попадали в воду лишь случайно.

— И остались там в гостях у призрака, которого никто не видел, — проговорил Измаил, все еще дрожа.

К ним подошли две воздушные лодки, легшие в дрейф с убранными парусами и сложенной нижней мачтой. Люди ухватились за концы, брошенные им оттуда. Они притянули лодки к земле и взобрались на борт. Измаил медлил, обернувшись и глядя вниз, на гроб Квикега: он был единственным, что связывало его с домом — планетой, которая вращалась вокруг Солнца в незапамятные времена. Он — единственная вещь, которая могла помочь ему вернуться: ведь если можно путешествовать во времени вперед, что мешает вернуться? А таинственные символы, вырезанные на крышке гроба, могут каким-нибудь образом, до поры до времени непостижимым, оказаться ключами, которые повернут колеса времени в обратную сторону.

Оказавшись на борту корабля, он попросил пустить его к капитану. Там Измаил попросил послать за гробом лодку. Вначале капитан Барамха был возмущен такой растратой времени и сил. Но Нэймали настояла, чтобы его просьбу выполнили, и капитан без видимого недовольства ей подчинился. Он не противоречил ей потому, что, по ее словам, это был вопрос, относящийся к сфере религии, а во всем, что касалось религии, последнее слово было за ней. Измаил не понял, почему она так решила, — разве только подумала, что гроб был его идолом, — но выяснить не стал. Он был доволен результатом; а с объяснениями можно было и подождать.

На землю спустились две лодки, на которые погрузили гроб и привязали его поперек — одна половина в одной лодке, другая — в другой. Два суденышка связали вместе, чтобы увеличить подъемную силу; кроме того, в каждом было только по два матроса. Затем импровизированный катамаран стал медленно подниматься: чтобы хватило газа, животным с большим ртом, надувавшим пузыри, скормили три порции пищи. Наконец лодки поставили в их порты на корабле, капитан тем временем мерил шагами мостик, беззвучно двигая губами. При-

вязав гроб так, чтобы не сместить центр тяжести корабля, экипаж лодок присоединился к матросам, разделывавшим туши двух убитых китов.

Вскоре лодки снова были спущены — на этот раз они тащили за кормой привязанные к пузырям куски мяса. Когда воздушные акулы приблизились и стали рыскать вокруг приманки, их били гарпуном. Те, которых не удавалось убить сразу, применяли ту же тактику, что и киты, — взлетали вверх и пикировали, — но они были гораздо меньше левиафанов и не могли вырабатывать столько газа.

Когда убили дюжину акул, корабль двинулся дальше. Однако мяса все равно было мало, поэтому при первой же встрече с облаком атмосферного криля он снова вышел на лов. Еще не подошел к концу длинный день, а мяса у них на борту было уже достаточно, чтобы его хватило до самой Заларапамтры.

Кит, убитый последним, преподнес матросам, разделывавшим его тушу, сюрприз, в честь которого в любое другое время устроили бы большой праздник.

Это был круглый предмет диаметром два фута, твердый, как слоновая кость, в чередующихся красных, синих и черных разводах. От него исходил сильнейший аромат, от которого пьяняли те, кто к нему приближался. То был тот самый запах, который исходил от корабельного божка, Ишнувакарди.

Этот шар нашли в одном из малых желудков кита — животное имело много желудков, расположенных вдоль костной ос новы хвоста. Нэймали сказала, что есть такое маленькое воздушное животное — вришванка, которое иногда проглатывают киты. Оно движется сквозь кишки, выющиеся вокруг костей хвоста, пока не переварится или не попадет в слепой отросток пищеварительного тракта. В последнем случае желудок кита выделяет вокруг вришванки особое вещество, как устрица вокруг песчинки.

То, что получается в результате, — дурманящее, твердое, как слоновая кость, вришко, — считалось величайшей драгоценностью. Из него вырежут нового божка, которого поставят в новом храме, высеченном из скалы в городе Заларапамтра. Иногда необработанное вришко продавали городу, с которым Заларапамтра в тот момент не воевала. Другой город мог лишиться божка, когда погибал корабль — тогда ему нужна была замена. Или же божка могли продать городу, которыйкопит богов в расчете на время, когда они иссякнут. Или потому, что там верят, что чем больше богов, тем лучше для города.

Во время одной из их многочисленных бесед в течение их долгого-предолгого пути в Заларапамтру Нэймали рассказала

ему, как были найдены и «рождены» — то есть изваяны — боги этого города.

Еще она рассказала ему о том, что, когда кит умирает от старости, его пузыри наполняются газом, вырабатывая его из мертвей плоти, и кит взлетает вверх, туда, где небо днем совершенно черное и почти нет воздуха. Огромные трупы уносит ветрами, гуляющими в вышине, на восток, и там, по мере того как пузыри один за другим гниют и лопаются, они оседают на землю. И где-то у подножия гор на востоке, столь высоких, что над ними нельзя было пролететь кораблю (которые, как было известно Измаилу, были континентальным склоном, некогда находившимся под водой), было место, где мертвые киты находили свой последний приют. Там выросла гора костей, почти такая же высокая, как соседние утесы, — ведь зверей приносило туда ветром от начала времен. И конечно же, там были несметные залежи вришко — благовонных, но еще не рожденных богов.

Город, который отыщет древние могильники небесных китов, станет богаче — а значит, и могущественнее — всех других на свете.

«И пьянее всех», — подумал Измаил. Он представил себе город, переполненный этими идолами, — горожан, которые, когда не спят, еле стоят на ногах, а потом замертво валяются в кровать, чтобы проснуться такими же хмельными, как легли.

Множество кораблей из многих городов — так говорила Нэймали — отправлялись в путь с единственной целью, — отыскать этот могильник. Но он лежит у восточных скал, где особенно много Багряных Зверей Жалящей Смерти.

— Откуда ты знаешь? — спросил Измаил.

— Ни один из кораблей, искавших тот могильник, так и не вернулся, — ответила она. — Они наверняка стали добычей Багряного Зверя.

Измаил поднял брови и улыбнулся.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— Да так. Просто странно, что ты и твой народ думаете так же, как я: вы все еще очень похожи на меня и на людей моего времени. Главное в человеке не изменилось. Хорошо ли это? Не знаю. По правде говоря, я не могу сказать, существуют ли добро и зло помимо представлений каждого человека о том, что для него полезно или вредно. Я думаю о миллиардах и миллиардах, триллионах и триллионах тех, кто жил, творил зло или боролся против него, — все они носили разные имена, а голова у всех была устроена одинаково, — вот что удивительно.

Время стало для Измаила тем же, чем для Ахава был белый кит.

Красное солнце стало наконец садиться, медленно уступая место ночной прохладе. Дни и ночи все же сменяли друг друга, хотя и очень неспешно. Измаил узнал все, что только можно, о том, как управлять парусами и прокладывать курс воздушного корабля, а также многое о том, как его строят. Его вахта была на полубаке, но иногда он садился за стол с капитаном и Нэймали. То, что он был явно не их породы, из другого, совершенно незнакомого племени, что он называл себя сыном иного солнца и иного мира, вознесло его над сословными различиями.

Возможно также, что они считали Измаила человеком слабоумным, хотя и не лишенным некоторых способностей и воображения. Им нравилось слушать его рассказы о том, другом мире, но большую часть того, что говорил Измаил, они не понимали. Они не могли поверить в то, что самое воздушное пространство на высоте многих тысяч футов над землей, по которому они летят, было некогда наполнено водой, а в этой воде жили существа, непохожие на известных им животных.

Столь же невероятным было утверждение о том, что земля в его мире сотрясалась только время от времени и не очень долго.

Измаил с ними не спорил, как не спорил бы с Ахавом. Человеческий рассудок — как монета, отчеканенная на особый манер, и каждая имеет хождение в своем маленьком королевстве.

Когда «Руланга» подлетала к Заларапамтре, ее матросы притихли. Они разговаривали, но очень тихо, и притом обычно были немногословны. Они как будто ушли в себя, как будто искали в собственной душе ответ на вопрос, что делать, если они действительно найдут родной город в руинах. Они часто ходили в часовню, как называл это помещение Измаил, где Нэймали проводила большую часть времени, когда была на ногах, а часто там и спала. Божка теперь не закрывали коробом, и всякий раз, когда Измаил проходил мимо открытой комнаты, ему ударяло в голову.

Нэймали сидела на полу лицом к идолу, согнувшись в три погибели и свесив голову так, что она почти касалась пола. Ее длинные черные волосы свесились на лицо и растрепались, словно облако благовоний.

Потом над северо-западным горизонтом показалась вершина горы, и капитан приказал всем занять свои места. Они шли весь этот день, и ночью тоже, а когда снова неохотно взошло красное солнце, их накрыла колоссальная тень. Прямо перед ними был гигантский каменный уступ — на этой скале располагался город Заларапамтра.

На корабле закричали.

На месте города было нагромождение камней и развалин.

Измаил спросил Нэймали, как это люди могут жить в каменных норах, где все трястется, шатается, а потолок каждую минуту угрожает упасть на голову.

Ему ответили, что в каменных пещерах жили немногие. Их использовали как склады, убежища от непогоды и врагов, а также как места богослужения, которые составляли нижнюю часть города. Верхняя часть была в основном летучим городом. Она состояла из двух ярусов — в каждом были сотни больших и маленьких зданий, соединенных друг с другом и паривших в воздухе с помощью огромных газовых пузырей. Жилой летучий город был во многих местах заякорен на утесе, а с каменным городом его соединяли веревочные лестницы и тралы.

Все это было разрушено. Кто-то порвал пузыри, разнес на куски и сжег верхние ярусы. Повсюду были разбросаны их обугленные и разбитые остатки — целые груды их лежали на каменном основании. Сам каменный город во многих местах был разрушен, так что видны были ходы в скале. Везде валялись обломки скал.

«Руланга» курсировала перед огромным уступом взад и вперед и несколько раз пролетела над ним, прежде чем капитан решил поставить ее в док. Док был углублением, высеченным на краю утеса. Корабль вошел в него, убрав паруса и сложив мачты. Когда судно скользнуло в прямоугольную впадину, с него спрыгнули матросы, чтобы поймать концы, брошенные ими товарищами с корабля. Канаты продели в кольца, высеченные из камня, которые выступали из стен дока, сделав петлю, а потом затянув ее. Корабль сбавил ход еще больше и остановился, так что его нос оказался всего в нескольких дюймах от задней стены дока. Из больших пузырей выпустили еще воздуха, и корабль осел вниз, едва касаясь килем дна гавани.

Половина экипажа, состоявшего из тридцати человек, осталась на борту; другая половина отправилась в разрушенный город.

Сразу под утесом начинался глубокий каньон, как рана на теле горы. Он уходил так высоко вверх, что его дальний конец казался темно-синей нитью. Массивный уступ выдавался вперед примерно на полмили — он нависал над склоном, покрытым осадочными породами, так что прямо под ним была пустота. Измаилу было непонятно, почему люди облюбовали для строительства выступ, который был обречен на то, чтобы обвалиться вниз от беспрестанных колебаний земли. Однако Нэймали сказала, что даже если камень упадет, во время падения

он оборвёт якоря и оба летучих яруса останутся в воздухе. Действительно, чем не объяснение?

Большую часть года город был обеспечен водой из источника, бьющего у основания внутренней стены каньона, а остальное время пили содержимое стручков, которые собирали у подножия горы.

Измаил поблагодарил ее за эти сведения. Потом он спросил, почему было решено отправить ее во главе отряда, хотя, по-видимому, более разумно было бы оставить единственную женщину, оставшуюся в живых, — ведь неизвестно было, остались ли другие, — на корабле. Она ответила, что члены семьи Великого Адмирала пользуются многими привилегиями, недоступными людям более низкого звания. Чтобы оправдать их, на них возложено также и много обязанностей. Пока не найдут мужчин из ее семьи, командовать будет она, и ей же придется возглавлять любое рискованное предприятие.

Измаилу такая аргументация была непонятна. Если уж восстанавливать город, нужны женщины, чтобы рожать детей.

Они карабкались по грудам камней и обгоревшего дерева, обходя глубокие дыры с неровными краями, а иногда перепрыгивая через них. Верхние перекрытия во многих местах были взломаны, и внизу были видны комнаты. Они были частично завалены камнями и обломками верхнего города.

Нигде не было видно ни единой кости.

— Зверь пожирает мясо вместе с костями, ничего не оставляет, — сказала Нэймали. — После того как он превратит город в руины, он опускается на него сверху, шаря повсюду своими смертоносными шупальцами, и жалит всех, кто еще жив. Мертвые тела он тащит себе в рот. Сожрав все, что можно, он засыпает. А потом улетает, высматривая новую добычу.

На моем веку он разрушил три города: Авастиши, Пракхамарши и Мэнврикаспу. Он приходит и убивает. После его прихода мало кто остается в живых.

— Но кто-то все-таки выживает? — спросил Измаил.

Он заметил полосы какого-то грязно-белого вещества, которое он принял за слизь, оставленную Зверем.

— В Авастиши и Мэнврикаспе не осталось никого, — ответила она. — В Пракхамарши выжила женщина с двумя детьми: вход в подземелье, где она пряталась, был завален камнями.

— А эти города возрождались к жизни, когда возвращались китобойные суда? — спросил Измаил.

— Процветающим городом сейчас остался только Пракхамарши, — ответила она. — Китобойцы двух других городов тоже вернулись, и с ними дочери Великого Адмирала. Но их было немного, и по разным причинам вскоре в живых не осталось ни одной женщины. Тогда оставшиеся мужчины сели на корабли

и полетели прочь, не поднимая парусов, вдыхая аромат малых богов и великого бога, которого они взяли на флагманский корабль. Потом они сбросили богов с кораблей в соленое море и сами спрыгнули за ними вслед. Их корабли носились по воле ветра, пока не упали на землю.

«Всеноарное самоубийство, — сказал себе Измаил. — Если такие обычай имеются во всех государствах, приходится только удивляться, что человечество еще не вымерло окончательно. Да и то сказать, не так уж много людей осталось расхаживать под здешним солнцем».

Отряд медленно продвигался к каньону; под их ногами вздрагивали камни. Вокруг был разоренный город и тишина, лишь изредка нарушенная их собственными голосами. Потом послышался крик, и через мгновение из отверстия в скале возле устья каньона показалась голова. Вскоре высунулась другая голова, потом еще две. Это были женщина, мужчина и две девочки, избегнувшие смертельного жала Багряного Зверя.

Их не заметили и люди из города Бураганга, которые явились, когда Заларапамтру покинул Зверь.

Вернувшись в свое подземелье — одно из самых глубоких в городе, — мужчина захлопнул огромную дверь, которую он многие годы вытесывал из камня. Воду и пищу они заблаговременно припасли как раз для такого случая. Зверь напал внезапно, и его ужасные щупальца, казалось, проникали повсюду одновременно, так что им повезло, что они успели укрыться в своем убежище.

— А потом, почти сразу после того как город покинул Зверь, явились бурагангские корабли, — сказал мужчина. — Было еще темно, поэтому я прокрался наружу и стал слушать, спрятавшись за обломком скалы. Люди Заларапамтры! О Нэймали, дочь Великого Адмирала! Люди из Бураганги хвастались, что это они заманили сюда Зверя! Они увидели его с кораблей, когда он направлялся к их городу. Видимо, Зверь напал на них и, наверное, не достиг своей цели. Никогда ведь не знаешь, как кахамвуду себя поведет. Он плывет по небу, как облако, и обычно нипочем не подумаешь, что он может делать что-то другое. Но порой он меняет курс и направляется к городу — такой город, считай, обречен.

— Однако же бурагангские китобои убивали китов и кормили ими кахамвуду, хотя и потеряв при этом два корабля, которые подошли слишком близко. В конце концов кахамвуду повернулся за ними...

— Каким образом? — спросил Измаил. — Я думал, что у него нет крыльев-парусов.

— С помощью серии небольших направленных взрывов, — ответила Нэймали. — Он с большим шумом выбрасывает из

отверстий в теле огонь и дым. Те штуковины, которые производят столько шума и дыма, он сбрасывает и на город, чтобы разнести его на куски.

— Зверь стреляет порохом и бросает бомбы? — спросил Измаил.

Порох и бомбы он назвал по-английски, поскольку в языке, на котором говорила Нэймали, таких слов не было.

— Он изрыгает огонь, дым и грохот и бросает камни, которые взрываются, — ответила она.

— Люди Бураганги говорили, что это была идея их Великого Адмирала, на чьем попечении состоит большой бурагангский китобойный флот. Его зовут Шамвашра. Запомните его имя, жители Заларапамтры! Шамвашра! Это он, — демон воздушных бездн, разрушивший наш город!

Измаил подумал, что они и сами были бы не прочь сделать то же, что Шамвашра, если бы только додумались до такого, но промолчал.

— Эти люди говорили, что никогда в жизни им не приходилось так тяжело работать. Они продолжали бить китов и толкали их туши по направлению к Зверю. Когда они добывали для Зверя пищу, они потеряли корабль со всем экипажем: его протаранили два кита, пикровавшие сквозь тучу криля с волочившимися за ними вельботами. Но бурагангцы сказали, что потеря кораблей стоила того, ибо они заманили Зверя в Заларапамтру. Они говорили, что можно натравить на всех их врагов других Зверей, и тогда им не придется опасаться других городов, потому что их не будет.

Другие возражали, что это будет плохо. Что, если они встретят Зверя, которого некуда будет заманивать, — не разрушит ли он тогда Бурагангу? Это было бы концом человеческого рода.

Но большинство, похоже, были довольны содеянным. Поэтому они взяли нашего великого бога, Зумашмарту и всех малых богов, погрузили их на свои корабли и уплыли.

При этих словах у китобоев и Нэймали вырвался крик; они заплакали, а некоторые полоснули себя ножами.

— У нас нет богов! — запричитала Нэймали. — В Заларапамтре нет богов! Они в плену у бурагангцев!

— Мы пропали! — закричал какой-то матрос.

Мужчина, рассказалый им об этом, добавил:

— Я слышал, они говорили, что в один прекрасный день вернутся, чтобы удостовериться, что мы не построили большой город заново. Они хотят появиться неожиданно для вернувшихся китобоев, чтобы убить их или обратить в рабство. И тогда это место будут посещать только небесные акулы, кружа над руинами в тщетных поисках пищи.

— Без наших богов мы бессильны! — сказал другой человек.

Других людей, оставшихся в живых, они не нашли. Когда они вернулись на корабль, о новостях узнала вся команда. Капитан, когда Нэймали все ему рассказала, посерел лицом и с горя нанес себе такую глубокую рану, что чуть не умер на месте от потери крови.

Пока они не приземлились, все они верили, что, сколь бы ни было ужасно то, что произошло, город расцветет вновь. В конце концов, с ними были их боги. Хотя они и позволили свершиться несчастью, постигшему Заларапамтру, они не могут допустить, чтобы вымерли те, кто им поклоняется. Иначе кто же будет их почитать?

То, что и у Авастши, и у Мэнврикаспы тоже были свои боги, которые позволили своим почитателям вымереть до последнего человека, в расчет, естественно, не принималось.

Команда была в печали и, что хуже всего, ни на что не надеялась. Печаль, рожденную безысходностью, может преодолеть только надежда, а для того чтобы она появилась, что-то должно было изменить порядок вещей. Людей не успокоило даже то, что в течение трех следующих дней прибыло еще пять китобойцев. Появление новых людей только усилило всеобщее отчаяние. В городе было почти так же тихо, как в то время, когда в нем не было никого, кроме тех четырех, прятавшихся под землей.

Прошло еще шесть дней. Люди немного зашевелились: надо было выходить в небо, чтобы охотиться, добывая себе пропитание. Капитан Барамха умер от гангрены и потери воли к жизни. Его корабль поднялся повыше над мертвым морем, и после короткой прощальной церемонии его обнаженное тело соскользнуло с деревянного настила вниз.

— У вас еще остались судовые боги, — сказал Измаил. — Чем они хуже?..

— Они имеют власть только над кораблем, — ответила Нэймали. — Их могущество невелико. Нет, нам нужны боги города и величайший из богов, Зумашмарт.

— А без них вы сдадитесь на произвол судьбы и погибнете. Я правильно понял? — спросил Измаил.

Ему никто не ответил, но выражение их лиц говорило само за себя: так все и будет. Они сидели вокруг костров, разведенных в одном из подземелей, расчищенных от завалов. Костры были небольшими, и дыма от них было относительно немного. Для вентиляции служили дыры в потолке, а свет давали гигантские светляки в клетках. Помещение сотрясалось от приливных волн.

Измаил сидел у одного из костров вместе с Нэймали, пятью ее сестрами и капитанами кораблей. Первые помощники капитанов сидели вокруг своего костра, вторые помощники — у своего. Матросы расположились в других подземельях.

«Интересно, — думал Измаил, — сколько всего людей осталось теперь на Земле?» Если они все относятся к жизни с таким фатализмом, должно быть, часто бывают ситуации, когда им легче сдаться на милость судьбы, позволить смерти взять верх над жизнью. Неужели все люди теперь ведут себя так? Или человечество было в пути сквозь бесчисленные века так долго, что устало от путешествия? Не стали ли неторопливое красное солнце и луна, неуклонно приближавшаяся к Земле, напоминанием о неизбежном конце всякой борьбы?

А может быть, так относились к жизни только люди, живущие на дне Тихого океана? Нет ли где-нибудь в других местах таких поселений, где людям никогда не изменяет стремление к лучшей доле, воля к жизни, как это было во времена Измаила?

Измаил посмотрел на Нэймали и рассердился. Разве это правильно, что такая молодая и красивая женщина обречена на смерть из-за каких-то кусков ароматной слоновой кости, обработанных резцом?

Он встал и громко заговорил. Остальные, сидя на корточках, воззрились на него в ожидании. Измаил понял, что все они, сознательно или не отдавая в том себе отчета, упивались на то, что он, пришелец из иного мира, не будучи скованным их традициями и законами, зажжет в них потухнувшую искру надежды.

— Когда вы преследуете огромного воздушного кита, вы смелы, — начал Измаил. — Мне это хорошо известно. Трус не сядет в утлую лодку, чтобы поглубже пронзить голову такого чудовища, а потом взлетать за ним в поднебесье и падать до самой земли, когда каждое мгновение смерть, словно ветер, свистит в ушах.

И я уверен, что так же храбро вы сражаетесь с врагами-людьми.

Он сделал паузу и огляделся, увидев, что женщины глядят прямо на него, а мужчины — на пол перед собой.

— И все же, — сказал он еще громче, — вы черпаете ваше мужество извне! Чтобы действовать, как подобает мужчинам, вам нужны ваши боги! Кто-то должен вселить в вас мужество! Ибо оно не живет в ваших душах, не стучит в ваших сердцах и не делает их горячими, как угли этих костров!

— Нашим миром правят боги! — сказала Нэймали. — Что мы без них?

Измаил помолчал. И правда, что они могут? Да ничего, если только он не подаст пример. А он так привык быть наблюдателем или быть на последних ролях, что теперь, когда надо было проявить инициативу, сыграть главную роль, он чувствовал себя испуганным, не в своей тарелке.

— Что вы можете без богов? — спросил он. — Вы можете жить так, словно они у вас есть! — Так он перефразировал изречение одного старого немецкого философа, который ни за что не смог бы вообразить, что мир, в котором он жил, в конце времен будет освещать огромное красное солнце.

— Были времена, когда ваших богов не существовало! — сказал он. — Тогда люди их создали! Так гласит ваша собственная религия! Я спрашивал Нэймали: почему, если вы сделали это однажды, нельзя это сделать снова, и она сказала, что это было возможно в прежние времена, но не теперь. Отлично! Но ведь ваши боги не исчезли! Их просто нет с вами! Их украли! Так что вам мешает выкрасить их обратно?

В конце концов, бог — это бог, даже если его нет в храме, где ему поклонялись! И кто знает — быть может, Зумашмартаз позволил свершиться этому бедствию, чтобы вас испытать? Если вы найдете в себе мужество, чтобы пойти за Зумашмартой и вернуть его, значит, вы выдержали испытание! Но если вы будете сидеть у костра и скорбеть, пока не умрете от горя, вы окажетесь недостойными его милости!

— Но что мы должны делать? — спросила Нэймали, встав.

— Надо, чтобы вами руководил человек, который настроен иначе, чем вы! — ответил Измаил. — Я буду таким человеком! Я сделаю вам новое оружие, если найду из чего, — оружие, которым люди не пользовались многие тысячи лет! А если с оружием ничего не выйдет, мы возьмем свое хитростью и умением! Но за мое руководство вы должны заплатить.

— Что ты хочешь за это? — спросила Нэймали.

— Вы сделаете меня своим Великим Адмиралом, — ответил Измаил.

Он почувствовал: о том, что он хочет найти у них пристанище, добавлять не стоит. Измаил уже довольно побродил по свету и повидал слишком много всего, чтобы снова пускаться в странствия.

— А ты, Нэймали, станешь мне женой, — добавил он.

Капитаны и высшие чины не знали, что ответить. На звание Великого Адмирала впервые претендовал чужестранец. Или он не знал, что это звание передается по наследству? А если Великий Адмирал умирал, не оставив сына, нового выбирали из самых знатных капитанов?

И как это у него хватило наглости просить в жены дочь Великого Адмирала?

Однако Нэймали казалась счастливой, и Измаил знал, что это и вправду было так. Он ей явно нравился. Возможно, она даже была в него влюблена. Пока было трудно сказать точно, поскольку женщины Заларапамтры были приучены тщательно контролировать проявления своих чувств. Но ведь она никому не рассказала ни о том, что он пытался ее поцеловать, ни о том, как ночью они грелись, обнявшись. Хотя такая сдержанность могла объясняться благодарностью за то, что он ее спас, Измаилу хотелось думать, что тут таится нечто большее.

Долгое время все молчали. Люди посмотрели на Нэймали и увидели, что она нисколько не оскорбилась. Даже напротив. Потом они снова посмотрели на Измаила и увидели, что перед ними человек сильный и бесстрашный.

Наконец встал Доулхамра, оставшийся после смерти Барамхи самым знатным из капитанов. Он окинул взглядом подземелье и заговорил:

— Заларапамтра воскреснет, только когда в его жилы вольется новая кровь. Городу нужен этот чужестранец, называющий себя наследником давно ушедших времен. Быть может, он ниспослан нам богами. Приняв его, мы воспользуемся даром богов. Если же мы отвергнем его, мы будем достойны гибели. И я говорю вам — вот он, наш Великий Адмирал!

Так Измаил, который раньше никогда и не мечтал о такой чести, довольствуясь положением вахтенного на полубаке, на деле превзошел самые честолюбивые чаяния своих соседей по матросской койке.

С этих пор его мужество словно бы передалось всем остальным. Люди больше не слонялись без цели, потупив глаза, не бормотали себе под нос, когда разговаривали, и не просиживали часами, молча уставившись на развалины. Теперь они двигались проворно, много разговаривали и смеялись. Измаил знал, что так не будет продолжаться долго, — только пока он будет поддерживать их словом и своим примером. Поэтому он спустился вниз, на беспрестанно дрожащую землю, в трясущиеся джунгли, чтобы отыскать там гхаджаши. Это было растение, горевшее, как порох, а дым от него по запаху напоминал нефть. Измаил собрал его в большом количестве. В большом городском подземелье он размолол растения с помощью двух жерновов, изготовленных матросами под его руководством. Под давлением из них выделялось темное вещество, похожее на масло, которое мгновенно загоралось на воздухе. Если масло из гхаджаши собрать в баллон из кожи, оно начинало испаряться. Стоило поднести к баллону горящий запал, он с ревом взлетал, яростно полыхая и разбрызгивая во все стороны горячее масло.

Всех, кого только было можно, Измаил подрядил собирать растения, выжимать из них масло и собирать его. Поскольку для того, чтобы получить немного масла, надо было собрать огромное количество растений, это оказалось долгим и тяжелым делом. Между тем домой вернулись еще два китобойца, и надо было уверить новоприбывших в том, что бледнолицый и светлоглазый чужестранец был новым Великим Адмиралом.

Измаил надеялся, что они с Нэймали поженятся почти сразу. Но скоро он понял, что свадьба состоится лишь после того, как будут вызволены из плена Зумашмарты и младшие боги. Великий Адмирал не мог возлечь со своей первой невестой, пока не совершил какого-нибудь подвига. Обычно таким герническим свершением было убийство десяти китов или двадцати акул в течение дня, либо набег под предводительством Адмирала на неприятельский город или корабль и успешный его захват.

Измаилу, чтобы доказать свои способности, надо было совершить такое, что никто и никогда не делал до него.

Вскоре он приказал построить корабль размером вдвое больше самого большого из тех, что были до сих пор. По своему обыкновению жители Заларапамтры, прежде чем броситься выполнять его распоряжение, захотели узнать, для чего это нужно.

— Вы правы, для охоты на китов такой большой корабль не нужен, — сказал он. — Это военный корабль. С его помощью я собираюсь разрушить целый город. Или, на худой конец, его часть. Его надо построить как можно скорее, потому что он должен уйти в поход заранее, намного опередив остальной флот. Он будет так тяжело нагружен, что пойдет очень медленно.

Другие корабли надо было отремонтировать и подготовить к плаванию. А люди должны были готовиться к набегу на Бургангу. И в городе надо было тоже сделать запасы пищи.

Родные и сводные сестры Нэймали настаивали на том, что им надо сопровождать корабли в походе. Иначе, говорили они, кораблям не будет удачи.

Измаил возражал. Ведь если корабль погибнет, прервется бесценная жизнь его незаменимой пассажирки, будущей матери. Для того чтобы вновь сделать город средоточием сильного и многочисленного народа, понадобится много времени. Если Заларапамтра потеряет еще несколько женщин, он может больше никогда не возродиться к жизни.

С точки зрения рассудка Измаил был прав. Но обычай предписывал иное. Обычай, как всегда, победил. Мало того, что на каждый корабль полагалось взять по сестре Нэймали, но и са-

ма Нэймали собиралась пуститься в путь на флагманском судне.

Измаил больше не спорил. Ему все равно бы не удалось переубедить этих людей. Возражать дальше значило бы попусту сотрясать воздух, а заодно подрывать свой авторитет.

Измаил работал упорно и так неутомимо, что немногие могли за ним угнаться. Даже недосыпал. Поначалу ему было трудно привыкнуть ложиться спать во время долгого дня, когда было достаточно света, чтобы работать. Люди здесь все еще придерживались своего изначального ритма жизни — восемь часов они спали, шестнадцать — проводили на ногах. Длинные дни и ночи не нарушали этот цикл. Жители Земли теперь с рождения приучались часть дня спать, а часть ночи работать. Измаил, привычный к тому, что на корабле ему приходилось стоять на вахте в любое время дня и ночи, быстро приспособился к такому режиму.

Когда большой корабль был построен и загружен провиантом и бомбами с горючим маслом, пришло время выступать. Десять человек его команды попрощались с товарищами, и огромное судно (его назвали «Вубаранг») медленно поднялось в воздух, распустило паруса и взяло курс на город Бурагангу, расположенный за несколько тысяч миль на северо-западе.

По прошествии пяти дней, то есть через двадцать дней той Земли, которая вращалась вокруг Солнца, раскаленного добела, за ним последовали пять китобойных судов. Измаил командовал «Рулангой» — флагманским кораблем. Они направились к группе горных вершин, которые, как считал Измаил (хотя и не мог утверждать этого наверняка), некогда были Гавайскими островами. В течение истекших бесчисленных миллионов лет — а может быть, миллиардов или еще того больше — одни острова могли уйти под воду, а другие, наоборот, подняться из глубин и в свою очередь превратиться в песок на дне океана, чтобы дать место новым островам. И все это задолго до того, как океан высох.

Двигаясь над землей со средней скоростью десять узлов, флот мог добраться до цели примерно за двести часов, то есть за два дня и две ночи. Однако Измаил распорядился взять как можно меньше провианта, поскольку хотел оставить побольше места для бомб и оружия. Поэтому на второй день пришлось охотиться на китов, чтобы пополнить запасы пищи. В следующий раз они задержались, когда дрогнули великаны «Вубаранг». Чтобы идти с ним вровень, они уменьшили площадь парусов. Когда до Бураганги осталось несколько сотен миль, они стали кружить, дожидаясь наступления долгой ночи.

В то же время они зорко наблюдали, не покажется ли парус неприятельского корабля, поскольку так близко от города китобойцы могли появиться с любой стороны.

Наконец гигантское красное солнце стало садиться, и его последние лучи упали на далекую горную вершину, окрасив ее в пурпурные тона.

Капитаны других судов собрались на корабле Измаила на последнее совещание. Тот еще раз удостоверился, что каждый из них усвоил, что ему надо делать. Потом они выпили по рюмочке шахамчица за успех предприятия и отбыли на свои корабли. Они выглядели бледными, но полными решимости. На карту было поставлено само существование их народа, и потеря хотя бы одного из них была непростительной даже в том случае, если бы им удалось вернуть всех богов. Более того, если их возьмут живьем, им придется подвергнуться ужасным пыткам. Враги могли затянуть агонию, не давая человеку умереть, так же умело, как солнце, которое не давало наступить ночи.

Солнце застыло над горизонтом, словно застрияло в глотке у ночного чудовища. Потом воцарилась тьма, и безлунной ночью корабли прервали свое кружение и стали пробиваться навстречу ветру к далекому пику. Прошел час, и на востоке над горизонтом показался край луны, весь словно в пятнах проказы, и его яркий свет мгновенно рассеял темноту. Тусклый отблеск луны заиграл на парусах, выкрашенных в черный цвет, и на корпусе, тоже черном. Над мостиком на корабле была еще верхняя палуба. Она возвышалась над корпусом корабля и делала его более валким, но с этим ничего нельзя было поделать. Капитан и рулевой должны были видеть, куда вести судно.

Когда, по их оценкам, до Бураганги оставалась сотня миль, все корабли, кроме флагмана, стали кругами подниматься вверх. Они хотели подняться как можно выше — предполагалось, что матросы смогут дышать из деревянных фляг со сжатым воздухом, сконструированных Измаилом. Потом, оказавшись над городом, они снова будут кружить на месте. Корабли станут медленно описывать круги, пока не дождутся условленного сигнала, — после этого они быстро выпустят газ из пузырей. Огромному «Вубарангу» придется спустить газ еще быстрее, чем другим судам.

«Руланга» продолжала двигаться вперед, постепенно снижаясь. Оказавшись примерно в двадцати футах над трепетавшей зеленью, она выровнялась. Задолго до того как другие корабли достигли верхней точки своей спирали, она уже медленно и тихо скользила против ветра, убрав паруса и втянув нижнюю мачту. Крючья якорей пронирались сквозь джунгли. Шума от них было больше, чем Измаил рассчитывал. Когда

стало ясно, что они держат, матросы спустились по якорным концам вниз и закрепили крюки понадежнее.

Они находились у подножия высокой горы, под огромным уступом, на котором покоился вражеский город. Над ними кружили маленькие сторожевые лодки, а позади рыскали туда-сюда корабли, высматривая, нет ли где какой опасности или вражеских шпионов. Но они были либо слишком высоко, либо слишком низко.

Измаил облачился во все черное и вымазал черным лицо. Через мгновение к нему присоединилась Нэймали, тоже вся в черном. Измаил отдал последние распоряжения Паваштри, первому помощнику, которому предстояло командовать кораблем в отсутствие Измаила. Потом они вместе с девушкой спустились по трапу в главный проход и прошли по нему к порту, где стоял вельбот. Вместе с ними в лодку должно было сесть еще шесть человек — ее специально сделали большой. Швартовы были натянуты: животных-пузырей покормили заранее, чтобы они выработали столько газа, сколько надо для быстрого подъема. Матросы забрались в лодку и пристегнули ремни. У каждого в ножнах был длинный острый нож, сделанный из растения, похожего на бамбук. Их короткие пики, короткие упругие луки и колчаны со стрелами лежали в кожаных футлярах на дне лодки. Луки были оружием, которым жителей Заларапамтры снабдил Измаил. Они знали, что это такое, но по какой-то причине, которую за давностью времени даже не могли назвать, отказались от них. «Мужчины ими не пользуются», — говорили они. Измаил возразил им, что в его время — тут он немного расширил рамки своей эпохи, но дело того стоило — луками пользовались сплошь и рядом. Теперь надо было воспользоваться ими, потому что луки были смертоносным оружием, а жалкой кучке людей, которые вторгнутся в Бурагангу, надо будет сражаться за десятерых. Измаил был уверен, что поступает правильно, ибо так повелели боги.

В то время Измаил не считал зазорным говорить им, что ему известно, чего хотят от них боги. Он вел себя так, словно знал волю богов, которая властвовала над его мыслями, и другие подчинялись ему, думая, что так оно и было. Возможно, они поступали так потому, что не хотели верить, что боги навсегда их оставили.

Разумеется, на борту нельзя было зажигать огни, поэтому сигнал к одновременному спуску всех шести лодок передавался подергиванием канатов, которыми корабль был оснащен специально для этой цели.

Матросы перерезали канаты, державшие лодки, и оттолкнули их от корабля, чтобы они, поднявшись вверх, не застряли в своем гнезде. Когда лодка взлетала, она ударялась о верхнюю

часть широкого порта бортом. Один из матросов кормил бесформенных животных с огромным ртом у горловины пузыря, а те вырабатывали газ, чтобы подъемная сила лодки, набиравшей высоту, еще увеличилась.

Луна скрылась за западным горизонтом еще до того, как «Руланга» прошла последние пятьдесят миль своего пути. От огромного уступа над ними на маленькие лодки упала тень. Они двигались на расстоянии нескольких сотен ярдов от переднего склона горы, переходившего в вертикальный обрыв. Лодки с убранными парусами, мачтами и реями отдались на волю ветра. Ветер в этом месте был слабый, и лодки дрейфовали примерно с полмили, прежде чем оказались прямо под выступом. Каркри, который осуществлял все маневры, начал выпускать газ. Другие лодки тоже замедлили подъем.

Люди, управлявшие лодками, были прирожденными воздухоплавателями. Они прикидывали, сколько газа надо выпустить из пузыря, с точностью до унции и почти без размышлений. Толстый привальный брус, придававший форму внешним обводам лодки, ударился о камень. Люди в ней распростерлись лицом вниз, но и тогда неровности скалы задевали некоторых из них по спине. Потом матросы перевернулись на спину и стали медленно продвигать лодку к краю выступа, — они тянули руки кверху, хватались за неровный камень и отталкивались.

Это было долгое и утомительное занятие, поскольку уступ простирался на полмили от того места, где они впервые коснулись его. И они не могли двигаться быстрее, даже если бы захотели. Оставалось только проталкивать лодку дальше и надеяться, что на корпусе, который скребся о неровности камня, не порвется оболочка. Она была крепкой, но для легкости ее делали очень тонкой.

Сквозь тяжелое дыхание матросов Измаил рассыпал свист, донесшийся из лодки, продвигавшейся сзади и справа от них. Измаил приказал остановиться, и лодка, скользнув вперед, замерла, прижавшись к подошве каменного уступа. Чтобы посмотреть, что происходит, надо было отжать лодку вниз от скалы. Пока все остальные держали лодку, Измаил извернулся и выглянул наружу. По правую руку футах в шести от них маячила лодка, вырисовываясь в темноте неясной тенью.

Варгаджампа, третий помощник, тихо сказал:

— Джугнай! Здесь какая-то шахта в скале!

— Широкая? — спросил его Измаил. Он надеялся, что на верхнем конце шахты их никто не подслушивает.

— Довольно широкая! Только вход закрыт решеткой!

По команде Измаила его команда стала толкать их лодку по направлению к другой, а та подвинулась в сторону. Он проду-

мал два способа проникновения в город. Чтобы осуществить один из них, надо было подкрасться снизу, скользнуть через край уступа и войти в него поверху. Другой состоял в том, чтобы подняться наверх по одной из вентиляционных шахт, если только ее удастся найти в темноте и если она окажется достаточно широкой, чтобы в нее могли пролезть люди.

Нэймали говорила, что, насколько ей было известно, таким образом в неприятельский город еще никто не проникал. Хотя набеги совершались ночью, обычно это были или внезапные массированные атаки, или же в город врывалось несколько кораблей, которые разрушали и грабили его, а потом как можно быстрее убирались восвояси. Никто и никогда не осуществлял и даже не предлагал плана, подобного тому, что разработал Измаил.

Однако же, несмотря на все это, такая возможность учитывалась. Поэтому шахты были перегорожены, и иногда их охраняли.

Когда лодка встала прямо под отверстием шахты, Измаил схватился за вставленную в него деревянную решетку и потянул. Решетка не поддавалась. Пошарив между прутьями тонкой палкой, он обнаружил, что с внутренней стороны перегородки в каждом из углов были массивные деревянные клинья, к которым были прикреплены веревки. Другой конец веревки, видимо, был привязан к внутренней стороне решетки, установленной в верхнем отверстии шахты. Возможно, если вытащить нижнюю решетку, сдвинется с места и верхняя, а в городе раздается сигнал тревоги.

Чтобы этого не произошло, Измаил просунул сквозь решетку тонкую палку с кремневым ножом на конце и перерезал веревки. Потом ему удалось вынуть решетку, с трудом подрезав прутья ножом и выломав их из гнезд. Он медленно встал и подтянулся, ухватившись за одну из веревок, висевших в шахте. После этого он оперся о стенки шахты, чтобы верхняя решетка не обрушилась вместе с ним. Карабкаться вверх таким образом было нелегко. Туннель был таким узким, что ему приходилось держаться в нем и ползти вверх, упираясь коленями и проталкиваясь вверх каждый раз всего на несколько дюймов. Если бы не одежда и перчатки из тонкой кожи, он ободрал бы себе спину, колени и руки. Еще не успев добраться до верха, он изодрал свою кожаную одежду. Измаил пыхтел, отдувался, потел и дрожал от напряжения. Добравшись до конца туннеля, он подождал, пока его дыхание станет неслышным. Потом прислушался, пытаясь различить шарканье ног о камень, пыхтение, одышливые вздохи, но не слышал ничего, кроме шума крови в ушах.

Решетка над ним поддалась с пронзительным скрипом, который рванул его за душу, словно камень, прорвавший кожаную одежду. Когда решетка отошла, он немного подождал, а потом осторожно выглянул наружу, опасаясь, что, как только он высунет голову, на нее опустится каменный топор. Но на верху его никто не подкарауливал. Измаил зажег спичку и огляделся. Кубическое помещение, высеченное в скале, было пусто, если не считать каких-то ящиков в углу.

Он вылез из шахты и некоторое время лежал на полу, вздрагивавшем под ним. Поднявшись, он подошел к открытому дверному проему и посмотрел вперед, но из-за темноты ничего не увидел. Тогда он вернулся к шахте и размотал веревку, обернутую у него вокруг талии. Конец, брошенный в шахту, кто-то поймал и дернул за него. Измаил сел, уперев ноги в противоположный край шахты и держась за веревку. Он не выпускал ее из рук, пока наверх не взобралась Нэймали. Выбравшись наружу, она тоже схватилась за веревку и помогала ему, пока не вылез Каркри, а тот держал веревку вместе с ней, пока не вылез следующий матрос.

Измаил вытащил из вещевого мешка Нэймали небольшой факел, зажег его и двинулся дальше по широкому туннелю. По обеим его сторонам были пустые проемы, ведущие в другие складские помещения. Одним концом коридор упирался в каменную стену; другой его конец выходил на лестницу, высеченную в скале. Ступеньки винтом уходили вверх. Измаил решил повременить и не идти дальше, пока все матросы не выберутся из шахты. Ждать пришлось долго. Опустевшие лодки приходилось отводить в сторону; к тому же, чтобы лодка сохранила остойчивость, передвигаться по ней надо было крайне осторожно. Каждый раз, когда кто-нибудь забирался из лодки в шахту, равновесие в ней нарушалось.

Одна из лодок должна была остаться на месте с тремя матросами на борту. Им предстояло ждать в течение трех часов. Если по истечении этого срока остальные не вернутся, эти трое должны были отвести свою лодку назад на «Рулангу»; тогда начнется следующий этап операции.

Измаил вывел отряд на следующий ярус, который был очень похож на предыдущий. Однако коридор там был в два раза длиннее, чем внизу. А тот, что был еще выше, оказался вдвое длиннее того, что был под ним.

Похоже, Бураганга был построен почти по тому же плану, что и Заларапамтра. На поперечном разрезе он тоже напоминал бы перевернутую пирамиду. Очередной ярус должен был быть вдвое длиннее нижележащего. Так и оказалось. Однако этот был освещен кое-где факелами или светляками, которые мерцали менее ярко, зато потребляли меньше кислорода. Фа-

келы и фонари были вставлены в каменные кольца, высеченные прямо в стене. По углам спали несколько человек.

Нэймали шепнула, что это, наверное, рабы. Вообще-то во время сна на этом ярусе не должно быть никого, но их сюда прислали работать. Помещения, в которых не было людей, были заполнены аккуратно расставленными ящиками. Они загромождали также и коридор, по-видимому, ожидая, когда их занесут в комнаты.

Измаил двинулся дальше. Возможно, лучше было бы убить рабов, но кто-нибудь из них мог проснуться и закричать. Кроме того, они не станут нападать на чужаков, если тем придется отступать. Рабы будут стоять в сторонке, не мешая пришельцам и защитникам города сражаться до победного конца.

Дальше воины Заларапамтры пошли быстрее. Туннели были расположены почти так же, как в их собственном городе, и это придало им уверенности, что они смогут отыскать дорогу к храму. Они поднялись по следующей лестнице и повернули налево, углубляясь в недра горы. Измаил и еще двое прошли вперед без факелов и с ножами наготове, пока остальные ждали внизу. Коридор был темным, а два первых попавшихся помещения, куда они заглянули по пути, тоже оказались складами, причем в одном из них хранилось оружие. Однако там не было ничего, что могло им понадобиться.

Отряд приближался к другому концу коридора. Он оканчивался не тупиком, как другие, а очередной лестницей. Нэймали сказала, что для нее это не было неожиданностью, поскольку в ее городе коридор на этом ярусе тоже выходил на лестницу.

— Она должна вести выше, в другой коридор, который оканчивается другой лестницей, выходящей в еще один коридор. Он-то и ведет в храм, где находятся боги. Только вот...

— Только что? — спросил Измаил.

— Давным-давно, когда на свете еще не было даже моих прадедов, из Бураганги бежал один пленный житель Заларапамтры. Он рассказывал странные вещи. Говорят, что храм, где обитают боги Бураганги, охраняет стражи. Но это не люди. Это звери, которых не смог убить сам герой Бураганга, основатель этого города. Тогда он оставил их жить здесь, в таком месте, где они могут подкарауливать любого, кто об этом не знает, и...

— Нам сейчас некогда слушать старинные сказки, — сказал Измаил. Однако, когда он вскарабкался по очередной лестнице и заглянул за угол, ему стало казаться, что там действительно могло таиться нечто странное.

Этот переход, в отличие от других, был ярко освещен. Факелы и клетки со светляками были вставлены в каменные ободья через каждые шесть футов, по две клетки на каждый

факел. Проход вел глубоко в недра уступа, а может быть, самой горы — Измайл плохо представлял себе, насколько глубоко они проникли. Дальний конец коридора уходил вверх. Однако нижняя его часть все-таки была видна, и при свете факелов мерцало что-то, висевшее поперек коридора.

Наконец Измайл вышел из-за угла. В лицо ему подул ветерок, словно кто-то прикоснулся к щекам холодными руками. Там, где стены переходили в пол, было множество отверстий, размером около шести дюймов в поперечнике. Эти норы явно выходили другим концом на нижнюю поверхность уступа. В чем причина сквозняка, он не знал. Измайл представил себе уступ, изъеденный насквозь множеством нор, и подумал, что от постоянной вибрации, вызванной регулярными поднятиями и сотрясениями земли, в нем наверняка появились мельчайшие трещины, которые расширяются, дойдут до шахт, и тогда большая часть уступа неминуемо сорвется вниз.

Он пошел вперед; остальные, стоя сзади, натянули тетиву своих луков. Теперь, когда они приблизились к месту, где, как они знали, враги были настороже и вооружены, настало время тоже приготовить оружие.

Вдоль коридора за их спинами шла глухая стена — в ней не было ни дверных проемов, ни арок. Миновав факелы и светляков в клетках, отряд стал подниматься по проходу вверх. Коридор кончался четырехугольным проемом примерно семи футов высотой и шести — шириной. Его загораживало похожее на паучью сеть переплетение серых нитей с нанизанными на них крошечными частицами какого-то вещества, блестевшего, как слюда. Это оно мерцало в неверном свете факелов.

— Что это? — прошептал Измайл.

— Я не знаю, — ответила Нэймали.

Измайл взял у одного из своих спутников факел и шагнул поближе к паутине, стараясь разглядеть, что за ней. Там на полу были видны тени, которые нити отбрасывали при свете факела. Дальше была темнота.

Измайл колебался. Паутина казалась такой тонкой, что он не понимал, зачем ее здесь повесили. Может быть, порвав ее, он подаст сигнал, подобно тому как жертва, запутавшаяся в ловчей сети паука, дает знать о себе затаившемуся хищнику? Если поджечь ее факелом, не дотрагиваясь, натяжение нитей, которые тянутся от паутины дальше в темноту, все равно может ослабнуть. А это разбудит того, кто таится там, впереди.

Надо было что-то делать. Его колебания и нерешительность могли подорвать веру в него других, а это было единственное, что привело их сюда и удерживало от отступления. Он провел по паутине факелом, и вдоль нитей побежали языки пламени,

не оставив от них и следа. Кусочки слюды, словно металлические снежинки, попадали на пол.

Из темноты донесся негромкий, но раскатистый звук, словно где-то лопнула струна.

Держа факел перед собой, Измаил шагнул в проем.

Освещенное пространство было пустым. Помещение оказалось больше, чем он думал. Свод был так высок, что свет факела до него не доставал, а стены косо отступали в темноту. Перед Измаилом был только гладкий каменный пол, продолжавшийся до самого сердца горы, — по крайней мере так ему показалось.

Воздух был неподвижным, теплым и затхлым. Вдоль стен не было никаких нор.

Его спутники тоже вошли в проем и столпились за его спиной. У четырех из них были факелы, свет которых расширил освещенное пространство. Однако свод по-прежнему был окутан саваном тьмы, а стены расходились в стороны, теряясь из виду.

Сзади донесся совсем тихий голос Нэймали:

— Говорят, что, когда Бураганга привел сюда свой народ, он увидел, что когда-то до него здесь уже жили люди. Тут были большие подземелья, вырубленные в самой горе, а в них жили какие-то опасные звери. Те, кто жил там вначале, все вымерли, или их поубивали эти страшные звери. Бураганга убил некоторых из них, но уничтожить остальных оказалось ему не по силам. Тогда он запер их в пещерах, а его народ вырубил в огромном уступе другие комнаты и залы.

— В этой истории наверняка есть доля истины, — сказал Измаил. — Только если здесь и есть звери, непохоже, чтобы они были заперты. Разве эта паутина может помешать им выйти?

— Не знаю, — ответила она. — Может быть, от нее исходит запах, которого мы не замечаем, а звери чувствуют. Да мало ли что может быть.

Слова, произносимые шепотом, срывались с губ и улетали в царство вечной тьмы, словно летучие мыши. Тьма была все-поглащающей; она втягивала в себя все: свет, звуки, а если удастся, могла засосать и неосторожных чужаков.

Измаил снова шагнул вперед, держа факел над головой; то, с чем они столкнулись, напомнило ему о том, что он и вправду знал об этом мире очень немного. Порядочно попутешествовав по его просторам и повидав многое необычного, он уже привык к его сюрпризам. Но было в этом мире, наверное, так же много зловещего, — того, с чем он едва ли мог совладать, ибо не понимал его природы.

Он шел дальше. Факелы горели, словно гибнущие в бою корабли. Темнота расступалась перед ними и смыкалась позади. Было по-прежнему спокойно и тихо.

Через некоторое время Измаилу стало казаться, что темнота дышит. Это было так, словно мрак ожила, стал гигантским животным без всяких очертаний, окружавшим их со всех сторон.

Измаил посмотрел назад, на вход в пещеру. Он вырисовывался светлым прямоугольником, но в нем снова возникло мерцание, которого не стало после того, как Измаил спалил паутину.

Паутина висела на старом месте.

Нэймали оглянулась назад, последовав его примеру, и от удивления открыла рот.

Остальные тоже оглянулись.

— Наверное, это какое-то небольшое животное: оно плетет паутину заново, как только ее порвут, — предположил Измаил. Он постарался сказать это как можно более убедительно.

Он повернулся и снова пошел вперед. Сейчас легче всего было бы поддаться панике и броситься ко входу, занавешенному паутиной. Хотя тот, кто ее сплел, скорее всего только того и ждал. Как бы то ни было, надо двигаться дальше.

Что-то просвистело мимо его головы.

Он резко обернулся, стараясь при свете факела разглядеть, что это было.

В темноту упывало круглое тело, в отблесках пламени казавшееся серым. У него было шесть тонких лап, круглая голова с большим глазом и рот в виде щели, из которого торчали длинные острые зубы. Тело животного было размером примерно с его собственную голову, а позади него тянулось что-то очень тонкое и склизкое. Вскоре Измаил понял, что эта тонкая склизкая штуковина была нитью, другой конец которой терялся во тьме, — он был прикреплен где-то наверху, у самого потолка. Видимо, эта тварь соскочила откуда-то с верхней части стены и теперь раскачивалась, стараясь дотянуться до его головы.

— Пригнитесь! Посмотрите вверх! — сказал он, опускаясь на одно колено. — Что бы ни случилось, кричать нельзя!

Эти звери могли быть не более опасными, чем сторожевые псы, которые могут лишь вспугнуть незваных гостей, заставив их выдать себя шумом, который поднимет на ноги воинов.

Другая тварь, за которой тоже тянулась нить паутины, вырвалась из темноты так стремительно, что среагировать на нападение было невозможно. Она выскочила на свет и обхватила лапами голову матроса рядом с Измаилом. От удара тот опрокинулся на спину, его короткое копье брякнуло о камень. Стоявший рядом мужчина вонзил свою пику в тело твари, которая

разжала лапы, выпустив голову своей жертвы. Она лежала на полу, подергивая лапами.

Матрос лежал без движения.

Измаил встряхнул его и приложил ухо к сердцу, а потом прикрыл ему веки.

— Умер.

На шее у него в том месте, где ее царапали когти, были три красные отметины.

Из темноты выскочило что-то темно-серое; еще один матрос наколол его на пику.

Пика вырвалась у него из рук, но животное уже издохло.

Секунд через тридцать еще одно существо описало над их головами дугу, но потом скрылось в темноте.

Раз эти твари, раскачиваясь, не возвращались обратно, значит, они цеплялись за что-то, свисавшее с потолка.

Измаил медленно сосчитал до двадцати, а потом приказал всем быстро откатиться на несколько футов в сторону. Примерно через тридцать секунд после появления последнего животного над ними взмыло еще одно. Оно опустилось ближе к полу, чем предыдущее, но все-таки недостаточно низко, так как предполагаемые жертвы переместились.

Их здесь могли быть тысячи — одна мысль об этом вгоняла в дрожь, — однако они, похоже, нападали по очереди через каждые тридцать секунд.

Измаил прыгнул вверх и подбросил факел к потолку.

Он несколько раз перевернулся, освещая лишь пустоту, пока не достиг высшей точки своей траектории. На мгновение он высветил концы трех толстых нитей, сплетенных из чего-то серого, свисавших вниз из темноты. Увидеть потолок так и не удалось. За каждую нить цеплялось по паукообразному существу.

Измаил подозревал, что сероватая нить, тянувшаяся за каждой тварью, другим концом прикреплялась к свисающим волокнам. Разглядеть, так ли это, он не смог. Похоже, нить была свернута в теле животного и могла фиксироваться таким образом, чтобы ее длины как раз хватало для смертельного прыжка.

Твари больше не нападали; похоже, свет факела привел их в оцепенение.

Однако здесь, наверное, было еще много других, не подвергшихся действию света.

По какой-то причине, — видимо, благодаря инстинкту, выработанному и закрепленному миллионы лет назад, — они действовали согласованно и падали сверху каждые тридцать секунд. После каждого броска с ними что-то происходило: на

определенный срок они отключались, как деревянные кукушки в часах.

Измаил приглушенным голосом сказал своей команде, что сейчас придется бежать. Но они должны повторять все его действия: если он отпрыгнет в сторону, им надо сделать то же самое. Если он упадет на пол, они тоже должны это сделать.

Он немедленно бросился вперед, начав отсчет с пятнадцати, — столько секунд, по его прикидке, ушло на то, чтобы отдать приказ. На счете тридцать он бросился на пол, вытянув руку, чтобы одновременно схватить упавший факел, который приземлился примерно в тридцати футах от того места, где Измаил его подбросил.

Серая шестиногая тварь описала над ним дугу и скрылась в темноте.

Измаил вскочил, шепотом отсчитывая секунды, и побежал вперед. Досчитав до тридцати, он сделал два большущих прыжка влево, и факелы высветили темное тело, со свистом пролетевшее через освещенное место и дальше вверх.

В следующий раз он взмахнул копьем, и хотя промахнулся, наконечник перерезал нить за спиной животного. Оно как раз качнулось вверх и потому исчезло из виду. Но мгновение спустя, рванувшись вперед, Измаил его увидел. Оно неуклюже ползло по полу, поджав две тонкие конечности. Однако тварь все-таки попыталась удрать в темноту, и ей бы это удалось, если бы один из матросов не бросил ей вслед факел. Огненный цветок упал на пол, отскочил, перевернулся, и его горящий конец коснулся убегавшей твари. До них донесся запах горелого мяса; тварь прижала к телу свои уцелевшие конечности и издохла, — или притворилась мертвой. Для верности Измаил проткнул ее копьем.

Все это время он продолжал считать. Благодаря этому ему удалось привести свой отряд в безопасное место — ко входу в следующее подземелье, который тоже был занавешен паутиной с нанизанными на ней блестками. Измаил спалил ее и забежал внутрь. Последняя тварь прыгнула вниз в отчаянной попытке достать его, но с громким шлепком ударила о стену прямо над входом, расшиблась и упала вниз, истекая бледно-зеленой жидкостью. Последний член отряда ткнул в нее факелом. Измаил тихо, но сурово посоветовал ему не терять времени даром.

В следующем помещении снова подбросили факел, но ничего подобного тому, что они видели перед этим, там не оказалось — только черная пустота. Это не значило, что они вышли на открытое пространство: просто свет был недостаточно ярким, чтобы можно было увидеть потолок или стены.

Измаил посмотрел назад, на проем в стене, через который они вошли сюда, надеясь увидеть тусклое пятно света — дверной проем по другую сторону той залы, которую они посетили первой. Он должен был стать чем-то вроде маяка, напоминанием о том, что из этого царства вечной тьмы есть выход.

Он действительно заметил вдали призрачный светлый прямоугольник.

Но заметил он и кое-что другое. Вернее, что чего-то не хватало.

— Где Памкамши? — спросил он.

Другие тоже посмотрели назад. Потом переглянулись.

— Только что шел за мной, — сказал матрос по имени Гунраджум.

— Мне казалось, у него был факел, — сказал Измаил. — Теперь он у тебя. Он что, тебе его отдал?

— Попросил подержать на минутку, — ответил Гунраджум. И вот Памкамши исчез.

Измаил и его спутники, держась поближе друг к другу, вернулись по пройденному пути, пока не оказались рядом с дверным проемом. Он снова был занавешен паутиной.

Измаил повел их обратно от входа, на этот раз извилистым путем, чтобы обследовать как можно большую площадь. Нигде не было ни малейших следов Памкамши.

Измаил снова подбросил свой факел вверх.

Он не увидел ничего, кроме... Хотя, возможно, ему это только показалось.

Измаил поднял факел и бросил его вверх еще раз, вложив в этот бросок все силы.

Перед тем как начать падать, факел слабо осветил что-то, что могло быть — а могло и не быть — двумя босыми ступнями.

— Прислушайтесь! — сказала Нэймали.

Они затаили дыхание. Пламя факелов трепетало, рассыпая искры. Измаил слышал биение собственного пульса. Он различил и другой звук, хотя и очень слабый.

— Похоже, что кто-то жует, — сказала Нэймали.

— Чем-то хрустит, — сказал Каркри.

По просьбе Измаила Каркри взял факел и метнул его вверх. Хотя Каркри был меньше ростом, чем Измаил, и меньше весил, он провел полжизни в лодке, бросая гарпун. Факел у него взлетел выше, чем у Измаила, и осветил две босые ступни, висящие в воздухе. Они медленно двигались прочь от стоявших внизу людей.

Нэймали судорожно вздохнула; кто-то из мужчин стал молиться, другой выругался.

— Когда мы упустили Памкамши из виду, какая-то сила подняла его в воздух. Там, наверху, кто-то есть.

Он похолодел; желудок свело судорогой.

— Стреляй туда, — сказал он Аварджаму, у которого был лук. — В Памкамши попасть не бойся. Я думаю, он мертв. Его ступни двигались не сами по себе. Кто-то уносил его в другой конец комнаты.

Аварджам выпустил стрелу в темноту над их головами. Запела тетива, а потом раздался глухой звук удара. Струка стрелы, упавшей перед ними на пол, они не услышали.

— Ты в кого-то попал, — сказал Измаил, подумав, что этим кем-то мог быть и Памкамши. Что, если стрела поразила его, бесчувственного, но не мертвого? Ничего не поделаешь. Сохранить отряд и завершить задуманное было важнее.

Они шли вперед, пока Измаил не скомандовал остановиться. Каркри снова подбросил факел: на этот раз были видны не только ступни, но и ноги. Зато верхняя часть тела Памкамши была окутана мраком, словно ее и не было.

— Теперь он ниже, чем раньше, — сказал Измаил, и тут перед ними упало что-то мягкое и тяжелое. Они поспешили вперед и увидели при свете факелов тело Памкамши. Кости у него были переломаны, на теле — глубокие раны. Но умер он не от удара при падении. Вокруг его шеи шла широкая багровая полоса, глаза выкатились, язык вывалился изо рта. Кто-то обгладал его череп, отъел уши и часть носа.

— Всем прикрыть горло рукой и не опускать ее, пока я не скажу, — приказал Измаил.

— Куда же попала стрела? — в недоумении спросила Нэймали.

Она взглянула вверх и вскрикнула, забыв, что Измаил просил вести себя как можно тише, а потом отскочила назад. Остальные тоже подняли головы и отпрыгнули в сторону, расступившись.

Создание, которое упало на каменный пол рядом с Памкамши, по форме напоминало блин: на спине у него была большая присоска, а с противоположной стороны, рядом со ртом, вооруженным множеством мелких зубов, — свернутое кольцами щупальце красноватого оттенка. Стрела вошла в его тело на половину своей длины; видимо, когда тварь уже издохла и мышцы ее здоровенной присоски расслабились, она еще некоторое время висела, пришпиленная стрелой к потолку.

Зверь обвил шею Памкамши своим длинным щупальцем как арканом, и утащил его наверх, в темноту. Выбрал ли он своей жертвой того, кто шел сзади и чьего исчезновение могли не заметить, или просто первого попавшегося, — этого Измаил

не знал. Однако он подозревал, что этот зверь обладает некими органами чувств, которые так просто не увидишь.

А еще он подозревал, что потолок кишит этими тварями, и ему, как и всему отряду, угрожает смертельная опасность. Но если это было так, значит, что-то удерживало зверей от того, чтобы напасть на них всем сразу. Нельзя ли было предположить, что они, как и обитатели комнаты, которую отряд только что покинул, обладали начатками коллективного разума? Ну если не разумом, то хотя бы чем-нибудь вроде общей нервной системы? Может быть, они соблюдали очередь, чтобы шанс схватить добычу был у каждой твари? А может, между ними существовало некое неписаное соглашение, что нападает тот, кто может это сделать, не подвергая себя опасности? А что значит — не подвергать себя опасности? Напасть незаметно, пока жертва одинока и потому беззащитна?

Если все это было так, значит, эти твари все-таки были уязвимы; иначе им было бы все равно, нападать на одного или на группу людей.

Измаил склонился над трупом животного, чтобы посмотреть, куда попала стрела. Она воткнулась в какую-то шишку на его теле, размером и формой напоминавшую страусиное яйцо. Из раны сочилась бледно-зеленая жидкость. Измаил решил, что это, наверное, один из жизненно важных органов. В теле животного было примерно пятьдесят таких яйцеобразных уплотнений. Остальное пространство, по-видимому, было заполнено тонким слоем жировой ткани, внутри которого проходила система сосудов (о ее функциях можно было только гадать).

Измаил выпрямился и дал сигнал идти дальше. Люди прикрывали горло рукой, все время поглядывая вверх, словно ожидая увидеть, как в освещенное факелами пространство падает красноватое щупальце.

Пройдя шестьдесят шагов, Измаил снова приказал всем остановиться, и Каркри снова метнул факел вверх. На мгновение из темноты выступила добрая дюжина щупалец, медленно развертывавшихся по направлению к ним.

Измаил так и не понял, почему это теперь они решили объединиться. Возможно, звери как-то (неизвестно как) посовещались между собой и решили, что лучше действовать сообща. Или, может быть, смерть одного из них пробудила инстинкт коллективной защиты.

По приказу Измаила отряд побежал вперед. При этом все они держались вместе и каждый прикрывал горло рукой. Не успели они пробежать и сорока шагов, как вниз из темноты метнулись, как лягушачьи языки, двенадцать щупалец. Каждое

обвилось вокруг горла и лежащей на нем руки, сжимаясь все туже.

Одной из жертв оказалась Нэймали.

Услышав крики тех, кого настигли щупальца, Измаил развернулся. Он рявкнул приказ: лучникам лечь на пол и стрелять вверх, целясь вслепую — и как можно лучше. Так было безопаснее, чем стрелять стоя. Вверх, в темноту, уходила стрела за стрелой.

Измаил поднял факел, брошенный человеком, который боролся со щупальцем, тянувшим его наверх. Рука, защищавшая горло, не дала щупальцу задушить его сразу, но лицо его даже на свету казалось иссиня-черным.

Измаил ткнул щупальце факелом; оно отпустило свою жертву и дернулось вверх, исчезнув из виду. Остался только запах гари, как от взлетевшей ракеты.

Измаил прыгнул вперед, схватив склизкую конечность, которая, словно удавка, тащила Нэймали вверх. Своей тяжестью он оттянул ее вниз, а потом, держа свободной рукой факел, провел его горящим концом вдоль щупальца. Оно разжалось, и оба упали на каменный пол.

Между тем другие матросы, у которых были факелы, тоже жгли ими щупальца, заставляя их разжиматься и втягиваться обратно вверх.

Впереди на пол упало что-то тяжелое. Построившись заново, они двинулись вперед, и вскоре пламя факелов вырвало из темноты труп убитого зверя. Стрела пронзила одну из шишек у него на теле.

Люди с факелами заняли места с краю, размахивая своими огненными светильниками направо и налево. В центре тоже стоял человек с факелом и махал им. Измаил надеялся, что так им удастся отбить у зверей охоту нападать на них. В сорока ярдах они увидели стену подземелья и небольшое прямоугольное отверстие. Люди побежали туда сломя голову, хотя Измаил предпочел бы двигаться помедленнее и поосторожней. Возможно, создатели этого лабиринта как раз и рассчитывали, что люди, испытавшие хватку смертоносных щупалец, ринутся к выходу, как мыши в щель, — а вдруг с другой стороны поджидает кошка?

Но в тот момент их было уже не остановить.

Факелы осветили коридор, загибавшийся вправо. Он был достаточно широк, чтобы пропустить двух человек, идущих рядом, и в два человеческих роста высотой. Они прошли примерно восемьдесят шагов, все время поворачивая направо, потом коридор повернул влево. Пройдя еще около ста шагов, они подошли к лестнице, вырубленной в скале. Она была такой

узкой, что пришлось идти гуськом. Подъем был очень крутым; стены уходили вправо.

Измаил шел первым, держа в одной руке факел, в другой — копье. Поднимаясь, он думал о том, долго ли им еще бродить по этим комнатам ужасов. Вполне возможно, все кончится так: идя вперед и вперед, они уткнутся в глухую стену либо попадут в такую ловушку, из которой не выбраться уже никому. Только вот было непонятно, как бураганцы могли содержать столь многочисленную охрану. Вряд ли незваных гостей было так много, чтобы звери могли питаться только ими. Да неизвестно еще, проникал ли кто-нибудь сюда вообще с тех пор, как в скале выдолбили эти катакомбы. Чтобы стражи не померла с голода, ее надо было кормить. Даже если звери большую часть жизни проводили в состоянии спячки, все равно время от времени им надо было что-то кушать. Так что зверей не могло быть слишком много по чисто экономическим причинам.

Вскоре узкая лестница пошла прямо. Сначала Измаил продолжал подниматься вверх, а потом, досчитав до трехсот, остановился.

Выше ступеньки кончались. Там, припав брюхом к полу, громоздилась здоровенная каменная фигура.

Она была серого цвета и представляла собой что-то вроде черепахи с головой лягушки и лапами как у барсука. От невысокого гребня на черепашьем панцире до пола было примерно четыре фута. Статуя сотрясалась от непрерывных подземных толчков, и это колыхание придавало ей некоторое подобие жизни.

Глаза у нее были такими же серыми и окаменевшими, как и все тело.

Но когда Измаил подошел поближе и заглянул ей в глаз, ему показалось, что глаз повернулся в своей глазнице.

«Совсем нервы сдаются», — подумал он и шагнул в залу, вход в которую охраняла статуя.

Каменная голова со скрежетом повернулась.

Если бы этот звук, опасность застала бы Измаила врасплох: его рука не избежала бы хватки каменных челюстей.

Он отскочил в сторону, и челюсти захлопнулись с таким лязгом, словно были сделаны из железа.

Одновременно тело приподнялось на своих барсучьих ногах и стало поворачиваться.

Когда чудище снова раздвинуло челюсти, Измаил вогнал в ему в пасть свое копье.

Из пасти брызнула желтоватая жидкость — и прямо в лицо Нэймали, которая повалилась назад, на матроса, стоявшего ступенькой ниже. Измаил подпрыгнул и взобрался чудищу на спину. Он вытащил свой каменный нож и принялся колотить

им по его правому глазу, пытаясь выбить его из глазницы. В итоге раскололся нож, после чего шея чудища со скрежетом стала выдвигаться из-под панциря. Измаил больше не мог достать до головы и бить в нее ножом; между тем она начала опускаться, потянувшись к Нэймали.

Люди, шедшие за Нэймали, отступили назад, но один из них, Каркри, пустил в открытый рот каменного чудища стрелу.

Голова все приближалась к Нэймали — похоже, шея могла вытянуться как угодно далеко. Измаилу казалось, что она была каменной — или покрытой каменной коркой. Однако этот камень, твердый, как кремень, состоял из сотен мелких пластинок, которые скользили одна поверх другой, когда чудище вертело головой по сторонам или нагибало ее вниз.

Измаил встал на панцире, похожем на черепаший, во весь рост и прыгнул. Приземлился он верхом на вытянутой шее, как раз позади массивной головы. Под его тяжестью шея вместе с головой стала опускаться вниз, пока голова не ударилась о ступеньки. Из открытой пасти каменного чудища снова хлынула желтоватая жидкость, но потом ее мощный поток внезапно иссяк.

Тварь больше не двигалась.

Измаил перелез с шеи на голову и скатился по ней вниз. Твердые серые глаза стали такими же окаменевшими и безжизненными, как раньше, только теперь, похоже, чудище действительно было мертвым. Его пасть была по-прежнему открыта; посветив туда факелом, они увидели, что копье Измаила и стрела Каркри вонзились в какой-то орган, похожий на огромное глазное яблоко, расположенный в углублении позади глотки. Он больше не пульсировал, хотя по древку их оружия все еще стекали капли желтоватой жидкости. Измаил спросил Нэймали, не ранена ли она; девушка ответила, что отделалась лишь сильным испугом. Потом он постучал по шкуре чудовища. Может, она была и не из настоящего гранита — по крайней мере из чего-то очень похожего. Вот так зверь! Его покровы затвердевали, превращаясь в камень.

Нэймали и ее сограждане сказали, что никогда не слышали о такой твари, даже в многочисленных сказках про ужасных бестий, которые им когда-то рассказывали бабушки.

— К счастью, он подох, — сказал Измаил. — Не понимаю, где бурагангцы отыскали это страшилище. Я думаю, они могли найти его погребенным в недрах горы, когда вырубали эти ступени. Надеюсь, он был единственным, кого они откопали. Хорошо хоть, что на обратном пути у нас больше не будет таких неприятностей.

— Не радуйся раньше времени, — сказал Каркри.

Он поднес свой факел к пасти чудища, и Измаил увидел, что стрела и копье постепенно засасываются — или поглощаются — красным органом. К тому же эта штука снова начала пульсировать. Или так казалось из-за того, что все вокруг постоянно вздрогивало?

Затем челюсти медленно сомкнулись, а шея стала втягиваться обратно под панцырь. Серые глаза по прежнему ничего не выражали, да и голова не проявляла признаков враждебности. Однако люди пробирались мимо, не сводя с нее глаз, — они боялись, что она может повернуться в их сторону. Когда все оказались в проходе за спиной чудища, отряд на минуту остановился. Люди смотрели на Измаила, словно спрашивая: что же дальше?

— Все, что нам осталось, — это идти вперед, — сказал он. — Я уверен только в одном: жрецы храма Бугаранги ни за что не поверят, что можно оставаться в живых, попав в эти катакомбы. Так что мы застанем их врасплох.

— Если только мы туда дойдем этой дорогой, — сказал матрос по имени Вашгунамми.

— Время от времени сторожевых зверей кому-то приходится кормить, и я сомневаюсь, что эти люди приходят сюда тем же путем, что пришли мы, — сказал Измаил. — Как ни крути, а надо идти вперед до конца — будь он радостным для нас или печальным.

«Таков закон жизни», — сказал он самому себе, поворачиваясь, чтобы идти дальше. Пока ты жив, иди вперед, что бы ни случилось, пока не побьешь врагов или сам не будешь побит. Это оставалось истиной даже здесь, на земле, шатающейся под ногами, под красным солнцем и падающей луной.

Пока им везло. Если бы стражи действовали более энергично или были хоть немного более агрессивными, они могли бы уничтожить отряд, вторгшийся в чужой город. Очень может быть, что раньше им это удавалось. Но они бездействовали уже целые столетия — за это время они постарели и ослабли. Жрецы, которые их содержали, перестали о них заботиться, — возможно, иногда даже забывали кормить, так что звери потеряли свою былую силу. Они долго, очень долго пребывали во мраке, и спали, и видели во сне свою добычу; а когда добыча явилась к ним наяву, они не успели вовремя проснуться. Страхнуть с себя пыль веков — не такое уж быстрое дело.

Но теперь они на страже и могут казаться много опаснее, если отряд попробует вернуться тем же путем.

Все может быть...

Они оказались перед следующей лестницей, вырубленной в скале, — она тоже была очень крутой. Лестница вела все выше и выше и становилась все круче; подняв одну ногу, Измаил

голенюю касался края нижней ступеньки — такими они стали высокими. Вскоре ему пришлось помогать себе свободной рукой: в другой он держал факел.

С тех пор как они вошли в подземелье, Измаил везде искал следы человеческого присутствия: смотрел, есть ли в комнатах пыль, нет ли отпечатков человеческих ног в тех местах, где они могли быть, — малейшее свидетельство человеческого присутствия. Но пыли не было, а значит, не было и отпечатков ног. Не было и остатков пищи или какого-нибудь других свидетельств того, что животных кормили. Очевидно, жрецы достаточно часто являлись в эти опасные места, чтобы сделать уборку. А может быть, они убирались здесь редко, но последний раз это произошло совсем недавно. Как бы то ни было, в этих палатах, должно быть, навели порядок незадолго до их прихода.

От этой мысли Измаил приободрился: это означало, что в ближайшее время смотрители здесь скорее всего не появятся. С другой стороны, если зверей недавно покормили, они могли стать менее кровожадными. По крайней мере, они не были голодны.

— Нэймали! Кажется, ты приносишь удачу! — прошептал Измаил.

— Что ты сказал? — шепотом переспросила она.

— Ничего, — сказал он, подняв свободную руку в знак того, чтобы все замерли. Ему показалось, что сверху доносится шум.

Остальные тоже остановились и прислушались, стоя на ступеньках лестницы.

Вниз по лестничному маршру прокатился слабый гул.

Это было что-то похожее на звуки песнопений.

— Кажется, мы уже недалеко от храма, — сказала Нэймали.

— Надеюсь, скоро мы отсюда выберемся, — отозвался Карки. — За нами кто-то идет.

Измаил посмотрел назад, на нижние ступеньки лестницы. Он напряг зрение, вглядываясь в темноту у ее подножия, куда не достигал свет факелов. Туда долетали лишь самые слабые отблески их огня. И все-таки этого ему хватило, чтобы различить контуры неповоротливого тела, которое медленно, со скрежетом двигалось из коридора к площадке внизу. Ему не надо было рассматривать его более подробно, чтобы понять, что это — каменный зверь.

— Он не умер... — прошептала Нэймали.

— Будет теперь нас поджидать, — промолвил Измаил. — По лестнице ему точно за нами не подняться.

Чудище даже не пыталось взобраться по ступенькам. Оно застыло неподвижно, как статуя, на которую было так похоже. Став олицетворенным ожиданием, оно вошло в роль, с которой, наверное, справлялось лучше всех в этом мире, — да и в том, который Измаил покинул, ему тоже не было равных.

— В коридор теперь не войдешь, — сказал Каркри. — В следующий раз оно нас не пропустит. Мы причинили ему боль, и оно этого не забудет.

— Почем знать, — ответил Измаил.

Он карабкался вверх, пока не достиг еще одного узенького коридора. Этот проход вел прямо, а примерно через шесть-десят футов кончался каменной стеной. Но голоса стали громче — они раздавались где-то совсем близко. Измаил приложил ухо к стене и услышал песнопения совершенно отчетливо. Пели на ином наречии, чем в Заларапамтре.

Он легонько постучал по стене. К его удивлению, стена оказалась совсем не такой тонкой, как он предполагал. Она была сплошной и очень толстой. Обследовав стену полностью, Измаил установил, что голоса доносятся сквозь отверстия снизу, посередине и наверху стены. Это были дырки шириной в четверть дюйма, высверленные в камне и отделенные одна от другой пространством примерно в один фут.

— Эта стена должна как-то отодвигаться, — сказал Измаил Нэймали.

Он нажимал на нее в разных местах, осмотрев с факелом в руках каждый дюйм поверхности стены и прилегающих к ней участков коридора. Однако не нашел ничего похожего на кнопку или рычаг, который повернул бы стену вокруг какой-нибудь оси. Измаил был убежден, что должен существовать способ, позволяющий сдвинуть стену с места.

— Может быть, поворотный механизм находится с другой стороны? — предположила Нэймали.

— Надеюсь, что нет, — ответил Измаил, — хотя для них это было бы единственным способом обезопасить себя от вторжения в храм незваных гостей, которых не настигла стража. Но тогда жрецы могут вернуться обратно, когда покормят зверей, только если известят о своем приходе тех, кто находится по другую сторону стены, чтобы они привели механизм в действие. Я думаю, они могут сделать это через дырочки.

— Сюда идет каменный зверь, — сказал Каркри.

Измаил вернулся к лестнице и посмотрел вниз — Каркри посветил ему факелом. Гарпунер был прав. Огромный панцирь зверя вздыбился вверх, а массивные лапы с каменными когтями цеплялись за края ступеней. Медленно, с громыханием волоча по ступеням днище своего панциря, чудовище лезло вверх. Его голова выдвинулась из-под панциря далеко вперед, челюсти

были широко раскрыты. Измаил осторожно спустился вниз по крутым ступеням, пока не оказался достаточно близко, чтобы заглянуть ему в пасть, в широкий зев. Штуковина, напоминавшая формой глазное яблоко, пульсировала гораздо интенсивнее, чем в тот момент, когда он увидел ее в первый раз. Стрела вместе с копьем, по-видимому, втянулись внутрь этого органа. Возможно, чудище использовало их древесину в качестве пищи. Жизнь этого зверя можно было уподобить медленному огню, который еле теплится, но все же греет воду в чайнике. Пока что сил у него было немного, но дай ему время, и чайник закипит даже на слабом огне.

Измаил спустился еще на несколько ступенек, приблизившись к зверю ровно настолько, чтобы он не мог до него дотянуть, если вытянет шею во всю ее длину. Чудище слегка повернуло голову направо, потом налево, будто хотело посмотреть на свою жертву обоми гранитно-серыми зенками по очереди. Измаил отступил на одну ступеньку вверх; при этом он повернулся к чудищу спиной. Он схватился за край следующей ступени и подтянулся; Нэймали взвизгнула. Измаил, не оглядываясь, быстро взобрался наверх и только потом обернулся.

Чудище полезло вверх быстрее — он не знал, что оно может двигаться так проворно. Оно подняло лапу вверх и зацепилось за край ступени серыми когтями, похожими на мертвые каменные осколки. Потом оно зацепилось за край другой лапой, и его конечности согнулись, подтягивая вверх огромное тело. Задние ноги выпрямились, подпирая его снизу. Шея скользнула обратно под панцирь, но пасть оставалась широко открытой.

Измаил продолжал отступать, а каменное чудище карабкалось за ним. Добравшись до верха, Измаил остановился. Как только чудовище преодолеет последнюю ступеньку и двинется по ровному полу коридора, отряду придется отступать. А коридор такой узкий, что с ним смогут сражаться одновременно только два человека.

— Быстрее! Ищите выход, а не то... — крикнул Измаил, обернувшись.

Он не договорил, но его спутники и так понимали, что может случиться. Каракри встал рядом с ним и посмотрел вниз.

— Не очень-то крепко оно держится, может и сорваться, — сказал он.

— Его можно остановить только одним способом, — отозвался Измаил.

Они спустились на четыре ступеньки и встали как можно ближе к зверю, но так, чтобы он до них не дотянулся, если вытянет шею еще дальше. Они пошептались между собой, а

потом, увидев, что зверь поднял правую лапу, чтобы уцепиться за следующую ступеньку, оба изо всех сил прыгнули вперед.

Со скоростью, невероятной для твари, одетой в камень, — кто мог бы ожидать такой прыти от каменной статуи? — голова на длинной шее метнулась к ним. Хорошо еще, что зверь выбрал своей мишенью Каркри. Если бы случилось иначе, голова, которую шея выбросила так же стремительно, как разматывается линь, когда гарпун глубоко вонзится в тело кита, сомкнула бы свои челюсти на теле Измаила.

Но они, словно жернова, зажали ступню Каркри, когда тот прыгнул вперед.

Ноги Измаила ударили в панцирь справа от шеи и совсем рядом с ней.

Каркри пронзительно завопил, когда зверь стиснул в пасти его голень. Спиной он ударился о край ступени.

Под тяжестью удара двух человеческих тел чудовище поднялось на дыбы и стало опрокидываться. Его задние лапы заскользили по камню, и, все еще сжимая в челюстях кричащего Каркри, оно повалилось назад. Каркри взлетел на воздух, перелетев через каменное туловище, как поплавок на удочке, которую закидывают через голову. Он описал дугу и обрушился на ступени ниже чудовища, которое затем упало на него спиной.

Измаил снова прыгнул вниз, стараясь попасть ногами в бок зверя, который повернулся на выпуклом панцире вокруг собственной оси. От удара чудище сделало кувырок, соскользнуло на край следующей ступени и загремело вниз по лестнице. В самом низу оно перевернулось и упало на спину, да так и осталось лежать, дрыгая короткими лапами и не в силах перевернуться обратно, — совсем как обычная черепаха.

Каркри остался лежать выше, чем зверь, почти что над ним. Он лежал лицом вниз, и его кровь струилась по ступеням, стекая в лужу, образовавшуюся вокруг панциря лежавшего на спине зверя.

Измаилу хватило нескольких секунд, чтобы понять: Каркри уже не спасти. Он взобрался по ступеням обратно на верх и вернулся к стене. Хотя зверь скатился по лестнице с невообразимым грохотом, по другую сторону стены этот шум явно не был услышен. Песнопения стали еще громче, чем раньше.

— Я уже почти мечтаю о том, чтобы они услышали этот шум и вышли проверить, в чем дело, — пробормотал Измаил. — Тогда мы, по крайней мере, сможем проникнуть внутрь.

Все возможные способы были испробованы, а открыть проход в стене им так и не удалось. Сидеть здесь и ждать у моря погоды они тоже не могли — умерли бы с голода. Кроме того, через некоторое время будет исполнена вторая часть плана, а

если отряд Измаила в это время не окажется внутри храма, набег окончится неудачей. Было еще не поздно вернуться к лодкам и попытаться войти в город с верхней стороны уступа. Но Измаилу недоставало мужества решиться пройти той же дорогой — он был уверен, что его чувства разделяют и другие члены отряда. Ведь наверняка существовал какой-нибудь способ войти в храм. Просто они о нем не знали, а догадаться не хватало ума.

Измаил заглянул в одну из скважин в стене. Помещение по ту сторону стены было тускло освещено, — откуда исходил этот свет, видно не было. Примерно в двадцати футах за ней была еще одна серая каменная стена. Голоса как будто бы доносились справа. Хор вряд ли находился в той комнате, куда ему удалось заглянуть, но раз голоса были так хорошо слышны, значит, они звучали где-то поблизости.

Измаил стиснул зубы, словно хотел поймать время за шкирку и придушить, как терьер душит пойманную крысу.

— Наверное, надо потушить факелы, — сказала Нэймали. — Если они подойдут к стене и увидят сквозь скважины свет...

Измаил отругал себя за то, что не подумал об этом. Он распорядился засыпать факелы слаболетучим порошком, который один из матросов нес с собой в кисете специально для этого. У другого члена отряда был небольшой кожух с маслом, в котором вымачивали факелы и спички из травы, а также вещества, полученные из перемолотых растений. Прежде чем погасили светильники, Измаил проверил, не потерялось ли что-нибудь из этих запасов.

Потом воцарились темнота и тишина. Голосов за стеной больше не было слышно.

Измаил приложил ухо к скважине. Через некоторое время он услышал покашливание. Хотя положение было не из веселых, он улыбнулся. Этот звук был каким-то уютным, он успокаивал. Молитвенное собрание или хор верующих затих, несомненно ожидая последнего благословения или объявления о том, что церемония окончена. И, как всегда бывает в церкви во время службы, кто-то прокашлялся.

Без передышки сотрясалась земля, и высохли моря; Солнце стало умирающим великаном, а Луна опускалась на Землю; большинство животных переселилось в атмосферу, которая делалась все тоньше и тоньше. А вот человеческая натура менялась совсем не так быстро, как окружающий мир.

Потом улыбка сошла с его уст: кто-то выкрикнул несколько слов, раздалось шарканье множества ног и приглушенный шум голосов. Собрание было прервано.

Минуту спустя комнату по ту сторону стены осветил свет факела, послышалось шарканье ног, и мимо прошли два чело-

века, тихо разговаривавшие между собой, — один из них держал факел. На них были алые рясы с капюшонами, и, если бы не яркая красно-зеленая раскраска их лиц, они вполне сошли бы за монахов прежних времен.

За ними шли еще люди — все парами. Измаил насчитал десять пар; больше он никого не видел. Но Измаил был уверен, что в комнате, откуда доносились песнопения, было гораздо больше народу. Должно быть, остальные ушли в другом направлении, или же все еще находились в часовне. Но если они там и были, то хранили молчание.

Он стал ждать. Тишина зазвенела в ушах. Темнота сгустилась — она словно обрела плоть, стала весомой и задумала что-то бессмысленное и злое. Однажды сзади раздался скрежет; он вскочил, и все остальные тоже. Это зверь задел своими каменными когтями по ступеням лестницы, пытаясь встать на ноги.

Неожиданно Нэймали втянула в себя воздух, приблизила нос к отверстию скважины и снова сделала глубокий вдох. Потом она сказала:

— Знакомый запах. Это аромат богов. Священная комната, где совершают богослужения, и правда где-то совсем близко. Только нам от этого не легче — все равно как если б она была за тысячи миль отсюда.

Измаил принюхался, но ничего не почувствовал. Ему не довелось с детства вдыхать аромат святости, и потому у него не было такого натренированного носа. А если он в ближайшее время не разгадает один секрет — не узнает, как войти в соседнюю комнату, — он лишится и кое-чего поважнее носа.

Измаил прислушался, но с другой стороны стены было тихо. Он распорядился снова зажечь один из факелов. Пламя вспыхнуло, заставив его зажмуриться; потом он взял факел и осветил одну из скважин. Начав с правого верхнего угла, он обследовал скважины изнутри одну за другой, пытаясь найти какое-нибудь отличие в оттенке камня, какой-нибудь намек, пусть даже самый слабый, на полость в стене, в которую вставлена плита, — что-нибудь такое, что хоть чуть-чуть показалось бы подозрительным. Но ничего такого не было.

Он повернулся спиной к стене и начал подробнейшим образом исследовать стены, пол и потолок рядом с ней.

Занимаясь этим, он услышал легкий скрип; Измаил в смятении обернулся. Крашвани, матрос, у которого был кисет с порошком для тушения факелов, потянулся за его светильником. И тут Нэймали сказала:

— Стена сдвигается!

Она была права. Стена не повернулась вокруг вертикальной оси, как он ожидал. Она вращалась, держась на горизонтальном стержне, — ее нижняя часть поползла вверх.

Измаил возблагодарил всех известных ему богов, не забыв и Йоджо, черного божка Квикега, за то, что в храме в это время не было бурагангцев.

Не успел низ стены подняться на полтора фута, как Измаил лег на пол и проскользнул под ней. Остальные последовали за ним, и весь отряд оказался в комнатке по ту сторону стены гораздо раньше, чем плита, которая двигалась весьма неторопливо, перевернулась другой стороной, снова закрыв вход.

— Отчего она повернулась? — спросила Нэймали.

— Не знаю, — ответил ей Измаил. — Но у меня сильное подозрение, что поворотный механизм приводится в движение ярким светом, если он проникает в каждую скважину в определенной последовательности. А может быть, таких вариантов много, или же достаточно всего-навсего ярко осветить определенное число отверстий. Не знаю. Но я уверен, что секрет в том, что в скважинах есть что-то такое, что реагирует на свет факела. Возможно, свет вызывает химическую реакцию, сходную с...

Тут он прервался. В заларапамтранском наречии не было слов, которыми можно было бы описать научные открытия месье Дагерра* или профессора Драпера**. И потом, какая разница, каким образом ему случайно удалось справиться с этим замком, — главное, что удалось.

— Нам помогает Зумашмарт! — сказала Нэймали. — Он знает, что мы пришли к нему, несмотря на ужасные опасности, и в награду за нашу преданность он указал нам путь!

— С таким объяснением не поспоришь, — согласился Измаил.

Он послал двух мужчин на разведку в коридор налево, а остальных повел по коридору с противоположной стороны. Это был совсем короткий наклонный проход, который вел в обширную комнату, вырубленную в зеленоватой скале, прочерченной красными жилками. Повсюду горели факелы, а сладкий и пьянящий аромат богов был очень силен.

Измаил осторожно высунул из-за угла голову.

* Луи Жак Манде Дагерр (1787—1851) — французский физик и художник. Изобретатель дагерротипа — специально обработанной металлической пластиинки, ставшей прототипом современных фотопленок. Доклад об этом изобретении был сделан в 1822 г. на заседании французской Академии Наук.

** Джон Уильям Драпер (1811—1882) — американский ученый, бывший профессором химии и медицины в университете Нью-Йорка. Автор важных работ в области фотохимии, один из основателей фотографии.

Там были сотни алтарей, вырезанных из камня; в своих жилищах, похожих на морские раковины, на корточках сидели боги: большой и множество маленьких.

В дальнем конце комнаты, наверное в полусотне ярдов от него, был расположен самый большой алтарь. На нем сидел самый большой идол из всех, которых он когда-либо видел, хотя, надо признать, что до сих пор его опыт общения с богами ограничивался знакомством с божками китобойных судов.

Этот бог был примерно два с половиной фута высотой, цвета слоновой кости с красными, черными и зелеными прожилками, многорукий и двухголовый. То был Кашмангаи, великий бог бурагангцев.

В комнате находилась дюжина жрецов, одетых в рясы. Троє из них снова и снова преклоняли колени перед Кашмангаи. Остальные смахивали с богов пыль мягкими опахалами или подметали пол метелками из перьев.

Измаил отступил назад; от этого движения у него немного закружилась голова. Даже на расстоянии запах был настолько сильным, что он слегка опьянял.

— Ты должна показать нам Зумашарту и младших богов, — сказал он Нэймали.

Выглянув из-за угла, она с минуту осматривала комнату, а потом сказала:

— Они на алтарях возле вон того большого — Кашмангаи.

Вернулись двое разведчиков. Они дошли по коридору до того места, где он пересекался с другим. Дальше они идти не осмелились, поняв, что рядом много народа.

— По тому коридору, наверное, часто ходят люди, — сказал Измаил. — Так что надо действовать быстро.

Он объяснил каждому его задачу. Лучники натянули стрелой тетиву и выступили в комнату. За ними шли остальные, и весь отряд быстро продвинулся вперед. Они хотели подойти к жрецам как можно ближе, пока те их не заметили. Лучники получили приказ стрелять в тех жрецов, которые стояли дальше всех.

Троица перед алтарем все еще кланялась. Люди с метлами и опахалами стояли к ним спиной. Измаил был всего в двадцати футах от жреца, стоявшего ко входу ближе всех, когда тот обернулся и увидел пришельцев.

Он выпучил глаза, открыл рот и посерел лицом.

Измаил взмахнул копьем, которое он одолжил у одного из своих воинов. Наконечник попал жрецу прямо в открытый рот, пронзив горло. Захрипев, он с грохотом свалился на алтарь, ударившись о маленького идола.

Запела тетива на луках; стрелы полетели вперед и вонзились в спины тех троих, что стояли перед Зумашартой.

Оставшихся жрецов тоже сразили стрелы и копья. Никто из них не успел даже вскрикнуть.

Большинство жрецов были мертвы; те, кто еще дышал, лежали без сознания, обреченные умереть, так и не прия в чувство. Им перерезали глотки, а тела спрятали за многочисленными алтарями.

Измаил вместе с Нэймали направился к алтарю, куда бурагангцы поставили Зумашмарту и других, меньших богов, которых они погенили. Великий бог был высотой в полтора фута; у него была голова с двумя толстощекими физиономиями, как у Януса. Он сидел, скрестив ноги, положив одну руку на колени; другую он поднял кверху, сжимая в ней трость с зазубринами, изображавшую молнию. Младшие боги были ростом около фу та. Все они источали всепроникающий сладкий дурман и не преодолимо пьянящий аромат.

Сейчас Измаил чувствовал себя так, словно выпил четыре стакана неразбавленного рома.

— Надо поскорей отсюда уходить, — сказал он Нэймали. — Иначе вам придется вести меня под руки. На тебя что, не действует?

— Ну да, я чувствую большой подъем и легкое головокру жение, — сказала она. — Но я привыкла к испарениям богов, так что я могу долго оставаться трезвой.

Все же Измаил не понимал, как это жрецы выносят этот запах. Потом ему пришло в голову, что они — как портовые пьяницы, которые продолжают пить, когда все собутыльники уже лежат под столом, а потом, пошатываясь, выходят на улицу и при этом все еще сохраняют способность достаточно члено раздельно выпрашивать деньги на очередную порцию выпивки.

Малых богов и Зумашмарту сложили в кожаные мешки, почти не пропускавшие их запах. Измаил, убедившись, что они выполнили свою главную задачу, дал приказ возвращаться.

Но Нэймали сказала:

— Нет, нам еще надо украсть Кашмангай и унести его с собой.

— Чтобы бурагангцы нам потом отомстили? — спросил Из маил. — Хочешь, чтобы кровопролитие никогда не кончилось?

— Богов всегда воровали — что тут такого, — удивилась Нэймали.

— Может, просто сбросить этого Кашмангай в мертвое море да и забыть о нем?

— Ему это не понравится, — ответила Нэймали. — Он не успокоится, пока не увидит, что от нашего города вообще ничего не осталось. А пока он у нас в плену, часть его могущества перейдет к нам, и...

Не в силах ее убедить, Измаил начал было возмущенно жестикулировать, когда вбежали разведчики, которые дежурили в коридоре.

— Нам пришлось убить двух жрецов, — сказал один из них. — Хотели застать их врасплох, да не вышло. Один из них перед смертью успел позвать на помощь, и в дальнем конце прохода теперь поднялась суматоха.

Кашмангаи запихнули в мешок, и отряд тронулся в обратный путь по направлению к коридору. Но когда они вошли в него, они увидали, что по проходу им навстречу движется толпа жрецов и несколько людей с оружием. У некоторых были луки.

Измаил выхватил у одного из своих людей факел и побежал вниз по короткому лестничному пролету, который вел к стене со скважинами. Он провел факелом взад и вперед по прямой, осветив каждую скважину в той же последовательности, что и в первый раз. Раздался скрип, и нижняя часть стены начала подниматься.

Увидев это, приближившиеся бурагангцы громко закричали, и вперед выскочили двое лучников. Они натянули тетивы, но оба упали, не успев пустить стрелу. Стрелки Измаила оказались проворнее.

При виде этого вся вражеская ватага, издав воинский клич, бросилась вперед. В следующий миг под градом стрел упали те, кто был в первых рядах нападавших, потом — те, кто шел сразу за ними, а шедшие сзади падали, спотыкаясь о тела убитых. Измаил первым нырнул под стену, за ним — Нэймали с мешком, в котором был Зумашмарт. За ней следовал матрос, несший младших богов, а по его пятам шел его товарищ, тащивший Кашмангаи. Оставшиеся последовали за ними, быстро подкатившись под поднимавшуюся стену.

Стена повернулась на 180 градусов, и Ашагримийу, последнего матроса, полезшего в щель под стеной, придавило краем ее опускавшейся части. Он закричал; двое мужчин схватили его за руки и потащили вперед. Но было уже поздно. Стена, неумолимо опускаясь, сломала ему хребет и продолжала вдавливать его в пол. Потом она остановилась, оставив-таки щель шириной в несколько дюймов.

Враги стали кромсать тело, стараясь разрезать его на две части, чтобы стена смогла повернуться до конца. После этого они могли бы снова открыть проход с помощью факелов.

Двое лучников Измаила выстрелили сквозь скважины, и хотя стрелы пошли немного вверх, они поразили двоих неприятелей. Вражеский стрелок по ту сторону стены лег на пол и послал стрелу в нижнюю щель. Один из людей Измаила упал —

стрела попала ему в лодыжку, — и бог, которого он нес, гулко ударился о каменный пол.

Не успел раненый матрос встать, как ему в шею воткнулась пика, брошенная из-под стены, и он отдал концы.

Измаил крикнул своим людям, чтобы они отступали. Оставаться здесь означало понапрасну терять людей и время. Гвалт снаружи становился все громче. Было ясно, что теперь на ноги подняли не только служителей храма, но, насколько он понимал, и всех жителей города. Даже если преследователи не смогут снова повернуть стену, его отряд может оказаться отрезанным от своих, когда спустится к лодкам. Вряд ли бурагангцам понадобится много времени, чтобы понять, что незваные гости пробрались с нижней стороны уступа. И тогда они вышлют корабли и лодки, чтобы они обогнули уступ и перекрыли выход из шахты. К тому же они могут послать свои корабли за пределы города на поиски судна, высадившего десант, и сопровождавших его кораблей поддержки.

Измаил надеялся только на то, что им удастся сесть в лодки до того, как воины наверху уступа разберутся, что к чему.

Он стал спускаться по лестнице первым, держа в руке факел. Нэймали упала и пролетела половину лестницы, не выпуская из рук мешок с богом; покатившись навстречу каменному зверю, она закричала.

Чудовище каким-то образом умудрилось перевернуться и встать на ноги. Теперь оно снова карабкалось вверх, упираясь задними лапами о пятую ступень снизу. Увидев падающую Нэймали, оно резко вытянуло шею вперед и раздвинуло челюсти. Мешок с богом Зумашмартой пролетел вперед, подпрыгнул от удара вверх и очутился прямо в пасти каменного зверя.

Измаил прыгнул вниз к Нэймали, которая не докатилась до зверя, но лежала так близко к нему, что еще чуть-чуть, и он бы до нее дотянулся и затащил девушку наверх. Вроде бы Нэймали была цела и невредима, если не считать того, что она до крови содрала кожу на лбу, руках и коленях.

Зумашмарты исчез в пасти зверя, когда тот сомкнул свои челюсти, но теперь он снова их разомкнул. Статуя застряла у него в глотке, в самом ее начале.

— Надо спасти великого бога! — завопила Нэймали, чуть не плача.

Измаил отреагировал на это спокойно. Их положение было очень опасным, но в то же время настолько нелепым, что ему даже не хотелось ругаться.

— Мне кажется, твой бог не хочет уходить, — сказал он. — Иначе он не вел бы себя так странно.

Сверху, из коридора над лестницей, слышались вопли и проклятия жрецов. Они резали тело, чтобы стена могла опуститься, а потом снова подняться.

За ним молча стояли оставшиеся в живых члены его отряда.

Впереди был зверь, который проглотил божество, но тем не менее не выказывал никаких признаков духовного преображения или желания причаститься чем-нибудь помимо человеческой плоти.

А вокруг него был всепроникающий, благовонный и пьянящий аромат.

Еще немного, и каменный зверь начнет двоиться у Измаила в глазах. Тут с одним бы справиться...

Вдруг он заметил, что тела Каркри уже нет. От него не осталось ничего, кроме потеков высохшей крови на ступенях. Зверь, наверное, проглотил его без всяких усилий.

Измаил скомандовал идти дальше и, шатаясь, стал спускаться по лестнице, один раз он споткнулся и чуть не упал. Огромная голова с немигающими мертвыми глазами качнулась к нему, а шея втянулась, словно приготовившись к броску.

Тем не менее зверь не стал нападать, и Измаил благополучно прошел мимо него.

За ним последовала Нэймали; она все никак не могла смириться с тем, что они не спасли Зумашмарту.

— Я не хочу оставаться без руки, сунув ее в пасть чудовища, — нового Тюра* из меня не выйдет! — сказал Измаил. Этой аллегории она, естественно, не поняла.

— Ты права! — закричал он, перестав сдерживаться. — Если мы пойдем дальше, мы останемся без твоего бога! Но если мы останемся здесь и попытаемся выскрести его оттуда, мы дождемся того, что сюда придут бураганги! И убьют нас! Что лучше: умереть вместе с твоим богом или жить без него?

— Ну почему это случилось с ним, а не с Кашмангай? — причитала она, всхлипывая.

Один из матросов, шедших позади, крикнул:

— Зверь проглотил Зумашмарту! Теперь он у него внутри!

Измаил обернулся. Все, кроме трех человек, уже миновали чудовище. Эти трое стояли на лестнице, не решаясь идти дальше, ибо пасть зверя была широко открыта, а вытянутая шея раскачивалась взад-вперед.

Вряд ли им удастся обойти зверя без потерь. Первому придется пожертвовать собой ради остальных.

---

* Тюр — бог в скандинавской мифологии, положивший руку в пасть великого волка Фенриса. (Примеч. ред.)

— Стойте! — сказал Измаил. Он выхватил мешок с Кашмангаи у того, кто его нес, и кинул его через голову зверя человеку, стоявшему на лестнице впереди других.

— Швырни мешок ему в пасть и беги вниз! — крикнул он.

— Нет! — взвизгнула Нэймали. — Нельзя, чтобы мы потеряли и его тоже!

— Кидай! — сказал Измаил. — Не тяни время!

Матрос — его звали Пункраджи — взял мешок за горловину, размахнулся, и бог оказался зажат между огромными челюстями. Троє мужчин стали протискиваться мимо зверя. В этот момент, словно его осенила мысль, перед тем долго бродившая в его гранитных мозгах, зверь сдвинул с места свои массивные лапы и подался в сторону. Его панцирь настиг последнего из тех, кто спускался по лестнице, и вдавил его в стену.

— Мы можем вернуться сюда в другой раз, убить зверя и извлечь из него этих двух богов, — сказал Измаил. — Бурагангцы ведь не знают, что они внутри одного из стражей.

— Мы потерпели поражение! — сказала Нэймали. — Все наши подвиги оказались ни к чему!

— Ну почему поражение? Просто не сделали того, что хотели, — ответил Измаил. — Зато теперь нам известно то, чего не знают наши враги. Потом мы незаметно вернемся и воспользуемся нашими знаниями.

На самом деле он в это не верил: было маловероятно, что, после всего что случилось, вентиляционные шахты оставят открытыми и не будут охранять. Но ведь в город можно проникнуть и другим путем.

Они поспешили вошли в подземелье, в котором жили твари, державшиеся на потолке с помощью присосок. Люди ринулись к противоположному входу, прикрыв свободной рукой горло; факелы рассеивали тьму впереди, но сзади них мрак опять гушился. Трупов Памкамши и тех двух тварей, что они убили, не было: то ли их уташили наверх и съели, то ли отряд просто прошел мимо. Во всяком случае, во время своего поспешного отступления они не заметили ничего, что напоминало бы о погибших.

На них напали, когда они добрались до середины комнаты. Щупальца падали на них, обвиваясь вокруг шеи; они свешивались даже там, где никого не было.

Измаил ткнул факелом в щупальце, сжавшее в объятиях его шею и руку, и оно убралось восвояси.

Нэймали резанула щупальце, сдавившее ее шею, ножом. Четыре яростных удара рассекли тугие мускулы под кожей до половины, и щупальце свернулось, отпрянув вверх, в темноту.

Другие прижигали щупальца факелами; запахло горелым мясом.

Борьба продолжалась меньше минуты. Щупальца больше не нападали: на этот раз обошлось без потерь.

Как только они побежали дальше, сзади послышался крик. Измаил обернулся на бегу и увидел, что в дверном проеме позади них пылают факелы. Бурагангам удалось справиться со стеной.

— Бежим! — крикнул Измаил, повернувшись вперед и прибавив скорости.

Они остановились, добежав до противоположного входа, закрытого заново сплетенной паутиной. Судя по движениям вражеских факелов, люди сражались со щупальцами. Измаил приказал лучникам стрелять в преследователей, которые, отражая нападение щупалец, сбились в кучу; четверо из них упали. Следующий залп поразил еще четверых, и враги в испуге побежали назад, ко входу. Не добежав до него, они повернули обратно и снова бросились навстречу отряду Измаила, пронзительно вопя. Один из факелов на мгновение осветил серого каменного зверя, который протискивался сквозь узкое отверстие, царапая панцирем каменные стены. Очевидно, до сих пор он заглатывал второго бога, а теперь решил полакомиться простыми смертными.

Прорываясь сквозь паутину, Измаил представил себе, какая грандиозная битва может произойти между тварями, снабженными щупальцами и присосками, и каменным зверем. Интересно, что заставило зверя прорваться сквозь дверной проем, перед которым он наверняка всегда останавливался, не в силах покинуть свой тесный коридор? Может быть, его тоже одурманил аромат двух могущественных богов, приведя в беспорядок каменно-тяжелые мысли в его кремнистой башке?

Так же быстро отряд двинулся через комнату, населенную круглыми шестиногими существами. Одна за другой с тридцати-секундными интервалами они падали вниз, раскачиваясь на своих нитях-паутинках. Но вреда от этого не было никому, кроме них самих. Их жгли факелами, отсекали ножами их конечности или срезали нить у них за спиной. Вскоре люди оказались у отверстия вентиляционной шахты, через которую они попали в эти негостеприимные катакомбы.

Пока трое стрелков стояли на страже — у каждого осталось всего по три стрелы, — остальные стали спускаться в шахту. Это заняло много времени, поскольку одновременно люди могли садиться только в одну лодку, а потом ее матросам приходилось проталкивать эту лодку в сторону, лежа на спине. Потом под отверстие шахты подводили еще одну лодку, и в нее

садились еще матросы. Они толкали под отверстие следующую лодку.

Измаил, как и подобает капитану, спустился только после того, как погрузились все остальные. Он думал, что преследователи появятся задолго до того, как наполнится людьми самая первая лодка. Но что-то их остановило. Их было не видно и не слышно: он мог лишь предполагать, что они задержались, сражаясь с каменным зверем, и в это время на них напали твари со щупальцами.

Как только лодки стали одна за другой уходить, с шипением выпуская газ из пузырей, Измаил бросил через борт сигнальную шашку. Падая, она оставила за собой дымный след в виде пологой дуги, а потом взорвалась, вспыхнув на несколько секунд ярко-белым светом.

Через минуту такой же белый огонек загорелся в небе в нескольких милях к востоку. Первый помощник на «Руланге» увидел световой сигнал под уступом. Он прикрепил свой осветительный патрон к небольшому пузырю и зажег запал. Когда сигнальный пузырь взлетел на тысячу футов вверх, патрон со сжатым газом взорвал заряд пороха, сделанного из перемолотых растений.

Теперь «Руланге» надо было подняться вверх и подобрать их, а большие корабли, повисшие высоко над городом, должны были быстро снизиться.

Лодки вынырнули из-под уступа. На его краю над ними мерцали огоньки. Пока суденышко удалялось от города, ряд огньков у них на глазах соскользнул вниз.

В городе забили тревогу, и высленные на перехват небольшие лодки огибли скальный выступ, чтобы пробраться вниз, под него.

Неожиданно лодку подхватил слабый ветерок. Матросы прекратили утечку газа, поставили и закрепили мачты. Потом повернули и закрепили реи, поставили паруса. Ночь была безлунной, но на «Руланге» не было огней. Они договорились, что корабль встретит их в определенном месте и на условленной высоте после того, как будет дан первый световой сигнал. «Руланга», медленно набирая высоту, некоторое время будет, как и они, идти круто к ветру на северо-восток. Потом она сделает поворот в надежде, что, двигаясь на северо-запад, она приблизится к лодкам настолько, что их можно будет увидеть. После этого у большого корабля почти не останется пространства для маневра. Ему придется сделать поворот и снова идти в крутой бейдинг.

Измаил наблюдал за огнями первого судна, покинувшего обширное темное пятно, — так выглядел сверху город Бурганга. Если лодка будет следовать тем же курсом, она может

столкнуться с «Рулангой». Он посмотрел вверх, но пока, разумеется, заларапамтранского флота не было видно. Корабли будут невидимы, пока не взойдет луна, — когда это произойдет, они будут над самым городом. Если верить песочным часам, луна должна выйти из-за горизонта примерно через двадцать минут.

Прошло десять минут. Измаил, вглядываясь в темноту. Случайно посмотрев назад и вверх, он увидел еще три цепочки огней. Рядом в поисках похитителей своих богов крейсировали четыре судна. Наверняка были и другие, стоявшие наготове в доках и ждавшие только сигнала о том, что нужна помощь, чтобы отчалить.

Минуло еще пять минут.

— Где же «Руланга»? — пробормотал Измаил и тут же увидел неясные очертания большого корабля. Он плыл на северо-запад, в то время как лодки шли встречным курсом на юго-восток.

Измаил быстро отдал приказ. Один из матросов открыл задвижку с одной стороны клетки-фонаря со светляками. Свет был не очень ярким, но они уже подошли достаточно близко к кораблю. Минутой позже тусклый огонек подмигнул им в ответ. После обмена сигналами суда стали маневрировать таким образом, чтобы корабль мог взять лодки на борт.

Не успела первая лодка встать в свое гнездо, как взошла луна. Через несколько минут высоко в небе загорелся белый огонек — это был сигнал одного из бурагангских кораблей. Цепочки огней стали поворачивать по направлению к «Руланге», и очень скоро при лунном сиянии корабли стали хорошо видны. «Руланга» продолжала идти прежним курсом на северо-запад, пока не подобрала все лодки. Потом она стала разворачиваться, подставив нос ветру, пока не легла на курс, встречный по отношению к четырем воздушным кораблям.

Когда до предполагаемого места встречи осталось всего полмили, «Руланга» снова сменила курс — матросы при этом работали до седьмого пота, то ставя, то убирая паруса, — и резво побежала вперед при восточном ветре.

Посмотрев назад, Измаил увидел огни еще четырех судов, вышедших из щелей на краю огромного уступа. А затем он увидел темный силуэт, быстро снижавшийся над городом, — такой маленький, что если бы не луна, его не было бы видно. Это был гигантский брандер — «Бубаранг». На нем не должно было быть никого, кроме нескольких человек на мостике, которые направляли корабль так, чтобы он снижался прямо над центром города. Через минуту-другую люди на мостике сядут в лодку и унесутся прочь. Сразу после этого запалы в разных концах корабля подожгут горючее масло и слабую взрывчатую

смесь, полученную из корней травянистых растений, — ими были заполнены все трюмы.

И тогда...

Вот оно!

Пламя рвалось все выше и выше, пылая столь неистово, что даже на таком расстоянии Измаил видел судно совершенно четко. Оно стало падать быстрее, когда от жара лопнула оболочка пузырей и из них вышел весь газ. Языки пламени осветили город, который казался Измаилу сплошной темной маской. Однако ему было известно, что там, на площади около трех квадратных миль располагались непрочные дома, мостки и склады; они составляли два яруса, державшихся в воздухе на тысячах газовых пузырей. Там жили и работали большинство горожан, — их дома были зажорены на земле, но постоянные колебания почвы там почти не чувствовались. Огромная сигара падала на центр города: легкие конструкции из дерева и кожи вспыхнут, как порох, и огонь быстро распространится повсюду.

Судно упало. Его пылающие обломки разлетелись далеко в стороны, а остов провалился сквозь дома и мостки обоих ярусов и врезался в скалу. Огонь распространялся даже быстрее, чем Измаил предвидел. В течение нескольких минут большая часть центра была сожжена.

С корабля зрелище казалось красивым. Но Измаил представлял себе, как в горящих домах с воплями мечутся женщины, дети, мужчины; как убегают от огня те, кого он еще не настиг. От этих мыслей ему стало нехорошо. Он напомнил себе о том, что эти люди заманили кахамвуду во вражеский город, чтобы уничтожить его. Что они истребили бы последних жителей Заларапамтры, если бы узнали, что в первый раз им не удалось убить их всех. Но все равно он не мог оставаться равнодушным к тому, что творилось в городе, полыхавшем вдали, как огненный цветок. Тем более он не испытывал радости, как его товарищи из Заларапамтры.

При свете пожара он увидел, что из щелей на краю утеса выскоцнуло еще пять кораблей. Враги пытались вывести из города все свои корабли, пока они тоже не сгорели. В небо наверняка поднялся и целый рой маленьких лодок, тоже пытающихся спастись.

В тот момент другие заларапамтранские корабли были освещены языками пламени, поднимавшимися все выше. Они быстро снижались, направляясь к окраинам города. Прошло несколько минут, и там, где они пролетели, вспыхнули новые пожары. Они сбросили на периферийные районы зажигательные бомбы.

Внезапно загорелся один из бурагангских кораблей, выходивших из дока. Заларапамтранское судно, пролетевшее над ним, сбросило на него бомбу. Оно полетело дальше, прочь из города, а горящий корабль стал снижаться, потом переломился надвое, и оба обломка одновременно упали на передний склон горы.

Нэймали вдруг схватила Измаила за руку, показав куда-то в сторону. Измаил оглянулся и при свете луны увидел по правому борту десять маленьких точек.

— Должно быть, это возвращаются бурагангские китобойцы или военные корабли, — сказала она.

— Пора уносить ноги, — отозвался Измаил. — Мы уже навредили им, как могли.

Он сказал это старшему помощнику, который передал его распоряжение. Сразу после этого с палубы «Руланги» взлетел небольшой пузырь с сигнальной шашкой. Вскоре в тысяче футов над ними вспыхнул белый огонь. Суда, бороздившие небо над городом, повернули к «Руланге». Флагман продолжал идти навстречу вражеским кораблям. Лунный свет был таким ярким, что Измаил разглядел, что с кораблей спустили две дюжины военных катеров. Это были быстроходные, обтекаемые суденышки с командой примерно из восьми человек. Они собирались остановить «Рулангу» и взять ее на абордаж, в то время как корабль-матка попытается легонько ударить «Рулангу» в борт. Идти на таран было рискованным делом — оно требовало большого искусства. Если удар окажется слишком сильным, могут разбиться оба корабля; если он будет слишком слабым, то оба судна все равно получат легкие повреждения, но предполагаемая жертва сможет ускользнуть. К тому же, если таран окажется неудачным, нападающие могут сами стать жертвами.

Измаила не интересовали эти военные хитрости, граничащие с самоубийством. Ну что можно было сделать в такой ситуации? Оставалось ждать, когда абордажные катера, более быстроходные, чем большой корабль, подойдут к борту и бросят свои гарпуны. Некоторые из этих острог пронзили тонкую обшивку, некоторые просто упали на палубу, а другие зацепились зазубренными наконечниками за леера или проткнули газовые пузыри. Газ сразу начал выходить наружу, и корабли стали снижаться. Матросы поспешили перерезать концы абордажных гарпунов, смазать пробитую обшивку клейкой смесью и поверх нее наложить заплаты.

Между тем с катеров полетели новые гарпуны, а сами они с размаху ударились о борта корабля; их матросы прорубили дыры в обшивке и полезли внутрь.

Корабль-матка снизился вслед за кораблем противника, но «Руланга» падала быстрее, так что бурагангское судно прошло прямо над ней, чуть-чуть не задев днищем ее верхней палубы. Ее огромная рулевая лопасть все же ударила о ют «Руланги» возле мостика, прорвав огромную дыру в обшивке. Но и сам руль оказался серьезно поврежден.

«Руланга» продолжала идти тем же курсом, проскользнув между двумя неприятельскими кораблями, которые, упустив ее, чуть не столкнулись между собой. К «Руланге» пришвартовались новые катера, но стрелы ее лучников настигали нападающих, и те, кто остался в живых, карабкались обратно на свои суда. Без поддержки корабля-матки, который должен был протаранить «Рулангу», им не было смысла продолжать атаку.

Вражеские суда повернули и пошли в крутой бейдевинд, а «Руланга» стала приводиться к ветру. Вскоре — благо что еще оставалось время до захода луны — «Руланга» закончила поворот и резво побежала вперед. Другие заларапамтранские корабли вытянулись за флагманом на расстояние в милю. Вражеские суда, вышедшие из города, снова повернули и пошли в бакштаг, но у них было мало шансов быстро догнать заларапамтранцев. Флот, приближавшийся к городу, просигналил им фонарями и сменил курс, чтобы перехватить противника.

Хотя интервенты летели не налегке — у них был груз загигательных бомб, которые они не успели сбросить, — отрыв был слишком велик. Сумеют ли они сохранить эту дистанцию, зависело от ветра и удачи. Измаил не велел сбрасывать бомбы, хотя они и замедляли ход кораблей. Он считал, что они еще могут пригодиться: он хотел узнать, на что способно это оружие.

Ночь не кончалась. Луна закатилась за западный горизонт, и снова стало темно. Во мраке горели лишь огни обоих флотов, бегущие над землей. Измаил успел три раза поспать. Луна восходила уже шесть раз, освещая корабли преследуемых и преследователей. Взошло зловеще-красное солнце — расстояние между флотами сократилось так незначительно, что Измаилу не о чем было беспокоиться.

За это время были заделаны пробоины в корпусе. Три раза корабли проплывали сквозь красные облака криля, собирая раков в огромных количествах, чтобы пополнить запасы провизии на камбузе и накормить животных-пузырей. Приток газа позволил заларапамтранскому флоту подняться вверх примерно на двенадцать миль над землей. Бураганги последовали их примеру, и потом, мучительно медленно сокращая расстояние между собой и интервентами, они продолжали набирать высоту.

ту. Под конец второго дня их корабли летели примерно на шесть тысяч футов выше, чем те, кого они преследовали.

Однако воздух на такой высоте был менее плотным, и они стали терять скорость. Бураганцы рассчитывали воспользоваться воздушными течениями, более быстрыми, чем внизу, но в этот раз им не повезло. Поэтому они опять снизились, оказавшись примерно на двести футов ниже заларапамтранских кораблей.

Первый помощник сказал, что, по его мнению, их догонят еще до наступления следующего дня.

— На это я и рассчитываю, — ответил Измаил. — Я как раз и хотел позволить им медленно к нам приблизиться. Если бы мы убрали часть парусов, они бы заподозрили что-то неладное и начали осторожничать. А мне надо, чтоб они подошли смело и самоуверенно. Их численное превосходство так велико, что они, должно быть, уверены в своей победе.

Пунджаки был посвящен в планы Измаила, но, полагаясь на свою интуицию воздухоплавателя, не очень-то им доверял. Его отцы сражались в воздухе по-другому. Однако он промолчал. Негоже было спорить с человеком, который сумел проникнуть во вражескую твердыню и выкрад оттуда богов, — правда, потом он их потерял, — а потом сумел разрушить город изобретенным им же оружием.

Предсказание Пунджаки было не совсем точным, но все же было недалеко от истины. Бураганцы не настигли их до конца ночи. Через час после того как взошло красное солнце, первый корабль их эскадры оказался над судном, замыкающим строй заларапамтранцев. Тогда на все корабли передали приказ Измаила, чтобы они убавили парусов и выстроились во фронт. Маневр был выполнен достаточно быстро, хотя линия получилась более рваной, чем ему хотелось бы.

Через минуту после того как корабли построились согласно его приказу и сразу после того, как вражеский флагман оказался над выбранным им заларапамтранским кораблем, Измаилу доложили о том, что дело приняло новый оборот.

Матрос, который докладывал ему об этом, был очень напуган. Но не предстоящим сражением, а тем, что он увидел прямо по курсу.

Измаил обернулся и увидел впереди огромную красноватую массу, плывущую по небу за много миль от них.

— Это и есть Багряный Зверь Жалящей Смерти? — спросил он. — Ты уверен?

— Это он, — сказала Нэймали, обращаясь к матросу. Она тоже расширила глаза и побледнела.

Было ясно, что и враги тоже его увидели. Флагманский корабль покинул свою позицию над другим кораблем и отступил, убавив для этого парусов.

— Наверное, это тот самый Зверь, который погубил мой народ, — сказала Нэймали.

Она только предполагала, но это действительно вполне могла оказаться та самая тварь. К счастью для людей, их было очень мало, и, если верить тому, что рассказывали жители Заларапамтры, передвигались они медленно. Они часто опускались к земле и питались жившими там животными. Возможно, этот Зверь делал это недавно, — он летел всего в шести тысячах футов над землей, хотя и набирая высоту.

Измаил долго стоял неподвижно, размышляя. Пунджаки мерил шагами палубу, искоса поглядывая на Измаила. Без сомнения, он недоумевал, почему тот не командует смену курса.

— Значит, бурагангцы заманили Зверя в Заларапамтру, — сказал Измаил. — Они играли в очень опасную игру, — ведь Зверь не только неимоверно велик и тяжел, но может быть и очень быстр. Он ведь может передвигаться с помощью взрывов, так?

— Так, джугнайя, — ответил Пунджаки. — Кроме того, у каҳамвуду на теле есть лопасти, которые он может превращать в паруса. Тогда у него появляются словно бы тысячи и тысячи парусов. А если он подойдет достаточно близко к кораблю, он выбрасывает щупальца и они хватают корабль, тащат его к себе, а потом щупальца ловят матросов, а потом...

— Ты все думаешь о том, что он может сделать с нами, — сказал Измаил. — Подумай лучше, что мы можем сделать с ним.

Измаил все не давал приказа менять курс. Почему — этого не осмеливались спросить ни Пунджаки, ни Нэймали, хотя им не терпелось узнать, что он задумал. Измаил наблюдал за неприятельским флотом позади них, который стал снижаться и разворачивался через фордевинд, чтобы уйти. Теперь поставили все паруса, и корабли снова пошли полным ходом. Очевидно, их адмирал решил, что заларапамтранская эскадра собирается обогнать Зверя почти вплотную к нему, надеясь, что их враги не осмелятся за ней последовать. Но бурагангцы все-таки решились на это, хотя наверняка очень боялись. Ведь они с малолетства наслушались страшных историй о Звере от своих бабушек и своими глазами видели, на что он способен, когда Зверь опустился на Заларапамтру. Кроме того, их китобойцы уже сталкивались с ним, и те немногие, кто остался жив, красочно рассказали остальным, чем это кончилось.

Прошел час. Теперь чудовище стало похоже на плавучий остров. Животное представляло собой неровный диск диаметром по крайней мере полторы мили и в три сотни футов толщиной. Измаилу показалось, что у него нет ни глаз, ни ушей, ни рта, но Нэймали заверила его, рот он скоро увидит. Тело имело пурпурный оттенок, а щупальца — большая их часть сейчас была свернута — были кроваво-красными. Щупальца у него были и сверху, и снизу. Его форма постоянно менялась: то здесь, то там на теле возникали впадины, а в других местах — вздутия.

— Он набирает высоту, но не очень быстро, — пробормотал Измаил. — Очевидно, ему все равно, снизу мы или сверху.

Он посмотрел назад. Жители Заларапамтры, должно быть, уже были близки к панике, с нетерпением ожидая, когда он сочтет, что больше приближаться не стоит, и скомандует поворот. Должно быть, они думали, что он хочет повернуть в такой момент, когда преследователи уже подвергнутся серьезной опасности, а им будет еще не поздно спастись от Зверя.

Напрасно они ждали от Измаила хоть каких-нибудь приказаний — ну хотя бы держаться прежнего курса. Последнее распоряжение действовало до тех пор, пока он не отменит его новым приказом.

Теперь уже стало очевидно, что, если корабли не сменят курса, они проплынут над Зверем на высоте двести футов. При той скорости, с какой Зверь поднимался вверх, он сможет схватить их корабли задолго до того, как они достигнут другого конца животного. Даже если суда добавят газа в свои пузыри, они не сумеют набрать высоту так быстро, как может Зверь. К тому же их адмирал и не думал приказывать, чтобы покормили животных-пузырей.

Было холодно, но Нэймали и Пунджаки вспотели. Рулевые, тоже бледные и все в поту, кусали губы. Измаил знал, что никто из них не струсит. Но они оказались в ситуации, в которую не попадали никогда раньше, — все их детские страхи выползли из подсознания наружу, словно вывернув душу наизнанку и пиликая по обнажившимся нервам зазубренным смычком.

Измаилу тоже приходилось нелегко. Это создание было самым настоящим небесным Krakеном, только гораздо более грозным и смертоносным. При виде его Измаил почувствовал, как из полуночных глубин его сознания поднялось что-то темное и страшное. Это был ночной кошмар, который не смеет явиться во плоти. Стоит только проснуться — и он исчезнет, как страшный сон, который кончается, как только очнется тот, кто его видит.

Но Зверь, казавшийся Измаилу порождением страшного сна, на деле был жителем этого кошмарного мира и состоял из крови и плоти.

Измаил вспомнил о том, как Ахав пытался «шестидюймовым лезвием достичнуть непомерных глубин китовой жизни»*. Или не так уж доверял он тому оружию, что несли в себе эти корабли, — ведь оно могло и не обладать той разрушительной силой, на которую он так рассчитывал? Вдруг это странное существо, о котором он знал так мало, окажется для него неуязвимым? Если он, Измаил, ошибся — значит, он отправил всех, кто ему доверился, на верную смерть.

Он посмотрел назад. Бурагангские корабли шли курсом бакштаг, по-видимому, собираясь двигаться галсами против ветра.

И тут Измаил вздрогнул, как и все, кто стоял на мостице, и, без сомнения, все матросы эскадры.

Чудовище сотряслось от серии громких взрывов. Его плоть раздвинулась, обнажив большие круглые отверстия с краями из какого-то твердого черного вещества, — все это очень напоминало пушечные жерла. Когда они с грохотом извергли дым и пламя, Зверь стремительно подался вправо. Потом снова раздался грохот и пошел дым — на сей раз из задней части Зверя, — и он быстро двинулсѧ вперед, навстречу ветру.

Обе эскадры находились над центральной частью чудовища.

Прогремели новые взрывы, и багровая масса с пугающей скоростью пошла вверх. Дыма и пламени Измаил не увидел, — они вырывались из нижней части Зверя. Он двигался вверх на реактивной тяге, как ракета.

Измаил не ожидал такой дьявольской скорости. Зверь был огромным, как море, и вздыпался вверх, как штормовая волна, — слепая в своем размахе, но от этого не менее смертоносная. Теперь Измаил видел, отчего корабли, намеренно или по оплошности дерзнувшие подойти к чудовищу слишком близко, так часто гибли. И понял, какой дорогой ценой пришлось оплатить свою военную удачу бурагангцам, заманившим Зверя во вражеский город.

Он выкрикнул очередной приказ, а Пунджаки передал его другим. Вспыхнули сигнальные огни; матросы повиновались, действием излечив напряжение ожидания. В днище кораблей открылись люки, и закипела работа: люди зажигали запалы и бросали бомбы вниз.

* Цитаты из романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» приведены в переводе И. Бернштейн (Москва, 1981).

Несмотря на это, Зверь начал разворачивать свои кроваво-красные щупальца. Они были бугристыми у основания: Измаил предполагал, что внутри этих шишек, неравномерно разбросанных по поверхности щупальца, заключены газовые пузыри. Это позволяло их нижней части разворачиваться по крайней мере на пятьдесят футов. Концы их по-прежнему были свернуты в ожидании момента, когда они смогут распрямиться, как пружина.

Измаил видел, как на вздымающуюся поверхность падают черные бомбы с красными угольками фитиляй, оставляя за собой струйку сероватого дыма. Первая из них опустилась на багровую кожу рядом с основанием щупальца. Она загорелась, а потом с негромким хлопком взорвалась. Когда рассеялся дым, в том месте, где упала бомба, стала видна большая дыра. Внутри Зверя оказалась огромная полость, которую в разных направлениях пересекали тонкие тяжи жил или мускулов. Из-под обрывка кожи торчал конец яйцевидного пузыря.

Измаил приказал выпустить еще газу из пузырей, чтобы корабль еще быстрее шел на сближение с чудовищем. Пунджаки передал его распоряжение, всем своим видом показывая, что у него развеялись последние сомнения в том, что Измаил выжил из ума.

Вторая бомба, взорвавшаяся на теле Зверя, была зажигательной. Горящее масло, брызнувшее из нее на кожу, прожгло ее и закапало внутрь. Переплетение тканей, темных артерий и вен — так определил эти тяжи Измаил — было выжжено дотла. Внезапно пламя перекинулось на пузырь. Пузырь взорвался, и та часть Зверя, что находилась прямо под ними, окуталась дымом и пламенем.

До сих пор Измаил не знал, каким газом Зверь наполнял свои пузыри. Этого не знал никто; все считали само собой разумеющимся, что этот газ негорюч, как тот, который содержали пузыри на кораблях.

Это открытие обрадовало Измаила не так сильно, как могло бы, потому что как раз в это время до корабля дотянулись первые щупальца. Они схватились за нижние мачты и их реи, пройдя внутрь через порты, в которых стояло несколько лодок. За ними сразу последовали новые. Их концы извивались вокруг корабля, не находя матросов, — все они попрятались еще до того, как щупальца приблизились к кораблю, — и обвились вокруг бимсов, перекладин, лееров и мачт.

Щупальца потащили корабль вниз. Дым от горящего Зверя проник сквозь прорехи в обшивке «Руланги» и вскоре заполнил все ее помещения. Откашливаясь и вытирая слезящиеся глаза, матросы катались по палубе; некоторые из них, спотыкаясь, полезли по трапам вверх.

Бомбардиры продолжали поджигать запалы и сбрасывать бомбы. Взрываясь, бомбы разбрызгивали масло во все стороны — брызги долетали даже до корабля. Однако огонь сжигал только кожу, а потом гас.

Неожиданно корабль взлетел вверх. Он рванулся к небу так неистово, что многие повалились на палубу, а тех, кто держался за трапы или леера недостаточно крепко, подбросило в воздух и выбросило за борт сквозь непрочную обшивку, — там, где она была.

Пламя выжгло основания щупалец, державших «Рулангу».

Наполовину освободившись от своего взрывчатого груза, «Руланга» стала значительно легче. Она продолжала подниматься, пока дым внутри ее не развеялся. Измаил увидел, что другие суда его эскадры тоже успели сбросить порядочное количество бомб. На теле Зверя образовались сотни горящих язв; как раз в тот момент когда Измаил окинул взглядом поле битвы, еще один газовый пузырь взорвался с такой силой, что корабль, летевший над ним, подбросило вверх. Взрывом вырвало щупальца, которые держали этот корабль, и он взмыл в небо.

Бураганский флот был в объятиях красных щупалец. Они тащили корабли вниз, и суда наполовину погружались во вздымавшуюся плоть Зверя. Их нижние мачты вонзались ему в тело, но его это, как видно, не смущало. Его щупальца проникали в каждую дырку на корабле, и некоторые из них разнесло вдребезги, когда Зверь разрядил свои «пушки». Другие щупальца копались в их обломках.

На корабли эскадры передали новый приказ Измаила. Он распорядился, чтобы те суда, которые освободились от хватки чудовища, снизились и помогли тем, кто попал в плен. Тем временем сама «Руланга» сменила галс и выпустила газ из пузырей, скользнув над «Мовкурри», одним из заларапамтранских судов, которое никак не могло вырваться из щупалец Зверя. Флагман продолжил бомбометание, и некоторые из бомб взорвались так близко от корабля, что его бимсы и палубные переходы разлетелись на части, а по обшивке побежало пламя. Зато «Мовкурри» избавился от хватки чудовища. Щупальца обмякли и соскользнули вниз: вначале задрался кверху нос судна, потом поднялась корма. Корабль был спасен.

Огромные пузыри взлетали на воздух один за другим. Один из взрывов прогремел совсем рядом с бураганским кораблем, освободив и его тоже. Накренившись, он взлетел вверх, а потом опрокинулся на бок. Его мачту, торчавшую с правого борта, снесло взрывом, и левая мачта перевесила. С высоты пятидесяти футов на Зверя посыпались фигурки людей, — когда ко-

рабль опрокинулся, многие матросы выпали за борт, не сумев удержаться.

Измаил не стал тратить бомбы на искалеченный корабль. Он был уже не опасен. Может быть, он и мог бы еще спустить лодки, но вряд ли их экипажу пришло бы в голову брать на бордаж вражеский корабль — тут бы ноги унести.

Измаил обернулся на крик Нэймали. Девушка смотрела на один из заларапамтранских кораблей, — он пролетал над разрывами пузырей совсем низко. Один из горящих газовых баллонов взлетел на воздух, ударившись о днище корабля. Пузырь словно прилип к корпусу, и пламя быстро побежало вверх. Когда сгорел один из корабельных пузырей, судно упало кормой вперед в разверзшуюся под ним геенну. Одной лодке удалось спастись, но лишь для того, чтобы стать добычей щупалец. Ее потащило вниз; лодка наклонилась, опрокинулась вверх дном, и из нее выпали матросы, не успевшие пристегнуть себя ремнями. Смерть настигла их лишь минутой раньше, чем тех, кто остался в вельботе. Лодка исчезла в клубах дыма и больше не показывалась.

Ветер на такой высоте дул со скоростью в двадцать узлов, но дым почти не рассеивался. С борта «Руланги» Зверя уже не было видно за темной завесой. Измаил сменил курс и опустился на сотню футов вниз: корабль наполнился дымом, сквозь который пробивались языки пламени, лизавшие бока судна. Не увидев ничего, кроме огня и дыма, он повел «Рулангу» круто к ветру на северо-запад. Когда он оказался с наветренной стороны от Зверя, его взору внезапно открылась картина происходящего. Над облаком дыма парили еще два заларапамтранских судна. Видимо, все остальные корабли эскадры погибли. Та же судьба постигла и весь бурагангский флот — по крайней мере, ни одного их корабля видно не было. Он увидел только двенадцать зеленых лодок — все, что осталось от вражеской эскадры.

— Зверь сейчас умрет! — воскликнула Нэймали. Она посмотрела на Измаила: — Вот это да! До тебя этого не мог никто, кроме Заларапамтры! Ты — бог.

— Да нет, я человек, — ответил он. — Каждый может убить своего Зверя, надо только знать, как делаются бомбы.

— Зверь еще жив! — раздался хриплый голос Пунджаки.

Он показал рукой вниз, и они увидели, как над облаком дыма взлетели вверх маленькие фрагменты огромного тела. Их держали в воздухе небольшие пузыри, и у каждого было по дюжине щупалец.

Умирая, Зверь словно распался на множество частей — и каждая из них была самостоятельным организмом. Они растопырили складки кожи по бокам, превратив их в паруса и бесформенные лопасти — импровизированные рули, и все как

один повернули к «Руланге». Видимо, это и были те маленькие животные, которые сопровождали Зверя.

Измаил приказал лучникам стрелять в этих тварей, целясь в их пузыри. Копейщикам было сказано метать копья. А сам Измаил решил подождать, оставив свое копье про запас.

Тroe из этих тварей оседлали нок-реи по правому борту и перебрались по ним на борт корабля. Все входы внутрь были перекрыты, но это их не остановило. Обвисшие складки кожи раздвинулись в стороны, обнаружив пасти, лишенные губ, зато снабженные тысячами треугольных зубов. Они грызли обшивку корпуса до тех пор, пока прочная, но тонкая оболочка не поддалась. Потом их багровые, пульсирующие тела — по ним, как по воде, то и дело пробегали волны — вытянулись, а щупальца проникли сквозь дыры, обвились вокруг бимсов и лееров. Подтянувшись на щупальцах, они проползли внутрь.

Щупальца обхватили матросов, вставших у них на пути; люди обрубали их ножами, но матросов хватали новые щупальца и влекли их, кричащих, ко рту, откусывая руки и головы.

Но те, кто подоспел на помощь, вонзали в пасть этим тварям пики и протыкали их пузыри, из которых сразу же выходил газ. Подбежали еще моряки с факелами, которые Измаил велел зажечь ради такого случая, и стали жечь ими щупальца. Змеевидные отростки горели и корчились в огне, а люди на этом не останавливались: они совали факелы мерзким тварям прямо в рот.

Внезапно три твари отступили. Они выползли из корабля наружу и бросились вниз, действуя так, словно пузыри их все еще были наполнены газом. Шевеля на лету щупальцами, они исчезли в облаке дыма, который все еще поднимался над огромным трупом Зверя.

Все новые куски Зверя, зажив самостоятельной жизнью, атаковали «Рулангу» в других местах ее длинного корпуса. Но и они получили отпор или были убиты — хотя и ценой человеческих жизней. Другие заларапамтранские корабли тоже избавились от своих кровожадных гостей.

— Надо подобрать бурагангцев, которые остались в лодках, — конечно, если они не будут сопротивляться, — сказал Измаил Пунджаки. — Мы сохраним им жизнь и отвезем обратно в Бураганг.

— Да ты с ума сошел! — закричала Нэймали. — Неужто схватка с ужасным Зверем совсем лишила тебя рассудка? Ты хочешь, чтобы мы пощадили этих убийц и отпустили их домой безнаказанными? Чтобы они снова расплодились и окрепли, а потом в один прекрасный день опять пришли в Заларапамтру и перебили нас всех до последнего?

— Я долго об этом думал, — пока они за нами гнались, у меня было много свободного времени, — ответил Измаил. — Жителей Заларапамтры осталось очень мало. И бурагангцев тоже очень немного, хотя и больше, чем вас. Сменится много поколений, прежде чем их станет столько же, сколько было. Оба народа будут воевать: и тех и других, может быть, снова захотят истребить на корню. И тот и другой город останутся беззащитными, когда их китобойцы уйдут в небо, потому что большая часть мужчин будет на кораблях.

Почему бы двум народам не объединиться? Что, если они решат жить вместе, как одна семья? Это будет новый народ, и он поселится в одном городе. Разве от этого не удвоются их шансы выжить? Разве...

— Это что-то неслыханное! — в один голос закричали Нэймали и Пунджаки.

— Вы о многом еще не слышали! — сказал Измаил. — Я ведь уже говорил вам вещи, которые вы слышали в первый раз! И еще скажу!

— А как же боги? — воскликнула Нэймали. — Что скажет об этом Зумашмарт? Разве он потерпит, чтобы Кашмангаи почитали так же, как его?

— У них теперь общее жилище и общая судьба: оба они пребывают в животе у каменного зверя, — сказал Измаил, улыбнувшись. — Теперь, наверное, каменный зверь стал величайшим из богов — ведь в нем целых два великих бога.

Когда он их проглотил, я как раз подумал — а почему бы не объединиться и нашим народам? Пусть заларапамтранцы и бурагангцы живут вместе, в мире и согласии, и вместе оборосятся от врагов. Пусть поклоняются обоим богам — и Зумашматре, и Кашмангаи. А каменный зверь станет старшим в нашем пантеоне. Имя его мне неизвестно, но ведь бурагангцы, наверное, его как-нибудь да назвали. А если нет, давайте дадим ему имя. Ведь люди сами дают имена своим богам: так было и будет всегда.

«Всем богам, кроме Времени», — подумал Измаил. Бывало, люди придумывали имена богам времени, но само Время было пустым звуком. И еще он подумал о том неистовом старике с костяной ногой и полосой, пересекшей, как молния, сверху вниз его лицо и тело. Он вспомнил о старом Ахаве, чьей роковой погоней за белым зверем со сморщенным лбом и свернутой челюстью двигало нечто большее, чем желание расквитаться с бессловесным животным.

«Все видимые предметы — только картонные маски. Но в каждом явлении — в живых поступках, в открытых делах — проглядывают сквозь бессмысленную маску неведомые черты

какого-то разумного начала. И если ты должен разить, рази через эту маску!»

«Тем, что означал белый кит для Ахава, для меня стало время», — снова сказал он себе.

А шестидюймовым лезвием, разящим кита, чтобы достичь непомерных глубин его жизни, был человеческий разум, старающийся постигнуть природу времени и безвременья. Ему это не по силам. Это кончилось для него поражением, как был сокрушен и Ахав, дерзнувший задать мицрозданию свои вопросы. Все, на что человек способен, — как можно лучше приспособиться к жизни в одной клетке со Временем, самым могучим из всех зверей, чтобы потом уйти в безвременье, так ничего и не поняв и все еще задавая вопросы.

Он посмотрел вверх, на солнце, мучительно медленно ползущее по небу, — оно умирало, как обречено умереть все сущее. Он посмотрел на огромную луну, пролетавшую по темносинему небу, как брошенный камень. Она падала. Быть может, ее падение растянется еще на миллион лет, но однажды она наверняка столкнется с землей.

И что тогда? Тогда — конец человечеству. Конец и тому, что люди называли природой. Кончится то, что они окрестили временем. Конец известен — так стоит ли бороться дальше?

Нэймали, еще не прия в себя после его предложения объединиться с врагами, придинулась к нему поближе. Он обнял ее и привлек к себе, хотя ее народ и осуждал проявления близости при посторонних. Пунджаки в смущении отвернулся. Руевой смотрел в небо.

Ощущив нежность и теплоту ее тела, он почувствовал, что девушка любит его и хочет, чтобы у них были дети.

«Вот то, что заставляет человечество двигаться вперед, — сказал себе Измайл. — Сейчас это кажется невероятным, но, может быть, в один прекрасный день наши дети отыщут дорогу к новым солнцам, к молодым звездам. А когда-нибудь потом, когда яркая молодая звезда станет старой и потускнеет, они опять найдут новые. За прошедшие миллионы лет люди, как видно, этого не сделали. Но остался еще миллион лет, а если не миллион, то полмиллиона — ну пускай будет четверть миллиона, — все равно у людей есть еще время для победы над Временем».

Содержание

От издательства	5
Одиссея Грина, роман, перевод О. Степашкиной	7
Долгая тропа войны, роман, перевод А. Думеш	147
Небесные киты Измаила, роман, перевод Л. Шабада	265

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том восемнадцатый

Составитель *Д. Смушкович*

Редакторы *Д. Смушкович, Т. Ярославцева*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*

А. Хиршфельде, Т. Ярославцева

Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*

Оформление шмуктитулов: *В. Ковалев*

ЛР № 065224 от 17.06.97.

Подписано в печать 18.07.97. Формат 84×108¹/12.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 995.

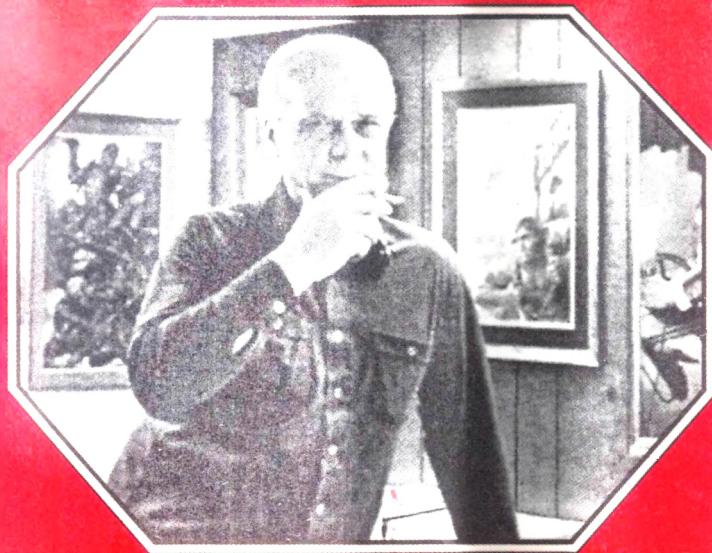
ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтamt а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

The image consists of a continuous, diagonal red watermark pattern. The text 'ФИЛИНА ФАРМЕР' is repeated in a staggered, overlapping fashion across the entire white background. The text is rotated approximately 45 degrees clockwise. The red color is a solid, medium-toned red.

Одиссея Грина

За два года пребывания на варварской планете Алан Грин смирился со своей **горькой** судьбой. Но когда появляется шанс к спасению, ему приходится преодолевать бескрайние просторы траянного моря... и бури женских слез.

Долгая тропа войны

Через сотни лет после опустошительной войны разделения на тысячи государств Америка погружена в варварство. И чтобы подордить свое might, Бенони Райдеру надо не только выйти на долгой тропе войны, но и раскрыть секрет древнего звездолета.

Небесные киты Измаила

Занесенному в далёкое будущее китобойцу с Некода Измаилу предстоит примирить два враждующих народа и победить Багряного Зверя, чтобы доказать свое право на жизнь и любовь.

